

МАРИЯ КИЧА

СТАМБУЛ

перекресток эпох,
религий и культур

Annotation

Стили и эпохи, традиции и судьбы, прошлое, настоящее и будущее затейливо и непредсказуемо переплетаются в этом городе, подобно узору на коврах его мечетей. Как и несколько веков назад, здесь пьют чай из стеклянных стаканчиков и жарят скумбрию на пристанях. В автомобильном потоке маневрируют торговцы, несущие на головах деревянные подносы с товаром. Люди смешиваются в пестрый и многоликий поток, растекающийся по улицам, как кровь по венам. Это – шумное дыхание Стамбула, его неровно бьющийся пульс, его рваный ритм и негасимый внутренний огонь – живой и жаркий. Если бы его камни могли говорить, они поведали бы сотни легенд о любви и ненависти, дружбе и предательстве, славе и позоре. В этом могучем суматошном городе, бурлящем, будто котел с чорбой – турецким супом, хочется наслаждаться каждой минутой, щуриться от босфорского ветра – и верить, что все дороги ведут... в Стамбул. Мария Кича – кандидат наук, преподаватель, автор книги «Мекка. Биография загадочного города». Владеет турецким, армянским, английским, итальянским, арабским и ивритом. Многие годы путешествует по Ближнему Востоку и соседним регионам, изучая местную историю и культуру. Неоднократно бывала в Турции, Египте, Марокко, Тунисе, Алжире, Ираке, Сирии, Ливане, Иордании, Палестине, Израиле, ОАЭ, Бахрейне, Катаре, Омане, Азербайджане и Иране. Ведет паблик о культуре и истории Ближнего Востока «Первый ближневосточный», на который подписано более 35 000 человек. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

-
- [Мария Кича](#)

-
- [Введение](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Библиография](#)

-
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
-

Мария Кича

Стамбул: перекресток эпох, религий и культур

Моим родителям

Существуют места, где история неизбежна, как дорожное происшествие, - места, чья география вызывает историю к жизни. Таков Стамбул, он же Константинополь, он же Византия.

Иосиф Бродский «Путешествие в Стамбул»

Мне кажется, другие города могут быть смертны, но этот город будет стоять до тех пор, пока люди живы на земле.

Пьер Жиль «Древности Константинополя»

Ах, Стамбул! Из всех способных заморозить меня имен это остается самым волшебным.

Пьер Лоти

Если кому-либо суждено взглянуть на мир лишь раз, ему следует обратить взор на Стамбул.

Альфонс де Ламартин

*Тысячью рук я касаюсь тебя и
любимого Стамбула. Тысячью глаз я
смотрю на тебя и любимый Стамбул.*

Назым Хикмет

© Кича Мария Вячеславовна, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение

Стам-бул. Два слога, подобные удару колокола.

Подобные удару набата.

Подобные удару сердца.

О дивном городе на берегах Босфора рассказывали «отец истории» Геродот и «отец географии» Страбон. Ему посвящали стихи, песни и легенды. Ради него жертвовали кровью и жизнью. Подобно магниту, он испокон веков притягивает людей и деньги.

Византий-Константинополь-Стамбул упоминается в греческих мифах, римских документах, арабских летописях, персидских сочинениях, византийских хрониках, скандинавских сагах и франкских манускриптах. Греки именовали его Бизантионом, Константинией, Константинополисом (городом Константина) и Василевуса полисом (городом василевса); римляне – Новым Римом и Вторым Римом; армяне – Мец полисом (Большим городом); евреи – Куштой и Куштандиной; славяне – Царьградом. У купцов и путешественников из Южной и Восточной Азии имелись собственные топонимы для обозначения Стамбула – так, у китайцев их насчитывалось около десятка. Арабы использовали названия «Истинполин» и «Румийат аль-Кубра» («Великий город римлян»); персы – «Тахт-е Ром» («Трон римлян»); турки – «Станполи» и «Истанбул». Среди официальных османских наименований Стамбула были «Центр халифата» («Дарюльхилафе») и «Столица» («Пайитхат»); среди поэтических – «Обитель государства» («Дер-я Девлет») и «Обитель счастья» («Дер-я Саадет»).

Стамбул - не просто точка на карте. Это неотъемлемая часть материальной и духовной культуры человечества. Сегодня православные христиане всего мира произносят молитвы, созданные на берегах Босфора. Описывая осаду Минас-Тирита в культовом романе «Властелин колец», Джон Толкин вдохновлялся средневековыми преданиями об осадах Константинополя арабами и турками. Из османской столицы в Европу попали вишня, кофе, тюльпаны, рахат-лукум, щербет, шаурма, пахлава, кушетки-оттоманки, кальяны и туфли с загнутыми носами. Экзотические товары на протяжении веков поставляли на Запад из Стамбула - даже в XVII веке, когда диковинную для европейцев индейку начали привозить из Северной Америки, англичане по привычке приняли ее за турецкий продукт. Жители Британских островов окрестили птицу «turkey»; такое же название имеет в английском языке сама Турция.

Вследствие уникального географического положения Стамбул играл роль посредника между Западом и Востоком, включая Индию, Китай, арабский мир и Персию. Это прослеживается благодаря этимологии заимствованных слов: так, слово «нефть» происходит от турецкого «neft», которое образовано от персидского «нафт» (نفت). Название лимонада «тархун» содержит отсылку к турецкому «targun» и, соответственно, арабскому «тархун» (طرخون) - наименованию эстрагона (растения, из которого делают напиток), и т. д.

Современный Стамбул - это живая история. Если облик Рима или Парижа сохранился в архитектурных памятниках и достопримечательностях, то город на берегах Босфора не превратился в пресловутый «музей под открытым небом», где интерес вызывают разве что обломки византийской и османской цивилизаций.

Напротив - в Стамбуле артефакты прошлого функциональны. Они не служат декорациями для современной жизни, создавая иллюзию ее величия и значимости. От каждого здания, от каждой улицы и каждого камня вглубь истории тянутся невидимые нити, связывающие эпохи, религии, континенты и людей. Запад перенял у Востока не меньше, чем Восток у Запада (глава 16 «Мудрость веков» и глава 9 «Между Европой и Азией» соответственно) - несмотря на принципиальные различия, они немыслимы друг без друга. Стамбул неоднократно отуречивался и вестернизировался, и за его многогранностью и многоликостью стоят величайшие предки - Римская империя, Арабский халифат^[1] и, конечно, Византия.

Знаменитый турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Орхан Памук, проживший на берегах Босфора более полувека, передает в книге «Стамбул. Город воспоминаний» ощущение отчужденности, привычное всем стамбульцам. По словам Памука, в этом городе, застывшем между традиционной и западной культурами, постоянно открытом для переселенцев и разделенном на общины и землячества, за последние 150 лет никто не чувствовал себя «вполне дома».

Невозможно узнать, понять и полюбить Стамбул, не узнав, не поняв и не полюбив Константинополь. Для славян византийская столица являлась политическим и духовным центром мира (глава 11 «Русский Стамбул»). Длительное противостояние Оттоманской Порты и Восточной Римской империи закончилось гибелью последней. Но победители позаимствовали у побежденных гораздо больше, чем можно подумать: придворный церемониал (глава 3 «Величие Османов»), приметы и суеверия (глава 12 «Страхи бесстрашных»), правила организации жилого пространства (глава 17

«Город женщин») и кулинарные традиции (глава 19 «Гастрономическая карта города»).

Османы не растратили богатейшее наследие Восточной Римской империи. Собор Святой Софии – главный храм православного мира – был переделан в мечеть (глава 5 «Город тысячи мечетей»). Из руин крепостных стен Константинополя выросла султанская тюрьма Едикуле (глава 8 «Стены и крепости»). Городской рынок разросся до гигантских размеров Гранд-базара (глава 18 «Сердце Стамбула»). Захватив византийскую столицу в мае 1453 года, османы получили все ее проблемы: пестрый национальный и религиозный состав жителей (глава 10 «Плавильный котел»); бунты янычар – фактически преторианской гвардии (глава 13 «Рабы султана»); эпидемии, пожары и землетрясения (глава 14 «Обратная сторона величия»); криминогенную ситуацию (глава 15 «Культурные особенности и смертельные удовольствия»), а также многое другое.

В современном Стамбуле определенно присутствует *genius loci* – тот самый гений места, которого почитали древние римляне. Город на берегах Босфора, где сходятся нити между Европой и Азией, уже не раз становился неотъемлемой частью человеческих судеб. Он крепко и причудливо сплетал разнообразные идеологии, стили и концепции. Чем дольше вы размышляете об этом, тем больше обнаруживаете взаимосвязей и взаимозависимостей, без которых Запад не был бы Западом, а Восток – Востоком.

Столица четырех империй (Римской, Византийской, Латинской и Османской); резиденция 10 цезарей, 82 василевсов и 30 султанов; один из самых древних городов мира, раскинувшийся на обоих берегах Босфора, на пути из Черного моря в Мраморное и далее – в Средиземное, – Стамбул оглушает, покоряет, влюбляет в себя и не отпускает.

Как его только не называют: город души, город-история, город-легенда, город контрастов, город двух континентов, город тысячи мечетей, ворота Ближнего Востока, последний мегаполис Европы и первый мегаполис Азии. Праздничный и печальный, шумный и уютный, динамичный и величественный – Стамбул, в отличие от иных городов, сумел сохранить себя. Древняя Ангора (Анкара) превратилась в административный центр. Афины зарабатывают на своей античной истории, к коей их нынешние жители не имеют никакого отношения. Багдад – волшебная восточная столица из сказок «Тысячи и одной ночи» – утратил очарование и загадочность. Москва уже давно не боярская и купеческая; Чикаго – не джазовый и гангстерский; Лондон, Вена и Париж лишились былого имперского великолепия.

Пока одни города тускнели, а другие – умирали, Стамбул торговал и сражался, горел и восставал из пепла. Он пережил древних греков, римлян, византийцев и османов; выстоял под градом персидских и арабских стрел, под мечами крестоносцев и артиллерийскими залпами Антанты; возродился после всех войн, мятежей и стихийных бедствий. Он никогда не принадлежал только василевсу или только султану. Образ города веками составляли торговцы, разбойники, банкиры, мусорщики, литераторы, паши^[2], водоносы, янычары, художники, рыбаки и проститутки. Орхан Памук спрашивает: «В чем тайна Стамбула?» – и отвечает: «У города нет иного центра, кроме нас самих».

Для понимания книги следует обратить внимание на административно-территориальное устройство Стамбула. Он делится на 39 ильче – крупных исторических районов. Это Авджылар, Адалар, Арнавуткёй, Аташехир, Багджылар, Байрампаша,

Бакыркёй, Бахчелиэвлер, Башакшехир, Бейкоз, Бейликдюзю, Бейоглу, Бешикташ, Бюйюкчекмедже, Газиосманпаша, Гюнгёрен^[3], Зейтинбурну, Кадыкёй, Картал, Кючюкчекмедже, Кягытхане, Малтепе, Пендик, Санджактепе, Сарьер, Силиври, Султанбейли, Султангази, Тузла, Умрание, Ускюдар, Фатих, Чаталджа, Чекмекёй, Шиле, Шишли, Эйюп, Эсенлер, Эсеньюрт.

Ильче состоят из семтов – небольших районов или кварталов, а семты – из махалле. Махалле представляет собой 10–15 улиц с центром в виде мечети, церкви или синагоги (в зависимости от этнического и религиозного состава населения). Махалле – первая административно-территориальная единица Стамбула; средневековый город делился только на них. В старейших махалле до сих пор отсутствуют номера домов. Их исторические названия образованы от имени донатора местного хаммама или мечети – либо от имени жившего здесь человека. Так, махалле Зейрек напоминает о Зейреке Мехмеде-эфенди – первом преподавателе в медресе при местной мечети.

Семт получал название по некой постройке, которая находилась на его территории и служила ориентиром. Это могли быть городские ворота, фонтан, площадь, рынок либо что-то еще. Например, Кумкапы переводится как «песчаные ворота», Йеникапы – как «новые ворота», Топхане – как «пушечный двор», Чаршамба – как «базар по средам». Конечно, есть исключения. Так, топоним «Нишанташи» (тур. nişantaşı – прицельный камень) обозначает уважаемый семт на границе ильче Шишли и Бешикташ. В XVIII веке здесь был организован тир: в землю вкопали камни, на которые ставили глиняные кувшины. Султаны любили стрелять по этим кувшинам из луков (в 1798 году Селим III даже установил рекорд – пущенная им стрела пролетела 889 м).

На туристических картах указывают названия семтов; они более известны, чем многочисленные махалле. Иногда территории семтов и махалле совпадают - например, Баязид и Султанахмет являются одновременно и семтами, и махалле. В общем, административное деление Стамбула - сложная и запутанная тема, которой не до конца владеют даже местные жители.

Древний город вдохновляет и очаровывает - и каждый год тысячи людей оставляют здесь свое сердце. Возникнув в VII веке до н. э. как маленькая греческая деревня, Стамбул превратился в огромный мегаполис с населением более 15 млн человек, чья площадь в 2 раза превышает площадь Москвы, - в мегаполис, где многие 10-летние дети, живущие в отдаленных районах, никогда не видели Босфор. Формально утратив статус турецкой столицы в 1923 году, Стамбул фактически остался ей. Будучи крупным финансовым, политическим, туристическим и культурным центром, этот город на протяжении веков смешивает взаимоисключающее, сочетает несочетаемое - и одним своим существованием напоминает людям об их ничтожности и величии. Ибо история нужна не только для того, чтобы хорошо знать прошлое, лучше понимать настоящее и прогнозировать будущее. Главное предназначение истории - рассказать нам о нас самих. О том, кто мы. Откуда мы. И куда идем.

Глава 1

Прогулки по Бейоглу

Самый дальний Восток – уже Запад.

Ричард Тренч

Вам знакомо это чувство, когда вырываешься на свободу из пыльной, душной комнаты? Солнце светит в глаза, ветер дует в лицо, морская синева на горизонте сливается с небом. На противоположном берегу в голубоватой дымке возвышается Галатская башня. Вот он, один из классических видов Стамбула, который открывается с причала Эминёню на Галату.

Галата – один из старейших районов Стамбула. Он простирается от Галатского моста до площади Таксим. История Галаты неразрывно связана с последними трагическими годами существования Византийской империи. Изначально этот район был генуэзской колонией, основанной на северном берегу Золотого Рога^[4] в 1267 году – напротив крепостных стен Константинополя. Главную постройку Галаты – знаменитую башню – генуэзцы возвели в 1348 году для контроля над Босфором и назвали башней Христа (это наименование встречается на старых планах города). Сооружение башни было призвано увековечить факт расширения генуэзских колоний Константинополя.

5 ФАКТОВ О СТАМБУЛЕ:

1. Стамбул – самый густонаселенный город Европы.
2. В Стамбуле проживает около 20 % населения Турции.

3. По числу ежегодно регистрируемых браков Стамбул занимает второе место в мире после Лас-Вегаса.

4. Стамбульский океанариум - самый большой в Европе.

5. Под Босфором проходит самый глубоководный в мире подземный тоннель для поездов - «Мармарай».

Венецианские и генуэзские купцы появились на берегах Эгейского и Черного морей в XII веке. На тот момент Византия противостояла исламу, спасая раздираемую междоусобными войнами Европу. Западная Римская империя пала еще в 476 году, но Восточная устояла - будучи менее уязвимой, она обладала прочной социально-экономической структурой. Однако, помимо политических и материальных факторов, существует понятие исторической миссии - и пока эта миссия не была выполнена, Византия упорно возрождалась из пепла.

Византия обеспечила непрерывную связь между античностью и современностью. Она защищала восточные рубежи Европы от натиска мусульман: сперва от арабов, а затем от османов. Но Крестовые походы приносили европейским интересам на Востоке только вред. Генуя поддержала Четвертый крестовый поход (1202-1204), и рыцари захватили Восточную Римскую империю. Константинополь пал 13 апреля 1204 года. Крестоносцы разграбили город, и Византия временно перестала существовать. Христианской державе был нанесен роковой удар, от которого она не смогла оправиться. Место Византии на полвека заняла Латинская империя со столицей в Константинополе. Новое государство возглавил венецианский дож Энрико Дандоло.

После образования Латинской империи Генуя приобрела Крит и Лесбос. Вскоре генуэзцы поняли, что венецианцы, их вечные соперники, получили гораздо больше влияния в Мраморноморском регионе. Поэтому Генуя приняла сторону Никейского царства^[5], чьи правители считали себя преемниками византийских императоров. К 1261 году никейцы с помощью генуэзцев, болгар и греков разгромили Латинскую империю и отвоевали Константинополь. В знак благодарности Генуя получила право сбора пошлин за проход судов через Босфор. Для этого и была основана колония Галата.

Византия так и не возродилась. В XIV веке она представляла собой бледную тень прежней великой державы. Страна была разорена бесконечными войнами, чумой и неграмотной политикой своих правителей. Население Константинополя сократилось в 10 раз (с полумиллиона до 50 тыс. человек). Обнищавшая империя не могла даже отнять у крошечной генуэзской колонии доходы от босфорских пошлин: вооруженная стычка закончилась позорным уничтожением остатков византийского флота. Готовясь к войне с Константинополем, генуэзцы построили крепость, частью которой стала Галатская башня. А тем временем за Босфором уже стояли османы...

29 мая 1453 года войска султана Мехмеда II взяли Константинополь и Галату. Захватчики не разрушили крепость и установили с Генуей консульские отношения. Став частью османского Стамбула, Галата превратилась в многонациональный торговый район. Здесь селились армяне, арабы, итальянцы и евреи (поэтому тут находятся единственный в Турции Еврейский музей и самая большая в стране синагога). Жители Галаты отныне считали себя стамбульцами – когда в 1461 году Лесбос попал в руки турок, генуэзцы

из Галаты приняли участие во всеобщем ликовании, организовав праздничный фейерверк.

Это соответствовало неповторимой атмосфере великого города. По словам французского тюрколога Робера Мантрана, Стамбул был воплощением империи благодаря своему космополитизму. Галата не являлась исключением. Ее обитатели жадно и радостно участвовали в жизни столицы – тем более что из Галаты, окруженной водами Босфора и Золотого Рога, в город можно было попасть по Галатскому мосту.

Постепенно бывшая генуэзская колония стала центром европейской части Стамбула и до 1920-х годов называлась Пера, потом – Бейоглу. Пера по-гречески означает «по ту сторону»; Бейоглу переводится с турецкого как «сын господина» (дословно «сын бея») – по легенде, на рубеже XI–XII веков здесь жил сын византийского императора Иоанна II Комнина. Есть версия, что наименование ильче образовано от слова «байло» (итал. bailo) – должности венецианского посла в Стамбуле; его дворец был самым роскошным зданием Бейоглу. Процесс архитектурных заимствований оказался обоюдным: в XIII веке в Венеции на Гранд-канале завершилось строительство палаццо Фонако деи Турки, выполненного в византийском стиле, характерном для тогдашнего Константинополя.

С 1850-х годов в Перу стали переселяться богатые ростовщики, банкиры и коммерсанты. Они активно занимались благоустройством района и придали ему современный облик. Под их покровительством ремонтировались дороги, учреждались патрули, следящие за порядком, открывались и реформировались престижные учебные заведения. Так, в 1863 году был основан Роберт-колледж (ныне Босфорский университет). Спустя 3 года реорганизации подверглось старейшее учебное заведение Турции – лицей Галатасарай в Пере; он был преобразован в

соответствии с французскими стандартами. Благодаря состоятельным и неравнодушным горожанам через кварталы Бейоглу – с площади Таксим по центральной улице Истикляль – до сих пор ходит ретро-трамвай, знаменитый и трогательный символ старого Стамбула. Стамбульцы любовно называют его «ностальжик» («nostaljik tramway»). Трамвайная линия была проложена в 1871 году и стала одной из первых в Европе. Маленькие красные кабинки зазвенели на берегах Босфора раньше, чем на берегах Темзы.

История Перы неразрывно связана с историей не только городского, но и международного транспорта. В 1892 году для пассажиров «Восточного экспресса», следующего по маршруту Париж – Стамбул, в Бейоглу открыли отель «Pera Palace». Здесь бывали Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Сара Бернар, Альфред Хичкок и другие знаменитости. Эрнест Хемингуэй упомянул «Pera Palace» в рассказе «Снега Килиманджаро»: герой идет в один из дансингов Бейоглу, дерется с английским артиллеристом из-за местной армянки, катается с ней на такси вдоль Босфора и на рассвете возвращается в «Pera Palace». Одним из известнейших гостей отеля стала Агата Кристи – в номере 411 она написала роман «Убийство в “Восточном экспрессе”». Жить в «Pera Palace» любили не только литераторы и кинозвезды, но также монархи и политики: Николай II, Георг V, Франц Иосиф I, Уинстон Черчилль, Лев Троцкий. В холле до сих пор висят старомодные часы, по которым сверяли время европейцы и американцы, прибывшие в Стамбул на «Восточном экспрессе».

Не обошел «Pera Palace» своим вниманием и Мустафа Кемаль Ататюрк. В номере 101, где жил «отец турок», фактически создавалась Турецкая Республика. Владелец отеля, ярый поклонник Гази^[6], купил личные вещи вождя у его телохранителя Ридвана Гюрари и

сделал из номера небольшой музей. Теперь все желающие могут увидеть пижаму, шляпу и очки Ататюрка, его кофейную чашку, вилку, коробку с зубным порошком – всего 32 предмета. Самым загадочным и зловещим экспонатом считается шелковый гобелен, который в 1929 году подарил Мустафе Кемалю индийский махараджа. На гобелене вышиты часы, показывающие время 9:07. 10 ноября 1938 года Ататюрк умер во дворце Долмабахче на берегу Босфора. Его сердце остановилось в 9:05, спустя еще 2 минуты умер мозг. С тех пор гобелен называют пророческим.

Эта история вписывается в общую атмосферу старины и мистицизма, которой окутывал постояльцев легендарный «Pera Palace». В его номерах и коридорах всегда вершилась политика. После крушения Османской империи и до начала Второй мировой войны отель представлял собой один из центров международного шпионажа. Шпионов было много, и их нужды оплачивались разведками всего мира настолько нерегулярно, что управляющий «Pera Palace» повесил над гостиничной стойкой объявление с адресованной шпионам просьбой уступить кресла в холле постояльцам, исправно платящим по счетам.

В наши дни «Pera Palace» носит звание не только самого знаменитого, но и самого старого действующего отеля Стамбула. Он принимает гостей более 125 лет. Его именитым собратьям не повезло. «Grand London» разорился. В здании гостиницы «Bristol» находится банк. «Tokatliyan» (где Агата Кристи поселила Эркюля Пуаро перед убийством в «Восточном экспрессе») долго нуждался в реставрации – в итоге владелец продал номерной фонд разным магазинам. Но «Pera Palace» избежал столь трагической участи. Тяжелые бархатные портьеры, мраморные столешницы, мебель в викторианском стиле – отель не изменился. Сегодня,

как и в XIX веке, его роскошные номера по карману весьма немногим.

Бейоглу – самый веселый ильче Стамбула, сродни лондонскому Сохо и парижскому Пигаль. Турецкий прозаик Саит Фаик Абасыянык (1906–1954) писал про него: «Это особенный квартал, где живут турки, русские, армяне, несториане, арабы, цыгане, французы, левантинцы^[7], хорваты, сербы, болгары, персы, афганцы, китайцы, татары, евреи, итальянцы и мальтийцы». В 1716–1717 годах в Пере жил посол Великобритании сэр Эдвард Монтегю с женой. Мэри Монтегю отправляла друзьям подробные письма о жизни в Турции. Позже они были опубликованы в книге «Письма турецкого посольства» (или «Турецкие письма» – по аналогии с романом «Персидские письма» Шарля Луи Монтескье, французского философа XVIII века). Передавая интернациональный характер Перы, супруга дипломата сравнивает ее с Вавилонской башней. «Мои конюхи – арабы; лакеи – французы, англичане и немцы; кормилица – армянка; управляющий – итальянец; а янычары – турки», – сообщает леди Мэри.

В конце XV века сюда бежали от Реконквисты евреи и арабы. К XIX веку Бейоглу полностью утратил неповторимый колорит старой Турции – сегодня он навевает воспоминания об уютных кварталах Парижа, Лиона и Марселя. Западный дух Бейоглу тонко подметил Орхан Памук. Герой его романа «Мои странные мысли», продавец бозы (традиционного османского напитка), обходит Галату стороной, потому что здесь у него ничего не покупают. Имперский романтизм Стамбула, подобно кислому запаху бозы, совершенно выветрился из этой части города. Впрочем, еще в XVIII веке местные жители утверждали, что нельзя выйти на прогулку по Пере без белых перчаток и кружевного зонтика. Османские серебряные монеты

здесь называли пиастрами – на европейский манер. Английский поэт Джордж Байрон, впечатленный Перой, окрестил Стамбул «европейцем с азиатскими берегами». Французский врач Шарль Деваль противопоставляет «блестящую и живую» Перу «обычной скуке» мусульманских кварталов.

В первой половине XX века район заполнили русские белоэмигранты, а после Второй мировой войны – румыны и сирийцы. В одном из неприметных домиков старой Галаты – неподалеку от модных магазинов и казино – осенью 1855 года умер от холеры великий польский поэт Адам Мицкевич. Сегодня, как и 160 лет назад, тусклые желтые фонари в этой части города не могут рассеять непроглядный мрак стамбульской ночи. Писатель-сатирик Аркадий Аверченко открыл в Пере ресторан «Гнездо перелетных птиц», который посещали эмигранты, сумевшие вывезти из России ценные вещи и валюту. Среди прочих развлечений Бейоглу числились салон хиромантии, кафешантан «Конкордия» с третьесортными певицами со всей Европы (они боялись только переезда в Порт-Саид, бывший в их понимании окраиной цивилизации) и тараканьи бега. Одного таракана звали Янычар – как и его соплеменника в пьесе Михаила Булгакова «Бег».

О многоликости Бейоглу свидетельствуют даже вывески. Месопотамский культурный центр, где показывают курдские фильмы. Ресторан «Rejans», предлагающий гостям огненный борщ и лимонную водку. Кофейня «Andon Cafe Bar» с 55 сортами кофе. Бар на крыше ресторана «Nu Teras» с танцполом на высоте 7-го этажа и прозрачным полом. Еще одна зарисовка, характеризующая Бейоглу, – ранним утром в Рамадан пьяные, шатаясь, ходят по улицам вместе с барабанщиками. Барабанщики будят правоверных, дабы те успели позавтракать и покурить перед началом дневного поста. Словом, Бейоглу живет настолько

вольной жизнью, что турецкие консерваторы регулярно предлагают сровнять с землей этот «рассажник разврата».

Публичные дома (генелев) в Турции легальны. Стамбульским «кварталом красных фонарей» считаются семты Бейоглу – Зурафа, Бекар и Замбак в квартале Галатасарай; местные бордели работают еще со времен султана Абдул-Хамида I. Известнейший притон находился прямо под Галатской башней – в память о первых ценах он назывался «İkibu uk genelev» («Бордель за две лиры»). Его хозяйка Матильда Манукян, самая богатая женщина Турции, являлась добросовестным налогоплательщиком. Суммы, выплачиваемые мадам Матильдой в государственную казну, впечатляли – так, в 1994 году они составили более 10 млн долларов; в казну Стамбула поступило 1,2 млн.

Манукян называли «королевой борделей». Предприимчивая женщина открыла по всей стране сеть публичных домов, приносивших огромные доходы. Только бордели в Бейоглу ежегодно зарабатывали для своей хозяйки около 4 млн долларов. Помимо этого, она владела 37 торговыми центрами, гостиницами в Анталье и Аланье, заводами по производству пластиковых изделий, текстильной фабрикой и островом в Мраморном море. Все имущество оценивалось экспертами в несколько сотен миллионов долларов.

Матильда Манукян построила свою бизнес-империю на основе неукоснительного соблюдения законов. В 1994 году она в шестой раз получила «Золотую плакетку» – памятную медаль от правительства Турции. «Королева публичных домов» занималась благотворительностью – например, в 1995 году перечислила 36 тыс. долларов на ремонт Стамбульского неврологического диспансера. Кроме того, мадам Матильда принимала деятельное участие в жизни

армянской общины Стамбула и являлась ее главным спонсором.

Несмотря на уважение к закону и активную гражданскую позицию, у Матильды Манукян имелось немало врагов и недоброжелателей. Однажды на официальном обеде турецкий премьер-министр Тансу Чиллер отказалась сидеть рядом с «королевой борделей». В атмосфере назревавшего скандала Манукян осталась невозмутимой и после заявила журналистам: «Я видела много премьер-министров. Премьер-министры в Турции меняются очень часто, а мадам Манукян одна».

Социалисты не любили ее за богатство, консерваторы и исламисты – за аморальность, националисты – за то, что она была армянкой. Осенью 1995 года на 80-летнюю Манукян совершили покушение – в ее автомобиле взорвалась бомба. Водитель и охранник погибли, мадам Матильда лишилась ноги. Оправившись от ран, эта удивительная женщина прожила еще 6 лет, до последнего вздоха управляя своей бизнес-империей, которую унаследовали ее дети и внуки. Такова вкратце история Матильды Манукян – одного из ярких персонажей старого Стамбула и его самого злачного района, Бейоглу.

Манукян была не единственным живым символом Бейоглу. Стамбульцы хорошо помнят аккордеонистку Анаит Варан (1917–2003), или мадам Анаит. Более 40 лет она исполняла в ресторанах Бейоглу танго, армянские, греческие и турецкие мелодии. Веселая и артистичная мадам Анаит олицетворяла собой космополитизм великого города, его удивительную способность преодолевать любые трудности и радоваться каждой минуте.

Фотоателье играли в Бейоглу не менее важную роль, чем питейные заведения и публичные дома. Расцвет фотоискусства на берегах Босфора пришелся

на вторую половину XIX века – в 1857 году стамбулец Паскаль Себах открыл первую в городе студию «Foto Sébah». Она располагалась на главной улице Бейоглу – Гран-Рю-де-Пера, в доме № 439. Дело Себаха унаследовал его сын Жан Паскаль, который взял в партнеры художника Поликарпа Жоалье. Фирма «Foto Sébah» (а затем «Sébah & Joaillier») стала культурным брендом поздней Османской империи. У семьи Себах были конкуренты: грек Базиль Каргопуло (студия «B. Kargoroulo», дом № 447), швед Гийом Берггрен (салон «Little Sweden», дом № 414) и армянин Богос Таркулян (ателье «Photographie Phébus», дом № 359). В Бейоглу работали и другие мастера: Николай Андреоменос, братья Гюльмез, братья Абдулла (Абдуллаяны) и первая в Турции женщина-фотограф – Мариам Шагинян. Благодаря их таланту мы знаем, как выглядел старый Стамбул и его жители – от дервишей до падишахов.

Каждый фотограф имел свою специализацию. Каргопуло снимал панорамы Стамбула и Босфора, сцены уличной жизни и интерьер султанских дворцов. Себах-старший фотографировал представителей разных религий и национальностей. Берггрен и Андреоменос работали с памятниками архитектуры. Таркулян прославился как портретист. Братья Гюльмез и братья Абдулла занимались портретной и панорамной фотографией. Шагинян любила эксперименты – в студии «Foto Galatasaray» в Бейоглу она снимала не только счастливых молодоженов, прелестных младенцев и длинноволосых красавиц, но также трансгендеров и членов незаконных организаций.

Районы и кварталы Бейоглу – Таксим, Каракёй, Топхане, Асмалы и др. – заметно отличаются друг от друга. Особенно хорош Джихангир, названный в память об умершем шехзаде (принце) Джихангире – сыне султана Сулеймана I. Это очаровательный семт с европейской архитектурой, тихий и зеленый. На его

каменных лестницах, ведущих к Босфору, можно сидеть часами: пить вино, есть мороженое и смотреть, как город дышит и мерцает, словно крупная волшебная рыба; как он зажигает огни в сгущающихся восточных сумерках; как с наступлением ночи над черной водой, не разделимой с таким же черным небом, вспыхивают горы щедро разбросанного золота – это стамбульцы включают свет в своих домах.

В Джихангире вырос турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Орхан Памук. Из окон его квартиры было видно Босфор, Девичью башню, берега Ускюдара и Фындыклы. «Все это я мог рисовать, даже не выходя из дома, – вспоминает Памук. – При этом я ни на минуту не забывал, что рисую не что-нибудь, а знаменитый на весь мир “вид Стамбула”».

Виды Стамбула всегда изумляли европейцев. Французский поэт и прозаик Жерар де Нерваль не стал исключением. В 1843 году, тяжело переживая смерть возлюбленной, Нерваль отправился в путешествие по маршруту Каир – Александрия – Сирия – Кипр – Родос – Измир – Стамбул. Вернувшись в Париж, он написал книгу «Путешествие на Восток» и посвятил целую главу городу на берегах Босфора. Одним из наиболее ярких впечатлений Нерваля стали прогулки по Пере. Он с удовольствием отмечает царящие тут радостное оживление и непреходящее праздничное настроение.

Через 35 лет после Нерваля Стамбул посетил итальянский публицист Эдмондо де Амичис. По итогам поездки он издал работу «Константинополь», где назвал Перу центром франтовства и удовольствий. Читая «Путешествие на Восток» и «Константинополь», можно понять, что с XIX века в Пере изменилось лишь название самого ильче и некоторых улиц – так, Гран-Рю-де-Пера после провозглашения республики переименовали в Истикляль (улицу Независимости). Все остальное – «блестящие магазины бижутерии, белья,

кондитерские, французские и английские отели, читальные залы» Нерваля и «изящные кафе, театры, консульства, клубы, посольские дворцы» Амичиса – по-прежнему на своих местах.

Пера всегда представляла собой чуть ли не отдельную республику. Турецкий историк Мурат Гюль подробно описывает вестернизацию Галаты, достигшую расцвета в XIX веке, и называет ее шестым округом – согласно нумерации, принятой в османской столице.

Вестернизация османской Галаты имела глубокие исторические корни, идущие еще из византийской эпохи. Официально в Константинополе не существовало органов местного самоуправления. Все дела столицы находились в ведении епарха (мэра), который подчинялся лично василевсу (византийскому императору) и назначался из числа его приближенных. Сохранившийся свод правил («Книга епарха») свидетельствует о жесткой регламентации всех сфер общественной жизни Константинополя – начиная с торговли шелком и заканчивая организацией и проведением торжественных процессий.

Суровые правила, установленные епархом, не распространялись только на иностранцев, которые имели особый статус. Представители купеческих корпораций Западной Европы (в первую очередь – венецианцы) не соблюдали византийские законы, не подвергались общепринятым санкциям и держали представителей при дворе василевса. Рядовые же константинопольцы не могли даже прислать к василевсу народных трибунов, как в Древнем Риме, – но данный пробел компенсировался наличием у них права на восстание. Это право не было зафиксировано письменно, однако горожане активно им пользовались. Они устраивали погромы, добивались увольнения ненавистных чиновников и свержали императоров.

Самоуправление османской Галаты было беспрецедентным для Высокой Порты. Власть делили между собой мюдюр (глава муниципалитета) и меджлис (муниципальный совет). Первым мюдюром стал начальник протокола министерства иностранных дел, кавалер ордена Почетного легиона Камиль Бей. Он посетил множество европейских городов и руководил организацией Османского павильона на Всемирной выставке в Париже (1856). Чиновник славился колоссальным трудолюбием и богатым административным опытом. Эти качества делали Камилля Бея идеальным кандидатом на должность главы муниципалитета шестого округа, а затем позволили ему стать настоящей легендой старого Стамбула.

Меджлис состоял из 7 человек: 2 греков, 1 армянина и 2 мусульман. Члены меджлиса избирались населением Перы из числа лиц, владеющих здесь недвижимостью и живущих в Стамбуле не менее 10 лет. В разные годы в муниципальный совет шестого округа входили известный орнитолог Амеде Аллеон, крупный коммерсант и филантроп Теодор Наум (в 1840-х годах он подарил городу оперный театр), а также знаменитый банкир и меценат по прозвищу «Ротшильд Востока» – Абрахам Камондо.

В 1860 году Камондо построил в Бейоглу мраморную лестницу гексагональной (шестиугольной) формы, с которой нельзя скатиться в случае падения. Лестница соединяла улицу Войвода с улицей Банкалар. На первой находилась элитная школа, где учились дети и внуки финансиста. На второй – банк, где работали старшие члены семейства Камондо. Европейцы узнали о необычной лестнице только в 1960-х годах – ее обессмертил в своих работах выдающийся французский фотограф Анри Картье-Брессон.^[8]

Мюдюрю и меджлису помогали 4 иностранных консультанта. Их кандидатуры выдвигались муниципальными властями и утверждались Диваном – кабинетом министров Османской империи. Муниципальные власти шестого округа обладали обширной компетенцией, включая строительство и ремонт зданий, управление рынками и организацию вооруженных отрядов, призванных обеспечивать правопорядок. У Перы имелось все необходимое для автономного существования – в том числе собственный бюджет, почта, суд и тюрьма.

Благодаря привилегированному статусу к 1868 году Пера представляла собой город-государство в самом сердце османской столицы. Западные путешественники сравнивали шестой округ с купеческими республиками Европы. Подобно их свободолюбивым гражданам, обитатели Галаты регулярно выражали султану свое недовольство. Гюль приводит интересный факт: в Пера размер взимаемых государством налогов был гораздо ниже, чем в других районах Стамбула. Некоторые сборы и вовсе отсутствовали – немусульмане, находившиеся под защитой европейских посольств, просто отказались их платить.

Несмотря на западное влияние, камни Галаты дышат османской историей. Так, название одного из первых районов Бейоглу – Чукурджума – напоминает, что в XV веке тут совершил пятничный намаз^[9] грозный завоеватель Константинополя, султан Мехмед II.^[10] В течение сотен лет на узких, мощенных брусчаткой улочках Чукурджумы идет торговля. Постепенно бывший квартал старьевщиков превратился в крупнейший блошинный рынок Стамбула, где продается все – от грошовых вещей до антиквариата. По лавкам Чукурджумы нетерпеливо рыскал Кемаль, герой «Музея

невинности» – еще одного романа Памука; здесь он воровал безделушки для своей возлюбленной.

История Бейоглу, как и история Стамбула в целом, пропитана насилием. Подтверждением тому – квартал Тарлабаши. Населенный изначально рабочими и старьевщиками, Тарлабаши разросся и стал частью Бейоглу. Но цены на жилье поднялись, бедняки уехали – и район облюбовали богатые евреи, ассирийцы, греки и армяне. Они открывали клубы, рестораны, ювелирные салоны – и быстро меняли облик старых исламских улиц. Герой романа Памука «Джевдет-бей и сыновья», хозяин скобяной лавки, неспроста жаловался, что в условиях подобной конкуренции мусульманам трудно заниматься торговлей.

Так продолжалось до 1942 года, пока турецкое правительство не обложило иудеев и христиан Бейоглу огромным налогом, который не могли заплатить даже преуспевающие коммерсанты. За неуплату налога немусульман отправили в трудовые лагеря Ашкале – за 1200 км от Стамбула. Потеряв своих веселых и деловых людей, процветающий Тарлабаши увял, как роза без воды. Квартал превратился в трущобы, заваленные мусором и населенные курдами, цыганами и выходцами из беднейших арабских стран. Они живут в полуразрушенных домах османского периода, торгуют наркотиками и промышляют кражами. Тарлабаши собираются снести, но пока известный криминальный район в центре Стамбула – в нескольких минутах ходьбы от площади Таксим – продолжает существовать.

Однако вернемся к главному зданию Бейоглу – Галатской башне. После падения Константинополя в 1453 году она служила маяком, пожарной каланчой, обсерваторией и тюрьмой, но преимущественно была просто символом города. В 1638 году инженер-изобретатель Хезарфен Ахмед Челеби перелетел с крыши башни на азиатский берег Босфора на

самодельных крыльях – за что получил прозвище «турецкий Икар» и вошел в историю как один из пионеров авиации.

Османский путешественник XVII века Эвлия Челеби повествует об этом выдающемся событии в «Книге путешествия». Сначала Хезарфен Ахмед тренировался в районе Окмейданы. Потом, когда султан Мурад IV смотрел из дворцового окна на Сарайбурну^[11], инженер слетел с верхушки Галатской башни и приземлился на площади Доганджилар в Ускюдаре. Потрясенный султан подарил Хезарфену Ахмеду мешок золотых монет, но позже счел его крайне опасным человеком, способным на что угодно, – и сослал в Алжир. Башня долгое время использовалась в качестве портового склада.

В 1960-х годах Галатскую башню оборудовали для туристов. Как и 700 лет назад она, будто гигантский карандаш, возвышается над спичечными коробками старых домиков Бейоглу. Сегодня на первом этаже башни продают сувениры, а на верхних этажах находятся ресторан и смотровая площадка, откуда открывается вид на Стамбул с высоты птичьего полета.

Глава 2

В небесах и под землей

Вчера я смотрел на тебя с холма, мой дорогой Стамбул.

Яхья Кемаль

Подобно любой уважающей себя столице, Стамбул лежит на семи холмах. Эти холмы есть на историческом полуострове – Суричи^[12]; на вершине одного из них был основан античный Византий. В византийскую и османскую эпохи на каждом холме находился грандиозный храм или монументальная мечеть. На первом холме возвышается мечеть Султанахмет, на его склонах расположились Айя-София и дворец Топкапы. Второй холм венчает мечеть Нуруосмание, за ней раскинулся Гранд-базар. На юге третьего холма стоит мечеть Баязид, на севере – Сулеймание. Четвертый холм украшает мечеть Фатих. Пятый – мечеть Селима I. Шестой – мечеть Михримах Султан, у подножия которой простираются районы Эдирнекапы и Айвансарай. Они настолько разрослись, что выходят за пределы старых крепостных стен Константинополя. Седьмой холм расположен между Аксараем и Мраморным морем – на нем стоят мечети Коджа Мустафа-паши и Джеррах-паши.

В Стамбуле много возвышенностей. Например, роца Михрабат на холме Канлыджа была излюбленным местом отдыха поэта Яхьи Кемалю. Холм Айдос высотой 537 м в районе Султанбейли называют «крышей Стамбула» – это самая высокая точка города. Холм Бюйюк Чамлыджа в Ускюдаре представляет собой самую высокую точку азиатской части мегаполиса;

в османскую эпоху там зажигали сигнальные огни, предупреждая столицу о надвигающейся опасности. Недалеко от Бюйюк Чамлыджи находится холм Кючюк Чамлыджа, где завершается строительство телебашни – также с обзорной площадкой для любования Босфором и Золотым Рогом. По легенде, однажды византийцы наполнили Халич драгоценностями, и вода в нем стала золотой. Сами стамбульцы утверждают, что залив обязан своим названием золотому оттенку на водной глади, когда заходит солнце.

Лучший вид на Халич открывается с холма Пьер Лоти в Эйюпе – самом религиозном районе Стамбула. Памук называет этот тихий семт в конце Золотого Рога воплощением образа замкнутого, живописного и мистического Востока. Пьер Лоти – литературный псевдоним французского морского офицера Жюльена Вио (1850–1923). Популярность ему принес роман «Азиаде» – о любви француза и турчанки. Другое произведение, «Госпожа Хризантема», легло в основу знаменитой оперы «Мадам Баттерфляй». Поселившись в Стамбуле, Вио стал носить феску и курить трубку, набитую смесью табака, опиума и толченого жемчуга. Летними вечерами он любил сидеть в кафе на вершине холма и смотреть, как между небом и водами Золотого Рога медленно догорает закат. Позже этот холм был назван в его честь.

На Пьер Лоти можно подняться по канатной дороге или пешком – маршрут идет через османское кладбище, среди кипарисов и мраморных надгробий XVIII–XIX веков. Французский поэт и прозаик Теофиль Готье (1811–1872) говорил, что на стамбульских кладбищах, в отличие от европейских, «смерть соседствует с жизнью так непринужденно, что ее перестаешь страшиться». По наблюдениям британской путешественницы XIX века Джулии Пардо, горожане не связывали смерть с мраком и ужасом. Впрочем, отдых возле некрополей

традиционен для Востока – каирцы, например, любят посещать парк Аль-Азхар с видом на знаменитый «город мертвых».

Каждое надгробие в Эйюпе несет важную информацию об усопшем. Верхняя часть стел над мужскими могилами имеет форму головного убора. Тюрбан свидетельствует о знатности и богатстве покойного. Феска – о его принадлежности к государственной службе. Кулох (конусообразная шапка) – о том, что в могиле лежит суфий. Кече (шапка со свисающим сзади куском ткани) обозначает место упокоения янычара. Женские надгробия украшены резными цветками – по числу детей усопшей. На обелисках незамужних девушек изображен барельеф в виде сломанной розы. Среди бескрайнего моря памятников зеленеют кипарисы, символизирующие бессмертие.

Таков не только некрополь в Эйюпе, но и прочие кладбища Стамбула. Крупнейшее из когда-либо существовавших на берегах Босфора – Великое царство мертвых в Пере, один из самых грандиозных некрополей мира. Он занимал более 40 га – это ориентировочно равно площади парижского Пер-Лашез.

Будучи интернациональным, Великое царство мертвых делилось на мусульманскую, еврейскую и христианскую части. Первые захоронения появились в 1560 году, когда в Стамбуле бушевала чума. Европейцы восторженно отзывались об этом величественном некрополе. По воспоминаниям Пардо, надгробия франков гравировали розами и маргаритками. Английские памятники содержали перечисления болезней, итальянские – надписи, выражавшие сожаление и отчаяние. На армянских надгробиях была высечена эмблема, обозначающая профессию усопшего. «Банкир представлен парой счетов, священник –

митрой, цирюльник – тазиком, хирург – ланцетом», – уточняет Амичис.

Великое царство мертвых в Пере олицетворяло османский мир – огромный и густо населенный разными людьми. Однако к середине XX века – в связи с необходимостью городской застройки – некрополь прекратил свое существование. На его территории разбивались скверы, прокладывались дороги и возводились дома. Немалая часть богемного Бейоглу – от района Тарабья до площади Таксим и затем вниз по Гюмюшсую и Фындыклы до дворца Долмабахче – буквально стоит на костях. Могилы раскопали, останки выбросили, мраморные надгробия использовали для строительства площади Эминёню.

Некоторые памятники Великого царства мертвых не были уничтожены – их перенесли на католическое кладбище возле станции метро «Османбей». Его стилистика исключительно европейская и христианская. На старинных надгробиях выгравированы сентиментальные латинские надписи, призывающие молиться за души усопших. В роскошных фамильных мавзолеях покоятся члены богатейших левантийских семей Стамбула – Корпи, Главани, Тубини и др.

Католическое кладбище соседствует с протестантским – оно раскинулось к западу от захоронений левантинцев и начинается за улицей Абиде Хюрриет. Протестантский некрополь делится на две половины: османскую и иностранную. Иностранная половина, в свою очередь, состоит из участков, предназначенных для англичан, американцев, французов, швейцарцев, голландцев, венгров, норвежцев и шведов. К османской части примыкает армянское кладбище, где также есть могилы греков, ассирийцев, арабов и турок, исповедовавших протестантизм.

Нельзя забывать и об исламских некрополях Стамбула. В число последних входит крупнейшее из нынешних городских кладбищ – Караджа Ахмед в Ускюдаре, названное в честь погребенного тут суфийского праведника. Старейшее уцелевшее захоронение датируется 1521 годом. По традиции, на Караджа Ахмед предавали земле мусульманских каллиграфов. Всего здесь обрели покой более миллиона человек, а также любимый конь султана Мурада I – внука легендарного Османа Гази, родоначальника Османской династии. На могилу коня до сих пор сыплют просо, которым его кормили при жизни.

История Стамбула насчитывает минимум 2700 лет^[13] – и под землей лежит гораздо больше людей, чем ходит по ней. Еще в 1717 году леди Монтегю заметила, что площадь кладбищ намного превышает площадь самого города.

Бесконечные войны Османской империи вкупе с эпидемиями, пожарами и постулатами ислама способствовали тому, что стамбульцы воспринимали смерть как неизбежность. Пока человек умирал, близкие читали ему Коран и окуривали комнату благовониями. Плакать и причитать считалось неприличным. Затем усопшего раздевали и омывали водой. После омовения имам насыпал камфарой те части тела, которые соприкасались с землей во время намаза: колени, ладони, пятки, нос и лоб. Покойному подстригали волосы и ногти и заворачивали в белую бесшовную простыню – кафан. Шариат запрещал предавать земле одетых мертвецов, за исключением шехидов (шахидов) – мучеников, погибших за ислам. Их надлежало хоронить в облачении, в котором они приняли смерть. Порванная и окровавленная одежда должна была стать для Аллаха доказательством героической кончины.

Погребальная культура османов оставалась неизменной на протяжении столетий. Ее незыблемые правила не подвергались критике. В 1877 году в Стамбуле разразился скандал – в порт прибыло судно с грузом человеческих костей. Расследование выявило, что останки собраны под болгарским городом Плевной, чья осада стала одним из самых драматичных эпизодов Русско-турецкой войны (1877–1878). Оказалось, местные жители закапывали тела убитых солдат на глубине не более полуметра; такие могилы смывались дождями и разрывались животными. Болгары собирали кости и продавали их в Стамбул – французским и немецким фирмам по производству удобрений.

Эта новость вызвала у стамбульцев ужас и негодование – ведь они верили, что до похорон умерший не может уйти на тот свет и испытывает страшные муки; поэтому тело хоронили как можно скорее. Впрочем, на султанов данный обычай не распространялся. Нередко требовалось сохранить гибель правителя в тайне, чтобы избежать янычарского бунта или династических распрей. Труп в лучшем случае бальзамировали либо обкладывали льдом, в худшем – использовали как марионетку, дабы убедить подданных, что повелитель жив. Подобных ужасных примеров в истории Блистательной Порты немало. Так, в 1603 году после смерти Мехмеда III великий визирь Йемишчи Хасан-паша небезосновательно опасался очередного восстания сипахов^[14] – поэтому мертвый султан с помощью сложной системы рычагов, веревок и подпорок стоял у окна дворца Топкапы и махал рукой проходящим мимо него войскам.

В конце концов покойного – будь то султан или престолюдин – предавали земле. Имам читал над усопшим погребальную молитву – джаназа-намаз. Шариат запрещает использовать гробы, и тело клали на

тобут (похоронные носилки). По легенде, Сулейман I Великолепный перед смертью велел, чтобы его тобут несли лучшие лекари Османской империи, чтобы по пути следования траурной процессии разбрасывали золотые монеты и чтобы его руки были видны из тобута. Свои желания Сулейман объяснил следующим образом: лучшие лекари должны нести тобут, дабы все знали, что перед лицом болезни султана они оказались бессильны. Разбрасывать золотые монеты нужно, дабы показать, что богатство нельзя забрать с собой в могилу. Руки султана должны быть видны из тобута, дабы все запомнили, что Сулейман Великолепный, властелин могущественной Османской империи, ушел из жизни с пустыми руками.

Тобут опускали в могилу и засыпали землей. Высота холма зависела от рельефа местности. В Стамбуле она обычно равнялась четырем пальцам. Все могилы и надгробия мусульман обращены на юго-запад - в сторону священного исламского города Мекка. На памятниках высечена краткая информация о покойных, многие османские надгробия содержат легкомысленные стихи и забавные эпитафии. Английский драматург Аарон Хилл приводит одну из них в «Рассказе о смерти продавца апельсинов в его брачную ночь»:

Увы, увы! Тут, свободный от
раздоров и забот,
Лежит тот, кто был
зацелован до смерти его
первой женой.
Был бы ты кислым, как
персидский лимон,
Тебя не постигла бы такая
жестокая судьба.
Но ты был сладким, как

апельсин, и вот ты мертв.
Ибо женщины любят
сладость, даже в постели.
И та, что той ночью
оказалась рядом с тобой,
Пригубила тебя, ощутила
сладость и тут же выпила тебя до дна.

Шариат не одобряет надмогильные постройки, но в Порте – и в первую очередь в Стамбуле – более 600 лет возводились прекрасные мраморные тюрбе (усыпальницы) султанов, высокопоставленных чиновников, военачальников и городских святых.

Одна из самых красивых гробниц – тюрбе Махмуда-паши – находится в Эминёню. В ней покоится великий визирь Мехмеда II. Махмуд-паша был знатным византийцем, но принял ислам и прослужил османскому султану 20 лет. Он проявил себя талантливым государственным деятелем, однако не нравился Мустафе – любимому сыну и наследнику повелителя. По этой причине осенью 1473 года Мехмед II внезапно освободил Махмуда-пашу от должности. Имущество опального вельможи конфисковали, а его самого арестовали и заточили в легендарную стамбульскую тюрьму – замок Едикуле.

Вскоре после этих событий Мустафа тяжело заболел, а летом 1474 года умер. Безутешный Мехмед II похоронил сына и приказал казнить Махмуда-пашу, заявив: «Невозможно, чтобы враг Мустафы оставался в живых». Палачи задушили бывшего визиря шелковым шнурком. В день его похорон султан объявил траур и приказал возвести верному слуге роскошную усыпальницу.

Со многими стамбульскими тюрбе связаны различные поверья и ритуалы. Например, на гробнице

шехзаде Мехмеда – сына Сулеймана Великолепного – стоял макет османского трона: принц, умерший от оспы, так и не успел на него взойти. К мавзолею дервиша Телли-бабы приезжают те, кто хочет обрести счастье в семейной жизни. Гигантская 17-метровая могила загадочного Юши ибн Нуна на холме Юша Тепеси считается местом упокоения Иисуса Навина, приказавшего евреям вострубить в трубы, дабы рухнули стены Иерихона.

В Стамбуле (да и вообще на Востоке) усопшие играют важную роль в жизни своих потомков. Герой романа Памука «Меня зовут Красный» возмущается: «Мусульмане ходят на кладбища молиться мертвым, ждут от них помощи, припадают к камням гробниц, словно идолопоклонники, загадывают желания и привязывают ленточки, дают обеты!» Прося что-то у покойных, стамбульцы приносят им свечи, благовония, сладости и фрукты. Самый распространенный в Стамбуле сорт слив называется тюрбе, потому что растет на кладбищах.

По описанному выше обряду хоронили лучших людей Османской империи. Политики, полководцы, писатели и ученые, принесшие славу Блистательной Порте, лежат на обоих берегах Босфора – в Европе и в Азии, в тюрбе и на кладбищах Эдирнекапы и Ашиян. Последнее величественно раскинулось на холмах между крепостью Румелихисари и респектабельным семтом Бебек. Он назван в память о Мустафе Челеби – юном фаворите и, предположительно, любовнике Мехмеда II по прозвищу Бебек («Малыш»), которому султан подарил эти земли. По другой версии, Мустафа Челеби был огромным человеком, обладавшим недюжинной физической силой, и его прозвище носило шуточный характер. Мехмед II поручил Малышу руководить постройкой Румелихисари и обеспечивать безопасность прилегающих к ней территорий.

Стамбульцы приходят на кладбище Ашиян летними вечерами, любуются фейерверками над Босфором и оставляют записки с желаниями на могиле турецкого поэта Орхана Вели. Кроме него, в глинистой земле Ашиян под сенью кипарисов спят вечным сном дипломат Ахмед Вефик-паша и военачальник Факхри-паша, литератор Тефвик Викет и Рукие Сабиха Османоглу – дочь султана Мехмеда VI, чье бесславное правление завершило 600-летнюю историю великой империи.

Но главным священным некрополем Стамбула считается Эйюп. Быть погребенным в Эйюпе – большая честь для мусульманина: кладбище разрослось вокруг мечети, которая стоит на месте захоронения погибшего при осаде Константинополя знаменосца пророка Мухаммеда – Абу Эйюпа аль-Ансари.

Британский историк Эдвард Гиббон в труде «История упадка и разрушения Великой Римской империи» рассказывает, что первая осада византийской столицы (674–678) оказалась очень тяжелой для Омейядского халифата. Константинополь представлялся неприступным, Византия впервые применила «греческий огонь». Арабы оплакивали гибель 30 тыс. своих воинов, в том числе Эйюпа. Место его погребения было неизвестно в течение 780 лет – вплоть до взятия Константинополя султаном Мехмедом II. В 1453 году видение известило мусульман, что Эйюп похоронен недалеко от городской стены. Воздвигнутая там мечеть была назначена местом коронации османских правителей.

Обнаружение могилы исламского праведника имело важное политическое значение для Порты. Мечеть Эйюпа не случайно стала первой, возведенной османами после падения Константинополя. Ее строительство было завершено в 1458 году при Мехмеде II, который, по легенде, и обнаружил могилу

соратника пророка. Сейчас мечеть Эйюп Султан является самой важной мусульманской святыней Турции и четвертой по значимости святыней ислама – после мечетей Аль-Харам в Мекке, Ан-Набави в Медине и Аль-Акса в Иерусалиме. По слухам, произнесенные здесь молитвы сбываются.

Мечеть Эйюп Султан – одно из многочисленных исторических мест на Ближнем Востоке, где время будто остановилось. На протяжении 600 с лишним лет паломники отдыхают в тени старых платанов, гуляют среди кладбищенских кипарисов, слушают воркование голубей и гомон торговцев, продающих прохладительные напитки. Здесь ощущается подлинный дух мусульманской мистики, присущий старому Востоку и неподвластный времени.

По традиции, восходя на престол, султан отправлялся в мечеть Эйюп Султан, где шейх-уль-ислам^[15] торжественно опоясывал его клинком основателя династии Османа Гази. Если во время церемонии возникали проблемы (например, падал меч или плохо застегивалась пряжка), то стамбульцы считали, что правление новоиспеченного султана будет несчастливым. Подобный инцидент случился с Мехмедом V – 65-летний шехзаде был весьма тучного телосложения. Шейх-уль-ислам с трудом опоясал его мечом и, не дожидаясь катастрофы, подал в отставку сразу после церемонии.

Впрочем, большинство церемоний в Эйюп Султан проходило легко. Теплым сентябрьским утром 1520 года шейх-уль-ислам Зенбилли Али-эфенди надел легендарный клинок на пояс Сулеймана I.

Начался Золотой век Османской Порты.

Глава 3

Величие османов

Я совершенно ошеломлен, и есть отчего: передо мной открывается Восток, подлинный Восток, какого я, к сожалению, никогда не видел, но о котором я грезил.

Александр Дюма

Согласно восточной традиции, в начале каждого столетия рождается великий человек, призванный изменить ход истории. Сулейман I Великолепный – 10-й султан Османской империи, сын Селима I Грозного и правнук Мехмеда II Завоевателя – стал именно таким человеком. Европейская цивилизация переживала Позднее Средневековье, сопровождавшееся болезненной ломкой и отмиранием феодальных институтов и отношений, – в то время как Блистательная Порта достигла апогея могущества.

Французский историк Марсель Клерже отмечает высокий культурный уровень Османской империи в эпоху Сулеймана I. Он выражался в развитии науки и законодательства, в расцвете литературы на арабском и персидском языках, в роскоши сановников. Правление Сулеймана считается самой блестящей османской эпохой. Британский историк Джейсон Гудвин утверждает, что ни при каком другом султанах Порты не вызывала в мире такого страха. Пираты Сулеймана грабили порты Испании. Король Франции отправлял султану тайные письма, спрятанные в туфлях его посланника. Сулейман одним сражением лишил

Венгрию всей ее знати. Сами Габсбурги платили ему дань.

Австрия и Россия, ставшие в итоге опасными соперниками Османской империи, еще не представляли для Порты никакой угрозы. Иван IV Грозный восхищался прадедом Сулеймана I – Мехмедом II. Известно, как Сулейман начинал письма, адресованные Франциску I Валуа: «Я, султан султанов, владыка владык, управляющий коронами на лице земли, обращаюсь к тебе, король Франции». В 2011 году – в ответ на предложение французского президента Николя Саркози признать геноцид армян – премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган публично зачитал письмо Сулеймана Франциску. В нем Сулейман именовал себя хаканом^[16] всех хаканов и тенью Аллаха на земле, а Стамбул – приютом королей, молящих о помощи.

Письмо датируется 1526 годом. На момент его получения Франциск I переживал не лучшие времена. В 1494–1559 годах Европу потрясла серия Итальянских войн. Франция, Испания и Священная Римская империя^[17] сражались за обладание Апеннинским полуостровом. Итальянские войны начались с династического спора за престол Неаполитанского королевства и переросли в затяжной общеевропейский конфликт, который свелся к противостоянию Валуа и Габсбургов. 24 февраля 1525 года их армии сошлись на севере Италии, под городом Павия. Битва при Павии стала последним сражением Средних веков и первым сражением Нового времени. Франциск I Валуа потерпел сокрушительное поражение от правителя Священной Римской империи Карла V Габсбурга.

Остатки разбитой французской армии покинули Апеннинский полуостров. Франциск I был пленен и переправлен в Мадрид (Карл V также носил титул короля Испании). Письмо Франциска своей матери,

Луизе Савойской, в котором он поведал о случившемся, начиналось со знаменитой фразы «Потеряно все, кроме чести и жизни». Именно тогда монарх и обратился за помощью к могущественному Сулейману I.

За Франциска хлопотала его сестра Маргарита Наваррская. Речь идет не о той Маргарите Наваррской, которая была дочерью Екатерины Медичи и фигурирует в романе Александра Дюма «Королева Марго», – но о другой Маргарите Наваррской, бабке Генриха Наваррского. В 1526 году она помчалась в Мадрид, чтобы освободить брата. Во многом благодаря ее стараниям Франциск вернулся в Париж. Переговоры о выкупе короля легли в основу пьесы французских драматургов Эжена Скриба и Эрнеста Легуве «Сказки королевы Наваррской» (1850). В России она известна под названием «Тайны мадридского двора» – так и появился популярный фразеологизм.

Наблюдая за перипетиями западной политики, Сулейман – властелин половины мира – испытывал чувство безгливости. Он мог пренебрежительно относиться к европейским монархам – в XVI веке бюджет одной османской провинции Сивас составлял 20 млн султани^[18], в то время как бюджет Франции в перерасчете на валюту Порты равнялся 4 млн султани.

Сулейман I правил 46 лет (1520–1566) – подобно всем монархам, долго находившимся у власти, он стал символом государства. В ту эпоху, по словам английского историка Нормана Стоуна, у турок имелась лучшая в Европе артиллерия и самая храбрая пехота. Посол Священной Римской империи Ожье Гислен де Бусбек, служивший в Стамбуле при Сулеймане I, в «Турецких письмах» предупреждал европейцев: «Когда турки наладят отношения с Персией, они возьмут нас за горло, опираясь на мощь всего Востока».

За всю жизнь Сулейман участвовал в 13 военных походах и бесчисленном количестве мелких конфликтов. Только в Европе он захватил 362 крепости. Над главным порталом мечети Сулеймание сохранились витиеватые восхваления монарха, высеченные в XVI веке - в них Сулейман именуется «халифом, блистающим Божественной Славой», «владельцем царств земных», «султаном над султанами арабов и персов» и т. д.

Сулейман продолжал традицию своих воинственных предков. Султаны всегда были высокого мнения о себе, и список их громогласных титулов это отражает. Осман, основатель династии, звался просто Гази - так нарекали мусульман, сражавшихся с кафирами^[19]. В глазах соплеменников он был великим человеком. В 1337 году Орхан, сын Османа, оставил надпись в Бурсе, где именовал себя «султан, сын султана, повелитель гази; Гази, сын Гази, повелитель горизонтов, герой всего мира».

Впрочем, Осман I Гази и Орхан I были не султанами, но удж-беями - правителями бейлика (феодалного владения в Анатолии). Сын Орхана, Мурад I, принял титул султана в 1360-х годах, когда византийский император Иоанн V Палеолог сделался его вассалом, и бейлик превратился в султанат. Падишахами османские султаны являлись с 1453 года, когда Мехмед II взял Константинополь, - с этого момента османское государство стало именоваться империей.

Титул падишаха, или царя царей, был у султанов любимым. Европейцы переводили его как «Великий Турок». Также к султану и членам его семьи обращались «хан^[20] хазретлери». Турецкое слово «hazretleri» происходит от арабского «hadrah» (حَضْرَاتُ - присутствие). Этот арабский эпитет употребляется в Коране с именами пророков - Ибрахима (Авраама), Исы

(Иисуса) и других - в значении «высокопочтимый», «почтеннейший». Соответственно, османская фраза «han hazretleri» означает «Ваше Величество». Полностью обращение звучало, например, следующим образом: «Султан Сулейман хан хазретлери».

С момента завоевания Египта Селимом I в 1517 году султаны стали называть себя еще и халифами - повелителями всех мусульман. Среди прочих титулов султана: Наследник Пророка; Правитель Вселенной; Властелин Белого, Черного и Красного морей и др. Но самый впечатляющий - Тень Аллаха на Земле. Мехмед II претендовал на роль императора Священной Римской империи. Захватив Константинополь, он получил прозвище «Фатих» («Завоеватель») и взял титул василевсов - цезарь Рума^[21] (Kayser-i Rum).

Французский философ XVI века Жан Боден считал амбиции Мехмеда II обоснованными. Он утверждал, что предъявлять права на титул преемника римского императора может лишь османский султан. Мехмед II действительно являлся потомком Комнинов (одной из императорских династий Византии). В результате череды династических браков, заключенных в XII веке, переплелись ветви трех правящих родов Средневековья - галицких Рюриковичей, Комнинов и Сельджукидов. В 1178 году на одной из этих ветвей созрел «плод» - Сулейман Шах, родоначальник беев (вождей) тюркского племени кайи. Сын Сулейман Шаха, Эртогрул, унаследовал от отца титул бея кайи. В 1231 году он захватил никейское поселение Февасион и переименовал его в Сегют. В 1240 году Эртогрул сформировал Османский бейлик - собственное феодальное владение. Именно в Сегюте у него родился сын Осман - будущий основатель Османской династии.

Осман I Гази также был правнуком Иоанна Комнина. Мехмед II, завоеватель Константинополя, являлся

прямым потомком Османа и одновременно – потомком византийской династии Комнинов. Фатих использовал этот факт для подкрепления своих прав на престол в Константинополе. Отсюда и взятый им титул василевсов «Kauser-i Rum». Вряд ли султан знал о своем родстве еще и с галицкими Рюриковичами – но на земли Галичины он и не претендовал. Воевать в тех местах стали уже потомки Мехмеда.

Итак, Фатих имел все основания провозгласить себя цезарем Рума. Помимо того, султана Блистательной Порты называли Владыкой горизонта и Опорой, которая соединяет континенты. Титул Сулеймана звучал следующим образом: Правитель 37 королевств, повелитель государств римлян, персов и арабов, владыка моря Средиземного и моря Черного, достославной Каабы и пресветлой Медины, великого Иерусалима и трона Египетского, Йемена, Адена и Саны, Багдада, обители праведных, Басры, Аль-Аксы и городов Нуширивана; Алжира и Азербайджана, кыпчакских степей и земель татарских; Курдистана и Луристана, Румелии и Анатолии, Карамана, Валахии, Молдавии и Венгрии и многих других земель и царств; султан и падишах.

Это значит, что в эпоху Сулеймана I под османским господством находилась бóльшая часть Юго-Восточной Европы, Западная Азия и Северная Африка. Держава оттоманов простиралась от южных границ Священной Римской империи до Йемена и Эритреи на юге, от Алжира на западе до Каспийского моря на востоке. При Сулеймане I полумесяц на флаге Порты приобрел новое значение: один его рог протянулся от Будапешта до Персидского залива, другой – от Магриба до Аравии. Черное море называли «османским озером».

Гигантская империя наложила неизгладимый отпечаток на историю Ближнего Востока. Сулейман понимал, что для управления столь огромной

территорией надо обеспечить беспрекословное подчинение подданных. При нем был разработан сложный дворцовый церемониал, во многом заимствованный у Византии и призванный отделить султана от простых смертных. Еще Мехмед II изучал византийский трактат «О церемониях», составленный в X веке для василевса Константина VII Багрянородного. Эта книга содержала подробнейшие (с точностью до минуты) описания церемоний и освещала другие вопросы, имеющие отношение к текущим делам императорского дворца.

Трактат представлял собой учебник для высших византийских сановников. Правители Порты, желавшие поразить весь мир своим блеском и могуществом, почерпнули в нем много полезного. По словам английского историка Джона Фрили, при Мехмеде II османский двор отличался простотой обычаев, и Фатих часто выходил на улицы Стамбула.

При правнуке Мехмеда все изменилось. Шотландский востоковед лорд Кинросс описывает повседневную жизнь Сулеймана, которая всецело подчинялась детализированному ритуалу, сравнимому с ритуалом французских королей в Версале. Когда султан просыпался, его одевали высокопоставленные вельможи. Каждый кафтан надевался только 1 раз, в карманы клали 20 золотых и 1 тыс. серебряных монет, которыми правитель в течение дня одаривал слуг. Оставшиеся деньги и сам кафтан вечером доставались постельничему.

Падишах ел 3 раза в день в одиночестве – эта традиция установилась при Сулеймане после казни великого визиря Ибрагима-паши (1536). Предки Сулеймана принимали пищу в окружении сановников. Мехмеду II и в голову не приходило не допустить в трапезную пашей, с которыми он брал Константинополь, – но уже в эпоху Сулеймана

совместные завтраки, обеды и ужины монарха и Ибрагим-паши свидетельствовали о его необычайном расположении к визирю. Единственным человеком, чье присутствие на султанской трапезе считалось необходимым, был врач, проверявший блюда на предмет отравы.

Сон падишаха также регламентировался. Сулейман спал на двух бархатных матрацах – пуховом и хлопковом. Зимой он укрывался мехом соболя или черной лисицы. Над кушеткой возвышался золоченый балдахин, а вокруг – четыре восковые свечи в серебряных подсвечниках, при которых дежурили четыре стражника. Они гасили свечи с той стороны, куда поворачивался султан, и охраняли его до пробуждения. Каждую ночь в целях безопасности правитель выбирал новую комнату, и постельничие готовили ее для сна.

Со временем многочисленные ритуалы не исчезали и не отменялись. В путевых заметках испанского купца Доминго Бадии-и-Леблиха падишах уподобляется «бездушной фигуре, движимой скрытными пружинами», все слова и движения которой заранее предписаны. По мнению Бадии-и-Леблиха, «султан был таким невольником, какому нет на свете подобного».

Правителю Блистательной Порты не пристало говорить много, поэтому для него придумали ишарет – язык жестов. Монарх проводил большую часть времени в полной тишине. (Когда в 1617 году сумасшедший Мустафа I отказался учить ишарет, великий визирь заявил, что султану не подобает изъясняться на языке торговцев и воров.) Принимая послов, Сулейман был неподвижен и немногословен. Он десятилетиями не выражал ни восторга, ни жалости, ни скорби. Бус-бек вспоминает, что, узнав о победе османского флота в сражении у острова Джерба (1560), Сулейман не выразил ни единого признака радости.

Процедура приема послов при османском дворе также окончательно сформировалась при Сулеймане I. Османы использовали любую возможность продемонстрировать иностранцам блеск и могущество Порты – поэтому прием дипломатов считался делом чрезвычайной важности. Специально для этих целей Сулейман создал при Диване особый отдел церемоний. Его штат включал в себя церемониймейстера, секретаря и переводчиков. Помимо организации торжеств и церемоний эти чиновники вели реестр муфасаль, где фиксировалось, кто из послов удостоился аудиенции у султана и какие подарки ему преподносились. Многие османские дипломаты в молодости были учениками или помощниками церемониймейстера.

Процедура приема начиналась с того, что посол изъявлял желание посетить султана, и тот соглашался. Затем дипломата сопровождали во дворец Топкапы – это делалось в день получения янычарами жалования, дабы показать зарубежному гостю, насколько сильна династия Османов. Посол Священной Римской империи Фредерик фон Крейвиц, вспоминая встречу с Мурадом III в 1591 году, писал, что тысячи янычар не разговаривали между собой, не перешептывались и даже не двигались – они стояли будто каменные статуи.

В Топкапы посла встречали два паши – они приветствовали гостя и провожали его в зал для приемов. Далее монарха уведомляли о прибытии дипломата, а янычары уносили из зала подарки, чтобы показать падишаху.

Подаркам надлежало быть роскошными и оригинальными. В этом плане отличился голландский посол Корнелис Калкун: он преподнес Ахмеду III атласные и бархатные платья, ящичек дорогих ароматных масел, два серебряных цветочных горшка филигранной работы, хрустальный шкаф, расписной комод, полный конфет, телескоп и, наконец,

европейскую новинку – механический огнетушитель. Наибольшее впечатление на падишаха произвел хрустальный шкаф – султан открывал и закрывал его, рассматривая, не менее 30 раз.

Иногда султан заставлял дипломатов ожидать аудиенции часами – и отнюдь не в лучших помещениях Топкапы. Британский посол Джеймс Портер жаловался, что комната, где его оставили, скорее годилась для приема польского еврея. В турецком сериале «Права на престол: Абдул-Хамид» есть сцена, свидетельствующая об отношении османов к официальным лицам других государств: великий визирь сперва подвергает немецкого дипломата многочасовому ожиданию, а затем запрещает ему входить к султану, ибо иностранец якобы неподобающе одет. Немец возвращается в посольство и переодевается.

По завершении предварительных формальностей посла спрашивали, есть ли у него оружие. Получив отрицательный ответ, иностранца брали за руки и вели в зал, где на троне восседал глава Османской империи. Эта мера предосторожности практиковалась после того, как 15 июня 1389 года во время битвы на Косовом поле сербский князь Милош Обилич, притворившись, что сдается в плен, вошел в шатер Мурада I и заколол его спрятанным в одежде ножом [\[22\]](#).

Послы приветствовали Великого Турка, склоняясь до земли, передавали ему верительные грамоты, целовали руку и рассказывали о цели визита. Украинский романист Павло Загребельный в книге «Роксолана» описывает визит Бусбека в Топкапы и отзывается о нем как о пышнейшем – и одновременно позорнейшем для достоинства посланника самого императора. Этот эпизод отображает представления европейцев о том, как османы обращались с высокопоставленными иностранцами. Бусбека, одетого в бархат, короткие

штаны и берет с пером (все выглядело очень убого в сравнении с тяжелой султанской роскошью), подвели к трону. Как только дипломат ступил на ковер, два огромных дильсиза^[23] крепко схватили его под руки, ткнули лицом в ткань султанского рукава и потащили назад. Бусбек даже не успел удивиться.

Сообщив о цели визита, посол выслушивал ответ Великого Турка. После его выводили в соседнюю комнату, угощали обедом под руководством великого визиря и провожали из Топкапы.

Протокол встреч был расписан до мелочей, но имели место исключения. Например, султан мог подарить послу дорогую одежду – и тогда дипломата не пускали на прием, пока он ее не наденет. Все европейцы отмечали обязательные восточные хитрости таких приемов: длительные паузы, отсутствие конкретных обещаний, попытки выудить у них максимум информации.

Английский историк Кэролайн Финкель пишет, что если Мехмед II систематизировал обычаи, принятые во дворце, то Сулейман довел систему до логического завершения. Сулейман был замкнут и закрыт даже для своих вельмож. Он перебрался в Топкапы – резиденцию, именуемую в Европе сералем. Толстые каменные стены дворца надежно скрыли правнука Мехмеда от глаз подданных. Султан стал недоступен и недосягаем в своем божественном величии. Отчужденность Великого Турка раньше всех заметили проницательные геноэзские и венецианские послы – по их свидетельствам, аллеи в саду Топкапы были очень узки, ибо султан всегда прогуливался в одиночестве.

Изначально Топкапы использовался султанами только для совещаний и официальных приемов. Жили монархи на площади Баязид – в небольшом дворце, построенном для Мехмеда II (сегодня на его месте

находится Стамбульский университет). Со временем этот дворец получил название Эски-сарай (Старый дворец). Его также именовали Дворцом слёз – ибо туда после смерти очередного султана переезжал гарем покойного.

Вскоре Эски-сарай показался Мехмеду II слишком маленьким и бедным. Тогда Фатих решил воздвигнуть новый роскошный дворец на мысе Сарайбурну, где сливаются воды Золотого Рога, Босфора и Мраморного моря – буквально на развалинах дворца византийских императоров. Так началось строительство легендарного Топкапы – самой известной государственной резиденции на Востоке, ставшей домом для 25 султанов.

Слово «Топкапы» (тур. topkapı) переводится как «пушечные ворота» и связано с одной из первых традиций Османской династии – палить из пушек при каждом отъезде султана из дворца. Топкапы стоит на вершине холма, откуда открывается дивный вид на Босфор, Принцёвы острова, Золотой Рог, Пропонтиду, горы Ионии и Олимпа.

Площадь Топкапы со всеми садами и постройками составляла более 700 тыс. кв. м. На этой территории легко могло бы разместиться государство Ватикан.

Само местоположение дворца говорило о том, что всеильные падишахи контролируют Европу и Азию. Амичис называет Топкапы единственным историческим памятником, освещающим почти всю жизнь Оттоманской династии; памятником, где зафиксирована тайная летопись империи. Здесь Османы утвердились, достигли апогея могущества – и здесь же началось их падение. Топкапы был городом в городе и крепостью под защитой целой армии. Его старинные стены

заклучали бесконечное разнообразие уголков, полных наслаждений, и уголков, полных ужаса. По словам британского востоковеда Нормана Пензера, сейчас никто не знает, сколько зданий включала в себя султанская резиденция, – но в османскую эпоху каждое из них играло свою роль в функционировании гигантского дворцового комплекса.

Захватив Константинополь, Мехмед II хранил архив и казну в крепости Едикуле. Однако в 1478 году сокровищу перенесли в Топкапы, причем было организовано две казны – государственная и султанская. Средства правителя тратились на государственные нужды только в критических ситуациях. Подобный случай имел место в 1683 году – после поражения турок под Веной покупательная способность акче^[24] уменьшилась настолько, что Мехмед IV отдал на переплавку для монет фамильное столовое серебро.

Султан редко испытывал недостаток в деньгах. Его казна пополнялась разными способами, среди которых были налоги, дань, военная добыча и даже продажа фруктов и овощей из садов Топкапы на стамбульских рынках. Кроме того, падишахи номинально выдавали своих малолетних дочерей замуж за высокопоставленных сановников – и те должны были регулярно выплачивать августейшим тестям крупные суммы на содержание принцесс, пока «жены» не повзрослеют. Каждый султан мог похвастаться некой принадлежащей ему уникальной вещью. Так, Селим I гордился захваченным во время персидского похода золотым тронном иранского шаха Исмаила, а Мурад IV – бриллиантовым мечом и конской попоной, расшитой жемчугом.

Предмет особой гордости Сулеймана I составлял знаменитый золотой шлем. В 1530 году Сулейман и

Ибрагим-паша узнали о великолепной коронации Карла V Габсбурга – в ходе церемонии папа римский Климент VII возложил на него корону Священной Римской империи. Султан истолковал это как попытку Карла V заявить о себе в качестве цезаря – но еще в XV веке Мехмед II назвал себя цезарем Рума, и данный титул передавался по наследству его потомкам.

Сулейман не мог игнорировать провокацию Габсбургов. По распоряжению падишаха Ибрагим-паша заказал в Венеции золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и увенчанный плюмажем. Султан получил его в мае 1532 года. Этот шлем, одновременно напоминавший корону императора и папскую тиару, символизировал вызов, брошенный османами могуществу Рима.

Султаны любили делать дорогие подарки, свидетельствующие об их невероятном богатстве. Например, в 1747 году Махмуд I приказал изготовить для персидского шаха Надира кинжал. Годом раньше Надир прислал Махмуду трон из черного дерева, которого не было видно под слоем золота, рубинов, изумрудов и жемчуга. Османские послы отправились с подарками в Иран, но по дороге узнали о смерти шаха и вернулись в Стамбул. С тех пор кинжал находится в Топкапы и является самым дорогим кинжалом в мире.

Еще одним знаменитым подарком стали золотые подсвечники Абдул-Меджида I. Каждый из них весит 48 кг и украшен 6666 алмазами. Султан собирался отправить подсвечники в Мекку, но скончался, и они остались в Стамбуле. Впрочем, большинство султанских подарков дошло до адресатов – так, в 1590 году Мурад III послал в Медину великолепный мраморный минбар^[25]. Он до сих пор находится в Масджид ан-Набави – мечети Пророка.

Роскошь султанского двора была призвана подчеркнуть значимость Османской династии как внутри государства, так и на международной арене – поэтому окружение Сулеймана I пришло в ужас, когда, он, с возрастом став аскетичным, ел из глиняных мисок и заставил придворных делать то же самое. Неисчислимы богатства сопровождали Османов с первых дней жизни и до самой смерти – например, по традиции мать султана дарит новорожденному внуку золотую колыбель.

Сокровища Топкапы имеют различное происхождение. Это священные реликвии; военные трофеи; дары и подношения подданных и зарубежных монархов; ценности, перешедшие к султанам после казни или смерти вельмож; церемониальные и религиозные артефакты. Также в Топкапы хранится множество бытовых вещей. Курительные трубки, кальяны, туфли, кофейные сервизы, вазы, подсвечники – эти и прочие предметы изготовлены из лучших материалов. Они всегда стоили невероятно дорого.

У каждого экспоната есть своя история и мистическая подоплека. В XX–XXI веках Топкапы неоднократно грабили, но преступники всегда возвращали украденное. В последний раз это случилось в 2005 году. Похитители виртуозно отключили сигнализацию и вынесли несколько личных вещей представителей Османской династии. Следствие зашло в тупик, но спустя пару месяцев сотрудники музея обнаружили на пороге Топкапы сверток с похищенными экспонатами и записку. Вору извинялись и объясняли, что по ночам им снились османские султаны. Они требовали вернуть вещи во дворец и грозили страшными карами за неисполнение приказа.

За многими предметами тянется кровавый след. Примером тому – алмаз Кашикчи (Алмаз ложечника) величиной 86 карат. В его истории – как и в истории

прочих известных драгоценных камней – переплетаются правда и вымысел. По слухам, в 1669 году некий бедняк нашел алмаз в куче мусора у ворот Эгрикапы и обменял у местного ремесленника на 3 деревянные ложки. Хитрый ремесленник продал камень ювелиру за 10 курушей^[26]. Слухи о прекрасном алмазе разлетелись по Стамбулу и дошли до великого визиря Фазыла Ахмеда-паши. Визирь выкупил камень и преподнес его султану Мехмеду IV.

Согласно другой версии, алмаз имеет иностранное происхождение. В 1774 году его приобрел у индийского махараджи французский офицер Франсуа Пико, чью биографию Дюма взял за основу романа «Граф Монте-Кристо». После смерти Пико камень очутился в Париже. Сменив множество владельцев – в числе которых прославленный авантюрист Казанова – алмаз был выставлен на аукцион, где его купила Летиция Бонапарт, мать Наполеона. В 1815 году она продала камень, чтобы помочь сыну бежать с острова Эльба.

Драгоценность долго кочевала по Европе, пока не оказалась в руках османского вельможи Али-паши Тепеленского. Огромный алмаз обошелся сераскиру^[27] Румелии в баснословные 150 тыс. золотых лир. По слухам, паша хвастался, что даже у султана Махмуда II нет такого прекрасного камня. В 1820 году султан обвинил Али-пашу в измене и после напряженных боев принудил его сдаться. Через несколько дней, нарушив условия капитуляции, падишах велел отрубить 80-летнему сераскиру голову. Имущество Али-паши, включая алмаз, перешло в сокровищницу Топкапы.

Гудвин насмешливо заявляет, что к XVII веку сокровищница Топкапы превратилась в нечто среднее между мощехранилищем и благотворительной распродажей. В помещении без окон пахло лампадным маслом, ладаном и камфарой. Тюрбан Иосифа и корона

Авраама пылились среди старой одежды. Там же хранился плащ пророка Мухаммеда – одна из мусульманских реликвий Топкапы, наряду с его зубом и отпечатком ноги. Затем – мечи: священный меч пророка, мечи султанов и оружие их поверженных врагов. В комнатах громоздились вазы, музыкальные инструменты, рулоны ткани, сапоги и туфли, подушки и молельные коврики. Посередине одного зала стояла подставка, на которой был растянута гобелен с изображением Карла V. Поверх него лежали европейские книги, карты и два глобуса: Земли и звездного неба. Британский журналист Генри Мортон называет самое уродливое из султанских сокровищ – фарфоровый сервиз с изумрудами и рубинами, вставленными в бока чашек и блюдца. Некоторые из камней достигали размеров голубиного яйца.

Наибольшее значение имели предметы, связанные с пророком Мухаммедом. Например, его зуб, хранящийся в Топкапы, считается одним из четырех зубов, которые Мухаммед потерял после удара топором в битве при Бадре (624). Отпечаток ноги пророка на куске известняка появился, когда Мухаммед помогал рабочим поднять тяжелый камень при строительстве мечети (другое предание гласит, что он садился на коня). Выдвигались версии, по которым зуб и отпечаток ноги на самом деле принадлежали не Мухаммеду, а кому-то из его последователей. Из всех реликвий, имеющих отношение к пророку, самыми ценными признавались его знамя и мантия. Касаясь их происхождения улемы (мусульманские богословы) никогда не высказывали сомнений.

О мантии существует особая легенда. Считается, что Мухаммед подарил ее арабу Ибн Зухайру. Будучи язычником, Ибн Зухайр критиковал Коран, но позже раскаялся и принял ислам. Узнав об этом, пророк снял с себя мантию и накинул на плечи Ибн Зухайру. Его дети

продали мантию Муавии I – основателю династии Омейядов; при Аббасидах она попала в Багдад, далее – в Каир и, наконец, в Стамбул.

Норвежский писатель Кнут Гамсун с присущей ему прозорливостью увидел в реликвиях Топкапы нечто большее, чем коллекцию старых вещей. Он понял, что любой предмет, имеющий отношение к Мухаммеду, является неким символом, за который мусульмане готовы убить и умереть. Взять хотя бы мантию пророка: никто не должен видеть ее, но в случае опасности ее надо поднять высоко, чтобы она развевалась на ветру, – и тогда каждый мусульманин обязан взяться за меч. Показать мантию – значит показать всемогущество.

Вторая важная реликвия Топкапы – знамя пророка. По легенде, оно сделано из тюрбана Буйрадата – врага Мухаммеда, который пал перед ним на колени, развернул свой тюрбан, прикрепил ткань к древку копья и вручил пророку в знак того, что вверяет себя в его руки. Знамя было пронесено через столетия арабских завоеваний и спустя века оказалось в Каире, где правил последний халиф. В 1517 году, захватив Египет, султан Селим I завладел мантией и знаменем – за что получил титул «хранитель двух святых реликвий».

Селим отправил знамя в Большую мечеть Дамаска, построенную еще в VII веке, при Омейядах. Ежегодно трофеей несли из Дамаска в Мекку во главе процессии мусульман, совершавших хадж (паломничество в Аравию). В 1595 году знамя привезли в Стамбул – и тогда же в городе появилось множество слепых. Они ходили по улицам вереницей, держась друг за друга, и собирали подаяние. Возглавлявший процессию был слеп только на один глаз. Стамбульцы охотно подавали им милостыню. Слепцы считались святыми людьми, совершившими хадж и добровольно лишившими себя зрения – ибо увидев Благословенную Мекку и

Лучезарную Медину, они больше не хотели ни на что смотреть.

В городских хрониках содержится описание процедуры ослепления. Паломник брал кусок раскаленного металла, насыпал его неким едким порошком, склонялся над металлом и ждал, пока глаз вытечет. Своеобразная мода на лишение себя зрения прошла только в XIX веке. До этого ежегодно в течение 300 лет стамбульские слепцы собирались на площади Султанахмет и провожали паломников, отправлявшихся в Мекку под знаменем пророка. Помимо дня начала хаджа, знамя можно было увидеть, когда султан лично возглавлял армию, а также в случае опасности. Последний раз это произошло 11 ноября 1914 года - в тот день Порта объявила священную войну (джихад) Антанте^[28].

Картины из коллекции Топкапы принадлежат кисти итальянских художников эпохи Ренессанса. В 1479 году Мехмед II пригласил в Стамбул Джентиле Беллини, и тот написал портрет завоевателя Константинополя (сегодня полотно находится в лондонской Национальной галерее). Мехмед высоко оценил талант художника и подолгу беседовал с ним об искусстве. Однажды Беллини показал Фатиху новую картину под названием «Голова Иоанна Крестителя». Султан с интересом изучил изображение и заявил, что оно неправдоподобно: у отрубленной головы исчезает шея, поскольку ее жилы и мышцы моментально втягиваются в голову. Для демонстрации своей правоты Мехмед II выхватил меч и снес голову стоявшему рядом слуге.

Беллини был не единственным итальянским художником, посетившим Стамбул. Два самых известных портрета Сулеймана I, его жены Хюррем и дочери Михримак в XVI веке написал Тициан. Еще два своих портрета Сулейман в 1539 году заказал Паоло

Веронезе. На рубеже XIX–XX веков должность придворного живописца занимал Фаусто Зонаро. Он прожил в Стамбуле 18 лет, пользовался покровительством Абдул-Хамида II и считал себя преемником Беллини.

Культурные связи Порты с Европой были гораздо сильнее, чем может показаться. Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонарроти создали проекты Галатского моста по заказу султана Баязида II. В 1502 году в Рим к папе Александру приезжал посол от Баязида – они обсуждали желание падишаха найти инженера для постройки моста через Золотой Рог вместо существовавшей в то время понтонной переправы. Через 200 лет после великих итальянцев немецкий художник Антуан-Игнас Меллинг помогал Хатидже-султан (сестре Селима III) украшать особняк – и параллельно рисовал виды Стамбула и Босфора.

Топкапы славится не только собранием картин, но и коллекцией каллиграфии. В исламских странах этот вид творчества вырос из аниконизма (запрета на изображение живых существ). В Дамаске и Багдаде мастеру, изысканно переписавшему Коран, платили столько золота, сколько весила получившаяся книга. Каллиграфия распространялась по миру с полчищами арабских всадников. Земли ислама ширились, и одним из новообращенных стал вождь тюркского племени Осман – будущий основатель крупнейшего в истории мусульманского государства. Достигнув зенита, старое золотое солнце Арабского халифата медленно тускнело и, наконец, закатилось за пески знойной Аравии. На смену ему взошел молодой белый полумесяц Османской империи.

Османская каллиграфия (хат) достигла невиданного доселе уровня – теперь она имела важное политическое значение. В 1399 году Баязид I оскорбил великого завоевателя Средней Азии, эмира Тимура, послав ему

письмо, где имя правителя Порты изображалось большими золотыми буквами, а имя основателя империи Тимуридов – маленькими черными.

Знаменитейшим мастером хата был шейх Хамдуллах, придворный каллиграф Баязида II (он похоронен на кладбище Караджа Ахмед в Ускюдаре). Султан благоговейно держал чернильницу шейха, пока тот украшал замысловатой вязью очередную книгу. Хамдуллах переписал Коран 47 раз, придумал несколько новых шрифтов (включая дивани – официальный шрифт Османской империи) и руководил росписью ряда стамбульских мечетей.

Еще одним выдающимся каллиграфом был Едикюлели Сейид Абдуллах-эфенди. Он изобрел особые чернила – и султан Ахмед III, сам занимавшийся хатом, прислал к Абдуллаху-эфенди слугу с просьбой открыть их тайну. Просьба была в высшей степени нескромной: каллиграфы готовили чернила по специальной технологии, – и этот процесс был крайне непростым.

Каллиграфы использовали два вида чернил: мадад и хибр. Первые изготавливались из угольной копоти и смолы акаций, вторые – из «галльских орешков» (наростов на листьях дуба). Стараясь достичь лучшего качества, мастера добавляли в классические смеси кожуру граната, шафран, мед, белок яйца и другие ингредиенты. Существовали сотни рецептов чернил, некоторые даже имели вид таблеток – стоило добавить немного воды, и раствор был готов. Такие таблетки брали с собой каллиграфы, получившие заказ в другом городе.

Художники не любили раскрывать профессиональные тайны. Абдуллах-эфенди, потративший немало сил на поиск уникального рецепта, мог обидеться на султана, пожелавшего овладеть рецептом, – но вместо этого он передал правителю полную чернильницу (дават). Ахмед III,

восхищенный простотой Абдуллаха, велел насыпать в дават золото и вернуть владельцу. Чернила падишах вылил – так он проявил уважение к мастеру.

Вершиной хата была тугра – личный знак монарха. В XIV веке Орхан I (сын Османа Гази) использовал в качестве печати свою ладонь, предварительно погрузив ее в чернила; потом оттиск руки украсили каллиграфическим вензелем. Тугра представляла собой замысловатый автограф правителя (например, расшифровка тугры Мехмеда II гласит: «Мехмед, сын Мурада, хан, победоносный вечно»). Она ставилась на фирманах (султанских указах) и прочих документах, а также на деньгах и почтовых марках. За изготовление тугры брались только лучшие мастера империи, ее подделка каралась смертью.

Несмотря на высочайший уровень исполнения, османская каллиграфия едва не умерла в 1923 году, когда Ататюрк начал реформу турецкого языка. Арабский алфавит оказался под запретом – и вместе с ним в небытие канул удивительный мир старого Востока, полный чудес и волшебства. Спустя 80 лет турецкая писательница Гата Ясмин, правнучка Рикат Кунт – одной из немногих женщин-художников в истории исламской культуры – опубликовала роман «Ночь каллиграфов», где от лица прабабки рассказала о тех печальных временах: «Мои грустные колдуны перестали выводить на листе то, что нашептывает Аллах, ибо в новой стране, где молитвы уступили место политическим слоганам Серого волка из Анкары^[29], делать ему было нечего».

Каллиграфы не только придумывали новые стили и элементы письма, но и широко применяли различные техники декорирования книг, в том числе тезхип – «сияющую живопись». Первая мастерская тезхипа

открылась в Стамбуле при Мехмеде II. Художник растирал золото в пыль, добавлял клейкую основу, наносил по контурам узора, а затем полировал. Когда изображение начинало светиться, узор заполняли цветом. Чтобы передать оттенки, мастера использовали тончайшие кисти и рисовали с лупой.

Каллиграфия сохранилась благодаря подвижникам, прошедшим не одно десятилетие в нищете и неизвестности. Среди них была Рикат Кунт, нашедшая в искусстве письма величайшее удовольствие и спасение от неудачного брака. Такие, как она, бережно хранили древнее искусство, осторожно несли в сомкнутых ладонях его слабое, трепещущее пламя – и надеялись однажды если не раздуть его, то хотя бы перестать прятать. Долгожданный день наступил в 1936 году: турецкое правительство разрешило каллиграфам преподавать, а также привлекло их к реставрации османских архивов 500-летней давности.

Наследие династии Османов составляет 650 тыс. предметов (книг, драгоценностей, исторических документов и т. д.) – больше оставили после себя только императорские дома Романовых и Габсбургов. В Топ-капы выставлена 1/10 часть артефактов Блистательной Порты. Кроме того, около 800 тыс. медалей, орденов, монет и печатей хранится в Археологическом музее Стамбула.

Один из интереснейших экспонатов Археологического музея – каменная статуя льва, украшавшая вход в гавань Вуколеон на берегу Мраморного моря, где прежде стоял одноименный дворец василевсов. Он был частью Большого дворца – главной императорской резиденции Константинополя, заложенной римским императором Константином I Великим между Ипподромом (ныне площадь

Султанахмет) и Айя-Софией. Изначально, в IV веке н. э., на месте Большого дворца находился дворец Гормизды, возведенный для персидского принца Ормизда. Сасаниды, правившие Персией, переживали эпоху династических распрей. Ормизда заключил в тюрьму его брат Шапур II, но в 323 году пленник бежал в Константинополь, где император предоставил ему убежище.

Василевсы постоянно перестраивали Гормизды, а потом и Вуколеон. Это происходило при Феодосии II, Юстиниане I, Феофиле, Василии I Македоняnine, Никифоре II Фоке и др. В 1204 году Вуколеон разорили крестоносцы. Палеологи – правители из новой (и последней) императорской династии Византии – решили не восстанавливать резиденцию и переехали на северо-запад Константинополя – в район Влахерны, в Малый Влахернский дворец (турки называли его Текфурсарай). Опустевший Вуколеон медленно превращался в руины; былая слава империи рассыпалась в прах. Османы, занявшие Константинополь в 1453 году, разбирали главный дворец погибшей Византии для строительства собственного великого города – Стамбула.

Несмотря на морские ветра и деятельность стамбульцев, фасады и многие внутренние помещения Вуколеона сохранялись до второй половины XIX века. В 1871 году – при прокладке дороги вдоль берега Мраморного моря – бóльшая часть дворца была уничтожена. В наши дни чудом уцелевшая надпись на одной из его по-прежнему могучих стен вызывает ощущение безысходности. Полустертые греческие буквы гласят: «Благочестивый самодержец, господин Феофил, приобретя в твоём лице, о Христос, нерушимую стену, возвел эту стену от новых оснований. Храни ее Своей силой, о повелитель мира! И сделай ее до скончания веков неколебимой, несотрясаемой...»

Мольба императора Феофила не была услышана. Резиденция василевсов почти исчезла – так, в 1959 году рухнули фасады. Сегодня от Вуколеона остались лишь печальные, поросшие мхом руины на набережной Кеннеди (только представьте, что 100 лет назад вода плескалась у самого их основания!), старые гравюры, фотографии да мраморный лев, спасенный из водоворота истории и выставленный на всеобщее обозрение в стамбульском Археологическом музее.

Помимо византийского и османского наследия, в музее хранятся обломки гораздо более древних цивилизаций: табличка с Кадешским договором – первым в истории международным договором, заключенным между фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттусили III; фрагменты ворот богини Иштар, построенных по приказу вавилонского царя Навуходоносора; знаменитый Сидонский саркофаг и множество других предметов из Средиземноморья, с Ближнего и Среднего Востока.

Территориальная близость Археологического музея к Топкапы символична. Османская империя не только захватила все земли, представленные в музее, – но и сумела на несколько веков объединить их под своим началом, а затем канула в Лету, подобно погибшим цивилизациям прошлого.

В самом дворце время давно застыло. Гуляя по территории Топкапы, можно выйти на террасу, с которой Мурад IV ради забавы стрелял из лука по людям в проплывающих мимо лодках. Или вот место, откуда в Босфор сбрасывали мешки с провинившимися султанскими наложницами. А здесь стоит пушка, которую сберегли в память о знаменательном событии: в 1633 году Лагари Хасан Челеби – брат «турецкого Икара» Хезарфена Ахмеда Челеби – с ее помощью осуществил своеобразный полет ракеты.

Необычное мероприятие было приурочено ко дню рождения дочери Мурада IV. Изобретатель сделал пороховую ракету и установил ее в пушке на мысе Сарайбурну, у подножия Топкапы. Затем храбрец уселся на ракету, фитиль подожгли - и авиатор взлетел на высоту в 300 м. Хасан Челеби удачно приземлился в Мраморное море и доплыл до берега. Эта история легла в основу одного из рассказов немецкого писателя Рудольфа Эриха Распе о бароне Мюнхгаузене, где тот летал верхом на пушечном ядре (недаром храбрый барон оседлал ядро во время осады именно турецкого города).

Несмотря на подобные забавные эпизоды, Топкапы - довольно мрачное место. Странно смотреть на вещи, принадлежавшие знаменитым покойникам. Странно ступать по мраморным плитам, истертым ногами 25 повелителей Порты. Странно осознавать, что жизнь становится историей.

Глава 4

Любовь и кровь: гарем и кафес

*Говорят, у султана восемьсот жен.
Это, пожалуй, ничем не лучше
двоеженства.*

Марк Твен

Самой известной постройкой Топкапы является гарем (от араб. *حرام* haram, - запрет). В итальянском языке есть синонимичное слово «seraglio» (огороженное место), поэтому европейцы называли Топкапы сералем. Мусульманский дом делится на мужскую и женскую часть (селямлик и гарем соответственно) - такое устройство имели и дворцы, включая Топкапы.

Исторически гарем находился за пределами султанской резиденции, чтобы наложницы не отвлекали своего господина от дел, но Сулейман I по настоянию Роксоланы перенес его в Топкапы. В турецком сериале «Великолепный век» допущена ошибка: в момент вступления Сулеймана на престол гарем уже находится на территории дворца. Таким образом, не раскрыт исторический факт, доказывающий влияние Роксоланы на властелина половины мира, готового ради любимой изменить династической традиции.

Зачастую туристы за «серальными страстями» не видят ключевые события, происходившие в Османской империи, и не воспринимают Топкапы как одну из важнейших площадок мировой истории. Для миллионов людей этот дворец превратился в место любовных утех Сулеймана и Роксоланы - и «Великолепный век» сыграл

тут не последнюю роль. В Турции его называют «самым неосманским сериалом» – за многочисленные несоответствия (в еде, одежде, церемониале и событиях). Топкапы из ключевого памятника османской эпохи превратился в популярный туристический аттракцион, посетители которого первым делом отправляются на поиски гарема.

Представления европейцев о гареме основаны на сказках «Тысячи и одной ночи»: прекрасные одалиски возлежат на подушках возле бассейнов, развлекают себя пением и танцами, а по ночам страстно предаются любви с могущественным султаном. Британский филолог Бен Рей Редмен, очарованный Востоком, называл гарем миром, где «чувства будоражат всё вокруг: звуки, запахи, цветы, фрукты и драгоценности, вино и сладости, податливая и прекрасная плоть». Гарем в понимании европейцев – волшебная фантазия и вечная сказка легендарных городов: Дамаска, Багдада, Каира и Стамбула.

Мифологизированный образ гарема воссоздали французские живописцы XIX века: Эжен Делакруа, Леконт дю Нуи, Жан-Леон Жером и другие. Готье пишет, что Дон Жуан по сравнению с султаном – всего лишь второразрядный искатель приключений, ибо султан «срывает лишь самые чистые лилии, самые безупречные розы в саду красоты».

Впрочем, гарем Топкапы имел мало общего с западными домыслами. «Дом счастья», как его называли, являлся важным политическим институтом Османской империи. Вместо блаженного безделья и атмосферы сладострастия здесь царили жесткая иерархия и полная изоляция от внешнего мира. Венецианский дипломат Оттовиано Бон (1552–1623) отмечает, что обитательницы сераля проживали как монахини в монастыре – они получали новые имена и навсегда разрывали прежние связи. Французский

романист Виктор Гюго передал чувства тоскующей одалиски, насильно попавшей в Топкапы:

Мне все здесь было б мило:
И ночи мрак немой,
И моря плеск унылый,
И пальмы ствол прямой,
И звезды огневые, —
Когда б не часовые,
Не сабли их кривые,
Не плен печальный мой.
Я родилась в нагорной,
Далекой стороне,
И этот евнух черный
Постыл и страшен мне.

Главным критерием отбора женщин в гарем была их внешность. Османский мыслитель Тусили Насреддин в XIII веке определил каноны женской красоты, обязательные прежде всего для султанских наложниц. Настоящая красавица – это длинноногая пышногрудая брюнетка с узкой талией и широкими бедрами. Ее большие карие глаза томно смотрят из-под густых ресниц; маленькие изящные ступни и нежные подмышки источают аромат духов. Чувственные губы и румяные щеки свидетельствуют о здоровье девушки, тонкие запястья – о ее хрупкости. Походка прелестницы должна быть легкой и соблазнительной, формы – округлыми, волосы – длинными и густыми, речи – добрыми и сладкими, а нрав – веселым и смешливым. «Если повстречаешь такую, сын мой, немедленно хватай ее и делай своей!» – советует мудрый Тусили Насреддин.

Многие из перечисленных признаков красоты являются врожденными, но наложницы упорно

работали над своей внешностью. Вопреки европейским представлениям о гаремной скуке, одалискам не давали томиться бездельем. Женщинам приходилось заботиться о сохранении молодости и привлекательности – собственно, ради этого они и содержались в замкнутом пространстве, отгороженном от соблазнов большого города. Лучшие медики Порты разрабатывали для одалисок правила косметологии и личной гигиены, а также диеты и системы физических нагрузок.

Первым обязательным упражнением была ходьба. В карете могла ездить только жена султана, остальные преодолевали немалые расстояния на территории дворца пешком. Иногда обитательниц сераля вывозили за город или катали на лодках по Босфору – особенно часто это происходило в последние полвека существования Османской империи.

Турецкая поэтесса Лейла Сац, которая провела молодость в гареме султана Абдул-Азиза, рассказывала, что по ночам между Бебеком и Эмирганом можно было увидеть сотни лодок – «в них сидели женщины в шелках и прозрачной вуали, словно привидения».

Помимо ходьбы и загородных прогулок для наложниц ежедневно устраивались подвижные игры – например, одна девушка убегала с платком в руках, а другие гнались следом, чтобы его забрать. По воспоминаниям турецкой писательницы Алев Литлэ-Крутье, игры были скорее детскими забавами, нежели взрослыми развлечениями (средний возраст одалисок составлял 17 лет). Так, в игре «Стамбульский господин» наложница наряжалась мужчиной и садилась на осла задом наперед. Осла пинали, тот скакал – и всадница визжала, стараясь удержаться в седле, как ковбой на родео. Во время другой игры девушка пыталась выбраться из бассейна, но ее сталкивали обратно. Оказавшись на земле, она бежала за товарками и,

настигнув кого-нибудь из них, тоже сталкивала в бассейн. Выбирая очередную любовницу, султан наблюдал эти игры из окна.

Еще одним упражнением были танцы. Жительницы «дома счастья» плясали много – иногда музыканты оркестра буквально падали от усталости. В архивах Топкапы сохранились свидетельства о 20 различных танцах, включая танец живота. Все танцы были сопряжены с дополнительной нагрузкой – наложницы надевали на лодыжки и запястья массивные браслеты. Нередко они танцевали, держа в руках кувшин с щербетом или поднос с фруктами. Кроме того, одалисок заставляли плавать – в серале имелись 3 больших бассейна.

Вторым элементом поддержания наложниц в форме являлась особая система приема пищи. Женщин в гареме кормили 7 раз в день. Натощак утром и на ночь они пили айран. Завтрак состоял из фруктов, овощей, вареных яиц и курицы; полдник – из чашки кофе, фиников и изюма. На обед подавали чечевичный суп, маслины и вареную говядину или баранину; на ужин – морепродукты, овощи и брынзу; на поздний ужин – фрукты. Девушки не могли съесть более 250 грамм пищи за раз и потому ели из маленьких тарелок. Вторая чашка кофе и десерт полагались лишь той, которая готовилась к ночи с падишахом. Это значит, что многие наложницы годами не видели сладкого.

Главной мечтой одалисок было родить султану наследника и впоследствии увидеть своего сына на троне – т. е. стать валиде-султан (матерью правящего султана). Валиде-султан руководили сералем. Они стояли на вершине гаремной иерархии и пользовались огромным авторитетом. Кроме того, мать правителя ни при каких условиях нельзя было выгнать из дворца (хотя такое допускалось даже по отношению к султанским женам).

Безграничную власть валиде-султан подтверждает следующая история. В 1869 году Стамбул посетила французская императрица Евгения Монтихо. В порядке исключения ее провели в гарем, который издавна распался воображение европейцев. Узнав об этом, хозяйка сераля, валиде-султан Пертивниаль - мать Абдул-Азиза - пришла в бешенство и ударила императрицу по лицу. Международный скандал замяли, но Евгения помнила об унижении до конца жизни: ей, аристократке, вlepила пощечину бывшая прачка! До того, как выйти замуж за Махмуда II (отца Абдул-Азиза), Пертивниаль стирала белье в стамбульских хаммамах, где ее, обладательницу пышных форм, и заметил Махмуд.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, нетрудно представить, какая взрывоопасная обстановка царилa в серале. Атмосфера лжи и ревности буквально пропитывала павильоны гарема. Одалискам, желающим обратить на себя внимание повелителя, приходилось выдерживать сильную конкуренцию, строить соперницам всяческие козни, проявлять чудеса хитрости и вероломства, быть коварными и изворотливыми. В сериале «Великолепный век» показано, что Сулейман I заметил Хюррем после того, как она окликнула его. В реальности за подобную немислимую дерзость (и даже за меньшую провинность) наложницу той же ночью утопили бы в Босфоре.

Жесткая дисциплина в гареме объяснялась бурным поведением его обитательниц. Вдохновившись рассказами о разрушающей силе страстей, бушевавших при османском дворе, французский драматург Жан Расин создал трагедию «Баязид», а австрийский композитор Вольфганг Амадей Моцарт - оперу «Похищение из сераля». Некоторые женщины сами хотели попасть в гарем - их привлекала возможность

плести интриги, живя в роскоши. В XVI-XVII веках итальянок и сицилиек продавали в Стамбул с их согласия, они стремились туда с единственной целью – реализовать свои амбиции.

За 600 лет османского господства структура и внутренний распорядок гарема не изменились. Наложницы чувствовали себя уверенно только будучи встроенными в систему сераля, вне которой они были беспомощны. Это подтвердилось во время падения султаната: 17 ноября 1922 года последний падишах Мехмед VI бежал из Стамбула – и брошенные на произвол судьбы одалиски, не привыкшие к самостоятельности, окончили свои дни в печали и бедности.

Женщины попадали в гарем Топкапы самыми разными способами: их брали в плен, покупали на невольничьих рынках или дарили султану. Хюррем, известную в Европе как Роксолана, похитили во время набега крымские татары, после чего ее несколько раз перепродали. В итоге невольница оказалась в Стамбуле. Предположительно она была дочерью священника Гаврилы Лисовского из города Рогатин (ныне Западная Украина) и звалась Анастасией или Александрой. Сулейман Великолепный дал девушке имя «Хюррем» («Смеющаяся», «Дарящая радость»). Роксоланой ее впервые назвал Бусбек в «Турецких письмах». Это объясняется тем, что в XVI веке родина Хюррем именовалась Роксоланией (от племени роксоланов, населявших Северное Причерноморье и упомянутых древнегреческим географом Страбоном).

Невесткой Хюррем стала итальянка Сесилия Верньер-Баффо. Ее отец был губернатором острова Парос, принадлежавшего Венецианской республике и в 1537 году захваченного османами. Девушку подарили шехзаде Селиму II. По легенде, Роксолана выделила ее

среди прочих наложниц и нарекла Нурбану («Королева, излучающая божественный свет»).

Цепочка продолжалась: в 1563 году в сераль привезли родственницу Сесилии – Софию Баффо, дочь губернатора острова Кофру, плененную пиратами. Она получила от Нурбану имя Сафие («Чистая») и превратилась в фаворитку шехзаде Мурада, вошедшего в историю как Мурад III.

Гречанка Кёсем, наложница Ахмеда I, до пленения была Анастасией. Санджак-бей^[30] Боснии приобрел ее в качестве рабыни и отослал в Стамбул в подарок султану. В серале Анастасию именовали Махпейкер («Лунолика»), но Ахмед называл ее Кёсем («Самая любимая»).

Аналогичная судьба постигла француженку Эме дю Бюк де Ривери – родственницу Жозефины де Богарне, супруги Наполеона I. В 1788 году корабль, на котором Эми плыла на Майорку к отцу-плантатору, захватили алжирские пираты. Девочку продали в гарем Абдул-Хамида I, где она получила имя Накшидиль («Улада сердца») и родила падишаху наследника – будущего султана Махмуда II. Этот список можно продолжать очень долго.

Попав в гарем, женщина проходила двухгодичный курс под надзором калф – старых рабынь, помнивших отца и деда правящего султана. Калфы обучали своих подопечных правилам этикета, макияжу, танцам и игре на музыкальных инструментах. Большое внимание уделялось гимнастике интимных мышц. При выполнении главного упражнения использовалось выточенное из мрамора яйцо с прикрепленным к нему шнурком. Если шнурок рвался, одалиска признавалась готовой к встрече с султаном. В результате тренировок наложница могла довести мужчину до экстаза при сохранении им полной неподвижности.

Через 2 года обучения и интенсивных практических занятий девушки сдавали экзамен валиде-султан. Провалившиеся отправляли на кухню и в прочие хозяйственные службы гарема. Остальные получали новый статус – джарийе – и отныне могли попасть в покои монарха.

Дальнейшее повествование требует обращения к мусульманской сексуальной этике, которая во многом проистекает из древних фаллических культов. Пенис веками символизировал силу и власть – еще в 1920-х годах персидские шахи из династии Каджаров использовали специальные насадки, дабы поддерживать миф о своих выдающихся интимных способностях. Большинство приспособлений для получения и усиления сексуального удовольствия было придумано на Востоке. Некоторые из них служили для развлечения наложниц в гаремах. Особые кольца предназначались для гарантии рождения ребенка у правителей восточных деспотий. Кондом появился в Египте в XIV веке до н. э.; тогда же был произведен первый в истории медикаментозный аборт.

В отличие от Запада, на Востоке чувственные наслаждения не считались чем-то позорным – в частности, получила распространение ритуальная проституция. В Месопотамии существовал культ Милитты (Иштар) – богини любви и плодородия. Поклоняясь ей, месопотамские женщины должны были хотя бы раз в жизни отдаться иностранцу в храме богини. Эту традицию упоминают ученые и путешественники, начиная с «отца истории» Геродота. Не желая быть узванными, дамы из высшего общества вуалировали себя полностью. Так появилась паранджа (чадра), позже она превратилась в элемент одежды жриц любви. Библия рассказывает, как Иуда принял женщину за блудницу, «потому что у нее было закрыто лицо» (Быт 38:15). Впоследствии паранджа стала

обязательна для благочестивых мусульманок. В 1920-е годы Ататюрк запретил туркам носить традиционную одежду и, столкнувшись с яростным сопротивлением исламских радикалов, издал указ, в соответствии с которым закрывать лицо могли только проститутки, - и турчанки расстались с паранджой.

Секс на Востоке воспринимался как мост между человеком и богом (или богами). Восточным цивилизациям неведомо типичное для Европы противопоставление любви «чистой», духовной, платонической - и «грязной», животной, физической. Понимание секса как необходимого зла христиане унаследовали от Византии. Французский историк Шарль Диль подчеркивает, что влияние Восточной Римской империи на европейский мир являлось всеобъемлющим: Византия с ее порочной утонченностью «на весь Запад клала печать своего искусства, своей промышленности, своей роскоши».

Внешне благонравный и богомольный Константинополь проповедовал один образ жизни, но исповедовал совершенно другой. Византийское христианство изначально рассматривало плоть как опасный соблазн, а способ достижения «истинной духовности» видело в полном ее подавлении. Несмотря на это, Константинополь знавал оргии, достойные римских патрициев.

Многие василевсы славились ужасающей развращенностью. В их числе был Андроник I Комнин, о котором подробно рассказал византийский летописец Никита Хониат. Василевс часто покидал столицу и с толпой наложниц проводил время в уединенных местах, не уделяя должного внимания государственным делам, - «придворным своим, только немногим, и то самым приближенным, он показывался лишь в определенные дни и как бы сквозь завесу».

Хониат называет Андроника «человеком крайне развратным» – василевс «явно подражал Геркулесу в растлении им 50 дочерей одного только Фиеста». Для повышения потенции император пользовался диковинными мазями и снадобьями, а также употреблял в пищу афродизиаки. Андроника забавляло простодушие константинопольцев (монарх не подозревал, что его свергнут и казнят). Так, василевс вешал на всеобщее обозрение рога убитых им оленей – но не для того, чтобы похвастаться своим охотничьим мастерством, а для того, чтобы поглумиться над горожанами и высмеять распутство их жен.

Лицемерное отношение византийцев к интимной жизни увековечено в колонне Марциана – любопытном историческом памятнике, который находится в ильче Фатих. Воздвигнутая в V веке в честь императора Марциана колонна, по легенде, склоняется набок каждый раз, когда мимо проходит девушка, утратившая невинность до свадьбы. Отсюда ее второе название – Девичий камень. Сегодня проверить суеверие нельзя – колонна пережила не одно землетрясение и потому стянута стальными обручами.

Византийцы были не оригинальны в негативной оценке сексуальной сферы. Еще апостол Павел в Первом послании к Коринфянам говорил: «Хорошо человеку не касаться женщины». Французский прозаик Паскаль Киньяр в эссе «Секс и страх» связывает происхождение современной морали с распространением христианства. По его мнению, христиане присвоили себе первенство в создании идеологии аскетизма у древних римлян. Киньяр отмечает, что зрелище совокупления вызывает у людей возбуждение, от которого они защищаются либо похотливым смехом, либо пуританским возмущением. Древние римляне, начиная с правления Августа, избрали для себя средством защиты страх, – и

христиане унаследовали это от римлян наравне с латынью.

Христианство налагало на интимные отношения печать стыда и греховности, – но мусульманские богословы утверждали, что без соития любовь ущербна. Османская поэтесса XV–XVI веков Михрихатун писала:

С первого взгляда тебя полюбила
Я силою тысяч сердец.
И пусть утверждают ханжи и святоши,
Будто любить – это грех.
Мне все равно, ну и пусть,
Я готова сгореть в его адском огне...

Одной из самых красивых любовных историй Ближнего Востока считается история Сулеймана Великолепного и Хюррем. Будучи властелином половины мира, падишах не стеснялся посвящать ей нежные стихи:

Я страстью сбит с пути. Брожу я, как в пустыне.
Заботам нет числа. Мне ничего не снится.
Моя душа больна. Но если кровь остынет,
Твой взгляд меня спасет, любимая Царица!

Я сердцем ощутил всю грязь, весь стыд гордыни
—
Чем выше возношусь, тем больше грех
вершится.
Кто щедрость сохранил? Кто благороден ныне?
Лишь ты, моя любовь, лишь ты, моя Царица!

Я страстью сбит с пути. Брожу я, как в пустыне.
Заботам нет числа. Мне ничего не снится.
Моя душа больна. Но если кровь остынет,

Твой взгляд меня спасет, любимая Царица!

В архивах Топкапы хранятся письма Абдул-Хамида I к капризной одалиске по имени Рухшах. Падишах обидел наложницу, и та заявила, что не желает его видеть. Потомок Османа молил ее: «Моя любимая, награди меня сегодня вечером своим прекрасным телом. Я с трудом сдерживался прошлой ночью, поэтому, дорогая, не мучай меня сегодня вечером!»

Историям о гаремных оргиях мы обязаны не столько восточной распущенности, сколько распаленному воображению европейцев, измученных пуританской моралью. Их интерес к восточным женщинам был односторонним. Американский журналист Ричард Бернстайн в книге «Восток, Запад и секс. История опасных связей» объясняет это тем, что люди Ближнего Востока не ездили на Запад, более того – Запад их вообще не интересовал, если речь не шла о политике. Восточные мужчины не томились по западным женщинам. В Европе появилось множество книг, посвященных тайнам гарема, – но в арабских и османских книгах не смаковалась любовная жизнь английских и французских королей. В западном воображении – например, в опере «Мадам Баттерфляй» – восточная женщина влюбляется в мужественного европейца, однако на Востоке нет художественных произведений с аналогичным сюжетом.

Гарем делил мир – и не просто на Восток и Запад, на Европу и Азию, на христианские и мусульманские страны – но на те земли, где сераль был заурядным явлением, и те, где он считался греховной диковиной. Сулейман I изумил подданных тем, что хранил верность одной женщине – Хюррем. Его современник, английский король Генрих VIII Тюдор, женившийся 6 раз, вывел

Англию из-под влияния Римской католической церкви, поскольку папа Климент VII не дал согласия на его очередной развод и новый брак.

В то же время гаремная культура разграничивала секс и любовь – и постулировала, что первое не обязательно влечет за собой второе. Тем самым гарем выступал антиподом культуры христианской, где любовь – неперемное условие физической близости. Кроме того, на Востоке издавна бытует представление о том, что могущественные члены общества не должны ограничиваться рамками моногамного брака. По сути, само пространственное устройство Топкапы наводит на мысль о прямой связи между властью и сексом.

Европейцы считали сераль чуть ли не борделем, – и Восток платил им взаимностью. Турецкий консул, сопровождавший Нерваля в прогулке по Каиру, рассуждал о вольных западных нравах – в противовес высокой мусульманской морали. По его словам, стамбульцы возмутились, узнав, что Махмуд II построил баню, где мог наблюдать за собственными женами во время купания. При этом сам дипломат отрицал поступок султана, объясняя слухи «досужими домыслами европейцев». Далее Нерваль приводит свой разговор со стамбульским шейхом. Когда поэт предположил, что мужчина, имеющий несколько жен и рабынь, проводит ночь сразу с двумя-тремя из них, шейх воскликнул: «Так могут поступать лишь шакалы! О Аллах!... Неужели так заведено в Европе?»

В гареме Топкапы действовали ограничения, налагаемые исламом на сферу интимных отношений. Падишах не мог предаваться групповой, анальной и гомосексуальной любви (это не мешало Мехмеду II держать гарем из мальчиков). Не разрешалось смотреть на половые органы партнера во время акта, ибо считалось, что ребенок родится слепым (потому султан прикрывался куском парчи). Разнообразие поз не

приветствовалось - согласно суеверию, ребенок, зачатый в неестественной позе, будет иметь врожденное физическое увечье.

Впрочем, многим джарийе не удавалось даже увидеть повелителя - не то что разделить с ним ложе. Учитывая количество женщин в гареме, это неудивительно: например, гарем Мехмеда III состоял из 500 рабынь. У Ибрагима I было около 300 одалисок - рассердившись на одну из них, султан приказал утопить всех в Босфоре. Самым большим сералем в истории Турции, насчитывавшим 900 наложниц, владел Абдул-Меджид I. В разные годы в серале находилось от 200 до 1200 человек, включая поваров, повитух, служанок и евнухов.

Евнухи охраняли гаремы Османов. Всего существовало три вида скопцов: мамсух (ему отрезали пенис и тестикулы), хаси (отрезали только тестикулы); мажбуб (отрезали пенис, тестикулы оставляли нетронутыми). По другой классификации евнухи делились на сандалов (им удаляли и половой член, и тестикулы), спадонов (тестикулы удаляли путем выдергивания или оттягивания) и тлибий (им тестикулы отбивали). Белых кастратов - грузин и черкесов - допускали лишь на такую работу, где не приходилось общаться с женщинами, ибо зачастую такие евнухи не были полностью лишены половых органов. Среди чернокожих скопцов дороже всех стоили те, кто имел уродливую внешность: это считалось дополнительной защитой от женского распутства.

Сама кастрация в любом виде была крайне опасной и болезненной. Она нередко заканчивалась смертью оперируемого. Такой случай имел место, например, при Селиме II. В услужении у него находились Газанфер и Джафер - братья-венецианцы, захваченные в плен. Селим убедил их стать евнухами, ибо это позволяло сделать головокружительную карьеру при дворе.

Перенеся кастрацию, Газанфер со временем возвысился и стал капы-агой – начальником белых евнухов. Богатый и влиятельный, он занимался благотворительностью – в частности, построил медресе (сегодня улица, на которой оно расположено, называется бульваром Ататюрка, а в здании находится музей карикатуры). Джаферу не повезло: после операции он скончался в страшных мучениях.

Страдания Джафера представляются еще ужаснее, если мы понимаем, что именно ему пришлось выдержать. Операции проводились с использованием примитивных медицинских инструментов и технологий, в условиях антисанитарии, без антибиотиков, противоотечных, обезболивающих и кровоостанавливающих препаратов. Французский дипломат Шарль Ансильон описывает процесс подготовки к хирургическому вмешательству. Пациента укладывали в ванну с теплой водой и нажимали на яремные вены. Человека разбивал своеобразный паралич, и операция проходила для него безболезненно.

Затем, по свидетельству британского путешественника Картера Стента^[31], пенис и тестикулы отрезались ножом серповидной формы. По завершении кастрации в отверстие у основания пениса вставлялась оловянная пробка. Рану покрывали вымоченной в холодной воде бумагой и перевязывали. После этого пациента заставляли ходить в течение 2–3 часов, а затем разрешали лечь и на трое суток лишали питья. По истечении этого срока повязку снимали и пробку вынимали. Если евнух не мог помочиться, это свидетельствовало об отеке уретры, и несчастный был обречен на предсмертную агонию.

Врачи нередко отходили от данного плана. В целях дезинфекции тело пациента могли обтереть перцовой

водой, а его самого, уже лишённого половых органов, – на пару дней закопать в песок по пояс. Часто после кастрации рану прижигали раскаленным железом или заливали горячим маслом. В уретру вставляли трубку для облегчения мочеиспускания – евнух до конца жизни носил ее в складках тюрбана. Реабилитация длилась несколько месяцев, на протяжении которых скопец мучился от сильных болей.

В результате хирургического вмешательства кастрат должен был потерять интерес к женщинам и спокойно выполнять свои обязанности по охране гарема. Однако все не так просто. Монтескье в «Персидских письмах» передает психологическое состояние евнуха: «Во мне погасили следствие страстей, не затушив их причины, и, вместо того, чтобы избавиться от них, я оказался окруженным предметами, которые беспрестанно их возбуждали». Иными словами – несмотря на увечья – скопцы нередко сохраняли сексуальное желание и даже удовлетворяли его. Османский ученый XVIII века Али Сейди-бей утверждал: «Я – свидетель того, что эти черные неверные настолько вероломны, что влюбляются в какую-нибудь из одалисок и тратят на них всё, что зарабатывают. При каждой возможности они тайно встречаются и занимаются любовью».

Топкапы знает немало историй, когда евнухи женились и покидали дворец. В Британском музее хранится датированная 1699-1700 годами рукопись английского путешественника Джона Ричардса. По его словам, евнухи, лишённые наружных половых органов, имели сношения – ведь обитательницы гарема хорошо знали, как компенсировать «мужской дефект».

В архивах Топкапы есть свидетельство дворцового стражника XVIII века. В нем говорится, что две наложницы получили свободу и вышли замуж, но спустя неделю обиженные мужья подали на развод. Причиной

послужили жалобы бывших одалисок на то, что их супруги как мужчины оказались гораздо хуже скопцов. Эта история получила широкую огласку, и весь Стамбул обсуждал ее очень долго. Родилась городская легенда, согласно которой у евнухов со временем якобы заново развиваются половые органы.

Кастрата можно было легко узнать на улице – последствия операции сказывались на внешнем виде. Евнух рано лысел, у него не росли усы и борода, тело становилось пухлым и мягким – но так было не всегда. Летом 1935 года – накануне Второй итало-эфиопской войны – газета The New York Times опубликовала статью «Евнухи на помощь Эфиопии». 200 чернокожих скопцов Стамбула, ранее служивших султанам, выразили готовность защищать эфиопского императора Хайле Селассие I. Автор статьи охарактеризовал бывших охранников гарема как храбрых воинов огромного роста и мощного телосложения. Евнухи владели мечом, копьем и пикой, но в XX веке такое оружие было малопригодным. Хайле Селассие не ответил на предложение.

Образ евнуха – один из самых загадочных и мифологизированных в мировой истории. Европейцы знали о скопцах немного или не знали вообще. Анекдотический случай произошел с германской императорской четой во время визита в Стамбул осенью 1898 года. Августа Виктория (супруга кайзера Вильгельма II) пожелала осмотреть гарем, и Абдул-Хамид II приказал кызлар-аге (начальнику черных евнухов) провести для нее экскурсию по сералю. Кызлар-ага встретил императрицу у Баб ас-Саадет – Ворота счастья, ведущих в третий двор Топкапы, где находился гарем. Августе Виктории сказали, что перед ней главный черный евнух, важный османский сановник. Императрица, которая впервые слышала

слово «евнух», через переводчика спросила кызларагу, был ли его отец тоже евнухом.

На Востоке кастраты играли существенную роль в политике и культуре. В Персии они сторожили царских жен и подвергались насмешкам со стороны полноценных мужчин, в Константинополе – обслуживали василевса и занимали привилегированное положение при дворе. Две сказки «Тысячи и одной ночи» рассказаны от лица евнухов. Правители доверяли кастратам, ибо те физически не могли основать собственную династию – и, значит, захват ими власти становился бессмысленным.

В мусульманском мире евнухи появились в XII веке как жрецы культа. 40 скопцов непрерывно дежурили у гробницы пророка Мухаммеда в Медине. Кастраты охраняли могилу имама Али в иракском городе Эн-Наджаф и усыпальницу Салах ад-Дина в дамасской мечети Омейядов.

Гиббон, оказавший колоссальное влияние на византинистику, называл их старинным продуктом восточной ревности и восточного деспотизма.

Со временем богатые люди стали брать евнухов в качестве слуг – так кастраты оказались в Топкапы. Большинство «живого товара» составляли негры, взятые в рабство и оскотленные за пределами Порты (хирургические операции над ними проводились преимущественно во французском городе Вьен, дабы избежать юридических проблем).

К началу правления Сулеймана Великолепного чернокожие евнухи были могущественнее белых. Сперва белые евнухи обладали более высоким статусом, нежели черные, – но вследствие совершенных ими краж и растрат они утратили доверие султанов. В 1591 году власть белых евнухов ограничил Мурад III. Особенно пострадал капы-ага: он лишился сразу двух должностей – «господина девушек» и назира

(управляющего вакфами^[32]). Эти полномочия были переданы кызлар-аге – с тех пор его авторитет и влияние только росли.

Кызлар-ага стал командиром корпуса алебардчиков в ранге паши с тремя бунчуками^[33]. Также он выполнял функции посыльного между султаном и великим визирем, владел конюшней из 300 лошадей и был единственным, кто мог входить к повелителю в любое время дня и ночи. В XVII-XVIII веках главный черный евнух занимал четвертое место в дворцовой иерархии – выше него стояли лишь падишах, великий визирь и шейх-уль-ислам. Также кызлар-ага руководил снабжением султанской резиденции, выполнял функции посредника между гаремом и мужскими зданиями дворца, следил за образованием шехзаде и участвовал в публичных церемониях.

Теоретически султан мог вершить государственные дела только с помощью великого визиря, но зачастую он больше прислушивался к советам матери, наложницы, садовника или рулевого своей барки. В этих условиях кызлар-ага влиял на имперскую политику и вмешивался в династические споры. Так, в 1617 году Хаджи Мустафа-ага возражал против восхождения на престол психически нездорового Мустафы I и помогал валиде-султан Кёсем. Сулейман-ага, наоборот, занял сторону Турхан и в 1651 году организовал убийство Кёсем. Власть главного черного евнуха простиралась настолько далеко, что он по согласованию с валиде-султан назначал на должности сановников – причем не только в Топкапы, но и во всей Порте. Вообще при решении каких-либо вопросов через мать султана представлялось невозможным миновать кызлар-агу.

Начальника черных евнухов боялись больше всех, поэтому со временем он превратился в самого корыстного чиновника Османской империи. Портер

рассказывает о немыслимой роскоши, окружавшей Хаджи Бешир-агу – кызлар-агу Мустафы III: «В течение шести лет его управления могло показаться, что он намеревается вытянуть у Европы все ее бриллианты и скупить все, что добывалось в шахтах Голконды и Бразилии».

Будучи очень богатым человеком, кызлар-ага редко оставлял пост по собственному желанию. Если же такое случалось, ему выплачивали внушительную пенсию – азатлык (от тур. *azatlık* – свобода). Как правило, главные черные евнухи приобретали собственность в Египте – дабы, удалившись от дел, провести остаток жизни, ни в чем не нуждаясь и позволяя себе приятные излишества. Покупка собственности не вызывала недовольства султана, ибо он являлся единственным наследником кызлар-аги.

Несмотря на участие в политических играх, черные и белые евнухи предназначались для охраны женщин из султанского гарема. Неисполнение этой первой и основной функции Османы не прощали. У скопцов было немало забот – тем более что джарийе, мечтавшие попасть в опочивальню падишаха, не пренебрегали ничем для достижения поставленной цели.

Игра стоила свеч: джарийе, с которой султан провел хотя бы одну ночь, называлась гёзде. Теперь в ее распоряжении были личные покои и прислуга. Число гёзде, как правило, не превышало сотню.

Понравившись господину, гёзде могла стать икбал – фавориткой. Икбал обычно насчитывалось немного: так, у Селима II их было 9, у Махмуда I – 15. Забеременев, гёзде или икбал становилась претенденткой на статус кадины – матери ребенка султана, а еще не рожденный ребенок – претендентом на османский престол.

Женщины в гареме ревниво следили друг за другом. Ни одна беременность не оставалась незамеченной. Главной задачей одалисок – а иногда и валиде-султан –

было вытравить плод или погубить младенца при родах. Если же гёзде или икбал все-таки умудрялась родить, она в качестве кадины занимала одну из высших ступеней гаремной иерархии и получала в услужение евнухов и рабынь, а также басма-лик – солидное ежегодное содержание, название которого дословно переводится как «на туфельки» (что синонимично русскому «на булавки»). Главной кадиной считалась хасеки – мать первенца, ее титул являлся вторым по значимости после валиде-султан.

Самые удачливые кадины становились кадин-эфенди – супругами султана. По шариату их могло быть максимум четыре. Согласно легенде, на рабыне женился еще Баязид II, но официальных данных о столь выдающемся событии не сохранилось. Первым султаном, который действительно заключил брак с невольницей, считается Сулейман I Великолепный. Его супругу звали Хюррем – и именно для нее в 1521 году Сулейман ввел титул «хасеки» («милая сердцу»).

Свадьба падишаха, состоявшаяся в 1530 году, была экстраординарным мероприятием – в Стамбул даже привезли слонов и жирафов из Африки. Церемония бракосочетания сопровождалась грандиозным пиршеством. Дома украсили цветочными гирляндами. На старом ипподроме построили трибуну для новобрачной и ее свиты – Роксолана наблюдала оттуда за рыцарским турниром и выступлениями музыкантов. «Об этой свадьбе ходит много разных толков, но никто не может объяснить, что все это может значить», – резюмирует английский путешественник Джон Янг.

Свадьба означала окончательную победу Хюррем в дворцовых интригах. Ни иностранцы, ни сами османы не понимали желание султана взять в жены коварную чужеземку. Один венецианский купец писал из Стамбула, что в Топкапы миновали те времена, когда к ложу повелителя приводили робких красавиц: «Теперь

опустели залы, по султанским коврам ползают гадюки и скорпионы... Ходит лишь поганая красноволосая ведьма да ее недоноски». Представитель Габсбургов сообщал, что единственным изъяном в характере падишаха является чрезмерная преданность супруге. По словам итальянского купца Луиджи Бассано де Зары, Хюррем околдовала Сулеймана - из-за этого «военные и судьи ненавидят и ее саму, и ее детей, но, видя любовь к ней султана, роптать не смеют».

Английский историк Лесли Пирс приводит пример того, какое влияние Хюррем оказывала на правителя. Некий санджак-бей подарил султану и его матери по красивой рабыне, но Хюррем бурно возмутилась.

Валиде, отдавшей свою рабыню сыну, пришлось извиниться и забрать наложницу обратно. Вторую рабыню падишах велел отправить другому санджак-бею - ибо присутствие даже одной одалиски во дворце делало хасеки несчастной.

История Хюррем подтверждает общую закономерность: большинство правителей Блистательной Порты рождено от рабынь. До завоевания Константинополя султаны женились на анатолийских, византийских и балканских принцессах. Это были сугубо политические браки, имевшие целью упрочить могущество Османов и закрепить их международные связи. Так, в 1346 году Орхан играл роскошную свадьбу с красавицей Феодорой - дочерью византийского императора Иоанна VI. Военный лагерь Орхана был разбит на азиатском берегу Босфора. За невестой отправили 30 кораблей и конный эскорт. По замечанию Гиббона, Феодору отдали «владыке-варвару» безо всякого церковного обряда - но было оговорено, что в гареме она сохранит свою веру.

Вследствие дипломатических браков многие представители Османской династии до конца XIV века были шатенами или русыми с голубыми либо серыми

глазами. С XV века гарем регулярно пополнялся пленными черкешенками и дочерьми кавказских князей – отцы отдавали их в сераль, надеясь, что обеспечивают девушкам блестящую будущность или хотя бы безбедное существование. Султаны превратились в жгучих кареглазых брюнетов – именно такими они вошли в историю. Исключением стал Селим II – сын Сулеймана I и Хюррем. Огненно-рыжий цвет волос он унаследовал от матери.

Царившие в серале страсти, скандалы и интриги превратили его в ключевой политической институт Османской империи. Движимые желанием посадить на трон каждого своего сына, кадины легко вступали в опасную дворцовую борьбу друг с другом, прочими наложницами, валиде-султан, а иногда и с высшими чиновниками, в первую очередь – великими визирями.

Постепенно женщины приобретали всё большую власть. Это привело к тому, что в 1550–1656 годах они фактически руководили государством. Этот период в истории Порты принято называть Женским султанатом (тур. Kadınlar saltanatı). Бразды правления находились в руках Нурбану (жены Селима II и матери Мурада III), Сафие (наложницы Мурада III и матери Мехмеда III), Кёсем (жены Ахмеда I и матери Мурада IV и Ибрагима I) и Турхан (жены Ибрагима I и матери Мехмеда IV).

Способность их мужей и сыновей возглавлять государство была крайне сомнительна. Селима II за страсть к вину прозвали Пьяницей. Ахмед I умер от сыпного тифа в возрасте 27 лет. Мустафа I и Ибрагим I были душевнобольными. Мурад IV – единственный монарх эпохи Женского султаната, который правил, а не царствовал – демонстрировал нечеловеческую жестокость к подданным и, вместе с тем, славился беспримерной храбростью. Он положил конец противоборству с Персией и в результате масштабных боевых действий восстановил границу, проведенную

еще при Сулеймане I (1555). Зухабский мир между Портой и государством Сефевидов был заключен в 1639 году. Иран выполнял его условия на протяжении века – вплоть до завоевания афганцами.

Мурад IV лично вел армию в бой. Во время осады Багдада (1638) он наравне с простыми солдатами рыл окопы. Прекрасный наездник, отличный борец и искусный лучник, султан обладал чудовищной физической силой. Он легко перепрыгивал с лошади на лошадь на полном скаку, пробивал копьем щит, обитый верблюжьими шкурами, пускал стрелу дальше ружейной пули – и однажды, метнув дротик, убил ворона, сидевшего на минарете в полутора километрах от него.

Грозный падишах вызывал у подданных ужас и почтение. В 1638 году он запретил курение табака и опиума, распитие алкоголя и кофе. Нарушителей бросали в тюрьму, били палками и даже казнили. Однажды, прогуливаясь по саду, Мурад увидел курящего садовника. Несчастному отрубили ноги и оставили истекать кровью в тени олеандров. Венецианец, живший возле Топкапы и надстроивший этаж собственного дома, поплатился за это жизнью: падишах решил, что иностранец собирается подглядывать за его гаремом. Придворных музыкантов казнили за исполнение персидской мелодии – Мурад считал это прославлением врагов. Также султан пронзил копьем посыльного, принесшего весть о том, что у него родилась дочь вместо долгожданного сына-наследника.

По легенде, Мурад проявил милосердие только раз. Ему доложили, что в подвале дома около Гранд-базара действует нелегальная кофейня, совмещенная с опиумной курительней. Султан, рассвирепев, покинул дворец и нашел злополучный подвал. Там его встретил радушный хозяин, который предложил гостю чашку кофе и трубку. Падишах отказался, и хозяин заподозрил

неладное – стамбульцы знали о привычке Мурада гулять по городу инкогнито и наказывать тех, кто осмелился нарушить закон.

Худшие опасения кабатчика подтвердились, когда незнакомец заявил, что его зовут Мурад. Испуганный старик рухнул на колени и закричал: «Добро пожаловать на мои похороны!» Султан рассмеялся и простил преступника. Так в турецком языке появилась фраза «Добро пожаловать на мои похороны!» («*Вуьгип сепазе патазина!*»), которую употребляют в критических ситуациях.

Хозяину кофейни невероятно повезло, ведь падишах не знал пощады. По слухам, во время правления Мурада IV было казнено более 100 тыс. человек – для сравнения: столько потеряла османская армия при пятинедельной осаде Багдада в 1638 году. Среди вельмож, вызвавших гнев султана, оказались командиры янычар и сипахов, великий визирь и впервые – шейх-уль-ислам Порты.

В последние годы жизни Мурад, получивший прозвище Кровавый, предавался пьяным кутежам. Господарь Молдавского княжества Дмитрий Кантемир пишет, что монарх страдал от алкогольных галлюцинаций: «Словно безумец, бегал по улицам босой, в одной рубахе, и убивал любого, кто попадался ему на пути». Стоя у окна, Мурад часто стрелял из лука в случайных прохожих. Вино погубило победоносного султана: в 1640 году он скончался от лихорадки.

Мураду IV наследовал Ибрагим I Дели (Безумный). Мехмед IV, нареченный Авджи (Охотником), больше интересовался развлечениями, нежели государственными делами. Его знаменитое письмо запорожским казакам имеет необычайно мягкий и осторожный для подобных посланий тон. Падишах просто предложил запорожцам сдаться и даже не грозил им смертельной карой. Ответ казаков носил

глумливый характер и изобиловал нецензурной лексикой (процесс его сочинения изобразил художник Илья Репин).

В Стамбуле о Мехмеде IV напоминает ильче Авджылар – там находились его любимые охотничьи угодья. Александр Дюма, с интересом наблюдавший за потомками Ибрагима I и Мехмеда IV, в повести «Али-паша» отмечает: «Еще в середине XVIII века Турция была поражена политической гангреной... Племя османов, предназначенное лишь для завоеваний, делалось совершенно никчемным, как только завоевания приостанавливались». Гарольд Лэмб – американский биограф Сулеймана I – также приходит к неутешительному выводу: «Если турок слезает с седла, чтобы сидеть на ковре, он превращается в ничто».

Порта погибла через 50 лет после смерти Дюма – и, по мнению ряда историков, причины катастрофы коренятся в эпохе Женского султаната. Матери, жены и наложницы падишахов с удовольствием участвовали в подковерных играх и назначали своих фаворитов на ключевые должности. Управление империей носило бессистемный характер, в госаппарате процветали бюрократия и кумовство – ибо вчерашние рабыни и гаремные интриганки не были готовы заниматься политикой.

Конец Женскому султанату положил Сулейман II – сын Ибрагима I и младший брат Мехмеда IV. Он взошел на престол, будучи взрослым человеком, и не нуждался в регентстве валиде-султан. Шехзаде Сулейман провел 39 лет в кафесе – это еще одно занятное место Топкапы.

Кафес (тур. kafes – клетка) представлял собой павильон, примыкающий к гарему, но изолированный от него. Там содержались шехзаде – османские принцы. Своим существованием Клетка обязана закону о престолонаследии Мехмеда II. Фатих выразил свою

волю следующим образом: «Любой, кто который посмеет посягнуть на султанский трон, должен быть немедленно казнен, даже если трон пожелает занять мой брат».

Кровавую практику братоубийства в династии Османов впервые применил в 1389 году Баязид I Йылдырым (Молниеносный) - в борьбе за престол он велел задушить своего старшего брата Якуба. Правнук Баязида I, Мехмед II отчетливо понимал: трон надо защитить от неизбежных распрей и притязаний со стороны собственных родственников - поэтому его закон закреплял, что шехзаде нужно казнить сразу же после воцарения нового султана. Четкого порядка передачи власти не существовало, ибо, по мнению османов, правителя мог определять только Аллах.

Кинросс отмечает, что с момента принятия данного закона Османы должны были следовать «дикой практике», охраняя свою безраздельную власть - и, таким образом, обеспечивая выживание династии на протяжении веков. Английский историк Энтони Алдерсон видит в законе Фатиха принцип естественного отбора: «Трон был доступен всем, но его занимал только самый сильный наследник, остальные должны были погибнуть». Выразить притязания на верховную власть могли только члены султанской семьи. Таким образом, во главе государства оказывался самый умный, хитрый и ловкий претендент, сумевший одержать победу над своими соперниками.

В 1666 году в соответствии с указом Селима II наследникам даровалась жизнь, но вплоть до смерти правящего султана они не могли участвовать в общественно-политических делах. Так появился кафес, в котором шехзаде были заключены годами, а иногда и десятилетиями. Принцы не получали никакой информации о том, что творится в стране, и не могли выйти из Клетки. Их охраняли евнухи с проколотыми

барабанными перепонками и надрезанными языками. Им отдавались одалиски с удаленными матками и яичниками.

Гудвин описывает кафес как помещение, где шехзаде ждали смерти или коронации. Они проводили дни в безделье, полностью оторванные от течения жизни. Даже высшие сановники не знали, сколько человек содержится в Клетке. Обычно это выяснялось в ходе янычарского бунта, когда мятежники врываются во дворец и начинали искать подходящего претендента на трон. Очередного потомка Османа – находившегося, как правило, в состоянии расстройств сознания, – вытаскивали из темницы и вручали ему власть.

Сулейман II, положивший конец эпохе Женского султаната, был не единственным долгосрочным обитателем кафеса. Мустафа I провел в заточении 14 лет, Селим III – 15 лет, Ахмед II – 43 года, Осман III – 50 лет, Мехмед VI – 57 лет. Клетка уродовала своих пленников и подрывала мощь огромного государства. Слабые, запуганные, полусумасшедшие шехзаде не имели житейского опыта и не обладали государственным мышлением. Внезапно очутившись на престоле, они не могли ни принимать политически верные решения, ни издавать мудрые указы, ни вести в бой войска, ни держаться подобающе своему высокому статусу.

Мустафа I дергал визирей за бороды и срывал с них тюрбаны во время совещаний. Еще он любил бросать золотые монеты с балкона Топкапы в Босфор, заявляя, что рыбам они нужнее. Осман III и Селим III после долгих лет заточения испытывали серьезные проблемы с речью. Сулейман II увлекался каллиграфией: ему больше нравилось переписывать Коран, нежели управлять империей. Став султаном, он постоянно высказывал желание вернуться в кафес. Британский дипломат Пол Райкот описывает, как Ибрагим I

Безумный верхом возвращался в Топкапы после коронации: «То ли из-за отсутствия практики, то ли по причине осанки, присущей дуракам, но он сидел в седле так нелепо, что вызывал у народа скорее смех, чем возгласы одобрения».

В течение первого года правления Ибрагим I был абсолютно равнодушен к женщинам (что грозило династическим кризисом) – но потом стал демонстрировать невиданную развращенность. По словам Дмитрия Кантемира, Ибрагим был привержен похоти настолько же, насколько Мурад IV – вину. В частности, падишах велел, чтобы по пятницам к нему приводили красивую девственницу. Стены султанских покоев были покрыты зеркалами – дабы Ибрагиму казалось, что его любовные сражения происходят сразу в нескольких местах. Правитель часто собирал обнаженных наложниц в саду и с жеребьячьим ржанием носился среди них, овладевая то одной, то другой, – а девушки брыкались и сопротивлялись по его приказу. Еще одно сумасбродство Ибрагима состояло в том, что он искал женщину, имеющую половые органы, подобные коровьим (соответствующие формы были отлиты в золоте и разосланы по всей империи). Султан также собрал внушительную коллекцию эротической и порнографической литературы и сам изобрел несколько новых поз.

Особую страсть Ибрагим питал к толстым женщинам – его фаворитка по прозвищу Шекер Пара («Кусочек сахара») весила около 160 кг. Вес остальных наложниц колебался от 115 до 230 кг. Султанские слуги целенаправленно искали пышнотелых девушек в стамбульских банях. Безумный падишах тратил на содержание гарема огромные средства, разоряя государственную казну. Он раздавал одалискам деньги, драгоценности и земельные наделы, принадлежавшие его сестрам. Также Ибрагим назначал на ключевые

посты людей самого низкого происхождения – например, сделал банщика пашой с тремя бунчуками, что равносильно званию генерал-полковника. Более того – султан чуть не убил своего единственного на тот момент сына и наследника, в порыве ярости швырнув его в фонтан (у Мехмеда IV на всю жизнь остался шрам на лбу).

Пленники Клетки сходили с ума, пускались в чудовищные загулы либо становились аскетами. Это неудивительно: до того, как возглавить Блистательную Порту, принцы десятилетиями мучились от тоски и ужаса. Памук в «Черной книге» отмечает, что для шехзаде безумие было естественным – ибо они изучали историю своей семьи, где братоубийство являлось династической традицией. Жизнь в ожидании смерти приводила к тому, что, сходя с ума, узник кафеса словно говорил: «Я выхожу из игры» – и тем самым избавлялся от контроля султанских доносчиков, от заговоров, интриг и ловушек, а заодно и от невыносимых грез о престоле.

Но все же кафес даровал жизнь – в то время как султаны убивали соперников жадно и непреклонно. Основатель династии Осман задушил своего дядю Дундар-бея. Мурад I умертвил братьев Халила и Ибрагима и сына Савджи-бея. По приказу Баязида I были казнены десять его братьев (первым стал снискавший популярность в войсках Якуб). Мехмед I лишил жизни брата Ису, Мурад II – дядю Мустафу и брата Мустафу. Остальные братья Мурада II были ослеплены. Мехмед II зарезал своего брата в постели. Баязид II убил брата Джема и четырех его сыновей: Огуза, Ахмеда, Хана и Пашу. Селим I пролил кровь своих братьев Коркута, Шаха, Алем Шаха, Ахмеда, Махмуда, а также племянников – сыновей Махмуда: Мехмеда, Мусы, Эмина, Орхана и Османа. Селим не оставил в живых никого из своих родственников по мужской линии,

кроме сына Сулеймана – будущего Сулеймана I (другие сыновья Селима погибли от чумы). Будучи лишен возможности погубить дядьев и братьев, Сулейман I убил своих сыновей Мустафу и Баязида и внуков (детей Мустафы – Мехмеда и Орхана – и детей Баязида – Орхана, Османа и Абдуллаха).

Следует подробнее рассказать об убийстве шехзаде Мустафы. Бытует мнение, что Сулейман велел задушить его, поддавшись Хюррем, которая хотела видеть на троне своего сына Селима; причем умный и храбрый Мустафа якобы действительно мог возглавить Османскую империю после смерти отца. На самом деле, Сулейман имел все основания бояться собственного ребенка. Мустафу уважали янычары, он был популярен среди народа – и, значит, угроза государственного переворота под руководством шехзаде была реальна. Все это определило дальнейшую судьбу принца и приблизило его конец. В 1553 году – за несколько месяцев до того, как жизнь Мустафы оборвалась – венецианский дипломат Бернардо Наваджеро утверждал: «Невозможно описать, насколько он любим и желанен как наследник престола».

Смерть принца вызвала неоднозначную реакцию современников. Персидский шах Тахмасп I говорил, что правление Сулеймана дважды запятнано позорным убийством невиновных людей (первой жертвой пал великий визирь Ибрагим-паша, второй – родной сын султана). Согласно городской легенде, гибель Мустафы повлекла за собой еще одну трагедию: скончался шехзаде Джихангир, который якобы умер от тоски по старшему брату. В известной пьесе XVII века «Мустафа», написанной английским аристократом Роджером Бойлом, Джихангир и вовсе закалывает себя кинжалом на глазах у отца, произнеся перед этим скорбную тираду о своей дружбе с благородным Мустафой.

Легенда прекрасна и печальна – но надо учесть ряд обстоятельств. Во-первых, Мустафа покинул Стамбул в 1533 году, когда Джихангиру было 2 года, – отец отослал его в Анатолию управлять тамошними провинциями (сначала Манисой, а с 1541 года – Амасьей). Хюррем не желала возвращения Мустафы в столицу, ибо считала его главным конкурентом Селима в борьбе за трон. Судя по всему, в период с 1533 года и до конца жизни шехзаде ни разу не приезжал в Стамбул, и Джихангир не видел старшего брата – а, следовательно, не мог к нему привязаться. Во-вторых, Джихангир с детства отличался слабым здоровьем; вероятно, его смерть вызвана естественными причинами.

Европа пристально наблюдала за кровопролитиями в Топкапы. Отношения между Сулейманом I и его сыновьями (особенно убийство Мустафы) легли в основу десятков литературных произведений, созданных английскими, французскими и итальянскими поэтами и драматургами XVI–XVIII веков. Вот неполный список: «Трагедия Сулеймана» (1581) Габриэля Бонуни, «Сулейман» (1607) Джорджа Тилолу, «Трагедия Мустафы» (1609) Фулка Гревилла, «Мустафа» (1739) Дэвида Моллета, «Джихангир и презренный трон» (1748) Готтолга Пессинга, «Мустафа и Джихангир» (1761) Кристиана Вайсса.

Особую популярность приобрела пьеса Роджера Бойла «Мустафа» (1665). Она успешно ставилась в театрах и была переведена на несколько европейских языков. Автор изложил события османской истории однобоко – но большего и не требовалось для художественного произведения. В трагедии Бойла Мустафа обращается к отцу с последними словами:

Умерев, я покончу с вашей ненавистью,
Но так и не завоюю вашу любовь.

Бойл был не первым европейцем, для которого реальные исторические персонажи окрасились в черный и белый цвета. За 100 лет до него Боден изобразил Сулеймана деспотичным и трусливым стариком, чье поведение, однако, соответствовало традициям османского государства.

По версии Бодена, Мустафа подписал себе смертный приговор еще в 1552 году, когда триумфально прибыл в Стамбул, подавив сопротивление персов. Народ встретил шехзаде ликованием - и отец не смог пережить популярность сына. Сулейман приказал задушить Мустафу в покоях Топкапы. Далее султан расправился с прочими реальными и мнимыми конкурентами, включая двоих шехзаде. В живых остался только Селим - его спасло то, что он остался единственным наследником. «Подобное было традиционным у оттоманов, потому что мечтать об империи могли все, но доставалась она только одному», - резюмирует Боден.

По мнению американского исламоведа Маршалла Ходжсона, Сулейман не был кровожадным. В результате интриг Хюррем ему пришлось казнить Мустафу, который мог стать достойным наследником престола, хотя и был рожден от другой женщины. В 1561 году - и снова в результате интриг - Сулейман предал смерти еще одного своего сына, шехзаде Баязида - уверяя самого себя, что поступает правильно, определяя очередь наследования.

Черода династических убийств сопутствует всей истории Османского рода, она неумолимо возобновлялась с воцарением нового султана. Мурад III лишил жизни пятерых своих братьев. Мехмед III приказал задушить 19 сводных братьев - детей его отца, Мурада III, от разных жен и наложниц. Об этом

упоминает Шекспир в пьесе «Генрих IV», где Мурад III назван Амуратом. После коронации Генрих V говорит младшим братьям:

Я вижу, братья,
К печали вашей примешался страх.
Здесь английский, а не турецкий двор.
Не Амурат - преемник Амурата,
А Генрих - Генриха.

Также по распоряжению Мурада III задушили его сына Махмуда. Мурад IV убил четырех своих братьев, Мустафа IV - Селима III, Махмуд II - Мустафу IV, его мать, а также жену и детей находившегося в ссылке Мустафы III. Ахмеда II отравили. Смерти не избежал и Осман II - султан, который даже не успел возмужать. Он вошел в историю под прозвищем «Генч Осман» («Молодой Осман») - и изображен на портретах безусым и безбородым юношей. Главным событием его правления оказалась лютая зима 1621 года, когда Босфор замерз частично, а Золотой Рог - полностью. Несмотря на нежный возраст, падишах был жесток - например, он упражнялся в стрельбе из лука, используя в качестве мишеней слуг и военнопленных. Осман II погиб в 17-летнем возрасте от рук великого визиря Кара Давут-паши.

Всего в династии Османов было истреблено 78 шехзаде. Убийства прочих членов султанской семьи, великих визирей, иных чиновников и их родственников вовсе не поддаются исчислению. При этом в гареме показатели детской смертности были просто ужасающими. Так, из 100 детей Мурада III (XVI век) выжили, по одним данным, 19 сыновей и 26 дочерей; по другим - 22 сына и 29 дочерей. В XVIII-XIX веках

ситуация не намного улучшилась: у Ахмеда III умерли 34 ребенка, у Абдул-Меджида I – 25 детей.

Топкапы веками хранит страшные тайны любви, надежды и смерти. Окна дворцовых хаммамов забирали решетками, дабы к купающимся не подобралась убийцы. В крохотных комнатках, которые исследователи считали кладовками, жили карлики, веселившие правителей Порты. На камне около ворот Кушхане ночью 2 сентября 1651 года добились и оставили лежать до рассвета валиде-султан Кёсем – жену Ахмеда I, мать Мурада IV и Ибрагима I.

Райкот красочно описывает ужасную смерть Кёсем в сентябре 1651 года. На 60-летнюю женщину напали четверо молодых людей – сторонников ее невестки и соперницы Турхан-султан, готовившей дворцовый переворот. С Кёсем сорвали одежду и украшения, оставив ее совершенно нагой. Затем жертву схватили за ноги и потащили к воротам гарема. Валиде-султан душили и били по голове; она яростно кусалась. Убийцы оказались неопытными и потому «трудились очень долго». Наконец, они решили, что все кончено, и побежали в Топкапы с радостными криками: «Она мертва, она мертва!» Однако Кёсем поднялась с земли, и убийцы вернулись. На шею жертвы снова набросили шнурок и сильно затянули его рукояткой топора...

Убийство Кёсем было отнюдь не единственным кровавым пятном в истории Топкапы. Во время массовых наказаний во дворе султанской резиденции складывали курганы из языков провинившихся вельмож, наложниц и евнухов. В саду Топкапы стояли две колонны, на которых выставляли отрубленные головы опасных преступников и врагов империи. По мнению европейцев, все это свидетельствовало о кровожадности османов. На Западе полагали, что казни превращаются для стамбульцев в яркий и

запоминающийся праздник. В стихотворении Гюго «Головы в серале» есть такие строки:

Сераль!.. Сегодня он дрожит от ликованья.
На шелковых коврах под гром и завыванье
Флейт, барабанов, труб – султанш веселый пляс:
Дворец, как властелин, дарующий широко,
Шесть тысяч подарил поклонникам пророка
Голов, отрубленных зараз.

Экзекуции проводились не только для наказания преступника, но также ради устрашения подданных и демонстрации султанской мощи. Головы вельмож насаживали на пики возле дворцовой стены; на солнце они постепенно чернели. Если ранг казненных был ниже паши, то головы складывали на всеобщее обозрение около главного входа в Топкапы – Ворота империи (Баб-и-Хумаюн).

В саду Топкапы находился фонтан, в струях которого палачи мыли руки, обогранные кровью жертв. Палачи по совместительству работали садовниками – в их обязанности в равной мере входили казни и выращивание прекрасных цветов, услаждающих взор султана. Нарциссы, розы, тюльпаны, гиацинты и сотни других растений попали в Европу с бескрайних зеленых холмов Топкапы. Османы предпочитали глухонемых палачей и дильсизов – палачей с вырванными языками, не способных болтать о происходящем во дворце и внимать стенаниям приговоренных к смерти. Также считалось, что после отсечения голова казненного может назвать имя того, кто виновен в его гибели, – или выдать иной секрет, который должен навеки остаться в стенах Топкапы. В Стамбуле до сих пор рассказывают легенду о том, как голова великого визиря Ибрагима-

паши в течение нескольких часов повторяла имя сгубившей его Хюррем.

Способы казни были разными. Янычарам отрубали голову тесаком. Рядовых подданных обезглавливали с помощью топора либо секиры. Пиратов и разбойников распинали, четвертовали, подвешивали за ребра. Генуэзский купец Якопо де Кампи, на протяжении 30 лет торговавший сначала в Константинополе, а потом в Стамбуле, вспоминал неоднократно виденное им посажение на кол.

Закон запрещал проливать кровь представителей Османской династии и высокопоставленных чиновников (иначе души убиенных не могли уйти на небо) – поэтому их душили шелковым шнурком или тетивой для лука. Многих душили во сне – на Востоке существовало поверье, что душа спящего покидает тело, и он считался временно мертвым. Эта практика началась с казни Ибрагима-паши – великого визиря Сулеймана I. Султан поклялся, что никогда в жизни не убьет Ибрагима – но шейх-уль-ислам Мехмед Эбусууд-эфенди сказал Сулейману: «Жизнь – это активность, когда мы спим – мы не живем. Пусть он [Ибрагим-паша] умрет, когда ты спишь». Подобные казни осуществлял главный садовник, он же – главный палач, мускулистый человек, способный задушить кого угодно.

Правители Порты неустанно перекраивали облик дворца, будто пытаясь спрятать прошлое за вновь возведенными колоннами, беседками и павильонами, замазать кровавые пятна цементом, замуровать кости в стенных нишах. В османскую эпоху Топкапы перестраивался множество раз. Каждый султан воздвигал новые здания – причем архитекторы не задумывались о том, как они будут гармонировать друг с другом. В результате в ансамбле Топкапы причудливо переплетаются османский стиль, барокко, рококо, французский ампир.

Первая масштабная перестройка резиденции, задуманная Сулейманом I, заключалась в том, что между султанскими покоем и хозяйственными помещениями следовало возвести как можно больше сооружений. Они предназначались для жен, наложниц и личной охраны правителя. Так в Топкапы появились маленькие павильоны, обозначаемые словом «киоск» (затем оно пришло в европейские языки). Основы придворного этикета, заложенные Сулейманом I, оставались неизменными в течение столетий. В начале XVIII века Ахмед III писал своему великому визирю: «Если перехожу из одной комнаты в другую, то в коридоре при этом выстраивается 40 человек, когда я одеваюсь, то за мной наблюдает охрана... Я никогда не могу побыть один».

В то же время обслуживающий персонал Топкапы – более 5 тыс. человек (только на кухне трудилась тысяча) – не должен был видеть султана. Многочисленные евнухи, повара, управляющие, кладовщики, уборщики, садовники служили во дворце десятки лет и никогда не встречались с хозяином всех земель, как почтительно именовали Сулеймана.

Дворцовый комплекс Топкапы обладает интересной особенностью: гигантский по площади, он не имеет высоких зданий. Фактически Топкапы представляет собой модернизированную версию палаточного лагеря кочевников, коими раньше были турки. У Генри Мортонна беседки и павильоны ассоциируются с шатрами, выполненными из дерева и камня. Действительно – военный лагерь османов разбивался по такому же принципу, что и строился Топкапы: огромный шелковый шатер султана окружали разнообразные шатры и палатки военачальников и придворных. Именно с Сулеймана Великолепного началась традиция, согласно которой после воцарения нового султана для него сразу же принимались шить грандиозный походный шатер –

подобно тому, как в Древнем Египте для фараона начинали строить пирамиду.

29 августа 1562 года - после блестящей победы в Мохачском сражении - перед знаменитым шатром Сулеймана сложили гору из отрубленных голов венгерских, чешских и хорватских воинов. Битва при Мохаче длилась два часа, став самым коротким сражением в истории. Турки впервые применили тактику полумесяца (туран). Османская армия разделилась на три группы - центр, левый и правый фланги. Центральные войска быстро ударили по противнику и начали отступать, заманивая его вглубь своих расположений. Ободренные европейцы решили, что победа близка, устремились вслед за турками - и были внезапно атакованы с флангов вражеской кавалерией.

Всего за пару часов Венгрия потеряла армию, бóльшую часть родовой аристократии, всех полководцев, 8 епископов и короля Лайоша II. Тело юного монарха опознали по драгоценным камням на шлеме и доспехах. Вместе с 20-летним Лайошем умерло и его королевство: монарх не оставил наследника, и Венгрия на 400 лет лишилась независимости.

Сулейман решил «восточный вопрос» Османской империи, что не удалось в свое время Мехмеду II. Затяжные войны с Венгрией не принесли покорителю Константинополя успеха. Его солдат тысячами сажал на кол валашский князь Влад III Цепеш. Тела казненных становились бледными, ибо из них вытекала кровь. Так родилась легенда о том, что Влад III был вампиром.

В 1461 году Цепеш отказался платить Порте дань. Султанские послы, явившиеся к князю за деньгами, отказались снять перед ним тюрбаны, - и Цепеш приказал гвоздями прибить тюрбаны к их головам.

В 1462 году разгневанный Мехмед II во главе армии вторгся на территорию Валахии. Солдаты Дракулы

уничтожили 15 тыс. османов и около 20 тыс. взяли в плен. Отступая, князь оставлял за собой сотни изуродованных вражеских тел и мертвую пустыню. По его приказу отравляли колодцы, резали скот, жгли дома и посева, дабы туркам не досталось ни еды, ни воды, ни укрытия, ни женщин - ничего.

Преследуя Цепеша, османы дошли до южного склона Трансильванских Альп - и здесь, у города Тырговиште, обнаружили печально известный «лес кольев» с насаженными на них трупами 20 тыс. пленных. Холмы были залиты кровью и усыпаны отрубленными головами тех, кому кольев не хватило. В воздухе висел сладкий, тошнотворный запах смерти. Султан дрогнул и повернул назад.

Образ Влада III увековечил ирландский писатель Брэм Стокер в романе «Дракула». Знаменитый сюжет о самоубийстве молодой жены Влада III может иметь под собой реальную основу. Согласно преданию, спасаясь от турок, князь с супругой укрылись в румынском замке Поенарь. Османы осадили крепость, и Цепеш предпринял отчаянную вылазку за водой и продуктами. Пока он отсутствовал, враги осыпали замок 500 стрелами с письмами, сообщающими о гибели князя. Одна из них попала в окно покоев жены Дракулы. Прочитав письмо, она бросилась с башни, стоявшей над обрывом.

Влад ненадолго пережил супругу: в 1476 году османы взяли его в плен и казнили. Легенда гласит, что операцией руководил брат Цепеша - Радубей, который еще в детстве принял ислам и помогал Мех-меду II захватывать Константинополь, сражаться с Ираном и завоевывать Балканы. Как бы то ни было, отрубленную голову Влада отправили султану. Торжествующий Фатих выставил ее на колонне в саду Топкапы - недалеко от ворот Баб-и-Хумаюн, через которые

проходила дорога, соединявшая Рим и Константинополь.

Анализ правления Мехмеда II и его правнука Сулеймана I показывает, что султанов наконец-то связало не только кровное родство. Отныне они передавали друг другу государственные планы, военные секреты, проблемы и надежды. У Османов появилась интеллектуальная и духовная преемственность, оформилась социальная иерархия, сложились традиции, обычаи и ритуалы - и Сулейман был их прямым наследником и продолжателем. Он умело использовал богатый опыт Османской династии. Так, захватив в 1534 году Багдад - древнюю столицу халифов, волшебный город, воспетый в сказках «Тысячи и одной ночи», - Сулейман последовал примеру Мехмеда II, нашедшего в Константинополе гробницу Абу Эйюпа аль-Ансари. Султан «обнаружил» в Багдаде могилу почитаемого мусульманского богослова VIII века Абу Ханифы. Тем самым Сулейман продемонстрировал свою сакральную власть над городом. Он так гордился победой, что писал любовные стихи Хюррем, в которых называл ее:

...мой Стамбул, мой Караман, земля моя
Греческая,
Мой Бадахшан, мой Кыпчаг, мой Багдад, мой
Хорасан...

Сформировалась также погребальная традиция османов. Предшественников Мехмеда II и членов султанской семьи хоронили в Бурсе - но могила самого Фатиха находится в Стамбуле. Отныне всех султанов надлежало предавать земле в столице Османской империи - независимо от того, где застала их смерть. На протяжении 600 лет Порты активно воевала, и ее

правители нередко умирали вдалеке от родной земли. Так произошло и с Сулейманом I. 7 сентября 1566 года, находясь в Венгрии, старый падишах скончался накануне Сигетварской битвы. Великий визирь Соколлу Мехмед-паша решил не сообщать печальную весть войскам, дабы не деморализовать их.

Выход нашелся быстро: еще в 1421 году во избежание бунта солдатам показывали усопшего Мехмеда I. Соколлу Мехмед-паша вспомнил об этом – и вечером перед битвой тело Сулеймана пронесли перед строем в паланкине (по другой версии, в паланкине находился слуга, переодетый в вещи покойного). Народ Блистательной Порты – величайшего и сильнейшего мусульманского государства в истории – толком не знал, как выглядит его повелитель, и солдаты ничего не заподозрили. Османская армия, возглавляемая мертвецом, одержала победу. Это оказалось символично: Золотой век Порты подошел к концу.

Когда победоносное османское войско возвращалось в Стамбул, тело Сулеймана по-прежнему сидело в паланкине. Великий визирь заявил, что падишах болен подагрой, – и янычары поверили. «Есть какая-то ирония в этом последнем марше мертвого султана во главе армии, которую он приучил к дисциплине и порядку», – отмечает английский исследователь XVII века Ричард Ноллз в фундаментальной «Общей истории турок».

Чтобы доставить труп Сулеймана из Сигетвара в Стамбул, Соколлу Мехмед-паша распорядился забальзамировать его. Внутренние органы вынули и захоронили на месте, где стоял шатер султана. Позже там возникло турецкое поселение Тюрбек (от тур. türbe – усыпальница). В Стамбуле тело падишаха было с почестями погребено в мавзолее на кладбище мечети Сулеймание. Потомки Сулеймана обрели вечный покой в многочисленных усыпальницах на берегах Босфора.

Единственным исключением стал последний правитель османского государства Мехмед VI Вахидеддин – в 1926 году он умер в Сан-Ремо и похоронен в Дамаске, в мечети имени своего грозного пращура Селима I. Первым султаном, скончавшимся в Стамбуле, стал сын Сулеймана I и Хюррем – Селим II Пьяница. С него началась череда слабейших правителей Порты, которые в течение двух веков растрачивали наследие Сулеймана.

В Европе Сулеймана называют Великолепным, а в мусульманском мире он известен как Кануни – Справедливый (или Законодатель). Падишах потратил много времени, составляя собственный свод законов. В годы его правления была проведена кодификация османского и мусульманского права, не уступавшая аналогичной деятельности, осуществленной при византийском императоре Юстиниане I. Кодекс Сулеймана получил название «Мултека-уль-усер» («Слияние морей») – таким образом султан подчеркнул универсальный характер акта, охватывающего различные сферы общественной жизни.

Сулеймана I можно было величать не только Законодателем, но и Строителем. Султан хотел превратить Стамбул в центр исламской цивилизации – и сейчас воздвигнутые по его воле мечети, фонтаны и усыпальницы являются главными достопримечательностями города на берегах Босфора.

Глава 5

Город тысячи мечетей

Скажи «Стамбул» – и сразу вспомнишь имя Великого Архитектора Синана. Десять пальцев его поднимаются ввысь, словно могучие деревья платана на фоне неба.

Бедри Рахми Эюбоглу

Османы любили возводить культовые сооружения на вершинах холмов, поэтому многие смотровые площадки расположены на территориях мечетей. К самым известным относятся мечеть Селима I, Михримах Султан в Эдирнекапы и, конечно, Сулеймание. Все они построены по приказу Сулеймана I.

Селим I был праправнуком Баязида I Молниеносного, внуком Мехмеда II Завоевателя и отцом Сулеймана I Великолепного. За истребление всех своих братьев и племянников, кровавую резню 1517 года в Каире, многочисленные военные походы и жестокое подавление народных восстаний на захваченных территориях он получил прозвище «Явуз» («Грозный»).

Одним из наиболее ужасных деяний Селима стало уничтожение 40 тыс. шиитов. Лорд Кинросс объясняет это желанием султана искоренить «ересь шиизма» и победить своего главного врага – персидского шаха Исмаила I, правителя шиитской державы. Уничтожение шиитов в Анатолии было сопоставимо с современной ему Варфоломеевской ночью в христианской Европе.

Кроме того, жертвами султанского гнева пали 7 великих визирей. В Османской империи родилась пословица: «Шея слуги султана тоньше волоска». По

слухам, высшие сановники всегда носили за пазухой заветные записки. В народе появилось проклятие: «Чтоб тебе быть визирем султана Селима!» О жестокости падишаха слагали легенды. Согласно одной из них, придворный астролог предсказал, что в день смерти повелителя на его теле будет столько кровавых знаков, сколько родственников он убил. «Зато приятнее властвовать, не имея соперников», – ответил Селим I и приказал казнить астролога.

Короткое 8-летнее правление грозного султана открыло эпоху османского господства в Средиземноморье – и, соответственно, влияния Порты на политическую жизнь Европы. Эта эпоха продолжалась более 400 лет – вплоть до первой четверти XX века. Селим I захватил Армению, Восточную Анатолию, Египет, Курдистан, Палестину, Северный Ирак, Сирию и Хиджаз (Западную Аравию). Территория Порты увеличилась вдвое – теперь она простиралась от Северной Африки до Средней Азии, от Средиземного моря до Индийского океана. В 1517 году, завоевав Каир, султан взял в плен последнего аббасидского халифа Аль-Мутаваккиля IV, привез его в Стамбул и заставил отречься от прав на халифат в свою пользу. Так Селим I стал повелителем всех мусульман на земле. Его потомки получали этот титул по наследству.

Значение этого события для османского государства сложно переоценить. Титул халифа является величайшим в исламском мире – но долгое время он ничего не значил на практике. Однако завоевание Египта и Багдада перенесло центр тяжести Порты с христианских Балкан в арабский мир – и тем самым изменило характер Османской империи. Французский историк Фернан Бродель сравнивает обретение Селимом в 1517 году титула халифа с избранием Карла V императором Священной Римской Империи двумя годами позже.

Селим I Явуз сошел в могилу непобежденным, гордым и не имеющим соперников на Ближнем Востоке. Когда он умер, в храмах средневековой Европы отслужили благодарственные молебны. Сулейман I решил увековечить память об отце и велел построить мечеть на вершине пятого стамбульского холма. Над входом в тюрбе Селима I можно прочесть эпитафию, придуманную им самим: «Здесь покоится Селим, гроза живых и мертвых. При жизни я завоевал землю, но и после смерти стремлюсь еще на сражения. Но гроб содержит только тело мое, покрытое ранами; дух мой парит, ища новых битв».

С мечетью Михримах Султан в Эдирнекапы связана совсем другая история – не войны и победы, но любви и боли. Михримах была единственной дочерью Сулеймана I – и тот приказал великому османскому архитектору Мимару Синану построить мечеть в ее честь. По легенде, 50-летний Синан безответно любил 17-летнюю Михримах. Для златокудрой принцессы он воздвиг на вершине шестого стамбульского холма одну из самых красивых мечетей города. Внутри очень светло – поэтому ее называют мечетью, которую пронзает солнце. Единственный тонкий минарет возносится к небу, как символ одиночества влюбленного Синана. Это нарушение правил османской архитектуры: мечети, посвященные детям султана, должны иметь два минарета.

Есть еще одна мечеть Михримах Султан. Главный архитектор Порты построил ее в азиатской части города, недалеко от причала Ускюдар – напротив мечети Михримах Султан в Эдирнекапы. Между этими двумя зданиями есть удивительная связь: 21 марта – в день весеннего равноденствия и день рождения принцессы – солнце скрывается за мечетью в Эдирнекапы, и из-за мечети в Ускюдаре сразу же появляется луна. Имя «Михримах» в переводе с фарси

означает «солнце и луна». Так великий зодчий, используя математические расчеты, увековечил в мраморе силу и красоту своей любви.^[34]

Легендарный Мимар Синан обрел бессмертие. Незримое присутствие этого османского гения ощущается в его великолепных имперских постройках. Османы наградили мастера почетным титулом: «Верховодящий всех архитекторов и инженеров на свете во все времена». Мечети, спроектированные им, возводили христиане и мусульмане, ремесленники и рабы, люди и животные – и сегодня мы ничего не знаем о них. В Стамбуле воспоминания исчезают быстро, но творениям Синана уготована иная участь.

Сегодня, как и 500 лет назад, Стамбул принадлежит Мимару Сина-ну. Он считал архитектуру зеркалом, отражающим гармонию и равновесие, которыми проникнуто мироздание, – ибо тот, в чьей душе их нет, не способен созидать. Прозванный за выдающееся мастерство и необычайную плодотворность «турецким Микеланджело», Синан в течение полувека занимал должность главного архитектора Порты. Он строил не только для Сулеймана I, но также для его сына Селима II и внука Мурада III. Под руководством зодчего было возведено более 350 зданий, в т. ч. 136 мечетей, 52 медресе, 48 хаммамов (включая бани Роксоланы и старейший в Стамбуле хаммам в районе Чемберлиташ), 35 дворцов, 22 тюрбе, 20 караван-сараев, 17 имаретов (благотворительных учреждений), 8 мостов, 7 плотин и бесчисленное количество сабилей (общественных источников питьевой воды), фонтанов и акведуков.

О хаммаме Чемберлиташ стоит рассказать отдельно. Синан построил его в 1548 году для престарелой Нурбану – жены Селима II. Баня была воистину султанской: светлая и просторная, с белыми мраморными скамьями, золотыми кранами и мозаичным

полом. Нурбану проводила здесь целые дни, умащая увядающее тело благовониями, но это не помогало: в отсутствие супруги Селим веселился в хаммаме с молодыми наложницами. Зимой 1574 года падишах велел привести в баню исключительно девственниц. Опьянев от вина, он принялся гоняться за ними, поскользнулся и упал. Селима перенесли в опочивальню, где сердце правителя, утомленное годами пьянства и любовных излишеств, остановилось. (По другой версии, султан напился и утонул в купальне.) С тех пор в хаммамах запрещено употреблять алкоголь.

Баня в Чемберлиташе работает более 400 лет. Табличка у входа напоминает, что в XVIII веке хаммам посетил Моцарт. В Стамбуле он собирал материал для оперы «Похищение из сераля» и записывал боевые мелодии янычарских оркестров – одна из них легла в основу знаменитого «Турецкого марша».

Синан не только проектировал величественные здания – он создал новую традицию в мусульманском декоративно-прикладном искусстве: впервые украсил мечеть (Михримах Султан в Ускюдаре) изображениями тюльпана. Позже [ходжа \[35\]](#) Синан использовал тюльпановый мотив в отделке мечети Рустема-паши – мужа принцессы Михримах. На протяжении 450 лет мечеть великого визиря Османской империи, как верный слуга, стоит у подножия Сулеймание.

Мимар Синан оставил после себя не только монументальные здания, определившие исторический облик и торжественную атмосферу султанского Стамбула, но и талантливых учеников. Устада Иса Хан и Исмаил Афанди проектировали Тадж-Махал в империи Великих Моголов. Седефкар Мехмед-ага [\[36\]](#) воздвиг знаменитую Голубую мечеть (Султанахмет).

В начале XVII века 19-летний падишах Ахмед I решил то ли замолить перед Аллахом грехи, то ли быть достойным своего деда Сулеймана I, которым искренне восхищался. Подражая предку, юноша издал собственный свод законов, посадил сад в Долмабахче на месте старого сада Сулеймана и заказал новые издания литературных произведений, которые заказывал его дед.

Подражание - высшая форма признания. Однако стремление внука походить на деда было не единственным мотивом постройки огромной мечети. Ахмед I также решил подчеркнуть свою преданность исламу после подписания Житваторокского мира (1606), согласно которому фактически признал императора Священной Римской империи равным себе - чем нарушил многовековую султанскую традицию. Прежде Османы всегда принимали европейских дипломатов в Стамбуле. Даже в случае откровенно неудачных войн Порты торжественно даровала противнику мир как милость - и получала дань за проявленное великодушие. Вопреки традиции, договор 1606 года был подписан поспешно - прямо на поле брани, недалеко от деревни Житваторок.

В 1774 году история повторилась. Потерпев катастрофическое поражение в очередной Русско-турецкой войне, гордые османы отказались пересекать Дунай, чтобы обсудить условия мирового соглашения в ставке врага. Переговоры начались в османском лагере. Русский посол попросил принести ему стул. Турки, привыкшие сидеть на полу и на низких диванах, заявили, что не пользуются подобной мебелью. В итоге стул с условием возврата позаимствовали у господаря Молдавии. После долгих обсуждений представители обеих сторон встретились на плоту посреди Дуная. Кючук-Кайнарджийский мир был заключен на территории современной Болгарии.

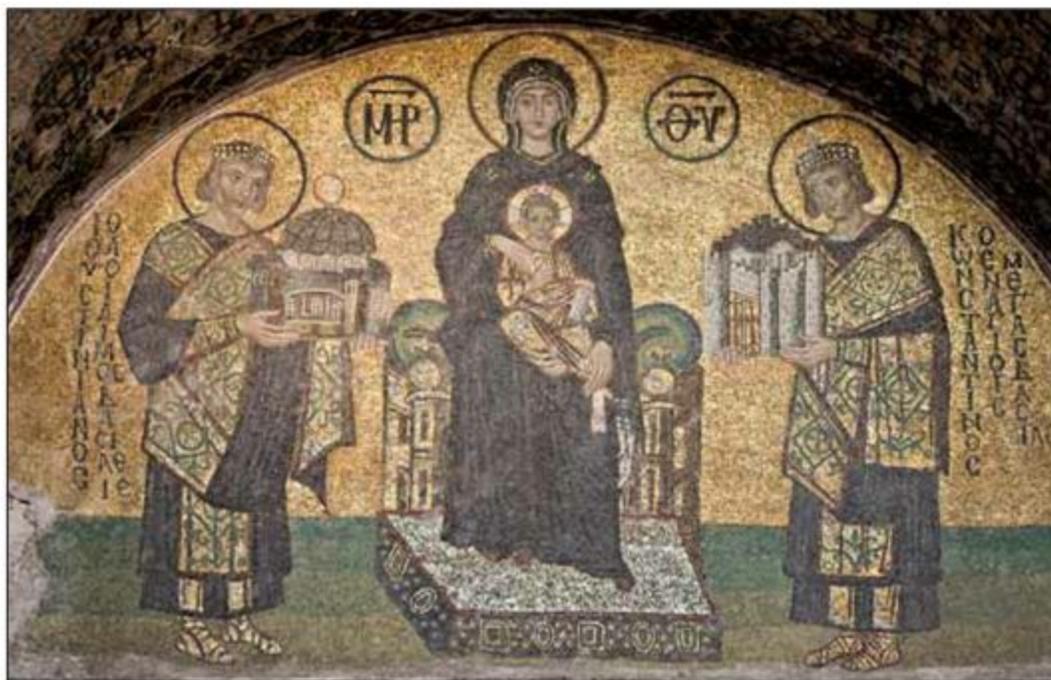
Спустя 100 лет, в 1878 году, проиграв еще одну Русско-турецкую войну, Османская империя подписала Сан-Стефанский мирный договор, по которому теряла Балканы. Русская армия стояла на окраине оттоманской столицы – в Кючюкчекмедже (сегодня это одноименный стамбульский ильче). Самым унижительным оказалось то, что соглашение было заключено в западном пригороде Стамбула – Сан-Стефано (ныне он называется Ешилкёй и входит в состав района Бакыркёй). Дом, где дипломаты Порты подписали документ, прекрасно сохранился. Глядя на его причудливый резной фасад, невозможно догадаться, что менее 200 лет назад здесь разыгрывалась трагедия государственного масштаба.

Традиция подписывать мирные соглашения вернулась в Стамбул – но теперь мир воспринимался как милость со стороны победителей, к коим Порты больше не принадлежала. Тем не менее, высокомерие османских дипломатов служило неиссякаемым источником слухов и курьезов. Например, представитель Ибрагима I в Париже однажды заявил, что на лошади его султана больше золота, чем на короле Людовике XIV. Ахмед Вефик-паша – посол Абдул-Азиза – сказал Наполеону III: «Если бы я был послом Селима Явуза, вы бы не были императором Франции».

Впрочем, в 1606 году ситуация еще не была столь критичной. По итогам Тринадцатилетней войны каждая из сторон – и Австрия, и Османская империя – осталась при своем. Однако европейские державы поняли, что грозная Порты более не является несокрушимой. После череды военных и политических неудач Ахмед I распорядился воздвигнуть самую прекрасную и грандиозную мечеть Стамбула – и в 1609 году строительство началось.

Легенда гласит, что Седефкар Мехмед-ага не расслышал приказ султана – и вместо мечети с

золотыми (тур. altın) минаретами спроектировал мечеть с шестью (тур. alti) минаретами. До этого единственной мечетью с шестью минаретами была Аль-Харам в Мекке – самая важная для мусульман. В ее внутреннем дворе находится главная святыня ислама – Кааба. Разгневанные мекканцы восприняли постройку Голубой мечети как попытку принизить значение Аль-Харам. Ахмед уладил конфликт, велел пристроить новый минарет к мекканской мечети. Позже Султанахмет стала традиционным местом, с которого начинался хадж для турецких паломников.

Императоры Константин Великий (слева) и Юстиниан Великий (справа) преподносят в дар Богородице, держащей на руках младенца Иисуса, город Константинополь и храм Святой Софии соответственно. Мозаика над юго-западным входом в Айя-Софию. Середина X века

«Византий, сейчас Константинополь» (гравюра).

Георг Браун и Франц Хогенберг, 1572 год. На гравюре изображен Мехмед II, стоявший весной 1453 года перед византийской столицей (на территории современного Ускюдара). Хорошо видны размеры тогдашнего Константинополя, ограниченного городскими стенами

Карта Стамбула. Матракчи Насух, 1540 год

Шарль Гравье, граф де Верженн (1719-1787) – французский государственный деятель; в 1755-1771

годах был послом Франции в Стамбуле. Портрет кисти французского художника Антуана де Фавре (1706–1791). Верженн изображен в одежде стиля «тюркери» (Turquerie). Эта была ориенталистская мода, популярная среди западных аристократов и деятелей искусства в XVI–XVIII веках. Европейцы познакомились с ней в результате военных, торговых и дипломатических отношений с Османской империей

Суд Селима III во дворе Топкапы. Османская миниатюра. Конец XVIII века

Турецкая открытка, посвящённая принятию первой конституции Османской империи 23 декабря 1876 года. В центре (слева направо): султан Абдул-Хамид II, принц Мехмед Сабахаддин, великий визирь Ахмед Шефик Мидхат-паша, а также один из организаторов и лидеров движения «Новые османы» Намык Кемаль. Женщина символизирует Турцию, которая встает с колен и сбрасывает оковы рабства. Ангел является намеком на Французскую революцию и ее девиз «Свобода, равенство, братство» («Hürriyet, müsavat, uhuvvet»)

Будучи учеником Синана, Седефкар Мехмед-ага уделил особое внимание внутренней отделке Султанахмет. Стены мечети выложены голубыми и синими изразцами. Их привозили из Изника – бывшей Никои. В XVI–XVII веках Изник являлся центром производства декоративной керамики. Местные мастера изготовили для Султанахмет более 20 тыс. плиток. Современники утверждали, что мечеть

пожирал всю керамику и мрамор Османской империи. По завершении строительства фабрики Изника разорились: Ахмед I запретил продавать знаменитые изразцы – дабы никто и никогда не воздвиг здание, способное конкурировать с его прекрасной мечетью.

На Востоке керамика представляет собой отдельный вид декоративно-прикладного искусства. Первые плитки, покрытые однотонной глазурью, появились в V–III веках до н. э. – их использовали для облицовки дворцов и храмов в Египте, Вавилоне, Ассирии и Персии. С распространением ислама стала развиваться многоцветная роспись по керамике, наибольшего успеха в которой достигла персидская архитектурная школа.

Персы сыграли огромную роль в развитии искусства – однако на Востоке оно не всегда почиталось. Памук в романе «Меня зовут Красный» передает стамбульскую легенду о том, как английский король прислал султану «дикивинные часы с музыкальным устройством», украшенные огромными фигурами людей. Горожане, собравшиеся на холмах Золотого Рога, пришли в восторг, когда в часах заиграла музыка и в такт ей стали двигаться скульптуры – но необычный подарок насторожил султана и шейх-уль-ислама.

Спустя несколько лет следующий падишах, Ахмед, проснулся как-то ночью, схватил топор и разбил часы. По слухам, Ахмед увидел во сне пророка Мухаммеда – и тот сказал, что если султан позволит людям соревноваться с Аллахом в создании человеческих образов, то Аллах отвернется от него. Ахмед сломал нечестивое изобретение и продиктовал придворному историку запись об этом событии. Стамбульские каллиграфы написали книгу «Суть истории» и получили полные мешочки золота – но художников к работе не привлекли. «Так увяла пышная роза рисунка, которая

под влиянием персов цвела в Стамбуле сто лет», – резюмирует Памук.

История, рассказанная Памуком, имеет реальное основание. В 1595 году английский посол в Стамбуле Эдвард Бартон настаивал, чтобы королева Елизавета I прислала султану Мехмеду III подарок по случаю его восшествия на престол. Несмотря на старания дипломата, к концу 1597 года подарок еще не прибыл в Стамбул – хотя Бартон просил об этом не только королеву, но и Левантийскую компанию, которая была заинтересована в расположении к ней султана.^[37]

Наконец, торговцы согласились порадовать Мехмеда – но решили, что ему надо преподнести искусно сделанный орган с хитроумным часовым механизмом. Изготовление органа поручили лондонскому кузнецу Томасу Далламу. Тот работал над заказом более года и 14 ноября 1598 года продемонстрировал готовое изделие королеве. Елизавете все понравилось. Осенью 1599 года Даллам отправился в Стамбул, установил орган во дворце Топкапы и вернулся в Лондон. Известно, что чудесный подарок восхитил падишаха – но более об органе никогда не упоминалось. Стамбульцы говорили, что Ахмед I – сын и преемник Мехмеда III – прислушался к мнению улемов и собственноручно уничтожил прекрасную вещь.

Исламский запрет на изображение живых существ, наряду с каллиграфией, породил орнаменталистику. Оба направления художественного творчества были неразрывно связаны с керамикой и определили основные цвета глазури: голубой, белый и желтый. Художники особенно любили голубые изразцы. Традиционно украшая ими купола мечетей и дворцов, мастера подчеркивали связь этих зданий с небом. Мечеть Султанахмет не стала исключением.

Как у любого культового сооружения, у Султанахмет есть секреты. Например, 16 балконов на минаретах символизируют 14 османских султанов, включая Ахмеда I, а также двух его сыновей-шехзаде. В западной части Султанахмет расположен вход, через который верхом на коне въезжал падишах. Над входом была протянута цепь – и властелин половины мира пригибался, что символизировало его ничтожность перед Аллахом.

Голубую мечеть возвели напротив Айя-Софии, дабы продемонстрировать, что исламские строители ни в чем не уступают своим христианским предшественникам. В наши дни соседство и негласное соперничество Султанахмет с Айя-Софией по монументальности и красоте подчеркивает, как неразрывно переплетены византийское и османское наследие Стамбула.

Гений Мимара Синана, неподвластный времени, живет не только в работах его учеников. Главное творение архитектора гордо возвышается на третьем холме бывшей османской столицы, откуда открывается вид на Золотой Рог. Четыре минарета тянутся к солнцу – и, подобно мечам, пронзают облака. Внизу по пестрому лабиринту Египетского базара снуют люди. Кажущиеся игрушечными паромы отплывают с причала Эминёню из Европы в Азию.

Конечно, речь идет о мечети Сулеймание.

Великолепная Сулеймание – одна из самых больших стамбульских мечетей, способная вместить более 5 тыс. верующих. Синан строил ее в течение 7 лет – с 1550 по 1557 год – для Сулеймана I. Об этом свидетельствуют 4 минарета (по правилам османской архитектуры это значит, что мечеть принадлежит султану, а в случае Сулеймание – еще и то, что Сулейман был 4-м султаном, правившим после завоевания Константинополя) и 10 балконов на минаретах (напоминающие, что Сулейман I был 10-м османским султаном). Один минарет долгое время называли «драгоценным»: персидский шах

Тахмасп I прислал Сулейману бриллианты, изумруды и рубины, намекая, что у Порты не хватит средств на завершение грандиозной стройки. Разъяренный султан приказал Синану то ли заложить оскорбительный подарок в фундамент минарета, то ли облицевать самоцветами уже возведенный минарет. Говорят, камни потускнели - но до этого на мечеть нельзя было смотреть несколько лет: в лучах солнца они блестели так ярко, что слепили глаза.

Сулеймание призвана олицетворять могущество Османской империи и ее величайшего правителя, при котором страна достигла наивысшего расцвета. Мимар Синан вложил в создание мечети весь свой талант. Проектируя Сулеймание, он собирался превзойти византийцев, построивших Айя-Софию. Зодчий учитывал любые мелочи: так, он велел подвесить между лампадами страусиные яйца, которые отпугивали насекомых и пауков. Прекрасная слышимость внутри мечети была обеспечена с помощью замурованных в стены глиняных кувшинов. По легенде, архитектор проверял акустику, булькая водой в кальяне - и внимательно слушая, как звуки разносятся по всему зданию.

Открывая Сулеймание, Синан произнес: «Эта мечеть будет стоять вечность» - и поныне его слова подтверждаются. За 500 лет в Стамбуле произошло 89 сильных землетрясений, но Сулеймание пострадала только в 1766 году, когда обвалилась часть купола. Мечеть не уничтожил и грандиозный пожар 1660 года, в результате которого сгорело две трети Стамбула, включая деревянные постройки Топкапы. Есть мнение, что Сулеймание медленно сползает с вершины холма в Золотой Рог, однако тому нет доказательств: Синан всегда заботился об устойчивости фундамента.

Сегодня не верится, что Сулеймание была построена 500 лет назад - без современных

материалов, техники и компьютерного моделирования. Возведение огромного купола, превышающего по размерам купол Айя-Софии, было давним желанием Синана, – но оказалось невозможным в XVI веке. Тем не менее, византийский храм послужил прототипом для Сулеймание. По словам немецкого философа Титуса Буркхардта, план Сулеймание представляет собой отражение плана Айя-Софии, «как если бы великий художник пожелал до конца исчерпать эту тему, перед тем как решительно вступить на новый путь».

Как и в мечети Султанахмет, элементы Сулеймание символичны. В частности, четыре ее колонны обозначают четырех праведных халифов – Абу Бакра, Умара, Усмана и Али – правивших мусульманами после смерти пророка Мухаммеда. Две колонны Сулеймание нашли в Стамбуле (во дворце Топкапы и неизвестной мечети недалеко от района Вефа), одну привезли из Александрии и одну – из древнеримского храма Зевса в Баальбеке. Для внутреннего убранства Сулеймание использовали изникские изразцы – спустя 100 лет ученик Синана Седефкар Мехметага решит сделать их главным украшением Голубой мечети.

Лэмб описывает Сулеймание как место, поражающее пространством и безмолвием. Свет проникает в мечеть через витражи, раскрашенные средневековым стамбульским мастером Ибрагимом Пьяным, а над головой посетителя – огромный купол. Пожалуй, Сулеймание – единственное культовое сооружение, внутри которого возникает ощущение вечернего неба.

Купола и своды Сулеймание расписаны густыми, насыщенными цветами – черным, винно-красным и золотым; однако многие арабески поблекли и являют собой тусклые узоры голубого и бурого оттенков. Впрочем, Сулеймание остается величественной – несмотря на крушение грандиозной империи, которую

она олицетворяет. Растущие на территории мечети могучие деревья уходят корнями в победоносное и кровавое прошлое Турции. Они помнят строителей и паломников, путешественников со всех концов света и султанов Порты. На заднем дворе, под тяжелыми каменными плитами, украшенными замысловатой резьбой, покоится оттоманская знать. В близлежащих лавках, где туристы покупают сувениры, 450 лет назад продавали опиум. Здесь буквально захватывает дух – как, впрочем, в любом месте, где особенно сильно ощущается биение пульса истории. Солнечный свет, льющийся из 136 окон и медленно наполняющий огромный зал, тюрбе Сулеймана I и Хюррем, неопишуемое чувство ужаса и восторга – все это делает Сулеймание не похожей ни на одну из мечетей Стамбула.

Стамбул называют городом тысячи мечетей. Эти немые свидетели былого могущества Порты возносят свои минареты высоко в небо – и придают старой турецкой столице величественный и скорбный вид. Несмотря на проведенную Ататюрком вестернизацию, на берегах Босфора по-прежнему жив дух мусульманского Востока. Как поется в старой джазовой песне:

Стамбул был когда-то Константинополем.
Теперь он называется Стамбулом,
а не Константинополем.
Прошло много времени,
Но старый Константинополь сохранил свое
турецкое очарование
В лунном свете ночи.^[38]

Стамбульские мечети – порождение Османской империи, кость от костей и плоть от плоти

Блистательной Порты. В них нет бирюзовой лирики Персии, белокаменной надменности Аравии и темно-коричневой скорби мамлюкского Египта. Это – ислам грозный и всемогущий; ислам, сам себе поющий осанну, победно шагающий по Востоку и держащий окровавленный ятаган у горла Европы. Многим стамбульским мечетям более 500 лет, они видели всё: испепеляющее солнце триумфов, золотые дни процветания и печальные сумерки упадка, когда измученная оттоманская держава рассыпалась, подобно карточному домику.

Стремление воздвигать грандиозные мечети стало неотъемлемым для Порты. По утверждению Мантрана, строительную лихорадку в Стамбуле обусловило богатство империи, а также желание султанов связать свое имя с монументальными зданиями, которые символизируют победу ислама на некогда христианской земле. За исключением мечети Фатих, стоящей на месте разрушенной церкви Святых Апостолов, все султанские мечети построены в XVI веке: мечеть Баязида II (1505), Селима I (Селимие, 1522), Сулеймана I (Сулеймание, 1550–1557), Шехзаде (1544–1548), Йени джами^[39] (ее строительство завершилось в XVII веке, что не помешало ей быть представительницей стиля предыдущего столетия) – и, наконец, мечеть Ахмеда I (Голубая мечеть), возведенная в XVII веке, но продолжающая архитектурную традицию своих предшественниц.

Мечети Стамбула – это каменная книга, по которой можно изучать красивую и кровавую историю Оттоманской Порты. Завоевав Константинополь, османы начали переделывать церкви в мечети. Монастырь Пантократора был превращен в Молла Зейрек джами, церковь Хора – в мечеть Карие, церковь Святого Иоанна Студиона – в мечеть Имрахор, церковь Святых Сергия и

Вакха - в мечеть Кючюк Айя-София (Малую Айя-Софию), церковь Богородицы Кириотиссы - в мечеть Календерхане, церковь Святого Андрея - в мечеть Ходжа Мустафа-паши, церковь Мирелейон - в мечеть Бодрум, церковь Богородицы - в мечеть Фенари Иса и т. д. Османы пристроили к ним минареты и на сотни лет замазали элементы внутреннего убранства, благодаря чему до наших дней дошли редкие творения византийских мастеров. Так случилось и с Айя-Софией: ее великолепные фрески и мозаики были скрыты под толстым слоем штукатурки еще в XV веке и снова увидели свет лишь в 1935 году.

Британский историк Джон Норвич подробно рассказывает, как Айя-София превратилась в мечеть. Взяв Константинополь, Мехмед II пообещал дать своим людям 3 дня на разграбление города - но ему пришлось остановить бесчинства вечером первого же дня. К тому времени все уже было разграблено. Османские солдаты делили добычу и забавлялись с пленницами. В конце дня Мехмед в сопровождении вельмож, имамов и янычар медленно подъехал к собору Святой Софии. Спешившись у главного входа, он зачерпнул в ладонь горсть земли и, демонстрируя жест покорности, посыпал ею свой тюрбан. После этого султан вошел в собор. Направляясь к алтарю, он остановил одного из солдат, который раскалывал мраморный пол. Затем, по указанию Мехмеда, верховный имам поднялся на кафедру и возвестил: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - Пророк Его». Султан коснулся своим тюрбаном пола - в молитвенном и благодарственном жесте. Святая София стала мечетью.

Буркхардт видит в этом превращении глубокий метафизический смысл. Действительно, когда османы захватили византийскую столицу, храм Святой Софии предстал перед ними как истинное архитектурное чудо. Он превосходил всё, на что были способны

мусульманские зодчие. К собору наспех достроили деревянный минарет и водрузили на его купол полумесяц вместо креста. Полумесяц исторически являлся символом старого Константинополя. Османы позаимствовали его в знак победы над Византией. Превращение храма Святой Софии (Премудрости Божией) в мечеть было неизбежно – ибо завоевание Константинополя в исламской традиции считалось предопределенным.

По легенде, Осману Гази еще в 1299 году приснилось, как из его груди выходит полумесяц. Осман счел сон пророческим и сделал полумесяц символом своей династии. Его потомки, захватывая новые земли, принесли в них ислам – так полумесяц стал ассоциироваться с религией. По словам Гудвина, луна управляла движением караванов, в которых зарождался ислам, – ибо по пустыне путешествовали ночью. Луна была символом веры – и самый страшный для мусульман час наступал не в полночь, а в полдень. В этот момент шайтан поддевал мир своими рогами, дабы унести его прочь, – но ему мешал возглас «Аллах велик!», который раздавался с минаретов сразу после полудня.

Айя-София стала одной из первых мечетей в истории, увенчанной османским полумесяцем. В первую пятницу июня 1453 года Мехмед II приехал сюда на молитву – он демонстрировал подданным силу, бесстрашие и готовность к новым завоеваниям. Так зародилась важная традиция Порты – еженедельный публичный пятничный выезд султана в мечеть. Это мероприятие имело не только социально-политическое, но и эстетическое значение – например, Мурад IV приказал установить за южными воротами Айя-Софии огромную клетку с соловьями, чтобы во время молитвы наслаждаться их пением. Еще одна традиция заключалась в следующем: имам, взойдя на михраб Айя-

Софии, обнажал ятаган, напоминая правоверным, что собор захвачен в бою.

Каждый сантиметр в Айя-Софии, каждый мазок краски и кусочек смальты, каждая трещина и выбоина в камнях – подлинная, осязаемая история. Подобно гигантскому зеркалу, храм отражает всё, что творилось в Стамбуле на протяжении двух тысяч лет; подобно тотемному дереву с памятными зарубками – фиксирует и сохраняет свидетельства событий. На его стенах и колоннах видны граффити, вырезанные крестоносцами и паломниками, на каменных парапетах – скандинавские рунические надписи, сделанные норманнами из личной гвардии василевса. Восхитительные мозаики созданы после 843 года – более ранние уничтожили иконоборцы, находившиеся у власти в VIII – начале IX века. Императоры, имевшие самую дурную репутацию, на мозаиках предстают во всем великолепии. Среди них многоженец Лев VI, его брат – пьяница Александр и императрица Зоя, слывшая безумной нимфоманкой.

Мраморный пол Айя-Софии украшает серый квадрат с вписанными в него разноцветными кругами – таким образом обозначалось место коронации василевсов. Самые большие двери собора, датируемые VI веком, по легенде, сделаны из древесины, взятой от Ноева ковчега. В наши дни перед их гигантскими створами совершают утренний намаз торговцы, считая, что это принесет им прибыль. Причудливые знаки под потолком галереи второго этажа – монограммы построившего Айя-Софию василевса Юстиниана I и его супруги, бывшей балаганной актрисы и гетеры Феодоры.

Придворный летописец Прокопий Кесарийский, ненавидевший правящую чету, в «Тайной истории» утверждал, что у императрицы в годы ее молодости «не было ни капли стыда». Вообще «Тайная история» имеет скандальный характер. Прокопий изображает

Юстиниана и Феодору в крайне неприглядном свете, с нескрываемым удовольствием смакуя самые гнусные подробности их жизни.

Особенно досталось Феодоре. Византийский историк рассказывает, как она отдавалась любовникам, подзадоривая их развратными шутками. По словам Прокопия, будущая императрица соблазняла «всех без разбора». Она часто приходила на мужские застолья и в течение ночи ублажала с десятков сотрапезников. Когда они изнемогали от любовных утех, Феодора отправлялась к слугам, коих бывало порой до 30, – однако все равно не испытывала пресыщения от похоти. Но даже ворчливый Прокопий признавал, что Юстиниан женился на Феодоре по великой и беззаветной любви, не испугавшись общественного мнения, презрев законы божеские и человеческие, – и что в браке супруги хранили друг другу трогательную лебединую верность.

Феодора сыграла ключевую роль не только в жизни Юстиниана, но также в судьбе города и государства. 13 января 532 года на Ипподроме (сейчас площадь Султанахмет) грянуло восстание «Ника» – крупнейший бунт за всю историю Константинополя и Византии. Мятежники убивали солдат, уничтожали налоговые списки, грабили и жгли дворцы и церкви. В огне погиб первый деревянный собор Святой Софии. Константинополь охватила паника.

Василевс собрался покинуть столицу – но Феодора выступила на заседании совета с пламенной речью, которую приводит Прокопий в трактате «Война с персами». «Тот, кто появился на свет, не может не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо, – заявила императрица. – Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, государь, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но

смотри, чтобы спасшемся тебе не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть – лучший саван».

Прокопий явно подверг речь императрицы литературной обработке (например, фраза «Власть – прекрасный саван» принадлежит тирану Сиракуз Дионисию-старшему, в 403 году до н. э. скрывавшемуся в своем замке от народного гнева). Однако нет причин сомневаться в том, что Феодора действительно высказалась за необходимость защищать Константинополь.

Вдохновленный смелостью супруги, Юстиниан решил бороться до конца. Мятежники требовали, чтобы василевс был казнен или как минимум отрекся от престола. Они выдвинули своего претендента на трон – аристократа Гипатия; для его коронации тысячи людей собрались на Ипподроме. Полководец Юстиниана Велизарий нагрянул туда и учинил невообразимую резню. Вскоре все было кончено. На Константинополь опустилась зловещая тишина.

Всего на площади Султанахмет – в сердце нынешнего туристического Стамбула – погибло более 35 тыс. бунтовщиков. Кровь нескончаемыми потоками лилась по мостовой, стекая в Мраморное море.

Спустя 40 дней Юстиниан решил возвести каменную Айя-Софию вместо сгоревшей деревянной.

О Юстиниане в самом соборе, помимо монограмм, напоминает прекрасная мозаика XI века, изображающая василевса вместе с Богородицей и первым в истории Рима христианским цезарем – Константином I Великим. Приняв христианство, Константин дал империи новый вектор развития. Он отбросил бесплодные попытки найти древнее начало, коренившееся в Риме, – и сделал ставку на христианство как на своеобразный цемент,

призванный скрепить общество и удержать его от распада.

Это стало концом старого Рима – города Цезаря и Нерона, Августа и Траяна. На смену ему пришло нечто новое – доброе, злое, но непременно могущественное. Константин покинул Вечный город и построил на европейском берегу Босфора новую столицу Римской империи. Анализируя это решение, Иосиф Бродский пишет, что Константин воспринимал Византию как типичную восточную провинцию своей державы, населенную греками, евреями, персами, – словом, теми, с кем он давно привык иметь дело. Монарх видел город, мысом вдающийся в Мраморное море, – город, который легко было защитить, стоило только обнести его стеной. Городские холмы отчасти напоминали римские, но с них открывался вид на всю Азию – и вся Азия взирала бы на кресты церквей, венчающих эти холмы.

По мнению Бродского, главная ошибка Константина заключалась в непонимании того, что значит иметь дело с Востоком; ибо «воевать с Востоком – или даже освободить Восток – и жить на Востоке – разные вещи». Невзирая на греческую культуру, Византия принадлежала к миру с иными представлениями о ценности человеческой жизни, нежели те, что господствовали на Западе – пусть даже и в языческом Риме. Если в Афинах Сократ был судим публично и произнес три речи в свою защиту, то в Исфахане или в Багдаде его посадили бы на кол или содрали с него живьем кожу – «и не было бы вам ни диалогов Платона, ни неоплатонизма, ни всего прочего – как их действительно и не было на Востоке; был бы просто монолог Корана...» – отмечает Бродский.

Основание Константинополя изменило мировую историю. Вероятно, Константин не задумывался о вечном противостоянии Востока и Запада, не размышлял об их кардинальных различиях и не строил

долгосрочные прогнозы по поводу того, какую роль его судьбоносное решение сыграет для Римской империи. Не исключено, что цезарем владело обычное тщеславие. По утверждению немецкого историка Карла Беккера, Константин честолюбиво желал основать новую столицу, которая затмила бы Рим. Монарх оценил географическое положение Византии, благоприятное для торговли, а также ее мягкий климат и плодородные земли. Кроме того, берега Босфора легко было превратить в неприступную крепость - и уже оттуда успешно бороться с врагами: германцами на Дунае и новоперсами на Евфрате.

Так на месте древнегреческого поселения Бизантиум (Византий) вырос Новый Рим, названный в честь своего основателя Константинополем. Казанова в автобиографии приводит древнее предание об основании города. Согласно ему, Константин, - родившийся на территории нынешней Сербии, - увидав Византий с моря, воскликнул: «Вот столица мировой империи!» - и обосновался на берегах Босфора. Он игнорировал предсказание поэта Горация, согласно которому Рим станет клониться к упадку, когда один из преемников Августа задумает перенести столицу ближе к месту своего рождения.

В итоге так и случилось - но в 330 году никто не знал, что городу Константина предстоит пережить почти две тысячи лет рассветов и закатов. В 410 году орды вестготов ворвутся в Рим, а в 476 вождь германцев Одоакр заставит последнего правителя Западной Римской империи Ромула Августа отречься от престола - и наступит конец Древнего мира, воспринятый современниками как конец света. Солнце античности навсегда уйдет за горизонт истории, и на Европу опустится непроглядная тьма Средневековья. Юстиниан завершит строительство Святой Софии в 537 году - в золотую эпоху Византийской империи, всего

через 60 лет после падения Рима. При открытии собора василевс радостно воскликнул: «Я превзошел тебя, Соломон!» (имея в виду Первый Иерусалимский храм, воздвигнутый библейским царем Соломоном).

Над юго-западным входом в Айя-Софию сохранилась мозаика, датируемая серединой X века. На ней изображены Константин I и Юстиниан, которые преподносят в дар Богородице свои лучшие творения – Константинополь и храм Святой Софии соответственно. Тем самым утверждается равнозначность обоих подношений – целого города и одного собора.

Будучи христианином, Юстиниан любил называть Константинополь Новым Иерусалимом. Славяне же окрестили его Царьградом. В 907 году столица Византии встретила первого великого князя Киевского – Вещего Олега, по легенде, прибывшего щит к городским воротам. Примерно в это же время в Константинополе появились первые русские паломники, усердно оставлявшие надписи на стенах собора в память о своем богоугодном путешествии. В 955 году невестка Вещего Олега, княгиня Ольга, приняла православие. Ее крещение состоялось в главном храме Византийской империи.

Предание гласит, что в X веке внук Ольги, Владимир Святославович, прозванный Владимиром Красное Солнышко, выбирая единую религию для Киевской Руси, отправил гонцов в Царьград. Гонцы посетили торжественную литургию в Святой Софии и были потрясены до глубины души. Вернувшись в Киев, они вдохновенно поведали князю о величии собора: «И не знали, на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и такой красоты, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми». Впечатленный рассказом, Владимир решил обратить русичей в православие.

Византия просуществовала более тысячи лет. После ее падения Константинополь вновь был переименован, на сей раз – османами. В юго-восточном углу Айя-Софии на одной из колонн (на высоте 6 м от ее основания) есть пятно. Говорят, это отпечаток руки Мехмеда II. По легенде, 29 мая 1453 года, в день взятия Константинополя, он въехал в собор, заваленный трупами османских и византийских солдат. Конь султана, почуяв запах смерти, встал на дыбы, и Мехмед, чтобы не упасть, схватился окровавленной рукой за колонну.

В правой части храма расположена небольшая ниша – если приложить к ней ухо, вы услышите легкий шум. Во время последнего штурма Константинополя турками в Святой Софии шло богослужение – десять тысяч христиан молили Всевышнего о пощаде и прощении. Когда ворота собора распахнулись под напором османов, священник, не прекращая читать молитву, подошел к боковому нефу. Стена раскрылась, священник шагнул вперед – и храм поглотил его. Согласно преданию, он до сих пор сидит в укрытии и на протяжении сотен лет безостановочно читает молитву об освобождении города от мусульман – именно этот шум можно услышать, приложив ухо к нише.

Стамбульские христиане утверждают, что, если превращенная в мечеть Айя-София опять станет церковью, священник выйдет из стены и продолжит богослужение. Впрочем, когда в 1918 году Стамбул взяли войска Антанты, чуда не произошло. Греки хотели установить на крыше Айя-Софии крест и колокола – но последний османский султан Мехмед VI приказал солдатам из своей личной охраны оцепить здание и стрелять в любого, кто осмелится на него подняться. Более того – падишах заблаговременно распорядился заминировать храм и взорвать его при первой же попытке вражеского штурма.

Османы всегда воспринимали Айя-Софию как символ своего превосходства не только над византийцами, но и вообще над европейской цивилизацией – и потому отчаянно боролись за нее. Пророк Мухаммед говорил, что первый мусульманин, вошедший в этот храм, попадет прямоком в рай. Османы заранее планировали превратить главный храм Византии в мечеть. Существует старая турецкая легенда: в начале XV века купол собора треснул, и василевс Мануил II Палеолог попросил султана Мурада II прислать для ремонта лучшего на тот момент османского архитектора Али Наджара. Зодчий спас здание от обрушения и, вернувшись к султану, якобы сказал ему: «Я нашел места для минаретов». Первый минарет построил сын Мурада, Мехмед II, после взятия Константинополя. Второй минарет воздвигли при Баязиде II, а третий и четвертый – по приказу Селима II. Сегодня под куполом Айя-Софии висят 8 круглых щитов, обтянутые ослиной кожей и исписанные изречениями из Корана – это самые крупные образцы исламской каллиграфии в мире и еще один символ османского владычества над побежденной Византией. Ататюрк, по приказу которого Айя-Софию в 1935 году превратили в музей, приказал снять щиты, но сразу после смерти Гази в 1938 году их вернули на прежнее место.

Айя-София была церковью 916 лет и мечетью – 418 лет; потом на протяжении более 80 лет она являлась музеем. Однако утром 2 июля 2015 года с ее минаретов раздался протяжный азан.^[40] Через несколько минут – впервые с 1935 года – под сводами Айя-Софии прозвучали суры (главы) Корана; их прочел муфтий Стамбула Рахми Яран. 28 мая 2016 года – накануне 563-й годовщины завоевания Константинополя османами – в храме совершили намаз несколько тысяч человек. Это событие взбудоражило как мусульманский, так и

христианский мир. Эрдоган долго собирался лишить Айя-Софию статуса музея. Стамбульские улемы поддерживали президента – по их словам, в городе тысячи мечетей не хватало места для молитв. К тому же, повторное превращение главного православного храма в мечеть символизировало бы победу ислама – и над христианством, и над светским характером Турции. 10 июля 2020 года был аннулирован соответствующий приказ Ататюрка – человека, благодаря которому Турция сейчас существует. Айя-София вновь стала мечетью.

Несмотря на это, сегодня Айя-София представляет собой удивительное творение византийской культуры. Задуманный как мировой центр христианства, храм обошелся Юстиниану в три годовых дохода Византии – самого богатого в то время государства на Земле. Над этим монументальным кафедральным собором ежедневно в течение пяти лет работали десять тысяч человек. Лучшие материалы везли со всех концов империи. В Константинополь нескончаемым потоком стекались искусные каменотесы, плотники, скульпторы, художники, ювелиры, мозаичисты из Александрии, Афин, Рима, Фив, Сиракуз. Подданных, возмущенных резко выросшими налогами, казнили с особой жестокостью. Мятежников и просто недовольных обвиняли в том, что они идут против Всевышнего, во славу которого воздвигался храм.

Главные зодчие Святой Софии – Исидор Милетский и Анфимий Тралльский – не были профессиональными архитекторами; однако под их руководством удалось возвести самый роскошный собор христианского мира. Впрочем, это не удивительно: Исидор преподавал в Константинополе стереометрию и физику, а Анфимий прославился как выдающийся

математик и оптик. Он создал световую картину в пространстве Святой Софии – в частности, решил сформулированную им же самим задачу: «Требуется заставить луч солнца падать на данное место, не сдвигаясь в любое время дня или года».

Святая София оставалась крупнейшей исторической церковью без малого тысячу лет, пока не завершилось строительство собора Святого Петра в Риме. Готье она напомнила собор Сан-Марко в Венеции; причем венецианскую базилику он называл уменьшенной копией базилики византийской. Византийские архитекторы-христиане вдохновлялись великим искусством древних греков, что придавало Святой Софии размах и величавость. «Когда Христос вступил в этот храм, его едва успел покинуть Юпитер», – отмечает Готье.

Подобно многим культовым сооружениям, Айя-София удивительно эклектична. В ее убранстве применялись элементы языческих религиозных построек – в частности, колонны из храма Солнца в Гелиополисе, храма Аполлона в Дельфах и храма Артемиды в Эфесе (одного из семи чудес света, которое в 356 году до н. э. сжег Герострат). Верующие веками окружали колонну Святого Георгия Чудотворца в северо-западном углу собора. Женщины считали, что, поцеловав латунную обшивку колонны или потершись об нее животом, они смогут забеременеть. Мужчины касались колонны в надежде поднять потенцию.

Все колонны Айя-Софии сделаны из мрамора. Всего использовалось 12 сортов мрамора: ослепительно белый – с Пароса; желтовато-белый – с Лесбоса; матово-белый – из Египта; красный и белый с зелеными и черными жилами фессалийский – с северо-востока Греции; белый с золотистым оттенком пентелийский –

из Афин; пестрый – из Коринфа; белый с ярко-красными пятнами фригийский – с запада Малой Азии; медово-желтый – из Ливии; черный с белыми прожилками – из копей на побережье Босфора; зеленый – из Спарты и т. д. Из Сирии доставляли известняк, из Ливана – дерево. На декорирование храма ушло 36 т золота. Серебро и слоновая кость не подлежали исчислению.

Юстиниан хотел покрыть собор изнутри золотом – но придворные астрологи предсказали, что Византию ждет эпоха бедных императоров, которые попытаются соскоблить драгоценный металл со стен и потолков и повредят здание. После падения Константинополя и превращения собора в мечеть султаны продолжали привозить сюда артефакты с подвластных территорий: так, Сулейман I подарил Айя-Софии бронзовые светильники из Будина, а Мурад III – мраморные шары из Бергамы.

Величие здания оценили даже современники его строительства. Верующие, шокированные непривычной роскошью Святой Софии, рассказывали друг другу очередную легенду: к Юстиниану явился ангел с изображением собора на серебряной пластине, которое требовалось точно воспроизвести. Прокопий Кесарийский восторженно заявляет: «Этот храм представлял чудесное зрелище, – для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем – совершенно невероятным».

Через тысячу с лишним лет после Прокопия Кесарийского Айя-София продолжала удивлять людей – Гамсуна, например, поразила «мрачность и величавость архитектуры». Позже Гамсун рассказывал, что массивный собор будто давил на него – ибо повсюду преобладал серый цвет; лишь потом, присмотревшись, норвежец заметил на стенах мозаику.

Марку Твену Айя-София категорически не понравилась. Прибыв в Стамбул в 1867 году, сатирик

увидел темное неприглядное здание, покрытое изнутри грязью, пылью и копотью. Твен пишет, что седая древность церкви, переделанной в мечеть, не трогает сердца и не прельщает взора, а ее крикливо-пышная роскошь не вызывает ни любви, ни восхищения. От прежней красоты не осталось и следа, исковерканные панели и балюстрады заросли паутиной. Однако даже скептически настроенный Твен называет собор исполинским, а его купол – головокружительно высоким.

Под огромным куполом Айя-Софии упокоились 5 султанов: Мехмед III, Селим II, Мурад III, Ибрагим I и Мустафа I, а также члены их семей. В 1205 году здесь похоронили венецианского дожа Энрико Дандоло – старость и слепота не помешали ему организовать Четвертый крестовый поход (1202–1204) и возглавить рыцарей, штурмующих Константинополь. Английский медиевист Джонатан Филипс отмечает, что дож служил непревзойденным источником советов и ободрения для остальных руководителей военной кампании. Находясь на острие атаки у стен Золотого Рога, Дандоло тем самым взывал к чувству чести крестоносцев – равно как и к их честолюбию.

13 апреля 1204 года – за 249 лет до Мехмеда II – город на берегах Босфора был захвачен европейскими рыцарями. Участник этих событий, француз Жоффруа де Виллардуэн утверждает: «Сгорело больше зданий, чем можно насчитать в трех величайших городах французского королевства». Крестоносцы утопили Константинополь в крови, вывезли произведения искусства и превратили византийскую столицу в груды дымящихся развалин. По свидетельству Никиты Хониата, захватчики ввели лошадей и мулов в Святую Софию, «чтобы удобнее было выносить оттуда священные сосуды и золотые и серебряные изображения, которые они срывали с престола и

кафедры; когда же некоторые из этих животных поскользнулись и упали, они стали подгонять их мечами, оскверняя церковь их кровью и нечистотами».

Святая София оказалась не единственным оскверненным собором Константинополя. В церкви Христа Вседержителя – месте захоронения императоров из династии Комнинов – были ободраны все гробницы. Сегодня единственным остатком их великолепия является крохотный золотой штырь, расположенный слишком высоко в стене, чтобы его смогли вырвать. Тогда же, в 1204 году, Константинополь получил статус столицы Латинской империи, престол которой занял Дандоло. Вольную, но достоверную хронику этих событий излагает итальянский писатель Умберто Эко в романе «Баудолино». Он также дает любопытную характеристику павшему Константинополю: «Город не был в осаде, потому что неприятели, хоть и стояли кораблями на рейде, сами были расквартированы в Пере и перемещались по городу. Город не был и захвачен, потому что о бок с крещатыми завоевателями ходили люди императора. В общем, крестоносцы были в Константинополе, но Константинополь не был их».

Последствия Четвертого крестового похода были чудовищными. Монтескьё утверждает, что Латинская империя представляла собой лишь тень Византии – которая, в свою очередь, не имела никаких ресурсов к восстановлению. Латины владели Константинополем в течение 60 лет. За это время побежденные рассеялись по другим странам, а победители были заняты междоусобицами. В итоге торговлей завладели итальянские города – и Константинополь окончательно лишился своих богатств.

Норвич соглашается с Монтескьё и дает негативную оценку союзникам Византии, в первую очередь – венецианцам. Византийская империя медленно умирала на протяжении 250 лет – и Мехмед II лишь нанес coup de

grace (удар милосердия). Настоящий смертельный удар настиг Византию еще в 1204 году, когда армия Четвертого крестового похода разграбила Константинополь и проложила дорогу франкским повелителям, которые обобрали страну и город. Византия перенесла удар, но не смогла от него оправиться. Ответственность за трагедию Норвич возлагает на Венецию – ибо «это были ее корабли, ее инициатива, поход проходил под ее руководством и выражал ее интересы». Венеция также получила самую большую выгоду от грабежа.

С тех пор обломки поруганной и разрушенной Византийской империи встречаются по всему миру. В начале XIII века святыни, мощи, драгоценную посуду, церковную утварь, колонны, статуи и обелиски массово вывозили из Константинополя. Сегодня их можно увидеть в старых церквях Германии, Австрии, Франции и Италии. Чего стоит одна похищенная и бережно хранимая в кафедральном соборе Турина плащаница – погребальный саван Иисуса Христа, на котором, как говорят, запечатлелся Его лик.

Конфликт Востока и Запада проявился не только в их вооруженном столкновении, но и в политических процессах континентальной Европы. Греческий поэт Деметриус Викелас говорит о принципиально разном отношении к этим событиям, которое уже в XIII веке расколело Европу на два противоборствующих лагеря. По словам Викеласа, на Западе Четвертый крестовый поход воспринимался как защита веры; европейская знать может по праву гордиться тем, что она – внучка крестоносцев. Однако восточные христиане – свидетели рыцарских грабежей – забыли, что Крестовые походы когда-то имели христианский характер. «Появление крестоносцев знаменует собой начало упадка [Византийской] империи и предвещает ее конец», – утверждает Викелас.

На самом деле рыцари не совершили на берегах Босфора ничего экстраординарного. В эпоху Средневековья кража реликвий считалась богоугодным делом. Некоторые святые изначально попали в Константинополь незаконно – например, кисть правой руки Иоанна Крестителя в 956 году похитил в Антиохии некий дьякон Иов. Десницу сперва привезли в Халкидон, а затем – в византийскую столицу; при этом у кисти отсутствовал большой палец (по легенде, его откусил паломник во время лобызания мощей).

Участник Четвертого крестового похода пикардиец Робер де Клари в мемуарах перечисляет, что обнаружили крестоносцы в одной только церкви Фаросской Богоматери: две части Животворящего Креста; наконечник копья, коим пронзили ребро Господа; два гвоздя, коими были пробиты Его руки и ноги; хрустальный сосуд с Его кровью и множество других реликвий. По воспоминаниям другого крестоносца, Жоффруа де Виллардуэна, рыцари набрали в Константинополе столько добычи, что никто не смог бы определить ее количество или ценность. Там были золото и серебро, столовая утварь и драгоценные камни, атлас и шелк, одежда на беличьем и горностаевом меху и вообще все лучшее, что только можно отыскать на земле. «Такой обильной добычи не брали ни в одном городе со времен сотворения мира», – пишет Виллардуэн.

Тогда же родилась полулегендарная история о конских статуях. Британский историк Томас Эсбридж сообщает, как Дандоло захватил восхитительную бронзовую скульптуру четырех лошадей и отправил ее в Венецию. Трофеем покрыли золотом и установили на фасаде собора Сан-Марко, прямо над главным входом – в знак триумфа Венецианской республики.

Четвертый крестовый поход навсегда изменил историю Константинополя. Никита Хониат горестно

восклидал: «О Город, Город, око всех городов, ты испил до дна чашу гнева Божия!» Дандоло правил столицей лишь год - 1 июня 1205 года 98-летний старик скончался. Его похоронили в соборе Святой Софии, но сегодня усыпальница пуста - в 1453 году Мехмед II приказал выбросить останки дожа собакам.

Фатих решил коренным образом изменить облик города - но не стирать его с лица земли. Султан помнил слова арабского писателя XII века Хасана Абда аль-Харави: «Константинополь - город, чье величие превосходит всё, что о нем говорят. Да будет соизволение Всемилостивейшего и Щедрого Аллаха сделать его столицей ислама». По этой причине в захваченном османами Константинополе постоянно строились новые мечети. Самые большие и красивые возводились по приказу падишахов - в память о блестящих победах и погибших соратниках, для замаливания грехов и увековечения своего имени. Деньги на строительство выделяли султанские матери, дочери, жены и сестры, крупные чиновники, известные министры и прославленные полководцы.

Им было в чем каяться перед Аллахом. Посетив Стамбул в 1985 году, Бродский отметил, что «все эти бесчисленные Османы, Мехметы, Мурады, Баязеты, Ибрагимы, Селимы и Сулейманы» вырезали друг друга, своих предшественников, соперников, братьев, родителей и потомство с регулярностью человека, бреющего перед зеркалом. Помимо дворцовых кровопролитий, Порта вела непрерывные войны: против неверных^[41], против мусульман-шиитов, за расширение империи, в отместку за нанесенные обиды, из самозащиты и просто так. Чалмы и бороды, своеобразная «униформа головы», делали людей совершенно неотличимыми друг от друга - и в этих головах, по словам поэта, была только одна мысль:

«рзать». «Потому, возможно, и “рзать”, что все так друг на друга похожи и нет ощущения потери», – отмечает Бродский.

Монументальные и торжественные, с минаретами, вспарывающими облака и увенчанными хищным полумесяцем, – стамбульские мечети веками формируют образ древнего города на берегах Босфора. С ними связано множество легенд, поверий и исторических фактов. Например, мечеть Нусретие («Победа») около причала Топхане, украшенная двумя тончайшими и красивейшими в Стамбуле минаретами, символизирует победу Османской династии над янычарами. 15 июня 1826 года Махмуд II подавил очередное янычарское восстание и упразднил сам орден янычар. Это событие стало одним из предвестников Танзимата (прогрессивных реформ 1839–1876 годов). Перед открытием Нусретие султан прибыл в Топхане на лодке, а потом пересел на коня и верхом доехал до мечети – так Махмуд II напомнил подданным, что является их повелителем на земле и воде.

Новая мечеть (Йени джами) воздвигнута на средства, вырученные от торговли на Египетском базаре. Строительство началось в 1597 году по инициативе Сафие-султан – матери Мехмеда III. Освобождая место для мечети, Мехмед III переселил живущих в Эминёню евреев на другой берег Золотого Рога – в Галату. Сафие-султан тратила на Йени джами личные средства, но денег катастрофически не хватало. Работе также препятствовали пожары, землетрясения и городские мятежи. После смерти Мехмеда III в 1603 году его сын Ахмед I отослал свою бабушку Сафие-султан из Топкапы в Эски-сарай – первый в Стамбуле султанский дворец, построенный еще Мехмедом II в районе бывшего форума Феодосия. Ахмед I был увлечен возведением собственной монументальной мечети Султанахмет. О Йени джами временно забыли.

Вспомнили о ней только через 50 лет, после пожара в районе Эминёню. Турхан Хатидже-султан (мать Мехмеда IV) решила закончить проект Сафие-султан - и ей это удалось. Официальное название мечети - Йени Валиде Султан джами (Новая мечеть валиде-султан), поскольку обе женщины носили этот титул.

Для завершения работ Сафие-султан еще в 1660 году основала Египетский базар - второй по величине после Гранд-базара крытый рынок Стамбула. Доходы, полученные от торговли на Египетском базаре, шли на строительство Йени джами; сам рынок тоже прозвали Новым (Йени чарши). Современное наименование появилось позже благодаря тому, что тут продавались индийские и китайские пряности, специи, благовония и лечебные травы, которые поставлялись в Стамбул через Египет.

Стамбульцы считают, что для исполнения желаний нужно покормить голубей на площади у Новой мечети или у мечети Баязид (их так и называют - голуби желания). Согласно одной легенде, они произошли от голубки, которая проворковала пророку Мухаммеду, что пора бежать из Мекки в Медину; согласно другой - от пары лесных голубей, которых купил у охотника султан Баязид I, приказавший построить мечеть. Как только первые зерна или крошки хлеба падают на землю, десятки птиц слетают с куполов и минаретов - а затем, насытившись, будто хлопья серой пены, снова медленно оседают на древних священных камнях.

Эта традиция имеет глубокие корни. С начала XVI века - т. е. с первых дней существования мечети Баязид - ее имамы ежегодно выделяли 30 султани на заботу о птицах. Соответствующий пункт был включен в устав мечети. В 1920-х годах устав отменили, но имамы продолжали кормить голубей за свой счет. Сейчас этим с удовольствием занимаются местные жители.

Впрочем, есть исключение – мечеть Шемси Ахмеда-паши в Ускюдаре, более известная как Кушконмаз. Великий визирь Шемси Ахмед-паша, заказывая мечеть Мимару Синану, велел сделать так, чтобы птицы не садились на нее. Синан изучил направления воздушных потоков в Ускюдаре – и выбрал место, где ветры дуют настолько сильно, что птицы не могут даже подлететь к зданию. Тем самым вельможа выразил глубокое почтение архитектору – творение Синана всегда остается чистым.

Синан спроектировал еще одну необычную мечеть – на этот раз для пирата Али-паши, наводившего ужас на все Средиземноморье и прозванного «Кылыч» (от тур. kılıç – сабля). 7 октября 1571 года Али-паша командовал османским флотом в битве при Лепанто – последнем в истории сражении гребных судов и крупнейшем морском сражении Позднего Средневековья, которое разыгралось между Портой и Священной Лигой^[42]. В этой битве участвовал испанский писатель Мигель де Сервантес – он командовал абордажной командой и был ранен. Позже Сервантес напишет о себе в третьем лице: «В морской битве при Лепанто выстрелом из аркебуза у него была искалечена рука, и хотя увечье это кажется иным безобразием, в его глазах оно прекрасно, ибо он получил его в одной из самых знаменитых битв, которые были известны в минувшие века и которые могут случиться в будущем...»

Османы, господствовавшие на Средиземном море, потерпели сокрушительное поражение. Победа католических государств при Лепанто сопоставима с победой при Пуатье 10 октября 732 года, когда франки наголову разбили армию Омейядского халифата и остановили арабское вторжение в Европу. Гегель отмечает, что «битва при Лепанто спасла Италию и, может быть, всю Европу от наводнения варварами».

Али-паша чудом избежал уничтожения османского флота и захватил флагманский корабль мальтийских рыцарей – за что получил от Селима II титул капудан-паши (адмирала). После такого повышения, согласно обычаю, Кылыч попросил Селима выделить ему землю для постройки мечети. Султан, недолюбливавший флотоводца и не простивший ему катастрофу при Лепанто, заявил: «Ты стал хозяином морей, вот и строй в море». Али-паша получил заболоченный участок на побережье Босфора в Топхане. Синан проделал большую работу по осушению земли, поднятию уровня почвы и укреплению фундамента.

Мимару Синану приписывают строительство еще одной мечети, которую он не возводил, но только восстанавливал после пожара. Речь идет о мечети Ахи Челеби. Несмотря на скромное убранство, она занимает важное место в стамбульском фольклоре. Донатором мечети стал придворный лекарь Ахи Челеби ибн Кемаль. Его родственнику Эвлии Челеби однажды приснилось, что внутри мечети стоит пророк Мухаммед – и Эвлия вместо традиционной просьбы о прощении и долгой жизни попросил его о путешествиях, взамен пообещав пророку подробно описывать свои странствия.

Мечта Эвлии Челеби сбылась – он стал известным мусульманским путешественником, сравнимым с Ибн Баттутой. Эвлия провел в дороге более 40 лет. Сначала он исходил вдоль и поперек родной Стамбул, затем – объездил Османскую империю, Крым, Кавказ, Фракию, Македонию, Крит, Австрию и Венгрию, совершил хадж в Мекку и отправился в Египет, где и скончался. Путевые заметки Челеби объединены в 10-томную «Книгу путешествий» и содержат интересные сведения об истории, культуре, географии, государственном и общественном устройстве Порты и сопредельных земель.

Любопытная история связана с мечетью Санкы Йедым в районе Зейрек. Согласно преданию, она возведена на средства ремесленника Хайреддина Кечеджизаде. Вдохновившись великолепными султанскими мечетями, этот благочестивый человек решил поставить в родном квартале мечеть – и начал копить деньги. Он отказывал себе во вкусной еде и прочих удовольствиях на протяжении 20 лет. Вместо покупки лакомств Хайреддин заходил в трактир, жадно вдыхал аппетитные запахи и уходил со словами: «Как будто я поел» («Sanki yedim»). Сэкономленных денег хватило на скромную мечеть вместимостью 200 человек.

Одной из помпезных султанских мечетей, которые так любил ремесленник Хайреддин, была Лалели – последняя имперская мечеть Стамбула, построенная в 1760–1763 годах архитектором Мехмедом Тахиром-агой по приказу Мустафы III. По-турецки «lale» означает «тюльпан». Купол мечети похож на бутон этого цветка – но на самом деле она названа в честь почитаемого в Стамбуле святого Лалели-бабы, чья могила находится неподалеку.

Лалели-баба был дервишем. Он хвастался, что виртуозно знает город, от центральных площадей до самых страшных трущоб – смелое заявление в XVIII веке, когда большая часть османской столицы представляла собой беспорядочное нагромождение жилых домов и хитросплетения узких кривых улочек. Мустафа III узнал о бахвальстве дервиша и решил проверить его. Султан приказал завязать Лалели-бабе глаза и провезти старика в карете вдоль старых крепостных стен, дабы тот назвал все городские ворота. Задание оказалось не из легких – в крепостных стенах Стамбула было немало ворот.

В Стамбуле имелись гражданские и военные ворота. Первые служили для прохода жителей и облегчали

сообщение с кварталами, раскинувшимися за стенами. Они соединялись с городом мостами, перекинутыми через рвы. В военное время мосты уничтожались и отверстия ворот замуровывались. Военные ворота, защищенные башнями, открывались только для вылазок и пропуска вспомогательных сил. Некоторые из них позднее были замурованы. В наши дни легко отыскать место этих ворот – но трудно обозначить их названия, поскольку городские планы противоречат друг другу.

Итак, Лалели-бабе предстояло блеснуть знанием Стамбула. В случае удачи Мустафа пообещал назвать в честь юродивого большую мечеть, в случае провала – отрубить хвосту голову. Лалели-баба перечислил все ворота, за исключением последних, – он заявил, что раньше никогда их не видел. Султан был поражен: действительно, эти ворота открыли всего пару дней назад. Мустафа III сдержал обещание – последнюю монументальную османскую мечеть назвали в честь бездомного дервиша. Район, где закончилось сложное испытание Лалели-бабы, окрестили Йеникапы (тур. yeni kapı – новые ворота).

Многие мечети стали символами Стамбула. Помимо вышеупомянутых, можно вспомнить мечети Ортакей, Шехзаде, Фируз Ага, Садабад, Джихангир, Нуруосмание, Пертевниял Валиде Султан, Хасеки Хюррем Султан, Йылдыз Хамидие, Бурмалы, Ахи Челеби, Соколлу Мехмеда-паши, Синана-паши, Мурада-паши, Ибрагима-паши, Рустема-паши и Джеррах-паши... В районе Бюйюкчекмедже есть подземная мечеть Санчаклар (ее создатели вдохновились пещерой Хира возле Мекки, где пророк Мухаммед впервые получил божественное откровение). По данным 2007 года в городе насчитывалось 2944 мечети, в 2011 году – 3087, их количество постоянно возрастает.

Иногда мечети, спроектированные в 2000-х – 2010-х годах, имеют более интересный вид, нежели их

османские предшественницы. В Стамбуле есть две известные мечети с ультрамодерновым дизайном – Шакирин и Мармара Илахият в Ускюдаре. Последняя принадлежит теологическому факультету университета Мармара. Ее купол сделан в виде раковины моллюска наутилуса и совмещен с потолком в стиле «ласточкин хвост», характерном для старых турецких домов. Когда стоишь в центре Мармара Илахият, кажется, что над головой раскручивается невообразимых размеров спираль – и образуется воронка, способная оторвать молящихся от грешной земли и вознести их на небеса.

Там же, в Ускюдаре, на холме Бюйюк Чамлыджа возвышается самая большая мечеть Турции – Чамлыджа, любимый проект Эрдогана. Над ней трудились 6 лет (2013–2019). В феврале 2017 года на гигантский купол водрузили полумесяц высотой 777 см и весом около 4,5 т. Постепенно грохот стройки затих – но внизу, у подножия холма, по-прежнему блестит на солнце серебристо-синяя лента Босфора и бурлит жизнь огромного древнего города.

Глава 6

Его величество Босфор

Целой жизни мало, чтобы любить Босфор.

Стамбульская пословица

Первое, на что обращаешь внимание, стоя на любой смотровой площадке Стамбула, – это то, насколько он огромный. Безбрежный. Бескрайний. Город простирается насколько хватает глаз. Самые дальние его холмы напоминают подушечки для рукоделия, откуда, словно булавки, торчат небоскребы и минареты. И, разумеется, с любой возвышенности видно Босфор.

Босфор – главная водная артерия, зеркало и горло^[43] Стамбула. В Турции говорят: «Если на сердце грусть, езжай к Босфору». Памук пишет: «Босфор – душа Стамбула, в нем город черпает силы».

Побывать в Стамбуле и не прокатиться по Босфору – все равно что не попробовать в Италии мороженое или не спуститься в лондонское метро – словом, это противоестественно. По словам Памука, Босфор, Золотой Рог и Мраморное море формируют Стамбул. Исторически здания, определяющие облик города, считались тем значительнее, чем ближе они находились к воде – и чем лучше из них была видна вода. Обитатели домов, чьи окна смотрят на Босфор, чувствуют, что у Стамбула есть некая исходная точка, определяющая целостность города; и что жизнь – как бы то ни было – идет своим чередом.

Название пролива переводится с греческого как «коровий брод». Согласно мифу, громовержец Зевс пытался укрыть свою очередную возлюбленную –

красавицу Ио – от гнева законной супруги Геры и превратил девушку в корову. Заподозрив измену, Гера попросила мужа подарить ей корову и приставила к ней стоглазого Аргуса, который всё видел и никогда не спал.

Зевс подослал к Аргусу веселого бога Гермеса – и тот усыпил чудовище игрой на флейте, а затем отрубил ему голову. Узнав о гибели верного слуги, Гера увековечила память о нем, перенеся глаза Аргуса на оперение павлина (поэтому рисунок на перьях птицы называется «павлиньим глазом»). Ио сбежала, но разъяренная богиня наслала на соперницу слепней. Спасаясь от них, измученная Ио пересекла сначала море (позже названное в ее честь Ионическим), а затем пролив между Европой и Азией – и вышла на берег в районе Кадыкёя.

Плавание по Босфору с трудом далось не только Ио, но и аргонавтам. Вход в Босфор охраняли скалы, окутанные туманом, – они смыкались, сокрушая корпуса кораблей. Аргонавты выпустили впереди «Арго» голубя – и скалы сомкнулись, вырвав несколько перьев из птичьего хвоста, а затем стали расходиться. Античные герои налегли на весла и миновали опасный участок; скалы же застыли навеки по обе стороны Босфора. Спасенный «Арго» благополучно вошел в Понт Аксинский – так греки называли Черное море.

Можно долго перечислять исторические и мифические события, имевшие место на Босфоре. Из верхней части пролива аргонавты отправились на поиски Золотого Руна. С одного из босфорских берегов персидские цари Дарий и Ксеркс, затеявшие в V веке до н. э. поход в Грецию, наблюдали за своими армиями – непобедимые персидские солдаты шагали по мостам, сооруженным из лодок. Несколько веков спустя Велизарий – полководец Юстиниана I – разбил войско Сасанидов сначала на суше, а затем и на Босфоре.

Босфор – самое мифологизированное место Стамбула. В его темные воды бросали сундуки с золотом, провинившихся одалисок, неверных друзей и плененных врагов. В 1595 году по приказу султана Мехмеда III в Босфоре утопили семь беременных наложниц его отца – покойного Мурада III. Гюго в стихотворении «Лунный свет» передает чарующую и тревожную атмосферу стамбульской ночи: молодая жена султана стоит возле распахнутого окна во дворце Топкапы и вдруг слышит глухой плеск:

То тяжкие мешки, где слезы, где слова
Как будто слышатся, где тела очертанья
Возможно угадать средь лунного сиянья.

Вдохновившись подобными историями, Николай Гумилев написал стихотворение «Константинополь»:

Еще близ порта орали хором
Матросы, требуя вина,
А над Стамбулом и над Босфором
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнут неверную жену,
Жену, что слишком была красива
И походила на луну.

Городская легенда гласит, что после кораблекрушения одному ныряльщику приказали нырнуть с мыса Сарайбурну. Погрузившись в воду, он сразу же подал сигнал, чтобы его поднимали. Позже, дрожа от ужаса, ныряльщик рассказал, что видел на дне сотни открытых мешков – и в каждом, медленно

раскачиваемая течением, стояла мертвая женщина. Утопление неугодных обитательниц гарема было скорее правилом, нежели исключением. В мае 1632 года и в июне 1826 года в Босфор сбрасывали тела янычар – после подавления бунтов их несколько дней вывозили на телегах с обагренных кровью стамбульских улиц. Трупов было так много, что они мешали судоходству в Мраморном море.

На самих берегах пролива жизнь текла размеренно и неторопливо. Босфор – не только символ Стамбула и своеобразное «место силы», но и свидетель истории города и страны в целом. Двери с облупившейся краской, резные ставни и замшелые стены домов, тенистые сады на холмах, где росли босфорские сосны, багряник и столетние чинары, – для Памука все это следы погибшей османской цивилизации. Ее люди были похожи на современных турок – но современные турки, в отличие от них, бедны, слабы и провинциальны. Памук говорит о цвете кипарисов; о заброшенных ялы^[44]; о стихах, которые поймет только тот, кто провел на этих берегах всю жизнь; о ржавых судах, плывущих по Босфору, и о стоящих над его водами особняках – и о том, каково жить среди развалин некогда великой и могучей цивилизации.

Берега Босфора издавна представляли собой еще одну грань восточного мира – загадочного, поэтичного и утонченного. Пьер Лоти в XIX веке назвал отрезок пролива между Бешикташем и Ортакёем чередой дворцов, «белых как снег, вздымающихся по самому морскому краю на мраморных постаментах». Конечно, за 200 лет прибрежные районы Стамбула изменились: например, сегодня к северу от упомянутого «дворцового квартала» тянется Золотая миля – полоса дорогих ночных клубов, идущая через Ортакёй и Куручешме. Эти семты когда-то были скромными

рыбацкими деревушками – но в наши дни они являются лучшими городскими районами для покупки элитной недвижимости.

Босфор – один из самых красивых и романтических водных путей в мире. На его берегах восточная и западная культуры переплетаются в архитектуре домов, построенных знатными османскими семьями. Самые удивительные здания – это ялы, деревянные особняки XVII–XIX веков. Помимо них, султаны возводили вдоль Босфора величественные дворцы в стиле барокко и многочисленные посольства – включая превосходное посольство Египта в стиле модерн.

Ялы были не просто роскошными домами – они свидетельствовали о наличии у их владельцев особого статуса. В старой стамбульской песне поется:

Если бы твой отец выдал тебя замуж за вельможу,
То и ты могла бы поселиться в ялы.

В годы империи в ялы жили чванливые сановники, в годы республики – бывшие царедворцы и полусумасшедшие внуки пашей. Они бесконечно судились друг с другом, деля имущество. Деревянные дома гнили, краска с них осыпалась, стены чернели от холода и влаги. По воспоминаниям Памука, ялы часто поджигали, надеясь, что на их месте построят многоэтажные здания. Таким образом, к 1970-м годам, когда Стамбул начал быстро расти, большинство исторических особняков исчезло. Несмотря на это, сегодня на побережье Босфора насчитывается более 600 павильонов, киосков, охотничьих домиков, вилл и дворцов, 336 из которых признаны историческими.

Последние 200 лет Порты оказались крайне плодотворными для искусства, особенно для

строительства. На закате Османской империи рождались чудесные творения талантливых зодчих, определившие облик Стамбула. Если главным османским архитектором XVI века был Мимар Синан, то в XVIII-XIX веках эта должность перешла к представителям армянской семьи Бальян. Первым стал Бали Бальян, передавший дело своему сыну Магару, но настоящая слава династии началась с внуков Бали - Крикора (1764-1881) и Сенекерима (1768-1833).

На протяжении двух веков Бальяны строили Стамбул. Они создали новый архитектурный стиль - османское барокко. В этом стиле возведены мечеть Нусретие, башня Баязид, дворцы Бешикташ и Арнавуткёй Валиде Султан и другие здания на берегах Босфора. Наибольшего творческого подъема династия достигла при Карапете Бальяне (1800-1866), без творений которого нельзя представить Стамбул. Среди них - дворцы Долмабахче, Бейлербей, Йылдыз и Чираган, мечеть Безмиалем Валиде Султан, мавзолей Махмуда II и несколько армянских церквей в Бешикташе, Кумкапы, Куручешме и Бейоглу.

Сыновья Карапета Бальяна - Акоп, Симон, Никогос и Саркис - сменили отца на архитектурном поприще во второй половине XIX века, когда солнце Османской империи медленно опускалось за горизонт истории. Так, Никогос, успев поработать с отцом над Долмабахче, самостоятельно построил мечеть Меджидие в Ортакёе, часовую башню Топ-хане и Ыхламур - летнюю резиденцию Абдул-Меджида I. Саркис помогал Карапету в проектировании дворцов Чираган и Бейлербей - и уже в качестве имперского архитектора воздвиг дворцы Ферие и Кючюксу (Гёксу), а также здания университета Галатасарай и военного министерства (в последнем сейчас находится Стамбульский технический университет). Акоп

совместно с Саркисом трудился над мечетью Пертевниял Валиде Султан в районе Аксарай.

Великолепные творения армянских архитекторов напоминают о старом Стамбуле, которого больше нет. Душа любого древнего города заключена в камне и воде – и столица Порты не исключение. У Афин есть Эгейское море, у Рима – Тибр, у Каира – Нил, у Лондона – Темза, а у Стамбула – Босфор.

Что бы ни происходило, Босфор не меняется. Умирают растущие вдоль его берегов деревья, разрушаются ялы, возводятся мосты, соединяющие Европу и Азию, – но Босфор величаво несет свои воды мимо рыбацких деревушек и султанских дворцов, мимо ресторанов Сарыера и казарм Селимие, мимо Девичьей башни и вокзала Хайдарпаша, мимо мусульманских кладбищ и крепостных стен Йороса, Едикуле, Румелихисари и Анадолухисари.

История Стамбула – это история его дворцов и крепостей. Византийские императоры и османские падишахи строили их для защиты и нападения, официальных приемов и бурных увеселений, демонстрации своего могущества и сокрытия тайн. Рассыпанные вдоль берегов Босфора, словно крупные старые жемчужины, дворцы и крепости великого города остаются безмолвными и беспристрастными хранителями прошлого.

О главном дворце – Топкапы – говорилось в главе 3. Вторым по значимости является Долмабахче («Насыпной сад»), построенный по приказу Абдул-Меджида I. Султан пожелал жить в великолепном дворце, не уступающем в роскоши резиденциям европейских монархов. Мрачный средневековый Топкапы не удовлетворял эстетическим требованиям правителя. Долмабахче должен был свидетельствовать о богатстве и просвещенности Османов. Для этого пришлось нарушить некоторые традиции – так, впервые

в истории Порты гарем и селямлик (мужскую часть здания) разместили под одной крышей.

Долмабахче насчитывал 285 комнат. На его украшение было потрачено 14 т золота и 40 т серебра. Британская королева Виктория подарила Абдул-Меджиду I роскошную люстру из богемского стекла весом около 5 т. Император Александр II прислал Абдул-Азизу (преемнику Абдул-Меджида I) медвежьей шкуру, а придворный архитектор Саркис Бальян преподнес своему повелителю картину крымского армянина Ованеса Айвазяна – Ивана Айвазовского.

Картина понравилась падишаху, и он заказал художнику 10 новых полотен с видами Стамбула и Босфора. Выполняя заказ, Айвазовский часто гостил при османском дворе. Он подружился с Абдул-Азизом и написал 30 картин, которые украшают стены Долмабахче и прочих дворцов на берегах пролива. Среди стамбульских шедевров Айвазовского – «Галатская башня в лунном свете» (1845), «Вид на Константинополь и бухту Золотой Рог» (1856) и др.

В каждом государстве есть легенды о таинственных драгоценностях – будь то богатство Аттилы, сокровища тамплиеров или золото Колчака. В Османской империи, по слухам, личная казна султанов хранилась в лабиринте под Долмабахче. Слухи усилились в 1910-х годах – после того, как пришедшие к власти младотурки^[45] обыскали Йылдыз, бывший резиденцией Абдул-Хамида II, и, ничего не найдя, продолжили поиски в Долмабахче. Опальный султан, содержащийся под арестом, не собирался раскрывать местоположение фамильных драгоценностей. В итоге было установлено, что один из подземных тоннелей Долмабахче ведет под Босфор. Младотурки решили, что богатства спрятаны в комнате в конце тоннеля – но им не удавалось обнаружить вход в сам лабиринт.

Абдул-Хамида II поселили в Долмабахче и установили за ним наблюдение в надежде, что султан попытается проникнуть в подземные хранилища дворца. Впрочем, опальный падишах унес тайну с собой в могилу. Через некоторое время, благодаря случайности, младотурки проникли в лабиринт – но сработала система защиты, и тоннель под Босфором затопило. Доступ к предполагаемой сокровищнице не удалось обнаружить даже с помощью водолазов. Впоследствии султанское золото искали еще много раз, однако никому не удалось разгадать тайну подземного лабиринта. Если Абдул-Хамид II не растратил богатство предков, то оно до сих пор покоится под толщей босфорских вод.

Эта история – не единственная, связанная с Долмабахче. Помпезный дворец в стиле Людовика XIV стал домом для шести последних падишахов: Абдул-Меджида I, Абдул-Азиза, Мурада V, Абдул-Хамида II, Мехмеда V и Мехмеда VI (при этом четверо из них были сыновьями Абдул-Меджида I, что свидетельствовало о династическом кризисе). Абдул-Хамид II оказался последним абсолютным монархом Османской империи; при его преемнике Мехмеде V впервые за 600 лет существования Порты установилась парламентарная монархия.

Отныне султан царствовал, но не правил. Реальная власть сначала находилась у партии «Единение и прогресс», а с 1913 года – у триумvirата младотурецких политиков Исмаила Энвера-паши, Мехмеда Талаата-паши и Ахмеда Джемал-паши. На Османскую империю опускались сумерки истории. Непроглядная тьма сгущалась вокруг Стамбула и поглощала золотые полумесяцы на минаретах мечетей, построенных в эпоху богатства и процветания.

«Турция умирала от перенапряжения сил и оскудения ресурсов в попытках держаться всего того,

что осталось ей в наследство от империи», - пишет британский офицер Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский). Единственным аргументом османов была сабля - но сабли отступили перед более изощренным оружием. Выяснилось, что медлительные османы не готовы к усвоению чего-то нового. Властным старикам предстояло отойти от дел. Лоуренс сделал неутешительный вывод: «Турция разлагалась, и вылечить ее можно было только хирургическим путем» - и этот вывод прозвучал как приговор.

В эти тревожные и печальные годы султаны продолжали возводить роскошные дворцы, а тем временем некогда великое государство - их государство - умирало у них на глазах. Долмабахче суждено было стоять на рубеже веков и эпох - между старой и новой Турцией, империей и республикой, последним султаном и первым президентом. В 1922 году Мехмед VI - потомок Мехмеда II Завоевателя, Селима I Грозного, Сулеймана I Великолепного и Мурада IV Кровавого - покинул собственный дворец с черного входа. Перед этим он вознес мольбу Аллаху в окружении последнего шейх-уль-ислама - Медени Мехмеда Нури-эфенди и последнего великого визиря - Ахмеда Тевфика-паши.

Мехмед просил у Аллаха возможности поскорее вернуться в Стамбул, однако молитвам не суждено было сбыться. Низложенный падишах покинул столицу в условиях строжайшей секретности. Генри Мортон описывает дождливое утро 17 ноября 1922 года. К боковому входу Долма-бахче подкатила британская карета скорой помощи. Из дворца вышли пожилой мужчина, мальчик и услужливый человек с сумкой в руках. Первый был Мехмедом VI, второй - наследником трона, шехзаде Эртогрулом-эфенди, а третий - евнухом, успевшим собрать золотые кофейные чашки султана и кое-какие драгоценности. Все трое уселись в

автомобиль и поехали на британскую военно-морскую базу. Водитель не знал, что увозит из Стамбула всё, что осталось от Османской империи.

Прибыв на место, беглецы поднялись на борт английского корабля «Malaya» и отплыли на Мальту. Спустя 4 года Мехмед VI умер, неоплаканный и невоспетый, в чужом ему Сан-Ремо.

В 1924 году - через 2 года после того, как последний султан покинул Стамбул - в Долмабахче зазвучал голос Мустафы Кемалю. В Церемониальном зале, под знаменитой люстрой, он, первый президент Турецкой Республики, зачитал свою первую речь в новом статусе. Здесь же 10 ноября 1938 года 57-летний Ататюрк скончался от цирроза печени. С тех пор все часы Долмабахче показывают 9:05 - время, когда остановилось сердце основателя современной Турции.

Пока Гази выступал перед нацией, из страны было выслано 156 членов Османской династии; их имущество подлежало конфискации. В первую очередь депортировали тех, кто обладал правом на престол - им на сборы давалось 24-72 часа. Остальные должны были покинуть страну в течение 9 дней. С 5 по 15 марта 1924 года Османов встречали на стамбульских железнодорожных вокзалах (Сиркеджи в европейской и Хайдарпаше в азиатской части города), выдавали им по 2 тыс. британских фунтов на человека - и сажали в поезд. После этого потомки Сулеймана Великолепного лишались турецкого гражданства. Многие уезжали с легким сердцем - они верили в реставрацию монархии и рассчитывали вернуться в Стамбул через пару месяцев. Но история распорядилась иначе.

В эмиграции судьбы представителей султанского рода сложились по-разному. Одни умерли на чужбине в нищете и печали. Вторые смирились с жизнью обычных людей в принявших их государствах. Третьи пытались

наладить отношения с зарубежными мусульманскими монархами.

Европейские державы не были благосклонны к изгнанникам. Великобритания и Франция отказали Османам в гражданстве. Турецкие власти не разрешили им поселиться в Сирии. Многие члены династии осели в Бейруте, где жили под надзором полиции. Позже Франция все же приняла некоторых Османов – правда, без предоставления гражданства. В их числе был Абдул-Меджид II – сын Абдул-Азиза, последний халиф Блистательной Порты. 19 ноября 1922 года султанат был отделен от халифата и упразднен. Парламент Турции избрал Абдул-Меджида II религиозным главой мусульман, игравшим церемониальную роль и не имевшим политических полномочий. Абдул-Меджид писал картины, коллекционировал бабочек и нисколько не страдал от невозможности возглавить государство – даже в имперскую эпоху он руководил Обществом османских художников и не видел себя наследником престола. В марте 1924 года халифат был ликвидирован, и Абдул-Меджид II уехал в Париж – там он купил особняк на бульваре Суше и до конца жизни являлся главой Императорского дома Османов. Смерть последнего халифа 23 августа 1944 года совпала с освобождением Парижа от немецкой оккупации.

Судьба Абдул-Меджида II демонстрирует общую тенденцию: Османы перебирались в Европу, США и Австралию. Запрет на предоставление им турецкого гражданства действовал с 3 марта 1924 года, и никто не планировал его отменять. Люди, чьи предки создали самую могущественную в истории мусульманскую империю, не могли даже умереть на родной земле.

Не стоит думать, что все члены Османской династии были слабыми и никчемными людьми. Примером тому – Осман Фуад-эфенди, внук Мурада V. До эмиграции он вел чрезвычайно современный образ жизни и слыл

любителем удовольствий. Единственный в Стамбуле открытый «мерседес» принадлежал Осману Фуаду – принц обожал автомобили и первым в Порте сел за руль.

Впрочем, таланты шехзаде не исчерпывались безупречным вкусом и тягой к развлечениям. Опытный кавалерист и самый молодой генерал Первой мировой войны (в 1918 году на момент присвоения генеральского звания ему исполнилось 23 года), Осман Фуад не боялся трудностей. Он участвовал в Итало-турецкой войне (1911-1912) и Галлиполийской битве (1915), был неоднократно ранен и контужен, попадал в плен, едва не погиб от дизентерии – но всегда рвался на фронт. Тактические изыскания шехзаде восхищали военных специалистов. Немецкий маршал Эрвин Роммель применял тактику Османа Фуада в рамках Североафриканской кампании (1940-1943).

Покинув Турцию в марте 1924 года, неутомимый принц воспринял эмиграцию как шанс посмотреть мир. Он много путешествовал и прожил достаточно долгую (78 лет) и яркую жизнь. Впрочем, история Османа Фуада – редкое исключение в калейдоскопе биографий его родственников. Правнук Мурада V Али Васиб-эфенди в мемуарах подробно описал проблемы, с которыми Османы столкнулись в эмиграции. Нехватка денег, утрата привилегированного статуса, неуверенность в завтрашнем дне – эти и другие факторы сломили дух слабых членов династии. Так, в 1924 году курдские повстанцы провозгласили султаном Мехмеда Селима-эфенди (сына Абдул-Хамида II) – но принц отказался от борьбы за власть, отправился в изгнание и в 1937 году тихо скончался в Бейруте.

Али Васиб, напротив, до конца жизни ощущал себя потомком падишахов. Шехзаде гордился своим происхождением и никогда не забывал, что, вступив на престол, он вошел бы в историю как султан Али I. В 2003

году его сын Осман Селахаддин Османоглу^[46] издал мемуары отца под названием «Воспоминания османского принца». Сам автор уже на обложке книги именуется Его Императорским Высочеством принцем Али Васибом.

Представители Османской династии постепенно налаживали свою жизнь за границей. Правнук султана Абдул-Хамида II, Бейзаде Бюлент Осман, работал во французской компании «Michelin», производящей автомобильные шины; впоследствии он стал советником министерства торговли Франции и удостоился ордена Почетного легиона.

Мехмед Орхан Османоглу, внук Абдул-Хамида II, поселился со своим отцом Мехмедом Абдулкадиром-эфенди (сыном Абдул-Хамида II) в Будапеште, где старший шехзаде зарабатывал игрой на скрипке. Затем Мехмед Орхан перебрался в США и сделал карьеру летчика – в 1939 году он вывез короля Албании Ахмета Зогу из оккупированной итальянцами Тираны. Отец и сын больше не виделись: в начале Второй мировой войны Абдулкадир-эфенди эмигрировал в Софию, где умер в 1944 году в подвале от инфаркта во время бомбежки.

По завершении войны Мехмед Орхан трудился кораблестроителем в Бразилии, а потом – таксистом в Бейруте и Дамаске. Выйдя на пенсию, он переехал в Париж, где подрабатывал экскурсоводом, дворником и смотрителем кладбища. Обедневший принц ограничивался одним приемом пищи в день, но никогда – в отличие от многих родственников – не обращался за социальной помощью, а также отказывался принять гражданство других государств. Он заявлял, что если не может быть турецким гражданином, то предпочтет остаться без гражданства. Мехмед Орхан стал гражданином Турции только в 1991 году. После 68 лет

изгнания он прилетел в Стамбул на 2 недели по приглашению газеты «Hürriyet» («Свобода»). К тому времени 83-летний шехзаде почти ослеп.

К младшему поколению Османов судьба оказалась более благосклонна. Правнук Абдул-Хамида II, принц Орхан Османоглу, проживает в Стамбуле и консультирует создателей турецких сериалов – в частности, теленовеллы «Права на престол: Абдул-Хамид», посвященной его прадеду. Праправнучка Абдул-Хамида II Роксан Кунтер, получившая имя в честь Роксоланы – любимой жены Сулеймана I – занималась баскетболом. Сейчас она комментирует спортивные матчи и ведет новости на турецком телевидении. Праправнук Мехмеда V и внук Али Васиба, шехзаде Орхан Мурад Османоглу – успешный бизнесмен: он владеет в Англии крупной инвестиционной компанией.

11 февраля 2018 года турецкий МИД сообщил, что всем членам султанской семьи, проживающим за рубежом, будет предоставлено турецкое гражданство. Это решение было принято после того, как Османы десятилетиями скитались по миру. Власти Турции разрешили въезд на родину женщинам – представителям династии в 1952 году, а мужчинам – только после 1974 года, когда все формальные претенденты на престол уже умерли.

Ранее турецкое правительство крайне настороженно относилось даже к молодым отпрыскам рода Османов, появившимся на свет и выросшим за границей – за ними устанавливали полицейский контроль и не сразу давали турецкое гражданство. Эртогрул Осман Османоглу – внук Абдул-Хамида II, сын Мехмеда VI и последний прямой потомок султанов, прозванный «последним Османом», – получил его только в 2004 году, хотя вернулся в Турцию в начале 1990-х годов. Однажды он посетил Долмабахче – дабы не привлекать к себе внимания, престарелый шехзаде

присоединился к группе туристов. Я не могу представить, что чувствовал этот человек, гуляя по залам, где он играл ребенком.

Эртогрул Осман был 43-м главой Императорского дома Османов. Он скончался в сентябре 2009 года в Стамбуле – городе своих предков. Далее династию возглавил Осман Баязид Османоглу – праправнук Абдул-Меджида I. Осман Баязид стал первым членом династии, родившимся в эмиграции. В январе 2017 года шехзаде умер в Нью-Йорке, и бразды правления перешли к потомку Абдул-Хамида II – Дюндару Алиосману. Династия исчезает именно сейчас: представителей старшей ветви уже нет в живых, представители младшей ветви также мертвы либо находятся в преклонном возрасте и не имеют детей. Ни Эртогрул Осман, ни Осман Баязид, ни Дюндар Алиосман не оставили наследников.

С женщинами рода Османов дело обстоит не лучше. В 2012 году за шехзаде Эртогрулом Османом последовала принцесса Фатма Назлишах Османоглу. Она была последним членом династии, родившимся до падения Порты, и последним человеком, зарегистрированным в Книге Османской династии. Последние годы Фатма Назлишах провела в Арнавуткёе – подальше от Долмабахче. 4 февраля 1921 года – в день ее рождения – дворцовые пушки выстрелили 121 раз. 2 апреля 2012 года – в день ее смерти – по Долмабахче сновали туристы, не имевшие понятия о том, что из жизни ушла настоящая хозяйка дворца.

Младшим братом Долмабахче считается дворец Кючюксу (Гёксу) в районе Бейкоз на азиатском берегу Босфора. Здесь в пролив впадают 2 речки – Кючюксу («Маленькая вода») и Гёксу («Небесная вода»). На Гёксу некогда стояла пеньковая фабрика, принадлежавшая деду Орхана Памука. Стамбульцы окрестили эти живописные места Сладкими водами Азии. Нерваль

ностальгически вспоминает поездку в Бейкоз: полтора часа мимо старинных замков с зубчатыми стенами, некогда охранявших Стамбул от вторжений из Крыма и Трапезунда, – и вот они, Сладкие воды, зеленые и спокойные – «словно великолепиие дельты Нила было переведено на язык Севера, утратив при этом красочность, как иногда случается, когда переводят с греческого языка на латинский».

Изначально вдоль Кючюксу и Гёксу располагались бостанджи – гвардейцы султана, обеспечивавшие безопасность босфорского побережья. В 1752 году природа Бейкоза заморозила великого визиря Эми-на Мехмеда-пашу, и он распорядился построить здесь ялы для Махмуда I. Со временем деревянный особняк разрушился, но в 1856 году по приказу Абдул-Хамида I на его месте вырос каменный дворец.

По сравнению с прочими дворцами Кючюксу (Гёксу) невелик. В нем нет церемониальных залов, спальных покоев и гарема – зато есть пристань, ибо падишахи приезжали в Бейкоз для охоты и лодочных прогулок. Подобно другим султанским особнякам на Босфоре, Кючюксу (Гёксу) украшают картины Айвазовского. На втором этаже дворца хранится деревянный стол без единого гвоздя, искусно вырезанный юным шехзаде Абдул-Хамидом – будущим султаном Абдул-Хамидом II. Падишахи должны были владеть каким-либо ремеслом и заниматься им регулярно. Так, Сулейман I обучился ювелирному мастерству, Мехмед III освоил изготовление стрел, Ахмед I делал кольца для натягивания тетивы лука, а Абдул-Хамид II был столяром-краснодеревщиком.

Благодаря богатому внутреннему убранству и удивительно красивому резному фасаду Кючюксу (Гёксу) получила трогательное название «маленькая жемчужина Босфора». В 1990-х годах американский кинорежиссер Майкл Эптед снял резиденцию Абдул-

Хамида I в боевике про Джеймса Бонда «И целого мира мало». Султанская вилла представлена как особняк, находящийся в Баку.

Сегодня «маленькая жемчужина Босфора» является одной из самых красивых и интересных достопримечательностей Стамбула. Впрочем, до Бейкоза добирается не так много туристов, как до Ортакея, где расположен Долмабахче – старший брат Кючюксу (Гёксу).

Долмабахче стал одним из первых дворцов, возведенных в годы босфорской архитектурной лихорадки. Он слишком дорого обошелся Порте: в 1858 году – через 5 лет после завершения строительства – было объявлено о банкротстве султанской казны. Деньги были огромной проблемой для султанов. Эта проблема обострялась из-за соревнования падишахов с правителями Египта – те имели большие доходы от Суэцкого канала и потому «разбрасывали деньги» на Босфоре. Глядя на египетских вельмож, Османы и их приближенные не жалели средств, но конкурирующие стороны не обладали художественным вкусом. Стоун именует Долмабахче дорогостоящим сооружением, наполненным уродливыми артефактами (особенно гнетущими были картины, написанные под французских «академиков»). За Долмабахче на азиатском берегу Босфора появился Бейлербей – впрочем, он оказался комфортабельным. За ним последовал Чираган – тоже не столь уж плохой.

Строительство дворца Бейлербей было предсказуемо – султанам хотелось иметь летнюю резиденцию на Босфоре. Одноименный ильче в азиатской части Стамбула является одним из старейших в городе. По легенде, император Константин Великий установил тут крест (тур. *istavroz*), поэтому местность долгое время называлась «сады Иставроз». Район Бейлербей славился садами и цветниками – даже во

второй половине XX века канцлер ФРГ Гельмут Коль приезжал сюда за вишней и артишоками. Традиция возводить в Бейлербее загородные дома османской знати началась с Мехмеда-паши – получив от Мурада III титул бейлербея (генерал-губернатора) Румелии, он распорядился поставить для себя особняк на берегу Босфора. В XVII–XVIII веках в азиатской части Стамбула, как грибы после дождя, вырастали ялы – и в 1827 году Киркор Бальян, выполняя приказ Махмуда II, построил тут летнюю резиденцию султана. Будучи деревянной, она сгорела в 1851 году, и Абдул-Азиз велел возвести на пепелище каменный дворец – что и сделали Акоп и Саркис Бальяны. В 1864 году побережье пролива украсило еще одно пышное и причудливое здание из белого мрамора.

Полы Бейлербея покрывали тростниковыми циновками из Египта, поверх которых стелили ковры из Хереке. Богато украшенные залы всегда были готовы встретить именитых гостей – в Бейлербее останавливались принц Уэльский и будущий британский король Георг V; персидский шах Насер ад-Дин; император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I. В 1869 году в Бейлербее гостила Евгения Монтихо – жена Наполеона III (во время этого визита в Стамбул она получила пощечину от валиде-султан).

По слухам, Абдул-Азиз был неравнодушен к императрице. По воле султана москитную сетку над кроватью августейшей гостьи усеяли мельчайшим жемчугом. Евгения была восхищена Бейлербеем – вернувшись в Париж, она распорядилась сделать в Тюильри такие же окна, как в изысканном османском дворце. Сегодня их нельзя увидеть: в 1871 году Тюильри сгорел. Спустя несколько месяцев пожар случился в Бейлербее, но огонь удалось потушить.

Следующим после Бейлербея стал дворец Чираган. Его история довольно любопытна. Мурад IV, который

уже в зрелом возрасте пристрастился к алкоголю, пожелал иметь тайный киоск на берегу Босфора, где он мог бы спокойно предаваться своим порокам. Когда деревянное здание было готово, падишах начал устраивать там шумные праздники с салютами и фейерверками. Ракеты взмывали ввысь, расцветали в ночи и рассыпались серебряным дождем. Ирландский писатель Йен Макдональд сравнивает их со светящимися армиями, которые сражались над Стамбулом. Праздничные огни напоминали батальоны сверкающих сипахов и пылающих янычар. Небо взрывалось – и в один обжигающий момент вспыхивало так, будто свет всех звезд долетел до Стамбула.

Традиция запускать салюты над Босфором существует и поныне. Одним из наиболее красивых стал фейерверк по случаю открытия долгожданного третьего моста через пролив – моста Султана Селима Явуза – 26 августа 2016 года. Также ежегодно 29 октября подобным образом в Турции отмечается День Республики. Любовь жителей османской столицы к пламени и массовым торжествам восходит к древней восточной традиции огнепоклонения. Восторг обывателей от таких зрелищ всегда был огромен и сопровождал все значимые события городской истории – а также служил неиссякаемым источником слухов, шуток и каламбуров. Соответственно, в первой половине XVII века стамбульцы быстро поняли, чем занимается их правитель Мурад, – и назвали особняк персидским словом «чираган», что означало «огонь».

Дочь Мурада IV, Кайя, не меньше отца любившая веселье и получившая киоск по наследству, превратила его в полноценный сарай – дворец, который сгорел после очередного праздника в конце XVII века. В середине XVIII века Махмуд I приказал восстановить Чираган. Потомки Махмуда – Селим III и Мустафа IV – хотели существенно переделать дворец, но не успели:

Селима свергли янычары, а Мустафу убили по приказу Махмуда II.

Махмуд II, слывший просвещенным монархом, открыто выражал недовольство Топкапы. Однажды астролог султана предсказал, что тот будет жить, пока будет строить дворцы. Махмуд серьезно отнесся к этим словам. Во всех красивых бухтах Босфора он распорядился ставить киоски и сараи. Всего было возведено 57 дворцов, последним из них стал Чираган. Впрочем, и Махмуду не удалось закончить строительство Чирагана - в 1839 году работы были приостановлены из-за нехватки денег. Вскоре падишах умер - и по Стамбулу долго ходили слухи, что старое пророчество сбылось.

Сын Махмуда II, Абдул-Меджид I, потратил казну на самый многочисленный в истории Турции гарем (насчитывавший 900 наложниц), возведение Долмабахче и Крымскую войну (1853-1856). После смерти Абдул-Меджида I наказ достроить Чираган вместе с престолом унаследовал его младший брат Абдул-Азиз. Новый падишах снес почти готовый дворец во французском стиле и изъявил желание возвести новый - в стиле мавританском. Деньги султан решил брать не из порядком опустевшей казны, а из фонда на прокладку железных дорог. Стамбульцы утверждали, что Чираган стоит на месте захоронения дервишей и потому приносит несчастье своим хозяевам.

Строительство Чирагана велось в 1863-1867 годах. Абдул-Азиз не скупился: он хотел показать Европе, что Османская империя по-прежнему сильна и богата. Только на декорирование потолков ушло 14 т золота. Мрамор добывали на острове Мармара в Мраморном море. Порфир привозили из античного Пергама. Алебастр доставляли из Египта. Специально для украшения Чирагана Абдул-Азиз купил у Айвазовского целую коллекцию картин. В итоге колоссальные

затраты оправдались – уже в 1869 году французская императрица Евгения восхищалась великолепием сарая и роскошью султанского двора.

Визиты императрицы в османскую столицу трудно назвать удачными: помимо оскорбления, полученного ею от валиде-султан в 1869 году, во время первого посещения Евгенией Стамбула (1862) имел место еще один неприятный инцидент. Супруга Наполеона III оценила турецкое блюдо из баклажанов и баранины – и попросила дать рецепт своему личному повару. Получив разрешение, повар Евгении вооружился весами и отправился на дворцовую кухню – откуда был с позором изгнан разъяренным поваром султана. Тот кричал вслед европейцу: «Повар повелителя османов пользуется лишь своими глазами и носом!» Французы так и не узнали заветный рецепт, но само блюдо получило название «хюнкяр бейенди» (hünkâr beğendi), что значит «императрице понравилось».

Наполеон III и Евгения оказались единственными высокопоставленными гостями Чирагана. Торжественное открытие дворца, запланированное на май 1876 года, не состоялось. Абдул-Азиз отрекся от престола и через несколько дней вскрыл себе вены ножницами. По одной версии, это случилось во дворце Ферие на европейском берегу Босфора, по другой – в том же Чирагане.

Преемник Абдул-Азиза, тихий сумасшедший Мурад V, правил всего 93 дня – после чего трон перешел к его брату Абдул-Хамиду II. Мурада вместе с семьей и слугами отправили в ссылку в Чираган. 20 мая 1878 года мятежники ворвались во дворец и попытались заново возвести Мурада на престол – но бывший падишах не высказал ни малейшего желания снова возглавить государство. В 1884 году во избежание подобных бунтов его объявили мертвым, но Мурад прожил еще 20 лет. Он пил на террасе вино,

разглядывал Босфор в бинокль, читал книги и музицировал с дочерьми. В 1904 году Мурад скончался, и Чираган словно умер вместе со своим последним хозяином.

В 1908 году во дворце разместился турецкий парламент, но зимой 1910 года произошло короткое замыкание в проводке, и Чираган выгорел изнутри. Попытки снести мощные стены оканчивались безуспешно. Обугленный остов султанской резиденции простоял на берегу Босфора до 1987 года, пока международная гостиничная сеть «Kempinski» не решила превратить Чираган в отель. Дворец реставрировали 20 лет. Открытие 5-звездочного «Çırağan Palace Kempinski Istanbul» состоялось в 2007 году, хотя изначально его запланировали на май 2006 года – ровно 130 лет спустя после даты, намеченной Абдул-Азизом.

Рядом с Чираганом находится Йылдыз («Звездный дворец») – главная султанская резиденция со времен Абдул-Хамида II. Он переселился в Йылдыз, опасаясь нападения на Долмабахче флота вражеского государства (например, России). Кинросс связывает переезд со страхами, терзавшими падишаха. По мнению историка, Абдул-Хамид не любил Долмабахче, «пышная роскошь которого отражалась в прозрачных морских водах». Для уединения монарха больше подходил Звездный павильон – один из многочисленных султанских киосков на берегах Босфора.

Абдул-Хамид снес близлежащие дома и присвоил себе соседние земельные участки, включая два христианских кладбища. Йылдыз, по словам Кинросса, превратился в «бессистемный комплекс из павильонов и шале, секретариатов и правительственных зданий, казарм и сторожевых помещений».

Итальянский архитектор Раймондо д'Аронко и Бальяны разбили вокруг Йылдыза огромный парк.

Потолок церемониального зала украсили россыпью золотых звезд, а пол устлали шелковым ковром ручной работы. Мрамор, перламутр, хрусталь и фарфор снова везли в Стамбул со всех концов Османской империи. Каждый правитель Порты, затеявая грандиозное строительство, желал походить на Сулеймана Великолепного – при котором, по легенде, лед для нужд дворцовой кухни поставляли из обиталища древних богов – с вершины горы Олимп.

Невзирая на окружавшую его роскошь, Абдул-Хамид II не был счастлив. Тревожный и подозрительный, он развязал в стране полицейский террор (говорили, что одна половина Стамбула шпионит за другой) и усилил цензуру (писать о политических убийствах запрещалось; распространенным наказанием за преступления печати являлась смертная казнь). Редакторы старались избегать криминальных новостей – ибо, читая их, султан становился беспокойным. При этом Абдул-Хамид обожал детективы Конан-Дойла – он наградил писателя орденом Меджидие II степени и гордился книгой с его автографом. Шерлок Холмс был любимым литературным героем падишаха.

Представители стамбульской прессы могли только позавидовать Конан-Дойлу. Марк Твен насмешливо отмечает, что при Абдул-Хамиде с изданием газет были связаны «кое-какие неудобства». Одни газеты закрывали, в редакции других великий визирь посылал сообщения, подлежащие обязательной публикации. Вместо реального освещения политической ситуации журналисты штамповали заказные новости.

Знаменитый турецкий литератор Ахмед Расим вспоминал, как в конце 1880-х годов его, молодого сотрудника газеты «Saadet» («Счастье»), привезли прямо из издательства к султанскому министру. Тот с порога осыпал юношу угрозами и оскорблениями. Позже оказалось, что чиновники перепутали Расима с автором

неких «крамольных» стихов. Когда ошибка выяснилась, министр дал журналисту 5 лир и предложил «помалкивать». Расим вернулся на улицу Бабы-Али, где располагались редакции стамбульских газет.

Потворствуя полицейскому беспределу и ужесточив цензуру, Абдул-Хамид II параллельно увеличил количество и размер налогов. Однако он неумолимо утрачивал контроль над целыми регионами своего государства. Так, проиграв Русско-турецкую войну (1877-1878) и заключив Сан-Стефанский мирный договор, Турция фактически лишилась Балкан, Кипра и части Греции.

Подобно своим предкам, охваченным босфорской строительной лихорадкой, Абдул-Хамид был заражен лихорадкой железнодорожной. Султан любил транспортные магистрали и прокладывал их по всему Ближнему Востоку. Сирия до сих пор пользуется инфраструктурой ха-мидийской эпохи. Среди самых известных проектов падишаха - Багдадская и Хиджазская железные дороги. Первая протянулась из Кувейта в Стамбул, вторая связала Багдад и Мекку.^[47]

Железнодорожные проекты Абдул-Хамида II приносили пользу арабам, немецким концессионерам и вообще кому угодно, но только не Порте. Развитие инфраструктуры требовало немалых денег, и османское государство стремительно беднело. В 1885-1886 годах оно лишилось Восточной Румелии и Крита. Торговля и промышленность приходили в упадок, бюрократический аппарат увеличивался. В 1882 году Оттоманская империя объявила себя банкротом и прекратила выплаты по государственным займам. Некогда Блистательная, Порта слабела на глазах. Страну сотрясали жесточайшие погромы, от которых страдало христианское население - болгары, греки, македонцы и армяне. Одной из наиболее кровавых вех правления

Абдул-Хамида II стали 1894-1896 годы - они известны как годы первой волны геноцида армян в Османской империи. За это султана нарекли Проклятым и Великим убийцей.

Несмотря на безжалостное подавление инакомыслия, дело доходило до откровенных курьезов. Так, мнительный и суеверный Абдул-Хамид отказался присутствовать на выступлении великой французской актрисы Сары Бернар: в спектакле она изображала на сцене смерть, и султан счел это дурным знаком. Падишах запретил издавать полный перевод «Гамлета» - ему не нравилось, что в пьесе убивают короля. Это вызвало широкую популярность пьесы среди столичных оппозиционеров и диссидентов.

Многие представители анти-хамидийски настроенной интеллигенции покидали Стамбул. Талантливый и блестяще образованный великий визирь Хайреддин-паша был отстранен от должности: Абдул-Хамид поверил доносу, в котором утверждалось, что паша не знает турецкого языка и действует в интересах Франции, стремясь разрушить Порту и создать вместо нее арабское государство. (Великий визирь долго жил во Франции и Тунисе, где в совершенстве овладел французским и арабским языками.)

Воду для Абдул-Хамида брали из источника в Белградском лесу, ибо некий прорицатель объявил его безопасным от заражения чумой и холерой. (Сегодня вода из этого источника в память о падишахе называется «Хамидие» («Hamidiye».) В империи было запрещено электричество: по слухам, султан не видел разницы между динамо и динамитом. Он страдал паранойей, мучился от ночных кошмаров, боялся покинуть Йылдыз, не расставался с револьвером и пил кофе в одном из павильонов дворцового сада, оформленном как обычное кафе - только за столиками сидели телохранители в штатском.

Английские и французские журналы и газеты пестрели карикатурами на Абдул-Хамида, подчеркивавшими его кровожадность и трусливость. Гамсун рассказывает известную европейскую сплетню. Согласно ей, нервный падишах всегда держал у кровати нож. Когда его супруга пошевелилась во сне, Абдул-Хамид вскочил в ужасе и вонзил в нее нож. «Не велика важность – проткнул одну, давай сюда другую! Ведь у него еще 299 жен в запасе!» – иронизирует Гамсун. Сплетня имела под собой реальное основание – английский путешественник Джордж Дорис вспоминает историю наложницы, которую падишах застрелил в постели: одалиска позволила себе резкое движение, и султану показалось, что она хочет его задушить.

Англичанка Грейс Элисон, посетившая хамидийский Стамбул и ощутившая его удушливую атмосферу, изложила свои впечатления в статье, которую напечатали многие британские газеты. «С восшествием на престол Абдул-Хамида II музыка кончилась и прекратились забавы, – пишет Элисон. – Султан страдал маниакальным страхом смерти от руки убийцы и поэтому запретил всякие собрания, включая музыкальные представления, катания на лодках и танцы. Его правление стало периодом всеобщей скорби».

Впрочем, Абдул-Хамид был не так ужасен, как думали его противники. Отпрыск угасающей династии, он изо всех сил пытался сохранить империю. Напряженная международная обстановка, убийства родственников и традиционное восточное коварство отнюдь не способствовали душевному спокойствию падишаха. Правитель должен был опасаться даже слуг. На протяжении 30 лет его брил один и тот же цирюльник. Абдул-Хамид ценил старого брадобрея: живя в водовороте интриг и заговоров, он хотел доверять человеку, водящему бритвой по его горлу.

Троих предков султана убили слуги: Мурада II отправил к праотцам повар, Мустафу Челеби – телохранитель, Ибрагима I – цирюльник.

Кинросс характеризует падишаха как несчастного человека и бесчеловечного монарха, чьи иррациональные страхи со временем переросли в манию. Бледный, молчаливый и меланхоличный Абдул-Хамид подозревал всех окружающих в измене – и потому превратил Йылдыз в крепость. На территории дворца располагались казармы для нескольких тысяч гвардейцев. На стенах были устроены наблюдательные посты с телескопами, позволявшими осматривать окрестности, включая Босфор и Золотой Рог.

Вскоре падишах уже не покидал безопасный Йылдыз. В первую очередь это отразилось на традиционном пятничном выезде султана в мечеть – данное мероприятие, по остроумному замечанию Гудвина, превратилось в стремительный бросок. Специально для Абдул-Хамида за воротами Йылдыза возвели Йылдыз Хамидие (она стала последней имперской мечетью Стамбула). Впрочем, это не помешало активистам армянской партии «Дашнакцутюн» совершить покушение на султана.

Французский историк Раймон Кеворкян рассказывает, что при подготовке операции боевики столкнулись с серьезными трудностями. Султан выезжал из Йылдыза дважды в год – на празднование Курбан-байрама и получение почестей от государственных органов. Обе церемонии проходили в Долмабахче, и падишаха сопровождали сотни вооруженных людей.

Посещение султаном мечети было грандиозным событием для столицы. Гамсун стал очевидцем еженедельного пятничного визита Абдул-Хамида II в Йылдыз Хамидие – и был поражен количеством присутствующих. Бесчисленные полки всех

подвластных правителю земель маршировали под барабанный бой. Солнце зажигало огонь в золоте и серебре мундиров, в орденах, штыках, трубах и инструментах военных оркестров. В торжестве участвовали представители стамбульской аристократии, исполинского роста евнухи, уланы на белых лошадях, албанские пехотинцы, офицеры в фесках, чернокожие слуги, полковые муллы с саблями, невозмутимые курды и многие другие.

Покушение на Абдул-Хамида II затрудняли не только закрытый образ жизни падишаха и большое скопление людей во время церемоний. Кеворкян упоминает еще об одной мере предосторожности – все дома возле Йылдыз Хамидие снесли, и нельзя было незаметно подойти к мечети ближе, чем на 800 м. Члены «Дашнакцутюн» рассматривали три варианта террористической атаки: залп с крыши с указанного расстояния, начинка автомобиля взрывчаткой или заброс гранат из павильона для иностранных гостей. Боевики выбрали второй вариант – и 21 июля 1905 года у входа в Йылдыз Хамидие взорвалась бомба. По счастливой случайности Абдул-Хамид не пострадал – он задержался в мечети после намаза, чтобы перекинуться парой слов с шейх-уль-исламом.

Чудесное спасение султана ничего не изменило. Османская империя неуклонно приближалась к концу. Турецкое время вышло, и его последние крупницы высыпались в нижнюю часть песочных часов истории. Поэт Тевфик Фикрет передал тревожную атмосферу Стамбула в стихотворении «Туман»:

Снова твои горизонты окутал упрямый туман...
Укрой лицо и навеки усни, великая блудница
мира!

Абдул-Хамид II провел в Йылдызе 33 года. В 1909 году войска мятежного генералиссимуса Махмуда Шевкета-паши вошли в Стамбул и окружили султанскую резиденцию, прекратив все сношения ее обитателей с внешним миром. Оставшийся без пищи, воды и информации, осыпаемый упреками своих жалких фаворитов, падишах чувствовал себя преданным и покинутым. Через пару дней он согласился на переговоры. В итоге Национальное собрание свергло Абдул-Хамида II – последнего абсолютного монарха Османской империи – и призвало на трон Мехмеда V – первого парламентского монарха Порты, не обладавшего реальной властью. Опального султана выслали на виллу в окрестностях Салоник, где Абдул-Хамид содержался под стражей до 1912 года. Потом его перевезли в Стамбул. 10 февраля 1918 года низложенный падишах умер в тюрьме.

На Йылдызе заканчивается история султанских дворцов. Его строительство ознаменовало закат Высокой Порты. Распад Османской империи нельзя было остановить. Резиденции султанов напоминали театральные декорации – после окончания спектакля они пустели. На роскошную мебель надевали чехлы. Люстры и зеркала занавешивали тканью. Люди, населявшие дворцы, медленно, но верно уходили – из власти, из жизни, из истории. Государство османов, казавшееся вечным и бессмертным, повторило судьбу прочих империй; и только вековые деревья в дворцовых парках помнят поступь людей, нареченных Грозным, Великолепным, Кровавым. Помнят, но ничего не расскажут.

Дворцы Стамбула прекрасны и многочисленны. В центре любого парка или сквера располагается особняк султана или важного чиновника. Так, к Топкапы прилегает парк Гюльхане (от перс. گلخانه - дом роз), поражающий не только своими размерами, но и количеством произраставших там овощей, цветов и фруктов. В османскую эпоху их продавали на стамбульских базарах; вырученные деньги шли на оплату султанского стола. Однажды Мехмед II, разыскивая того, кто съел дыню с дворцовой бахчи, собственноручно вспорол животы 14 рабам - султан считал, что вор обокрал лично его.

В парке Эмирган раньше стоял дворец, подаренный персидскому принцу Эмирхану. Дворцовый парк с XVIII века славится тюльпанами - с 2005 года в апреле тут ежегодно проводится знаменитый Фестиваль тюльпанов.

Ыхламур касры (Липовый дворец) прячется среди вековых лип.

Дворец Хедиве утопает в розах, тюльпанах и магнолиях.

Дворец Айналы Кавак - тихое пристанище Селима III в Бейоглу - окружен большим тополиным садом. Селим III проводил здесь время с француженкой Накшидиль. Именно в Айналы Кавак султан, любивший музыку, написал свои лучшие мелодии.

Глава 7

Природное и рукотворное

Приятное смешение садов, сосен и кипарисов, дворцов, мечетей и общественных зданий, возвышающихся одно над другим.

Мэри Монтегю

Османский сад органично вписывался в мистическую систему Ближнего Востока. Садово-парковое искусство носило сакральный характер, и символизм мусульманского сада уходит корнями в языческое прошлое восточных народов. «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки», – гласит Библия о сотворении мира (Быт 2:10). Древнейшие цивилизации зародились по берегам рек – и, значит, рай в человеческом воображении наделялся рекой. Кроме того, четыре стихии – огонь, вода, земля и воздух – издавна признавались священными; следовательно, сад должен был состоять из четырех частей; в точке их схождения располагался дворец или особняк.

Классическим примером мусульманского сада является парк Топкапы, разбитый в соответствии с канонами ислама и личными пристрастиями Мехмеда II. Итальянский путешественник Джованни Мария Анджелелло – современник Фатиха, попавший в плен к османам и затем поступивший к ним на службу, – вспоминает, что в дворцовом парке было много фруктовых деревьев, беседки, увитые виноградом, всевозможные цветы – и «повсюду изобилие вод, то есть фонтаны и пруды». Также в Топкапы держали

олений, косуль, лис, зайцев, коз и других животных. Предусмотрено было даже болотистое озеро, где водились дикие утки, – там Великий Турок наслаждался охотой.

В исламе сад символизирует райские кущи. Арабский термин «джаннат» (جنة), используемый для обозначения рая, переводится как «сады». Английское слово «рай» («paradise») происходит от персидского «pairidaēza» («огороженное место»). Образованное от него греческое слово «παράδεισο» означает также сад Эдема или высшее блаженство. Именно состояние блаженства, воплощенное в виде идеального сада, Коран обещает в награду правоверным. В джаннате есть тенистые кущи, где бьют прохладные источники, благоухают цветы и растут фрукты. В основе данного образа лежит оазис – со временем он стал моделью для устройства земных садов. В них люди укрывались от жаркого и грязного мира – поэтому мусульманский сад был огорожен стеной, недоступен для чужаков и защищен от вторжений.

Султаны и паши гордились своими садами и парками. Вокруг босфорских особняков непременно разбивались сады, где росли платаны, кипарисы и цветы; одних тюльпанов насчитывалось 20 видов – поэтому Байрон говорил, что «всякая вилла на Босфоре выглядит как свеженарисованная ширма или декорация». Османы могли признаться в любви на селаме – языке цветов, поэтому цветоводство и флористика считались чрезвычайно важным делом. Владельцы особняков составляли букеты и посылали их друг другу. Мэри Монтегю, интересовавшаяся селамом, писала: «Нет такой краски, цветов, сорной травы, фруктов, камня, птичьего пера, которые не имели бы соответствующего им стиха, и вы можете ссориться, браниться, слать письма страсти, дружбы, любезности

или обмениваться новостями, при этом не испачкав свои пальцы».

Каждое растение имело определенный смысл. Гвоздики символизировали обновление, слива и черешня – весну, красная роза – страсть, белая роза – невинность, персик – радость, виноград – изобилие, чинары – спокойствие, кипарисы – вечную жизнь. Бусбек вспоминал, что однажды великий визирь Рустем-паша отправил ему превосходную дыню и записку, гласившую: «В Белграде^[48] их много». По османской традиции дыня означала пушечное ядро, а записка содержала угрозу войны. Дипломат поблагодарил визиря за подарок и заметил, что белградские дыни очень маленькие по сравнению с теми, что растут в Вене.

Английский художник-ориенталист XIX века Джон Льюис на картине «Селам, или Перехваченное послание» изобразил сцену задержания женщины с букетом цветов. Букет вызвал переполох в гареме, ибо в целом он читался как секретное послание, которое адресовал одалиске тайный поклонник.

Есть стамбульская легенда о том, как некий араб прислал своей любовнице – супруге османского паши – веер, букет цветов, шелковую кисточку и сладости. В ответ он получил лист алоэ, три зернышка тмина и корень мыльнянки. Послание араба расшифровывалось следующим образом. Веер по-арабски называется «мирвахак» – это слово образовано от корня, означающего «ходить куда-нибудь вечером»; т. е. веер символизировал желание мужчины навестить возлюбленную вечером. Цветы свидетельствовали о его намерении встретиться в саду. Кисточка (шурраба) подразумевала, что они будут пить шараб (щербет). Название сладостей (суккар набат) переводится как «мы проведем ночь»: пылкий любовник собирался

остаться с женщиной до утра. Расшифровка ответа ханум^[49] выглядела так. Лист алоэ символизировал терпение – это растение может долго обходиться без воды, и, значит, араб должен был подождать. Три черных тминных зернышка давали понять, что ожидание продлится три ночи. Корень мыльнянки сообщал, что перед свиданием неверная жена посетит хаммам.

Растения легли в основу эпитетов османской лирики. Поэты сравнивали глаза возлюбленной с минадалем, стан – с чинарой, ивой или кипарисом, щеки – с розами и тюльпанами, а волосы – с гиацинтом. Многие романтические образы европейской культуры, связанные с растениями, имеют османское, арабское или персидское происхождение. Леди Монтегю приводит известную на Востоке легенду, которая объясняет появление розовых и красных роз. Оскар Уайльд и Ганс Христиан Андерсен вплели ее в собственные произведения – но супруга британского посла услышала в Стамбуле оригинальную версию. Согласно ей, соловей полюбил розу, и та, пробужденная его пением, затрепетала. Это была белая роза, как все розы в те времена, – нежная и целомудренная. Соловей нашептывал ей слова любви – и от этих слов покраснело маленькое сердце розы, и так появились розовые розы. Наконец, роза раскрыла лепестки, и соловей похитил ее невинность. Утром роза от стыда стала красной, и от нее произошли красные розы.

Еще одна старинная легенда связана с багрянником (церцисом, эргуваном), который также называют пурпурным или Иудиным деревом. Багрянник – главный символ босфорской весны. Для Стамбула он значит не меньше, чем сакура для Японии или лотос для Египта. Пурпурный цвет издавна считался цветом королей и императоров – в Византии эргуван почитали как

священное дерево. Константин I проводил в мае неделю празднования его цветения. Порты переняла многие византийские традиции – в том числе и этот древний праздник, который османы отмечали вплоть до XIX века.

Церцис превратился в неотъемлемую часть стамбульской жизни. Чтобы насладиться цветением багряника, жители мегаполиса отправляются на прогулки по Босфору или идут в парки. Наибольшей популярностью пользуются парки Фетхи-паша в Ускюдаре (между районами Кузгунджук и Султантепе) и Михрабат в Бейкозе (район Канлыджа). Турецкий писатель Сухейл Унвер говорил: «Мне не дано понять, почему в мае Стамбул не переименовывают в пурпурный город, почему Босфор не называют пурпурным проливом».

Эргуван начинает цвести в библейский месяц нисан (март – апрель по григорианскому календарю). В Евангелиях говорится, что Иисуса распяли в середине нисана. Иуда, продавший Христа за 30 сребреников, после казни учителя раскаялся и повесился на первом же дереве – им оказался церцис. За ночь белые лепестки эргувана окрасились в цвет крови и стали пурпурными. Апрель по-турецки тоже называется «nisan» – и каждую весну семь холмов Стамбула покрываются пурпурным покрывалом. Это цветет багряник – как напоминание о воскрешении природы после зимы, как символ преемственности и бессмертия.

Отдельно следует рассказать о тюльпанах. Каждую весну бескрайние степи Малой и Центральной Азии покрываются тысячами ярко-красных цветов. Похожие на капли крови, тюльпаны напоминают об ордах кочевников, сложивших свои буйные головы на необозримых просторах Ближнего и Среднего Востока. Тюльпан символизирует страстную любовь. Персидская легенда гласит, что принц Фархад любил девушку Ширин, но завистники пустили слух, будто она умерла.

Обезумев от горя, юноша погнал коня на скалы и разбился; там, где капли его крови упали на землю, выросли огненно-красные цветы.

В XI веке тюльпан являлся символом некоторых сельджукских племен; однако ни Византия, ни Западная Европа не были знакомы с этим цветком. Первой страной, где тюльпан стал элементом национальной культуры, была Персия. Персидская литература изобилует стихотворениями, в которых упоминается этот цветок. Великий лирический поэт XIV века Хафиз Ширази писал:

Я все объятия твои переживаю заново,
Ты сердце рваное мое себе тюльпаном сделала.

От Персии интерес к тюльпанам передался Порте. Османы наносили изображения цветка на конскую сбрую, щиты и шлемы – тюльпаны должны были оберегать воинов от ранений и смерти. Данной традиции придерживались и султаны: так, летом 1389 года Баязид I, готовясь к битве с сербами на Косовом поле, приказал расшить свою нательную рубашку тюльпановыми узорами.

Изначально тюльпаны росли в районе озера Ван. Захватив Константинополь, Мехмед II занялся благоустройством столицы – поэтому в XV веке цветы привезли в Стамбул и начали выращивать в садах Топкапы. Разведением тюльпанов занимались также при дворах Бабура в Афганистане (XV–XVI века) и Аббаса I в Иране (XVI–XVII века).

В Османской империи XVI века с легкой руки Сулеймана I цветоводство переживало настоящий бум. Тюльпан превратился в символ правящей династии. Члены султанской семьи носили серьги, кольца и прочие украшения с этими цветками. Тюльпан

изображали в росписи культовых зданий и дворцов, на тканях и керамических плитках. Тюльпановые мотивы фигурируют в декоре стамбульских мечетей Рустема-паши, Султанахмет и Лалели.

Если при Сулеймане I значение цветоводства в османской культуре возросло, то при его сыне Селиме II оно приобрело невиданный размах: султан приказал выписать из Кафы (Феодосии) более 300 тыс. клубней тюльпана. Османы не на шутку увлеклись разведением цветов – отсюда проистекает турецкий обычай дарить вместо букета один живой цветок, выращенный в горшке или вазе. Тюльпанная лихорадка охватила Порту. Луковицы дорожали на глазах, ими бессовестно спекулировали – Селим II даже велел губернатору Стамбула установить фиксированные цены на цветы, их семена и луковицы.

Тюльпан стал предметом имперской гордости. Он запрещался к вывозу за пределы Высокой Порты, но в 1554 году Бусбек отправил партию клубней в Австрию. Дипломат знал, кому доверить нежный восточный цветок: в Вене посылку ждал выдающийся нидерландский ботаник Карл Клузиус.

Клузиус является культовой фигурой в европейской науке XVI века – он способствовал распространению в Старом Свете картофеля, помидоров, пионов и гиацинтов. Теплолюбивые цветы, присланные Бусбеком из Стамбула, адаптировались к европейскому климату, и в 1560-х годах началось триумфальное шествие тюльпанов по континенту – отныне их выращивали в Австрии, Германии и Франции. В 1594 году Клузиус привез луковицы в Нидерланды – так родилась голландская тюльпановая индустрия.

В Голландии цены на тюльпаны выросли настолько, что стамбульцам и не снилось. Одна луковица сорта «Viceroy» стоила 1 тыс. гульденов – при том, что свинью можно было купить за гульден, а тонну масла – за 100

гульденов. Ради приобретения тюльпанов продавали каменные дома, центнеры пшеницы и акры плодородной земли. В Амстердаме и прочих голландских городах появились тюльпановые биржи, где впервые в истории заключались фьючерсные сделки. Торговля золотом приносила меньший доход, чем торговля цветами. Тюльпаномания привела к тому, что в 1634-1637 годах в Нидерландах разразился Тюльпановый кризис - первый экономический кризис Нового времени.

Пока Голландия сходила с ума, в Порте началась Эпоха тюльпанов (тур. Lale Devri), известная как Оттоманский Ренессанс. Султан Ахмед III и великий визирь Невшехирли Дамад Ибрагим-паша пытались приобщить страну к европейской науке и культуре. Голосом Лале Деври стал поэт Ахмед Недим, воспевавший вино, розы, тюльпаны и, конечно, любовь:

Сбеги же в сад, и шаль ослабь, и на плечах ее
раскрой,
Как раскрываются в саду едва расцветшие
цветы!

В целом Османская империя двигалась в сторону модернизации и вестернизации. 31 января 1729 года в Стамбуле вышла первая книга на арабском языке. Первопечатника звали Ибрагим Мутеферрика, и он усовершенствовал технологию Иоганна Гутенберга. Типография Мутеферрика была не первой в Стамбуле - задолго до нее в городе работали армянские, греческие и еврейские типографии, но немусульманам запрещалось печатать книги на арабском языке. Арабский алфавит считался священным, поскольку им написан Коран.

При Ахмеди III тюльпан, бывший династическим цветком Османов, превратился в символ государства. Арабские слова «Аллах» и «тюльпан» имеют одинаковый набор букв – один «алиф» (ا), два «лям» (ل) и одно «ха» (ح); поэтому в мусульманской традиции тюльпан считается цветком Всевышнего. Кроме того, указанные буквы встречаются в арабском наименовании полумесяца (араб.) – главного символа ислама, Порты и современной Турции. Ахмед, страстный любитель тюльпанов, запретил куплю-продажу цветков и их луковиц вне столицы. Нарушителей карали смертью. Османские вельможи разбивали цветники, состоящие только из тюльпанов. В Стамбуле выращивались сотни сортов, и некоторые стоили невероятно дорого. Так, за клубень сорта «Руммами» требовали 400 курушей, а за «Махбуб» – тысячу. Для ограничения спекуляции тюльпанами Диван выпустил специальный документ, где указывались максимально допустимые цены на все существовавшие тогда сорта.

Ахмед III любил устраивать роскошные цветочные праздники в садах Топкапы. Описания пышных торжеств надлежало сохранить для потомков – так в Османской империи развилось искусство миниатюры. Большую роль в этом сыграл Абдулджелил Челеби, известный как Левни, – придворный художник Мустафы II и Ахмеда III, занимавшийся иллюминированием рукописей. Левни работал над сюрнаме – книгами, в которых содержались изображения церемоний и памятных мероприятий: военных парадов, шествий городских ремесленников, приемов иностранных послов и т. д.

Левни запечатлел изысканную Эпоху тюльпанов на ярких и гармоничных миниатюрах – он сумел передать праздничную атмосферу, царившую в Стамбуле первой половины XVIII века. Торжества, столь любимые

султаном, требовали фантазии и денег – они длились несколько дней и включали в себя прогулки, пикники и катание на лодках по Босфору. С наступлением темноты слуги выпускали сотни черепах с прикрепленными к панцирям зажженными свечами – и сады Топкапы наполнялись блуждающими огнями. Золотистые отсветы пламени плясали на стенах мрачного дворца и наводили мысли то ли о возрождении, то ли о неминуемой гибели Блистательной Порты.

Единственный крупный зеленый массив Стамбула, на территории которого никогда не было дворца, – это Белградский лес. Его история начинается в 1521 году, когда Сулейман I вернулся из победоносного похода на Белград и привел с собой множество пленных сербов. Им разрешили селиться в лесистой местности на востоке Фракийского полуострова – недалеко от побережья Черного моря. Основанная сербами деревня Белградкёй не сохранилась, но дала название самому лесу. С XVI века здесь мало что изменилось – те же могучие анатолийские дубы, сосны и каштаны; узкие, засыпанные листьями дорожки; кабаны, волки и зайцы, которых можно встретить, углубившись в чащу.

Сегодня Белградский лес и организованный в его центре дендрарий Ататюрка являются легкими мегаполиса и излюбленным местом отдыха горожан. Османы осознавали стратегическое значение Белградского леса, поэтому он находился под защитой государства. В XVII–XVIII веках срубивший здесь ветку лишался руки, а срубивший дерево – головы. Впрочем, площадь леса уменьшалась пропорционально нуждам столицы: так, в XVIII веке она составляла 17 тыс. га, в конце XIX века – 7,5 тыс. га, в наши дни – 5,5 тыс. га. В XX–XXI веках лес вырубали для прокладки автомагистралей и возведения босфорского моста Султан Селим Явуз. Иными словами, Стамбул – это не

только вода и камни, дворцы и мечети, уличная торговля и ночная жизнь, но и – внезапно – пугливые олени, долгие листопады, полуразрушенные византийские и османские акведуки, выступающие из земли подобно скелетам динозавров.

Белградский лес предназначался для водоснабжения города. Одни акведуки построил Мимар Синан, другие достались османам от римлян и византийцев. С XVI века пленные сербы и их потомки обслуживали византийское водохранилище, ремонтировали дамбы и чистили древние резервуары. Источники Белградского леса веками питали Византий, Константинополь и Стамбул.

Некоторые акведуки находятся в центре города – например, знаменитый акведук Валента гордо возвышается над бульваром Ататюрка и служит своеобразной границей между районами новостроек и историческим центром Стамбула. Римские мастера возвели акведук в IV веке по приказу цезаря Флавия Юлия Валента, павшего в сражении при Адрианополе. Битва между готами и римлянами сыграла роковую роль в европейской истории – после разгрома последних стало ясно, что Римская империя обречена. Несмотря на приближающуюся катастрофу, ирригационная система Константинополя функционировала прекрасно. Двухъярусный акведук Валента является шедевром античной инженерной мысли. Протянувшись более чем на километр, он соединил два стамбульских холма – и, будучи старейшей постройкой Константинополя, работал до середины XIX века. Римляне, византийцы и османы только чинили и меняли трубы.

Вода, поступающая в Стамбул из Белградского леса по акведукам Валента и Маглова (что за чертой города, в европейской части), а также подземные воды столицы собирались в специальных резервуарах. По состоянию

на 2019 год в городе обнаружено более сотни исторических цистерн.

Самым знаменитым стамбульским водохранилищем является цистерна Базилика (Еребатан Сарничи) в центре района Султанахмет – рядом с Айя-Софией и Голубой мечетью. Мистический полумрак; 336 колонн, привезенных из языческих храмов Малой Азии; карпы, плавающие в холодной воде, похожей на помутневшее венецианское зеркало; приглушенные голоса туристов, отдающие гулким эхом под древними сводами, – вот она, загадочная Еребатан Сарничи, крупнейший подземный резервуар Стамбула и один из наиболее впечатляющих и атмосферных памятников города.

Строительство цистерны началось в IV веке при Константине I – тогда здание планировалось как базилика с садом и длинной колоннадой. Позже, при Юстиниане Великом, ее окончательно превратили в водохранилище. Цистерна не раз уходила под землю, словно прячась от османских завоевателей. После падения Византии в 1453 году Стамбул разрастался прямо над Еребатан Сарничи – турки возводили мечети, прокладывали дороги, торговали, любили и умирали, даже не догадываясь, что под их ногами находится удивительный памятник уничтоженной ими цивилизации. Османы черпали из-под земли воду и ловили рыбу, опуская ведра в расщелины каменных плит, заваливших верхние своды цистерны. Жители Султанахмета жаловались на подтопления подвалов и нижних этажей домов – но не собирались выявить и устранить их причину.

Так продолжалось без малого век, пока в 1553 году французский археолог Пьер Жиль не открыл цистерну как для западных любителей истории, так и для самих турок. Жиль окрестил свою удивительную находку подземным дворцом, и османы начали использовать ее для полива садов Топкапы. Со временем

канализационная система имперского Стамбула стала одной из самых развитых на Ближнем Востоке, цистерна морально и технически устарела – и о ней снова позабыли. В 1987 году Еребатан Сарничи отреставрировали, очистили от ила и мусора (по слухам, вывезли 50 т грязи) и открыли для туристов – сперва как музей, а потом – как уникальное здание византийского периода.

Гуляя по скользким подмосткам старинной цистерны, можно вспомнить десятки легенд, связанных с этим местом. Каменный лес колонн в полумраке одновременно напоминает царство Аида и город Кхазад-Дум из «Властелина колец». Еребатан Сарничи – настоящий подземный дворец, где есть бассейн желаний (туда кидают монеты) и «плачущая» колонна, украшенная резьбой в виде павлиньих перьев. Из их «глаз» вытекают капли воды, которые символизируют слезы рабов, погибших при строительстве.

Широко известны 2 колонны с головами Медузы Горгоны – они взяты из триумфальной арки Феодосия I Великого. Арка входила в архитектурный ансамбль форума Феодосия – в византийскую эпоху его окружали церкви и дворцы, от которых почти ничего не осталось. Немногочисленные руины с грубым гипсовым вклеплением можно увидеть на улице Орду – они небрежно свалены у трамвайных путей возле остановки «Баязид». До нас не дошли ни украшавшие арку статуи животных, ни монументальная скульптура императора Феодосия. Саму колонну разрушили турки после взятия Константинополя. Сохранилась только пара тяжелых мраморных блоков с изображениями Медузы – единственной смертной из трех сестер горгон, обращавшей в камень всякого, кто осмелится взглянуть в ее ужасные глаза.

Согласно греческому мифу, Персей побеждает Медузу, отрубив ей голову; при этом герой смотрит на

отражение чудовища в своем до блеска отполированном медном щите. Зеркальные поверхности делали древнее зло бессильным – поэтому блоки перенесли в водохранилище. На всякий случай их перевернули – одна голова Медузы лежит на боку, а вторая поставлена на макушку. В Средиземноморье и на Ближнем Востоке страх перед горгоной передается из поколения в поколение. Гомеровский Одиссей рассказывает, что боялся увидеть Медузу уже спустя долгое время после ее смерти:

...Бледный объял меня ужас, что вышлет
Голову вдруг на меня чудовища, страшной
Горгоны,
Славная Персефонея, богиня из недр
преисподней.

Люди Древнего мира создавали легендарииумы, дабы осмыслить явления внешнего мира. По легенде, победив Горгону, Персей подошел к берегу моря, желая освежиться, положил голову Медузы на траву – и трава, пропитавшись кровью, покраснела и окаменела. Так и появился коралл. Персей спрятал голову чудовища в сумку и с помощью крылатых сандалий поднялся в воздух – но кровь Горгоны падала на землю, где породила змей. Спасаясь от ядовитых рептилий, люди бросали свои дома; в результате бóльшая часть Ближнего Востока превратилась в пустыню. Легенда о смертоносной мощи Медузы настолько распространена, что суеверные турки до сих пор избегают фотографироваться с ее изображениями в цистерне.

Подземный дворец Еребатан Сарничи отражает общую для Стамбула тенденцию: сегодня большинство вилл и султанских резиденций превращено в музеи. Впрочем, есть исключения: например, в Голландском

дворце разместились посольство Голландии; в Итальянском дворце – технический лицей; во дворце Ибрагима-паши – Музей турецкого и исламского искусства; во дворце Адиле Султан (сестры Абдул-Меджида I) – благотворительный центр турецкого миллиардера Сакыпа Сабанджи; во дворце Абдул-Меджида II – банк «Yarı Kredi»; в особняке Валиде-паши – консульство Египта; в павильоне Филизи – клуб турецких парламентариев; в павильоне Чадыр – ресторан. Ялы Зеки-паши – маршала артиллерии при Абдул-Хамиде II – выставлена на продажу. Она стоит \$115 млн и является одной из самых дорогих вилл в мире.

Многие османские виллы находятся в частной собственности: так, семья Сабанджи владеет 30 особняками на Босфоре. Среди них белая ялы Ферика Афифа Ахмеда-паши – изящное творение французского архитектора Александра Валлори, спроектировавшего Оттоманский банк в Бейоглу и отель «Pera Palace». В первой половине XX века хозяин отеля Мисбах Мухайеш приобрел резиденцию Ахмеда-паши и принимал там именитых иностранцев.

Позже Мухайеш продал особняк Кемалю Узану – богатейшему бизнесмену Турции. В 2004 году удача отвернулась от клана Узан: общий долг его членов составил почти \$6 млрд и турецкое правительство арестовало более 200 принадлежащих им компаний. Кемалю Узана обвинили в мошенничестве и взятках, но предприниматель успел распродать часть имущества. Ялы Ахмеда-паши за \$40 млн купила Сюзан Сабанджи Динчер – представительница рода, конкурировавшего с семьей Узан.

Османские виллы на Босфоре невероятно дороги. По слухам, минимальная цена равна \$10 млн – причем найти столь дешевую ялы отнюдь не просто. Например, особняк Эрбилгин обошелся катарскому эмиру в

100 млн евро – весной 2015 года монарх приобрел его для своей супруги. До этого на протяжении 8 лет журнал «Forbes» регулярно включал Эрбилгин в число пяти самых дорогих домов мира. Ранее вилла принадлежала турецкому миллиардеру Уфуку Эрбилгину – директору компании «Demoteks Medical», занимающейся производством медицинского текстиля и оборудования.

Впрочем, первым владельцем ялы был отнюдь не бизнесмен: в 1880 году роскошную виллу построили для могущественного вельможи Мысырлы Ахмеда Ихсанбея. В 1911 году Абдул-Хамид II купил ее в подарок сыну – шехзаде Бурханеддину. После гибели Османской империи особняк сменил множество хозяев, пока в 1985 году его не приобрел Уфук Эрбилгин.

Помпезная ялы Эрбилгин – самая дорогая частная недвижимость в Турции. По длине пирса она уступает лишь особняку Кыбрыслы. Свое труднопроизносимое название эта босфорская резиденция получила по имени первого владельца – государственного деятеля Мехмеда Эмина-паши по прозвищу «Кыбрыслы» («Киприот»). Его послужной список впечатляет: с 1844 по 1848 год Мехмед Эмин-паша командовал турецкими войсками в Акко, Иерусалиме, Тырново и Белграде. В 1850 году он был назначен на должность губернатора Алеппо, а спустя год стал муширом (маршалом) Сирии. Будучи османским чиновником до мозга костей, Кыбрыслы в течение жизни занимал важные посты в разных концах империи и вне ее – от эвкафа (управляющего благотворительными фондами) до посла в Лондоне и Петербурге, от губернатора Эдирне до великого визиря при Абдул-Меджиде I, Абдул-Азизе и Абдул-Хамиде II.

Мехмед Эмин-паша купил особняк Кыбрыслы в 1840 году. Для заключения сделки этот удивительно честный человек был вынужден продать всю свою мебель. Дочь

паши получила в наследство от отца 21 турецкую лиру – остальное пришлось уплатить кредиторам. Погасив долги, родственники вельможи спокойно владеют Кыбырлы до сих пор. Потомки османских сановников, сохранившие семейные ялы, пытаются следовать образу жизни своих знатных предков. Они формируют замкнутое сообщество со старыми традициями и специфическими босфорскими анекдотами – например, о том, как семейный ужин прервала яхта, проплывавшая мимо виллы и врезавшаяся в стену столовой.

История виллы Кыбырлы представляет собой редкое исключение – как правило, босфорские особняки подвергались суровым испытаниям. Например, сарай Эсмы (дочери Абдул-Хамида I) в Ортакёе долгое время находился в плачевном состоянии. Между тем, на рубеже XVIII-XIX веков это был один из красивейших дворцов Стамбула – 14-летняя принцесса получила его в качестве свадебного подарка, когда ее выдали замуж за великого визиря Хусейна-пашу.

Спустя 10 лет Эсма овдовела и, вопреки обычаям, отказалась снова выходить замуж. Она предпочла браку веселье. Будучи сестрой трех султанов – Селима III, Мустафы IV и Махмуда II, – принцесса вела себя вызывающе: меняла любовников как перчатки, проводила экстравагантные балы и вечеринки, инкогнито гуляла по Стамбулу. Любимым развлечением Эсмы было смотреть на танцы, которые специально для нее исполняли гладко выбритые и нарумяненные греческие юноши в женских платьях. Падишах, в очередной раз узнав о таком безобразии, приказывал казнить несчастных греков – но это не производило на принцессу никакого впечатления и не прекращало ее сумасбродств.

После смерти Эсмы в 1848 году дворец пришел в упадок. В XX веке его переделали в столярную

мастерскую, совмещенную с угольным складом, – и в 1970-х годов такое опасное соседство привело к пожару. Сарай сгорел дотла. В наши дни его реставрацией занимается гостиничная сеть «Marriott», которая, учитывая опыт «Kempinski» с Чираганом, хочет превратить резиденцию османской принцессы в фешенебельный отель.

Таков вкратце старый имперский Стамбул. Впрочем, у парадного города есть и другая сторона – его крепости. В отличие от дворцов, хранящих бывшее величие, полуразрушенные Йорос, Едикуле, Анадолухисари и Румелихисари обросли мхом, травой и кустарниками – потому они крайне живописны.

Глава 8

Стены и крепости

Красное яблоко притягивает камни.

Османская пословица

Английский искусствовед Джон Рёскин определяет живописность как «постороннюю величественность» и «случайную» красоту, не входившую в изначальные замыслы создателя. Он называет живописными вековые руины и полуразрушенные здания, прекрасные своей заброшенностью и запустением, когда их стены оплетают плющ и виноград, стены покрывают мхи, а в трещинах и расщелинах вырастает трава. Вышесказанное относится и к стамбульским крепостям. Будучи свидетелями блеска и триумфа Османской империи, они пережили столетия громких побед и печальные годы упадка.

Первой крепостью, которую мне удалось посетить, стал Йорос – одно из древнейших оборонительных сооружений Стамбула. Его руины возвышаются на холме возле устья Босфора, где пролив впадает в Черное море. Сама местность именуется Анадолу Кавагы – это махалле большого ильче Бейкоз, издавна славящееся своими виноградниками и рыбным рынком. По легенде, Ясон и аргонавты запаслись тут вином и съестными припасами перед тем, как отправиться за Золотым Руном в Колхиду. Анадолу Кавагы – последняя остановка паромов на азиатском побережье Босфора. Дальше – Черное море.

История этого стратегически важного места начинается еще до нашей эры. Крепость была построена в довизантийский период, и ею охотно

пользовались финикийцы и греки. Они возводили в окрестностях Йороса храмы и жертвенники, посвященные богам Олимпа. Люди Древнего мира просили у небесных покровителей удачи в торговле и на войне. Согласно преданию, недалеко от Йороса похоронен легендарный Геракл.

Византийский император Мануил I Комнин, по достоинству оценив расположение античных зданий, приказал восстановить их и включить в новый крепостной комплекс - василевс хотел защитить Константинополь от викингов. На другом берегу Босфора, прямо напротив Йороса, поспешно возвели еще одну крепость, ныне не сохранившуюся, - между ними натягивали толстую цепь, дабы вражеские корабли не смогли продвинуться дальше по проливу.

Йорос называли ключом, открывающим Черное море. За эту цитадель веками сражались византийцы, османы и генуэзцы. Она часто переходила из рук в руки: так, в 1305 году османы захватили крепость, но в 1348 году она уже принадлежала генуэзцам, вернувшим себе господство над черноморскими торговыми путями. Итальянские купцы хранили в крепости товары и укрывались от штормов и пиратов. В 1391 году Баязид I отбил Йорос у противника, что позволило султану контролировать азиатское побережье Босфора. Османы воспользовались этим преимуществом и, готовясь к штурму Константинополя, в 1393 году начали строить крепость Анадолухисари. Обеспокоенные византийцы попросили о помощи Карла VI. В 1399 году Йорос штурмовали французы и испанцы, возглавляемые героем Столетней войны, маршалом Жаном II ле Менгром. Несмотря на кровопролитные бои, османский гарнизон не сдал цитадель.

К XIX веку Йорос окончательно забросили. Крепость утратила свое стратегическое значение, опустела и пришла в упадок. Более-менее сохранились только две

башни и остатки стен. Сегодня величественные руины Йороса гордо стоят над Босфором – со временем пролив отступил от древней цитадели. На гравюрах английских художников Томаса Аллома и Уильяма Бартлетта видно, что в первой половине XIX века крепостные стены еще омывались босфорскими водами. Здесь же находились причал и маяк – по легенде, в Йоросе не зажигали огни, дабы ночью вражеские корабли садились на мель.

С 1841 года – через несколько лет после того, как Аллом увидел Йорос – посещение цитадели стало обязательным пунктом тура по Босфору. В наши дни паромы отправляются с причала Эминёню. Они плывут до Анадолу Кавагы в течение полутора часов – за это время мимо пассажиров проходит вся береговая линия османской столицы.

Стамбул – город, где история плавно вливается в современность. Памятники архитектуры и старинные постройки доступны и функциональны. Меланхоличный Памук видит в них причину для грусти – ибо «стамбульцы просто живут среди своих развалин». Западные писатели и путешественники находят это очаровательным; но горожанам руины напоминают о том, что былое величие и богатство безвозвратно утеряны.

Однако старинные мечети, крепости, хаммамы, кладбища и базары действуют, шумят и живут. В Стамбуле я полюбила камень: шероховатый, выщербленный временем, потемневший от дождей, иссеченный ветрами и картечью, покрытый мхом и теплый от солнца. Здесь нет неприкосновенных развалин – это относится даже к древним Феодосиевым стенам, веками защищавшим город. Гуляя по ним, я поднималась над оранжевыми домиками цыганского квартала Сулукуле, разглядывала мечеть Михримах Султан в Эдирнекапы – и, наконец, дошла до Мраморного моря.

Стамбул всегда славился неприступными укреплениями – причем как с суши, так и с моря. Морские стены Константинополя упоминались в главе 3, когда описывался дворец Вуколеон. В эти мощные стены был встроен монастырский комплекс Христа-Человеколюбца. Его катакомбы – вкуче с галереями и тоннелями близлежащих Манганского дворца и монастыря Григория Манганского – образовывали сеть тайных ходов и секретных помещений, которые находились внутри крепостных стен и под землей. Море подступало к основанию церкви Христа-Человеколюбца, включенной в состав монастырского комплекса, – это хорошо видно на фотографиях первой половины XX века.

Вот еще один поразительный факт: когда османы в 1871 году при строительстве железной дороги почти полностью снесли Вуколеон, они проложили пути над подземным тоннелем, ведущим из недр византийских укреплений к Мраморному морю. В июле 2017 года, забравшись в тоннель, я ощутила сильную вибрацию, воздействию которой это сооружение подвергается каждые 15 минут. Тем не менее, толстые стены и основание, сложенное из огромных каменных блоков, веками противостоят разрушению.

Османы пользовались этим еще до прокладки железной дороги. Так, в XVI веке великий визирь Коджа Синан-паша приказал встроить в морские укрепления Жемчужный киоск для Мурада III. Султан любил смотреть с его террасы на корабли – а те, проплывая мимо, салютовали правителю из пушек. Однажды залп получился настолько сильным, что в павильоне выбило стекла. «Киоск моей жизни треснул, как эти стекла», – грустно заметил Мурад. Вскоре он скончался, не дожив до 49 лет.

С наземными стенами Стамбула связано не меньше легенд, чем с морскими. Гудвин сравнивает очертания

Стамбула с головой собаки, глядящей на восток. Над ее носом встречаются Золотой Рог и Босфор, ее горло ласкает Мраморное море. Сухопутные стены, возведенные Феодосием в V веке, похожи на гигантский ошейник, свисающий на грудь. Когда-то город Константина Великого помещался в старых крепостных стенах, но со временем он разросся и вышел за их пределы. Чтобы уберечь подданных от набегов варваров, Феодосий II приказал префекту Анфимию организовать возведение новых городских укреплений. С 408 по 413 год префект руководил строительством – за эту ответственную работу ирландский византинист Джон Бьюри назовет Анфимия вторым основателем Константинополя.

Британский медиевист Питер Хизер указывает, что до Анфимия стены Константинополя были высотой более 9 м и толщиной 5 м. Они протянулись на 5360 м – от Мраморного моря до Халича. Строители чередовали каменную кладку с кирпичной, поглощающей небольшие землетрясения; но в 447 году произошла серия землетрясений, и десятки сторожевых башен оказались разрушены, а стены – сильно повреждены. Константинополь остался без защиты, и орды варваров двинулись к городу.

Феодосий II призвал подданных на строительные работы. У византийцев были считанные недели на восстановление того, что делалось в течение нескольких лет. Впрочем, результат превзошел все ожидания – стены превратились в тройную линию укреплений.

Спасение Византии всегда заключалось в ее стенах. Константин I предусмотрительно опоясал Византий плитняком, Юстиниан делал насыпи – но лишь Феодосий возвел настоящие бастионы, о размерах которых можно судить и в наши дни – по обвитым плющом развалинам. Впоследствии василевсы

дополняли и обновляли их на протяжении тысячи лет. Величественное творение Феодосия считалось символом совершенной неприступности.

Османы называли Феодосиевы стены «костью в горле Аллаха». Константинополь не решился штурмовать сам Атила. Легенда гласит, что горожане, узнав о приближении «Бича Божьего», выставили на крепостных стенах множество крестов. Атила испугался и повернул восвояси.

Стены не только защищали Константинополь, но и служили центром его физического существования – подобно тому, как Святая София была средоточием духовной жизни города. Их камни являются немymi свидетелями беспримерного героизма, коварного предательства, жестоких убийств и чудесных спасений. Возле каждого отрезка укреплений творилась история. 28 июля 450 года из Военных ворот на охоту выехал сам Феодосий II – несколько минут спустя норовистая лошадь сбросила его, государь повредил позвоночник и на следующий день умер. У Врат источника в 967 году разъяренные византийцы забросали камнями ненавистного василевса Никифора Фоку; эти же ворота в 1261 году ликующие горожане открыли для Михаила VIII Палеолога – тогда, после 60 лет иноземного господства, православные императоры наконец-то сменили на престоле «латинян» и снова воцарились в Константинополе. Цирковые ворота заперли в XII веке из-за предсказания, согласно которому Фридрих I Барбаросса якобы решит воспользоваться ими для захвата города во время Второго крестового похода. Люди Средневековья верили, что Константинополь находится под покровительством Богоматери, и Феодосиевы стены представлялись его щитом. В укрепления вделывали кресты, вдоль стен проносили священные реликвии и проводили молебны. Многие византийцы наблюдали видения – ангелов-хранителей

на бастионах. Над центральным входом висела мраморная табличка с надписью, выражавшей страхи столичных жителей: «Христе Боже, сохрани свой город в целости, защити его от войны и умири ярость врагов».

Византийцам было чего бояться – с 626 до 1453 год Константинополь пережил 24 осады. Его сказочные сокровища манили завоевателей. «С тех пор, как мир стоит, никогда не случилось, чтобы столько богатств было собрано в одном городе», – утверждал Жоффруа де Виллардуэн. «Константинополь надменен в своем богатстве, предатель в делах, и вера его испорчена», – говорил французский крестоносец Одо де Девиль. Не все неприятели были одержимы жаждой наживы – некоторые испытывали праведный гнев и были готовы погибнуть за истинную веру, поруганную лукавыми византийцами, – от этого количество врагов, мечтавших войти в Константинополь, только возрастало.

Полчища персов, болгар, аваров, хазар и русов, подобно волнам Мраморного моря, столетиями разбивались о древние укрепления Нового Рима. Очередные захватчики пришли в VII веке из Аравийской пустыни – спустя 42 года после смерти пророка Мухаммеда его последователи стояли у стен византийской столицы. Пророк однажды сказал: «Константинополь непременно будет завоеван, и как же прекрасен тот предводитель, который завоюет его, и как же прекрасно то войско, что завоюет его!» Помимо обещанной Мухаммедом перспективы попасть в рай, солдат Омейядского халифата вдохновляли несметные богатства города. Описывая первую арабскую осаду Константинополя (674–678), Гиббон рассказывает, что на протяжении многих дней арабы с рассвета и до наступления ночи ходили на приступ; однако они не представляли себе реальную силу Константинополя. Феодосиевы стены охранялись дисциплинированным гарнизоном – и «мужество римлян

воспламенялось при мысли о крайней опасности, угрожавшей их религии и их владычеству».

Не сумев прорвать оборону, армия Омейядов блокировала город с суши и моря; но его защитникам помог легендарный «греческий огонь» – таинственная горючая смесь, от которой горела вода. Смертоносное изобретение сирийца Каллиника обладало, помимо того, психологическим эффектом. Константинопольский хронист Феофан Византиец свидетельствует, что «арабы были потрясены» и «бежали в великом страхе». В 677 году при сражении в Мраморном море у Сулаемма византийцы с помощью «греческого огня» нанесли решающее поражение омейядскому флоту – и в 678 году осада была снята.

Несмотря на неудачу, арабы не успокоились и через 40 лет предприняли вторую (и последнюю) попытку завладеть Константинополем. В последний день августа 717 года горожане увидели с крепостных стен многотысячное войско, возглавляемое халифом Сулейманом ибн Аб-дом аль-Маликом. 1 сентября к византийской столице подплыл гигантский флот под руководством прославленного арабского полководца Масламы ибн Абдулы-Малика.

Омейяды учли опыт предыдущей кампании. Солдаты вспахали землю вокруг города и посадили хлеб – они планировали собрать урожай весной следующего года и обеспечить себя продовольствием. Император Лев III Исавр сжег 20 вражеских судов «греческим огнем», но Босфор и Дарданеллы контролировали еще 1800 кораблей неприятеля. Город был отрезан от всего мира – и арабы хорошо подготовились к длительной осаде.

Казалось, судьба Константинополя предрешена, но его спасла хитрость Льва III. В конце осени василевс убедил Масламу, что византийцы голодают, – и пообещал выбросить белый флаг, если арабы отдадут

им часть провизии, а остальные свои запасы уничтожат. Маслама, предвкушавший легкую победу, торжествовал; но, когда он выполнил условия императора, тот засел за мощными крепостными стенами и наотрез отказался вести переговоры.

Вскоре наступила необычайно холодная зима. Снег лежал на земле 100 дней. Верблюды и лошади падали от бескормицы и замерзали насмерть. Арабы окончательно потеряли присутствие духа. Византийский монах Феофан Исповедник рассказывает, что они питались падалью, «запекали и ели умерших, а также заквашивали и ели свои испражнения». По сообщению другого очевидца, епископа Михаила Сирийца, арабы, дабы утолить голод, обгладывали друг друга лица, глотали мелкие камни и грызли обломки кораблей. Среди осаждавших свирепствовали болезни; в довершение к их несчастьям, омейядскую армию внезапно атаковал союзник Льва III – болгарский хан Тервел. В сражении с ним ослабевшие арабы потеряли большую часть войска. За это Тервел получил титул ромейского кесаря; позже его канонизировали под имени Святого Тривелиуса и назвали «спасителем Европы».

Суровая зима закончилась, и весной 718 года на помощь Омейядам из Египта прибыл флот с оружием и хлебом. Арабские моряки боялись «греческого огня», их корабли не входили в Босфор. Тогда Лев III велел поставить на византийские суда огнебросательные сифоны и перешел в наступление. Константинопольцы уничтожили практически весь флот Омейядов. Летом 718 года халиф Сулейман отвел жалкие остатки своей армии от города, и осада завершилась.

Сегодня в Стамбуле о противостоянии Византийской империи и Омейядского халифата напоминает Арабская мечеть (Арап джами) в Каракёе, недалеко от побережья Золотого Рога. Ее основали арабы, окружавшие город в

674–678 годах; по другой версии, Лев III возвел эту мечеть по просьбе Масламы для пленных арабских солдат. Арап джами является первым мусульманским храмом Константинополя. В 1220-х годах монахи-доминиканцы перестроили ее в католическую церковь Святых Павла и Доминика; но в 1475 году по приказу Мехмеда II церковь снова переделали в мечеть. В 1492 году в кварталах, примыкающих к мечети, поселились арабы, бежавшие в Стамбул от испанской инквизиции. По совокупности обстоятельств горожане нарекли мечеть Арабской.

Арап джами свидетельствует о том, что, несмотря на свирепость и численное превосходство противников, взять великий город на берегах Босфора не удавалось на протяжении почти 600 лет. Иногда враги уходили ни с чем, иногда уносили богатую дань – но они покидали окрестности Константинополя, так и не сумев покорить его. Только две осады увенчались успехом.

Впервые столицу Византийской империи захватили европейские рыцари в 1204 году в рамках Четвертого крестового похода. Разграбив Константинополь, они показали всему миру, что это в принципе возможно. Город перестал быть неприступным, и его окончательное падение стало вопросом времени.

Византийцы уповали на привычные оборонительные средства – Феодосиевы стены, «греческий огонь» и толстую цепь, натянутую над Золотым Рогом (она перекрывала бухту для вражеского флота). Один конец цепи был закреплен в Константинополе, другой – в гегуэзской Галате. Но время шло, и к 1453 году эти защитные меры уже преодолевались при настойчивой атаке.

В 1453 году история повторилась: в город ворвались турки под предводительством Мехмеда II. Собственно, после этого старые византийские укрепления соединились с новыми османскими. Фатих распорядился

отремонтировать Феодосиевы стены – и строители соорудили еще одну крепость с их внутренней стороны, т. е. в черте города. Она получила название Едикуле, или Семибашенный замок. Название объясняется тем, что османы возвели три каменные башни в дополнение к четырем башням, поставленным при Феодосии II.

Готье подробно описывает Едикуле: ров, обнесенный каменным парапетом; затянутые плетнем участки между бастионами; бреши в кладке, пробитые катапультами, таранами и гигантской кулевриной. «Это древние стены Константина, вернее, то, что от них осталось по прошествии стольких веков, после всех штурмов и землетрясений», – резюмирует Готье. Он замечает, что корни и стебли травы удерживают кирпичи. Растения превращаются в скобы, помогающие стене устоять, – «и стена стоит».

На гравюрах Томаса Аллома и Уильяма Бартлетта зубчатые башни Едикуле расколоты чуть ли не до основания; их раздробленные части, словно усталые деревья, клонятся к земле. При штурме 1453 года городские укрепления были сильно разбиты османской артиллерией. Следы грандиозного обстрела сохранились до сих пор – каменные ядра, которыми османы забрасывали Феодосиевы стены, лежат под выщербинами и пробоинами, которые они оставили более 500 лет назад.

Американский историк Ларс Браунворт видит в Едикуле нечто большее, чем просто напоминание о падении богатейшей христианской столицы. Рассуждая о закате Византии, он пишет: «Величайшая трагедия обширных и славных полотен ее истории заключается не в том, как она пала, а в том, что в памяти Запада она оказалась отброшена и забыта, ее голос остался не услышанным, а уроки – не усвоенными». Обветшалые укрепления Константинополя служат наглядным свидетельством эпической борьбы, происходившей в XV

веке, – и нестареющим напоминанием о простой истине: Римская империя окончилась не унижением Августа, но героизмом Константина XI Палеолога.

Впервые бродя по полуразрушенным стенам Едикуле, я остановилась и вздрогнула. Передо мной высились знаменитые Золотые ворота – триумфальная арка византийских императоров, построенная в честь победы Феодосия I над полководцем-узурпатором Магном Максимом. На этом месте заканчивалась Меса – главная улица Константинополя; сегодня ее маршрут повторяет улица Диван Йолу. Меса начиналась на площади Августеон перед Айя-Софией (площадь Султанах-мет) и шла через весь город, пересекая форум Константина (площадь Чемберлиташ), форум Феодосия (площадь Баязид) и форум Быка (площадь Аксарай), где стоял медный бык, предназначенный для казни преступников. Золотые ворота Константинополя стали прообразом одноименных сооружений в Киеве и Владимире; Вещий Олег, по легенде, прибил к ним щит, когда русская дружина в 907 году дошла до Царьграда. Через эту триумфальную арку в поверженный Константинополь въехал Мехмед II. Позже султан приказал заложить Золотые ворота камнями, дабы никто не повторил его штурм и не отобрал город у османов.

Нам трудно представить, что творилось у стен Едикуле почти 600 лет назад. Исход одной из самых жестоких битв в истории человечества был предрешен: сильные молодые варвары, как свирепые псы, опять вцепились мертвой хваткой в горло дряхлой и агонизирующей империи. Катастрофу можно было предотвратить – но христианский мир предпочел бездействовать. Если бы латинская и греческая церковь забыли о своих разногласиях; если бы христиане Запада объединились, то турки были бы разбиты. Однако, по словам Мортонна, «никто лучше султанов не знал, что

огонь Крестовых походов сжег самих же крестоносцев и что никогда больше христианские короли не выступят вместе, как выступили против Саладина».

Позиция Мортонa подтверждается историческими свидетельствами – так, Святой Марк Евгений предостерегал христиан: «Бегите от папистов, как вы бежали бы от змеи и от жара пламени». Папа римский Григорий VII говорил о православной Византии: «Для страны будет гораздо лучше находиться под властью мусульман, чем быть под управлением христиан, которые отказываются признавать права католической церкви». В дальнейшем подобная политика европейских держав в отношении Османской империи вошла в привычку. Американский историк Барбара Такман остроумно замечает, что османы, взявшие Константинополь в 1453 году, внушали Европе не меньший страх, нежели СССР во второй половине XX века, – «однако как бы ни были велики тревоги христиан, они были слишком заняты конфликтом друг с другом».

Незадолго до падения разоренная и обреченная на гибель византийская столица являла собой жалкое зрелище. Население Константинополя сократилось до 50 тыс. человек. Целые районы опустели или лежали в руинах. Монахи продавали исторический мрамор своих монастырей, чтобы выжить. Некоторые здания рухнули; василевс Константин XI Палеолог жил на северо-западной окраине города во дворце Влахерны – гораздо меньшем, чем давняя резиденция императоров, Великий дворец (тот находился в плохом состоянии, и его реставрация стоила бы Константину слишком дорого).

Из-за переселения василевсов во Влахерны исчезла византийская традиция престолонаследия. Раньше правом на престол обладали только дети монаршей четы, произведенные на свет в Багряном (Порфирном)

зале Большого дворца - поэтому византийских монархов именовали багрянородными и порфирородными. Принцесса Анна Комнина - дочь Алексея I Комнина - рассказывает, что этот зал предназначался для рожениц-императриц. Он назывался «Порфира» (Πορφύρα) и имел выход к морю - там, где на дворцовой пристани стояли статуи быков и львов. Пол Порфиры был выложен мрамором, стены - облицованы дорогим камнем пурпурного цвета, который привозили из Рима.

Византийский летописец Михаил Пселл утверждает, что для новорожденных царственных детей использовались багряные пеленки. Багряный цвет издавна считался символом власти - как из-за своей насыщенности, так и из-за высокой стоимости красителя. В Древнем Риме, например, чьи традиции унаследовала Византия, по указу Нерона облачаться в пурпурный цвет мог только император; ношение пурпурных одежд другими людьми приравнивалось к мятежу. Камень порфир применялся при изготовлении тронов и императорских саркофагов. Колонна Константина на форуме Константина также была сделана из порфира (сегодня ее потемневший остов, схваченный металлическими скобами и засиженный голубями, возвышается на площади Чемберлиташ, рядом с трамвайной остановкой). К XV веку вся эта роскошь осталась в далеком прошлом.

В главе 3 говорилось о портрете завоевателя Константинополя, Мехмеда II, кисти Беллини; однако мы не знаем, как выглядел противник Фатиха - последний византийский император Константин XI Палеолог. Реальных и четких изображений этого василевса никогда не существовало. К середине XV века Восточная Римская империя совсем обнищала, и у ее правителя не было денег, чтобы заказать свой портрет. Еще в 1347 году на коронации Иоанна VI Кантакузина

венецианские и генуэзские дипломаты заметили, что камни, украшавшие корону, были стеклянными, а посуда на праздничном пиру – деревянной, оловянной и глиняной. Золотые и серебряные блюда, равно как и настоящие изумруды, рубины и бриллианты, продали для пополнения государственной казны.

От эпохи величия до эпохи упадка прошло совсем немного времени. Буквально за два столетия до этого французский священник, хронист Первого крестового похода Фульхерий Шартрский выразил общеевропейский восторг перед Константинополем – он называл византийскую столицу прекрасной, изобилующей поразительными произведениями искусства и почитаемыми святыми реликвиями. Город на берегах Босфора всегда был непростым: пока Европа продолжала считать его блистательным, Константинополь погибал.

Восточная Римская империя пережила Западную почти на тысячу лет. Ее агония растянулась на несколько веков и протекала крайне неравномерно. По мнению американского политолога Эдварда Люттвака, секрет долголетия Византии заключался в том, что василевсы сумели приспособиться к ухудшившимся обстоятельствам. Константинополь полагался не столько на военную силу, сколько на дипломатические хитрости: вербовку союзников, запугивание неприятелей и стравливание их между собой. Когда же византийцам все-таки приходилось сражаться, они старались не уничтожить врагов, но сдержать их. Поведение Византии не менялось на протяжении столетий – это позволяло ей оставаться на политической карте Средневековья и считаться влиятельным государством. Константинополь всегда походил на театр: пока на сцене шло пышное представление, за кулисами лежали горы мусора и хозяйничали крысы. Юстиниан I, при котором страна

достигла максимального расцвета, умер 14 ноября 565 года, и после его смерти Византия неуклонно приближалась к концу. Сильнее всего это ощущалось в Константинополе.

Вырождение и оскудение имперской столицы закономерно и объяснимо. Французский византист Кирилл Манго рассказывает, в каком состоянии полис достался османам: он опустел после страшной эпидемии чумы 542 года и Великого пожара 465 года, уничтожившего половину города, – и с тех пор так и не возродился. Упадок коснулся всех сфер общественной жизни Константинополя – особенно заметно это было в строительстве. Традиционно величайшим строителем в византийской истории считают Юстиниана I, забывая о его предшественнике – Анастасии I Дикоре, при котором в византийской столице появилось множество социально значимых сооружений: публичные термы (бани), склады и акведуки.

В эпоху правления Юстиниана удивляет диспропорция между светскими и религиозными зданиями. Василевсу пришлось реконструировать город после ужасного пожара 532 года, в первую очередь – часть Большого дворца, термы Зевксиппа рядом с Ипподромом и Дворец Сената. Также по приказу Юстиниана были возведены некоторые светские объекты – цистерна Базилика, термы Дагисфея в районе Тетрапила и улица в квартале Аркадианы, к северу от Большого дворца. Число же воздвигнутых императором церквей составляло 33, включая монументальную Святую Софию и грандиозный храм Святых Апостолов.

В итоге количество храмов значительно превысило литургические и пастырские потребности горожан. Византийцы возводили храмы как вместилища реликвий, во имя исполнения обетов и ради собственного престижа. Преемники Юстиниана – Юстин II, Тиверий, Маврикий, Фока – тоже строили в

Константинополе. Однако уже в первой половине VII века - при императоре Ираклии - строительство ограничилось оборонительными сооружениями и не возобновлялось вплоть до 800 года.

Практически все публичные здания византийской столицы (особенно театры, Капитолий, два Дворца Сената и дворцы чиновников IV-V веков) были снесены или приспособлены под иные нужды. Главная зала дворца Антиоха, располагавшегося около Ипподрома, стала церковью Святой Евфимии, а дворец Лавса - церковью Иоанна Богослова (османы разместили в ней султанский зверинец). Одну часть знаменитых терм Зевксиппа превратили в казармы, другую - в тюрьму. Термы Констанция были заброшены к концу VIII века, термы Дагистея перестали функционировать в начале IX века; аналогичным образом дело обстояло с термами Ахилла, Анастасианы, Аркадианы, Карозианы, Евдоксианы, Эленианы и Онорианы. Для их нормальной работы в Константинополе не хватало воды, топлива и городских жителей.

Забвение публичных терм означало не просто исчезновение больших и дорогостоящих исторических зданий, украшенных статуями и мозаиками, - оно ознаменовало гибель образа жизни, свойственного городам Римской империи. Конечно, константинопольцы не перестали мыться - они ходили в скромные общественные бани наподобие хаммамов, которые посещают современные стамбульцы. Частных терм отныне не было даже у богатых вельмож - например, Феофания, первая жена василевса Льва VI, происходившая из знатной семьи, в молодости посещала публичные бани Константинополя.

Традиции монументального искусства исчезли. Старый помпезный город отчасти запечатлен только на древних фресках и мозаиках. В некогда пышной имперской столице даже реставрации проводились

посредственно: так, в 1106 году на форуме Константина рухнули статуя и капитель только что отреставрированной колонны. Надпись на колонне гласила: «О Христос, правитель и властитель мира, Тебе ныне и посвящаю сей подвластный Тебе город, и эти скипетры, и могущество Рима».

Крушение обелиска оказалось символично – василевсы не хотели и не могли восстановить былое величие империи. Город быстро менялся в худшую сторону. Забвению и разрушению подверглись не только гигантские термы, но и лежавший в руинах римский амфитеатр – с VIII века он стал местом казней. Преступникам отрубали головы, а трупы волокли по улице Меса и бросали в общую яму недалеко от форума Быка – там тела оставляли на съедение птицам и собакам. Животные буквально наводняли Константинополь: на форуме Феодосия продавали ягнят и свиней, которых привозили на кораблях в гавань Юлиана, что рядом с Ипподромом, – и гнали через полгорода по главной улице византийской столицы.

На главных константинопольских площадях развернулись хозяйственные рынки. На форуме Феодосия торговали сеном, на Амастрианской площади – ослиами и лошадьми, на форуме Тавра – рабами. По всей столице разливалось невыносимое зловоние – чтобы защититься от него императорскую резиденцию, перед входом в нее предписывалось продавать пряности и благовония. Сам Большой дворец обветшал. Василевсы бесхозяйственно относились к собственной резиденции, – и глупо было ожидать чего-то большего от иных правителей, оказавшихся в ее покоях. Последний хозяин Большого дворца, глава Латинской империи Балдуин II, нуждаясь в деньгах, продал дворцовую кровлю. Взяв Константинополь в 1453 году, османы dokonчили процесс разрушения, постепенно снеся все здания некогда роскошного архитектурного

комплекса. Единственную уцелевшую постройку – богато убранную церковь – по приказу Мехмеда II превратили в пороховой склад, который взорвался в 1490 году.

Кризис, охвативший византийскую столицу, носил системный характер. Константинополь неуклонно терял статус крупного торгового города. Большой порт Феодосия на побережье Мраморного моря был заброшен. Коммерческий трафик переместился из гавани Неорион в гавань Юлиана, и портовая вместимость заметно сократилась. На содержание порта Феодосия не хватало средств – он заносился песком, и византийцы (а потом и османы) разбили на его территории сады и огороды. Перенесение коммерческого порта связано с созданием в VII веке военно-морского флота – корабли должны были находиться в защищенной гавани, и Неорион отлично подходил для этой цели. В 698 году Юстиниан II приказал очистить его – и в результате на берег было выброшено столько грязи, что в Константинополе началась очередная эпидемия чумы. Несмотря на прилагаемые василевсом усилия, создание флота не могло спасти умирающую империю: коррумпированные чиновники продали весла и канаты с военных галер – и корабли просто не вышли в море.

Сокращение портовой вместимости отразилось на городском снабжении. Столица страдала от нехватки продуктов питания – в 618 году, перед взятием Александрии персами, поставки в Константинополь египетского зерна навсегда прекратились. Полис нуждался в новом источнике продовольствия – но его не было. Оскудевшая Фракия изнемогала от набегов аваров, Малую Азию грабили персы. Ситуация ухудшилась настолько, что в VII веке василевс Констант II хотел перенести столицу на Сицилию. В 715 году, готовясь к нападению арабов, Анастасий II велел

остаться в Константинополе лишь тем, кто имел запасы съестного на 3 года; прочие жители должны были покинуть город. Столица опустела. Государство прекратило снабжать константинопольцев продуктами – это говорит о катастрофическом обеднении и упадке. В 747 году на город обрушилась эпидемия чумы, после которой, по свидетельствам очевидцев, Константинополь напоминал пустыню. Во время арабской осады (717–718) голода не было – горожане на лодках переправлялись на азиатский берег Босфора и ловили там рыбу, чего им вполне хватало; это говорит о малочисленности населения.

Чума 747 года весьма показательна, особенно по сравнению с чумой 542 года. В VI веке сперва были заполнены все внешние кладбища Константинополя, а затем – перекопаны близлежащие к нему территории. Наконец, трупы стали свозить в Галатскую башню на противоположном берегу Золотого Рога. Таким образом, несмотря на огромное количество жертв – 200 тыс. человек (две трети населения) – константинопольцы соблюдали древние законы и обычаи, запрещавшие хоронить мертвых внутри города. Напротив, в 747 году сначала были заполнены все места на кладбищах в столице и пригородах. Потом трупы сваливали в пустые цистерны и ямы – или без каких-либо церемоний закапывали в садах и виноградниках в пределах Феодосиевых стен.

Исчезла античная культура погребения, была забыта традиция сооружать надгробия для простых людей. Лев VI отменил закон, запрещавший хоронить покойников в черте города, – василевс уже не понимал смысла этого предписания и потому считал его абсурдным. Вообще начиная с VIII века константинопольцы перестали понимать назначение не только правил и ритуалов, но и построек, совершенно банальных для античности. Статуи, арки, надписи – все

это отныне считалось источником магической силы. Старые памятники внушали страх: византийцы полагали, что их невозможно было создать, не прибегая к колдовству. Константинополь скудел, нищал и деградировал – как внешне, так и духовно.

Территориальные изменения, затронувшие государство, также вызывали серьезные опасения. Были утрачены плодородные восточные провинции: Сирия, Палестина и Египет. В 697 году арабы вторглись в Карфаген и положили конец византийскому владычеству, длившемуся с 534 года, когда город был завоеван Велизарием – полководцем Юстиниана I. Больше всего территорий оставалось у Византии в Малой Азии: ее земли тянулись от Босфора до Таврских гор. Крит все еще находился под властью Константинополя, но Кипр по договору 686 года являлся совместным владением византийцев и Арабского халифата. На Балканах империя сохранила за собой только несколько укрепленных анклавов (прибрежные города Фессалоники, Афины, Патры и Монемвасию) – все остальное заняли славяне. Византия также лишилась своих итальянских земель: в 751 году лангобарды взяли Равенну, ограничив византийское владычество на юге Италии. С утратой западных территорий использование в Константинополе латыни утратило смысл, и официальным языком остался только греческий.

При императорах Македонской династии, а затем при Комнинах и Палеологах ситуация несколько изменилась. Городские летописи сохранили свидетельства о голоде и повышении цен – значит, столичное население увеличилось. В XI веке при Василии II Болгаробойце и Романе III Аргире была налажена система водоснабжения – реставрация длилась почти 100 лет и завершилась только в XII веке при Мануиле и Андронике Комнинах, которые

обнаружили новый источник воды в Белградском лесу. По сообщению средневекового французского хрониста Гийома Тирского, «от правления Мануила, возлюбленного Богом, латиняне обрели большую пользу». Никита Хониат, давший нелестную характеристику Андронику, поведал, что распутный василевс «возобновил, употребив на то огромные суммы, старый подземный водопровод».

Ситуация постепенно налаживалась, и к приходу крестоносцев в 1204 году Константинополь снова был большим городом. Однако пожар 1203 года и почти 60 лет иноземного господства вернули византийскую столицу в плачевное состояние. Латинская империя рухнула в 1261 году, и константинопольцы торжествовали. Основатель династии Палеологов Михаил VIII заявил: «Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромеев, бывшая под латинянами, сделалась, по Божию соизволению, снова под ромеями, – это дал им Бог чрез нас».

Несмотря на ликование византийцев и их веру в грядущее процветание, Палеологи не сумели превратить свою столицу в центр мира. Испанский путешественник Перо Тафур, посетивший Константинополь вскоре после крушения Латинской империи, утверждал, что город чрезвычайно грязен, его жители плохо одеты и порочны, а императорский дворец заброшен – за исключением ничтожной части, где ютится василевс с семьей. Звучит странно и страшно, но только османы могли спасти Константинополь как город и микрокосм. Этому посвящено стихотворение греческого поэта Константиноса Кавафиса:

Зачем на площади сошлись сегодня горожане?
Сегодня варвары сюда придут.
Так что ж бездействует сенат, закрыто

заседанье,
сенаторы безмолвствуют, не издают законов?
Ведь варвары сегодня прибывают.
Зачем законы издавать сенаторам?
Прибудут варвары, у них свои законы.

Последние строки стихотворения выражают недоумение и отчаяние:

Спустилась ночь, а варвары не прибыли.
А с государственных границ нам донесли,
что их и вовсе нет уже в природе.
И что же делать нам теперь без варваров?
Ведь это был бы хоть какой-то выход.

Варвары прибыли. Восточная Римская империя выставила против отборной армии Мехмеда II всего 9 тыс. (по другим данным – 7 тыс.) мужчин, включая рядовых горожан и монахов. Под султанскими знаменами собралось около 80 тыс. регулярных войск (в т. ч. 12 тыс. янычар) и порядка 20 тыс. нерегулярных вооруженных отрядов – башибузуков^[50]. Для Средневековья это было невообразимое, грандиозное войско – в одной из константинопольских летописей говорилось, что османы «бесчисленные, как звезды».

Византия не могла оказать Мехмеду II должного сопротивления. Ее защитники дрались мужественно – они стояли насмерть, но этого было недостаточно. Турки, подобно диким зверям, почуяли кровь, славу и победу. Вероятно, в эти тревожные мгновения, определившие дальнейший ход мировой истории, император Константин XI вспомнил слова древнегреческого географа Павсания: «Никто из тех,

кто посвятил себя без остатка делам своей страны и уповал на свой народ, не окончил свои дни хорошо».

Штурм Константинополя, который Гиббон назвал «торжеством варварства и религии», оказался не просто взятием имперской столицы. Это было столкновение старого и нового, прошлого и будущего, христианства и ислама. Два мира, две культуры сошлись в смертельной схватке у Феодосиевых стен. В оврагах, где сейчас растет трава, лежали тысячи мертвых тел. Вместо птичьего щебета грохотали пушки, лязгали сабли и кричали раненые. Кровь лилась по улицам города Константина Великого, и старые укрепления, некогда испугавшие самого Аттилу, уже не могли никого сберечь от неминуемой гибели.

Когда 21-летний Мехмед II на белом коне триумфально въезжал в захваченную столицу, чудом уцелевшие тимариоты^[51] достали из-под горы трупов тело Константина XI Палеолога – изувеченное и обезображенное настолько, что его удалось опознать только по застежкам на пурпурных сапогах. Узнав о захвате Константинополя, василевс воскликнул: «Город пал, а я еще жив!» Затем он сорвал с себя знаки императорского достоинства, бросился в бой и был убит. Мортон говорит, что Мехмед II велел выставить голову Константина на порфировой колонне перед императорским дворцом. Когда все узнали, что правитель Византии убит, тело похоронили по обряду греческой церкви – и сам султан заплатил за масло в лампадах над гробом.

Эта версия драматична, но не бесспорна. Британский византинист Стивен Рансимен напоминает, что судьба последнего василевса осталась неизвестной – Мехмеду принесли чью-то голову, которую пленные византийские вельможи опознали как принадлежавшую их господину. Мехмед приказал водрузить голову на

колонну, стоявшую на форуме Августа, а затем забальзамировать ее и послать для обозрения ко дворам владык мусульманского мира.

Для христиан Позднего Средневековья взятие османами Константинополя стало настоящим шоком. Кривая турецкая сабля рассекла двуглавого византийского орла - и европейцы впервые почувствовали себя отрезанными от древних римлян, прародителей их цивилизации. Афинский мыслитель XV века Лаоник Халкокондил сравнивает завоевание Константинополя с падением Трои - и считает, что Бог покарал греков (византийцев) за разрушенный ими в древности город. По словам Рансимена, новость с берегов Босфора потрясла христианский мир - ибо никто не ожидал падения Константинополя. Люди знали, что город в опасности, - но не понимали, насколько близкой она была. Несчастье, постигшее византийскую столицу, стало эпохальным событием, о котором на берегах Черного и Средиземного морей сложено немало песен. Одну из них - «Рыбы Константинополя» - долго пели в Греции:

В Константинополе монах на кухне жарил рыбу.
Вдруг тихий голос прозвучал - с небес
слетевший голос:

«Беги, монах, беги скорей, сейчас ворвутся
турки!»

Он отвечал: «Воистину, когда взлетят, как
птицы, эти рыбы —

Тогда лишь в город наш святой ворвутся злые
турки».

Вдруг рыбы ожили - и вмиг взлетели, словно
птицы,

И в город ворвался султан, и пал
Константинополь...

Так родилась легенда о появлении рыбки-султанки (барабульки). По слухам, сюжет песни основан на реальном случае, имевшем место в греческом монастыре Богоматери; турки называют его Балыклы (тур. balıklı - рыбный). Монастырь находится в стамбульском ильче Зейтинбурну и знаменит животворным источником, в который, по одной из версий легенды, упали султанки. По мнению стамбульцев, внешний вид барабульки подтверждает достоверность предания: оранжевые бока делают живую рыбку похожей на жареную. Переливаясь золотом в морской воде, султанки призваны напоминать людям о великом событии - взятии Константинополя войсками Мехмеда II.

Конец одного - всегда начало чего-то другого, и конец Византии не стал исключением. Османы сделали Константинополь центром своей империи. Феодосиевы стены отремонтировали и превратили в Едикуле. На территории крепости построили янычарские казармы и мечеть. Размеры ее минарета совпадают с размерами гигантской кулеврины - легендарной пушки, о которой писал Готье. На самом деле это была огромная бронзовая бомбарда длиной от 8 до 12 м и весом 32 т; дальность выстрела составляла 2 км, диаметр ядер - 90 см. На перезарядку требовался час. Пушку тянули 60 быков; чтобы соорудить для нее деревянные подмости, требовалось 50 плотников. Смертоносное орудие называлось «Базилика». Его создал по заказу Мехмеда II венгерский мастер Урбан.

Жизнь «Базилики» оказалась короткой, но яркой. В 1453 году османы осаждали Константинополь 2 месяца - со 2 апреля по 29 мая. На второй день артиллерийского обстрела ствол пушки дал трещину. Разрушая столицу Византийской империи, бомбарда разрушала сама себя. В итоге она раскололась от собственной отдачи - но успела 29 мая пробить роковую

брешь в Феодосиевых стенах, и в Константинополь ворвались янычары. Это произошло на участке между Харисийскими воротами и воротами Святого Романа, возле которых погиб Константин XI. В память о «Базилике» османы построили на территории захваченной крепости вышеупомянутую мечеть. Пролом в стене от ядра бомбарды, через который янычары проникли в город, назвали Топкапы – Пушечные ворота. Этим объясняется наличие в Стамбуле автобусной остановки «Топкапы» и одноименного парка, которые не имеют отношения к султанскому дворцу. В парке находится один из самых интересных музеев Турции – Панорама 1453, освещающая подготовку и проведение финального штурма Константинополя.

Некоторые авторы утверждают, что Константинополь пал по роковой случайности – якобы во всем виновата незапертая калитка в крепостной стене. Австрийский писатель Стефан Цвейг рисует красочную, но неправдоподобную картину взятия византийской столицы. Через одну из многочисленных брешей, пробитых во внешней стене, проникли несколько турок. Боясь идти дальше, они бродили между первой и второй городскими стенами – пока не заметили, что небольшие ворота (керкапорта) по недосмотру остались отпертыми. Керкапорта – это калитка, предназначенная для пешеходов, когда главные ворота закрыты. Именно потому, что данная калитка не имела стратегического значения, константинопольцы забыли о ней, – и янычары, к своему изумлению, увидели гостеприимно распахнутую дверь. Сначала османы подозревали военную хитрость, ибо им казалось абсурдом, что керкапорта, ведущая к центру города, открыта – тогда как перед каждой брешью лежат горы трупов, осажденные мечут в осаждающих дротики и льют на них горячее масло. На всякий случай янычары вызвали подкрепление и напали с тыла на

защитников наружных стен. Увидев османов, несколько византийцев подняли крик, рождающий ложные слухи: «Город взят!» И турки, ликуя, всё громче повторяли: «Город взят!»...

Версия Цвейга не имеет исторического подтверждения. Известно только, что, когда в Константинополь ворвались турки, над Едикуле взвилось кроваво-красное османское знамя - его водрузил янычар Хасан Улубатлы. По легенде, лишь три десятка стрел, пронзившие его исполинское тело, остановили могучего воина. Подвиг Хасана описал Георгий Сфрандзи - последний византийский историк и хронист штурма.

После захвата Константинополя османами город изменился, и Едикуле выполняла функции не только крепости. В ее башнях султаны хранили архив и казну, а также держали важных пленников (в первую очередь - капитанов потопленных судов) и политических заложников - представителей государств, на тот момент воевавших с Портой. Первая башня по левую сторону от входа называлась Башней послов - ее узниками побывали французский дипломат Франсуа Пуквиль и его русские коллеги: Петр Толстой, Петр Шафиров, Михаил Шереметев, Алексей Обресков и Яков Булгаков. Перед заключением в Едикуле иностранцев объявляли мусафирами - гостями Османской империи. Затем их препровождали в Семибашенный замок, где содержали с исключительной вежливостью и позволяли переписываться со своими правительствами.

На врагов султана подобный церемониал не распространялся. Крепость Едикуле была тюрьмой, казни в ней начались 1 ноября 1463 года. Первыми жертвами стали Давид, глава Трапезундской империи, и его сыновья. Смерть Давида означала гибель Византии как таковой - он был последним монархом из старинного рода Комнинов. Обезглавленные тела

бросили собакам. Когда императрица Елена попыталась похоронить мужа и детей, ее оштрафовали.

В Едикуле казнили немало опальных визирей; так, в 1474 году в мрачных казематах цитадели провел свои последние дни Махмуд-паша Ангелович – первый серб в истории Порты, занявший пост великого визиря. 20 мая 1622 года во время янычарского бунта в камере южного пилона Золотых ворот задушили 17-летнего Османа II. На следующий день в этой же камере палач набросил шелковый шнурок на шею великого визиря Кары Давута-паши, организовавшего убийство молодого султана. В 1714 году в Едикуле казнили господаря Валахии Константина Брынковяну и его сыновей; их отрубленные головы торжественно пронесли по улицам Константинополя. 2 июля 1633 года пролилась кровь еще одного титулованного узника – господаря Молдавского княжества Мирона Барновского-Могилы (султан Мурад IV заподозрил его в государственной измене и связях с поляками). Таким образом, Семибашенный замок представлял собой ближневосточный аналог Бастилии или Тауэра.

Несмотря на мрачную репутацию, с Едикуле связана довольно забавная история. Летом 1709 года, потерпев поражение под Полтавой, шведский король Карл XII бежал в Османскую империю – сначала в Бендеры, а в 1712 году – в Стамбул. Там он прожил почти год, пытаясь убедить Ахмеда III стать его союзником. Европейские державы предлагали падишаху выдать им Карла, но османы отказались от экстрадиции шведского монарха – даже янычары восхищались его упорством и дали королю прозвище «Железная башка» («Demirbaş»).

Изнывая от скуки, Карл XII играл в шахматы и изучал кораблестроение. Он зарисовывал турецкие суда и копировал их имена, написанные арабской вязью. Сохранились страницы блокнота Карла с названиями кораблей «Yıldırım» («Молния») и «Yaramaz»

(«Непослушный»). В 1713 году, вернувшись в Швецию, король прикажет создать два фрегата по образцу турецких и назовет их «Jilderim» и «Jarramas». Оба названия приживутся в шведском флоте.

Также в Стамбуле Карл XII увлекся археологией и даже привез из Египта настоящую мумию. Суеверные горожане запаниковали – они утверждали, что мумия принесет им несчастье. Описывая ужас, охвативший Лондон накануне прибытия корабля с гробом Дракулы, Брэм Стокер взял за основу слухи и легенды Стамбула. Как только мумия оказалась в османской столице, ее конфисковали и, будто опасного преступника, отправили в Семибашенный замок.

По другой версии, османы приняли мумию за императора Константина XI Палеолога. Их опасения имели основание – константинопольские христиане верили, что василевс не погиб в 1453 году и что ангел превратил его в статую, которая когда-нибудь вернется в свой город и оживет. На всякий случай мумию заперли в одной из камер Посольской башни. В 1799 году к ней подселили французского дипломата Франсуа Пуквиля – по освобождению он увез с собой голову мумии в качестве памятного сувенира.

Для стамбульцев было характерно особое отношение к статуям Едикуле, и здесь городские суеверия оказались удивительно живучими. Так, в 1620-х годах английские аристократы – Генри Говард, граф Суррей, и Джордж Вильерс, герцог Бэкингемский (которого Дюма сделал героем романа «Три мушкетера»), – попросили посла Великобритании в Стамбуле, сэра Томаса Роэ, достать для них несколько скульптур с триумфальной арки Феодосия. Роэ подкупил султанского казначея, и тот предоставил дипломату солдат – но поручение не удалось выполнить. Когда солдаты начали снимать с арки статуи, местные жители едва не подняли восстание.

Возмущенные турки кричали, что скульптуры нельзя трогать. Это поверье уходит своими корнями в византийскую легенду, согласно которой статуи заговорил колдун Аполлоний Тианский – и, если с ними что-то случится, в Константинополь придет беда.

К тому времени в османской столице еще сохранились старинные памятники, с судьбой которых константинопольцы (а потом и стамбульцы) связывали судьбу империи. По античной традиции такие памятники были украшены барельефами, созданными по мотивам исторических и мифологических сюжетов. Утратив изначальную мысль, которую вложили в памятники их создатели, горожане, благоговевшие к древности, придали им мистическое значение. В Константинополе множились легенды о том, что якобы та или иная колонна либо статуя была воздвигнута ради охранения столицы от врагов и несчастий. Османы, уничтожившие Византию, унаследовали ее суеверия и страхи.

Думая обо всем этом, я сидела на крепостной стене Едикуле и смотрела на Мраморное море – туда, где сейчас корабли ожидают разрешения на проход по Босфору и где 600 лет назад стоял грозный османский флот. В последние дни мая 1453 года византийцы напряженно вглядывались в бескрайние морские просторы, несущие им смерть и забвение.

Потеряв своих защитников, Константинополь, будто феникс, рухнул, сгорел и восстал из пепла. Едикуле, его главная политическая тюрьма, вместе со всем городом пережила расцвет и запустение. Кровь казненных, пролившаяся на внутреннем дворе крепости, давно высохла. Поколения узников оставляли на стенах цитадели памятные надписи, но они стирались от ветров и дождей – только несколько сохранившихся граффити датируются XVII веком.

Со временем Семибашенный замок превратился в туристический объект. Его посещает не так много людей, но общее впечатление от мрачной цитадели сложно испортить. Ее предназначение запечатлено на табличке перед входом: «Yedikule Zindanları». Не «hisari» («крепость»), а «zindanları» – зиндан; не страж города, а темница. Это отражено и в названии известной песни блатного исполнителя Вангелиса Папазоглу – «Тюрьма Едикуле» («Yedikule Zindanları»):

Кто-то стукнул на меня —
И я пять лет провел в тюрьме.
В мире нет темницы хуже,
Чем тюрьма Едикуле.

Задымился мой кальян,
В голове стоит туман.
Иstanbul – хороший город,
Только стражник злой, аман!^[52]

История стамбульских крепостей неразрывно связана с подготовкой штурма Константинополя. Турки бредили взятием византийской столицы – с 1391 по 1453 год они провели 4 осады христианского города, и лишь последняя завершилась для них удачей. Константинополь не давал покоя роду Османов. Страстное желание турок овладеть им имеет гораздо более древний и судьбоносный характер, нежели принято считать, – об этом подробно рассказывает итальянский медиевист Франко Кардини.

В эпосе тюркских народов доминируют два мифологических архетипа: легендарный родоначальник – волк и прообраз счастья – яблоко; в их сказках часто упоминается легендарный город Кызыл-Алма (Красное Яблоко). На протяжении столетий кочевники

Центральной Азии замечали его сияние сквозь вихри песчаных и снежных бурь на бескрайних землях между Каспийским морем, пустыней Гоби и хребтами Тянь-Шаня. Память о сокровенных мечтаниях сохранилась в названии «Алма-Ата» («Яблоко-Отец»). Город Красного Яблока описывался в сказаниях как огромный золотой купол. Для османов им был сначала купол Святой Софии в Константинополе; затем – Аль-Аксы в Иерусалиме, потом – Буды, столицы Венгерского королевства; далее – Вены, увиденной турками дважды, в XVI и XVII веках; и, наконец, – Рима. В погоне за Красным Яблоком османы дошли до Византии – они намеревались завладеть золотым куполом Святой Софии, отражавшимся в туманных водах Босфора.

Тут же, в сердце Константинополя, – на площади Августеон, между главным городским собором и Большим дворцом, – возвышалась гигантская триумфальная колонна, увенчанная конной статуей Юстиниана Великого. Сегодня ее могучее основание можно увидеть слева от Айя-Софии, если встать к собору лицом. Прокопий Кесарийский находит колонну Юстиниана изумительной и с любовью рассказывает о ней в трактате «О постройках». Прокопий говорит о громадной статуе императора, одетого подобно Ахиллесу, – и доспехи его были подобны доспехам героя. Шлем, покрывавший голову Юстиниана, ослепительно сверкал. В левой руке василевс держал земной шар. Ваятель хотел продемонстрировать, что земля и море подчиняются византийскому правителю – «хотя у него нет ни меча, ни копья, ни какого-либо иного оружия, за исключением того, что на шаре стоит крест: лишь с его помощью он приобрел свое царство и военное превосходство». Именно увенчанный крестом земной шар в руке Юстиниана османы отождествляли с заветным Красным Яблоком, именно за ним они шли в Константинополь. Шар содержал в себе всю славу

христианской империи и возможность безраздельной власти над миром.

Блистательная Порта начиналась со сновидения основателя султанской династии – Османа I Гази (1258–1326). По легенде, однажды он гостил у знаменитого праведника, шейха Эдебали. Готовясь ко сну, Осман увидел на полке Коран – и, исполнившись благоговения, начал читать священную книгу. Он читал без остановки в течение шести с половиной часов и к утру задремал.

Во сне Осман увидел себя рядом с Эдебали, на груди которого появился полумесяц. Полумесяц перешел на грудь Османа – а затем стал полной луной. Из пупка Османа пробился росток, быстро превратившийся в прекрасную чинару. Тень от ее ветвей накрыла весь мир, люди из разных стран собирались под сенью гигантского дерева. Под кроной чинары Осман увидел четыре горные цепи – это были Кавказские, Атласские, Торосские (Таврские) и Балканские горы. Из-под корней вытекали четыре великие реки – Тигр, Евфрат, Нил и Дунай, по ним шли корабли. На полях колосилась пшеница, холмы покрывались лесами, в солнечных долинах под голубым небом строились города. Муэдзины читали азан с минаретов, на верхушках которых сверкали золотые полумесяцы.

Вдруг листья гигантской чинары вытянулись и приобрели форму мечей. Поднялся сильный ветер – и листья-мечи указали в сторону Константинополя. Город, походивший на великолепный алмаз, раскинулся на изумрудно-зеленых берегах меж двух бирюзовых морей. Константинополь казался драгоценным камнем в перстне – и его оправой была страна, будто охватывающая всю землю. Осман надел этот перстень и проснулся. Утром он поведал свой сон Эдебали. Достопочтенный шейх, подумав, произнес: «О сын мой! Тебя ждет благая весть! Полумесяц, вышедший у меня

из груди, есть дочь моя, Малхун Хатун, и кольцо означает вашу скорую свадьбу. Что касается дерева – ты станешь основателем великого государства и будешь мудро править своим народом. Всевышний возложит на тебя и твой род миссию возвысить ислам».

Легенда гласит, что за каждый час чтения Корана в ту ночь Аллах даровал Осману Гази и его потомкам один век могущества государства, которое впоследствии основал Осман. Высокая Порта просуществовала 623 года – и достижение османами могущества было невозможно без взятия великолепного Константинополя, который, как писал греческий философ XV века Георгий Трапезундский, будучи центром империи ромеев, «также повелевает всей землей».

Впервые османское войско появилось у стен византийской столицы в 1340 году. Им командовал внук Османа Гази – Мурад I. Впрочем, до боевых действий не дошло: Мурад испугался реакции христианской Европы и отступил. Сын Мурада I, Баязид I Йылдырым (Молниеносный), отважился на первую осаду Константинополя. Готовясь к ней, султан в 1391 году отбил Йорос у генуэзцев, что позволило ему контролировать азиатское побережье Босфора. В 1393 году османы построили в самом узком месте пролива небольшую Анатолийскую крепость – Анадолухисари. После падения Константинополя Мехмед II отремонтировал Анадолухисари, и цитадель долгое время была складом и тюрьмой. Сегодня она сильно разрушена и закрыта для посещений. Анатолийская крепость является старейшим османским сооружением Стамбула. Ее руины едва видны с европейского берега Босфора – особенно летом, когда стены и башни утопают в зелени. Кажется, сама природа стремится загладить следы первой осады Константинополя,

организованной Баязидом I через год после постройки Анадолухисари, – в 1394 году.

Поводом для начала осады послужил отказ Мануила II Палеолога впустить в город кади (исламского судью) для рассмотрения споров между константинопольскими мусульманами. Разгневанный Баязид осадил византийскую столицу с суши – и тогда Мануил вынужденно согласился с учреждением в Константинополе шариатского суда. Также императору пришлось отдать мусульманам целый квартал на одном берегу Золотого Рога – и половину Галаты на другом берегу; причем в Галате разместился османский гарнизон численностью 6 тыс. человек. Кроме того, турки увеличили дань, взимаемую с византийской столицы, и ввели налог на виноградники и огороды, раскинувшиеся за Феодосиевыми стенами. С этого момента они стали именовать Константинополь Стамбулом. Слово «Стамбул» представляло собой турецкое искажение греческого «eis tin poli» (εις την Πόλη – к городу).

У османов еще не было сильного флота, и они не могли помешать генуэзским и венецианским кораблям привозить в город продовольствие. Однако турки сжимали византийскую территорию, пока у империи не остался один Константинополь. Осада продолжалась 8 лет, в течение которых османы уничтожили все окрестные деревни до самых Феодосиевых стен. Константинопольцы не могли ни войти в город, ни покинуть его. Некоторые бежали тайно – опасаясь, что, несмотря на регулярно выплачиваемую дань, враги скоро войдут в столицу и разграбят ее.

Мануил II напрасно надеялся на поддержку рыцарства. Средневековый армянский поэт Абраам Анкюраци в поэме «Плач на взятие Константинополя» даже обвинил европейцев в том, что они пытались принудить василевса к догматическим уступкам:

А царь Стамбула
Совсем был бессилён,
К франкам он обратился,
Чтоб на помощь поспешили.
Но безжалостные латиняне
Непристойное захотели взамен:
«Обратись в нашу веру,
Предоставь нам твой город».

Военная мощь османов представляла главную угрозу всему христианскому миру. С тех пор как турки впервые переправились через Босфор и Дарданеллы, они одерживали одну победу за другой, все глубже проникая в Юго-Восточную Европу. В 1389 году на Косовом поле были разбиты сербы и их балканские союзники. В 1396 году крестовый поход закончился поражением от Баязида I в решающей битве при Никополе на Дунае. Множество франкских рыцарей попало в плен – и султан, кичась перед мусульманским миром своим триумфом, выставлял их напоказ даже в Афганистане.

Битва при Никополе 25 сентября 1396 года имела особое значение для европейской истории. Баязид I не просто разгромил объединенные силы венгров, французов, венецианцев и госпитальеров – он за 3 часа уничтожил многотысячную армию коалиции христианских государств; причем исход сражения стал очевиден еще до того, как венгерский король Сигизмунд I смог ввести в бой собственное войско. По итогам сражения турки окончательно закрепились на Балканах, и Болгария стала провинцией Порты вплоть до 1878 года.

Владения Баязида I ширились. Турецкая армия слыла не ведающей поражений. После победы под Никополем султан пообещал венецианским и

генуэзским послам накормить своего коня овсом на алтаре собора Святого Петра в Риме. По словам английского историка Джастина Мароцци, в 1490-х годах только Византия удерживала Баязида от полномасштабного вторжения в Европу. Она была последним рубежом на пути мусульманских орд - и доживала последние дни, задыхаясь в турецких тисках. В 1399 году василевс Мануил II бежал из Константинополя, передав бразды правления своему племяннику Иоанну. Генуэзцы безуспешно пытались снять осаду с города. Казалось, Византия вот-вот рухнет под мечом ислама - и тогда погибнет весь христианский мир, ослабленный недавними победами османов. Собственно, после падения Сербии (1389) и Болгарии (1393) Баязид получил прозвище «Йылдырым» («Молниеносный») - он заслужил его за скорость, с которой перебрасывал войска с востока на запад и обратно. Далее воодушевленный султан набросился на Венгрию. Турецкое наступление на Запад следовало остановить прежде, чем полумесяц воссияет над континентом.

Крушение византийской столицы было неминуемо - но ее внезапно спас эмир Тимур, или Тамерлан - великий полководец из Средней Азии. 20 июля 1402 года Железный Хромец разбил османов в сражении при Ангоре (Анкаре) - в районе современного аэропорта Эсенбога - и взял в плен султана. Кинросс отмечает, что Тимур сперва воздал Баязиду почести как суверену, но затем стал унижать его как пленника. Сохранилось множество легенд о том, как Железный Хромец обращался с Баязидом. По слухам, султана держали в цепях, и он служил эмиру подставкой для ног. Страдания надломили дух Баязида: спустя 8 месяцев он то ли скончался от апоплексического удара, то ли совершил самоубийство.

Разгром армии Баязида с его последующим пленением и смертью оказался на руку Константинополю – в 1402 году с города наконец-то сняли 8-летнюю осаду. Столица Византии даже перестала выплачивать османам дань. По словам немецкого историка Нагеля Тильмана, поражение при Ангоре больно ударило по Порте. Одним махом было уничтожено дело всей жизни Баязида, и султаны лишились большинства анатолийских владений, завоеванных ранее. Османскую империю поразил острый кризис, из которого ее вывел только Мехмед II, – и на полвека лет турки могли забыть о штурме Константинополя. Византийцы же, наоборот, торжествовали. Мануил II посетил важные европейские дворы, дабы вымолить поддержку против османов. Тимур известил Константинополь, что согласен принимать дань, которую византийцы платили Баязиду. В 1403 году Византия заключила с Портой договор – единственный документ, регулировавший отношения между этими государствами.

В начале XV века Османская империя переживала не лучшие времена. Сокрушительное поражение при Ангоре и гибель Баязида привели к периоду междуцарствия. С 1402 по 1413 год Порта не имела единого правителя – за трон лихорадочно боролись пять сыновей Молниеносного. Анализируя эти события, Никколо Макиавелли писал в трактате «Государь»: «Если победа над султаном одержана и войско его наголову разбито в открытом бою, завоевателю некого более опасаться, кроме разве кровной родни султана. Если же и эта истреблена, то можно никого не бояться...»

Принцип «разделяй и властвуй» работал безотказно. В качестве нового султана утвердился Мехмед, но братья отказались признать его власть. Старший, Сулейман Челеби, управлял Румелией (Северной

Грецией, Македонией, Болгарией и Фракией). Иса господствовал в Бурсе. Мехмед контролировал Анатолию – центральную часть современной Турции. Данный порядок установил Тимур – эмиру была выгодна раздробленность Порты. Османская империя напоминала оглушенного и растерянного человека: ее раздирали внутренние противоречия, она теряла захваченные земли и не могла наполнить казну.

В этих условиях Сулейман Челеби решил заручиться поддержкой Мануила II Палеолога в борьбе за османский престол. В 1403 году Сулейман и регент Иоанн VII Палеолог заключили в Гелиболу вышеупомянутое соглашение. Подписав его, Сулейман объявил себя новым султаном и с удвоенной силой вступил в кровопролитные сражения с родственниками. Падение Константинополя было отсрочено на несколько десятилетий.

Несмотря на слабость противника, христианские государства не сумели укрепить свои позиции. Византийская империя, Болгарское царство и Сербское королевство потратили драгоценное время на междоусобные войны – и вскоре османы продемонстрировали, что они по-прежнему грозны и опасны. В 1411 году началась вторая осада Константинополя. Ей руководил Муса, убивший Сулеймана и занявший султанский престол. Новый правитель Порты объявил войну союзникам своего предшественника – в том числе Мануилу II Палеологу – и осадил Константинополь. Василевс обратился за помощью к Мехмеду, и Муса отступил. Братья вступили в открытое противоборство. Победил Мехмед.

Итак, Мехмед I подтвердил свое право на трон и передал мечту о взятии Константинополя сыну Мураду II. По мнению Стоуна, за 10-летний период междуцарствия османское государство вполне могло стать европейским. Сулейман Челеби сотрудничал с

Византией, Венецией и рыцарями-госпитальерами – иными словами, вращался в мире Ренессанса и зарождающегося капитализма. В случае его победы Турция стала бы на европейский путь развития. Но история Турции – это победа Анатолии. Мехмед, правивший там, одержал верх – и отбросил страну назад; его преемник Мурад II вновь запустил османскую военную машину – самую мощную в Европе.

Мечты османов о Константинополе каждый раз становились всё реальнее. Их исполнение напрямую зависело от уровня развития турецкого государства и его армии. Если Осман Гази, его сын Орхан и его внук Мурад I лишь грезили о том, чтобы въехать в поверженную византийскую столицу, то их потомок, Баязид I, 8 лет стоял под ее стенами. Цель захватить Константинополь передавалась у султанов от отца к сыну – и в 1422 году настала очередь Мурада II.

Мурад II, в отличие от своих предков, не нуждался в благовидном предлоге для очередной попытки взятия Константинополя – хотя такой предлог, безусловно, имелся. В 1422 году Мануила II Палеолога парализовало, и он передал трон своему сыну Иоанну VIII Палеологу. Иоанн не обладал опытом и мудростью отца; в разгоревшейся после смерти Мехмеда I борьбе за османский престол он поддерживал не Мурада, а его брата и главного соперника Мустафу. Неудивительно, что, став султаном, Мурад II первым делом собрал огромную армию и двинулся на берега Босфора.

В 1422 году Византия представляла собой жалкое зрелище. Фактически она ограничивалась обедневшим Константинополем и прилегающими к нему территориями. В течение столетий Восточная Римская империя уменьшалась, подобно шагреновой коже. Каждый день приближал гибель государства, в лучшие времена охватывавшего все Средиземноморье – от Италии до Туниса. Подобному катастрофическому

положению способствовала недальновидная политика василевсов.

Византийские императоры стремились лишь сократить ущерб от нашествий. Спасая Константинополь, они откупались от варваров золотом и щедро расточали варварским правителям титулы патрициев и консулов.

Старейшая карта Константинополя (она же – единственная сохранившаяся его карта до захвата османами в 1453 году) датируется 1422 годом. На ней некогда процветающий город изображен в пределах старых, но по-прежнему мощных Феодосиевых стен. Ранее столица вместе с окраинными поселениями занимала фантастическую для Средневековья площадь – около 250 км²; но теперь полис сжался, будто ожидая удар. Карту составил флорентийский монах Кристофоро Буондельмонти. Он беспрепятственно путешествовал по Средиземноморью и Османской империи, ибо сам Мурад II гарантировал ему безопасность. Позже Буондельмонти будет преподавать сыну Мурада, Мехмеду II, историю Древней Греции и Древнего Рима. Будучи просветителем и гуманистом до мозга костей, он по иронии судьбы станет воспитателем Фатиха – грозного завоевателя, уничтожившего последние следы греческого и римского величия на берегах Босфора. Летом 1422 года флорентиец находился в турецком военном лагере и с ужасом наблюдал, как османы штурмуют ослабевшую византийскую столицу. А посмотреть было на что.

15 июня 1422 года Мурад II приказал 10-тысячной османской коннице перекрыть все дороги, ведущие в Константинополь, – и впервые в истории обстрелял город из артиллерийских орудий. Спустя 3 месяца турки сняли осаду. Византийская столица в очередной раз выдержала неистовый напор врага, но победа была так

зыбка, что современники посчитали ее чудесным избавлением, дарованным Богородицей – небесной покровительницей Константинополя.

Мурад II отозвал солдат от стен Константинополя из-за мятежа, вспыхнувшего на юге Порты. Обрадованный Иоанн VIII поспешил заключить с султаном мирный договор, по которому обязывался снова платить османам дань и уступить им несколько городов во Фракии. Таким образом, и без того небольшая территория Византии опять сократилась. Столица повторяла судьбу Мануила II Палеолога – она слабела и умирала вместе со своим немощным василевсом. Мануила не стало в 1425 году. Его государство исчезло всего через 28 лет после смерти парализованного императора. Пока что на востоке собирались грозные тучи: в 1451 году на османский престол взошел 17-летний Мехмед II.

Европейские государи считали молодого султана инфантильным и глупым, но Мехмед планировал захват Константинополя с 13 лет. Еще будучи ребенком, он твердо решил стать мусульманским Александром Македонским, завоевать весь мир и всячески способствовать распространению ислама. Разглядеть таланты юноши на заре его правления удалось весьма немногим иностранцам – но эти немногие крайне обеспокоились и насторожились.

Итальянский дипломат Джакомо де Лангуски оставил любопытное описание личности Фатиха. «Великий Турок Мехмед-бей» искусно владел оружием, имел устрашающий вид, редко смеялся, жаждал славы, проявлял храбрость и упорство во всех своих предприятиях. Ежедневно ему читали сочинения римских и иных историков. Султан внимательно изучал географию, обещая продвинуться с Востока на Запад. «Его сжигает желание господства... – свидетельствует

де Лангуски. – В мире, говорит он, должна быть только одна империя, одна вера и одна власть».

История Мехмеда считалась бы неполной без типично мусульманского мифотворчества. Разумеется, победа Фатиха над Византией была предопределена. 1432 – год его рождения – стал годом предзнаменований: поголовье османских лошадей резко увеличилось, деревья гнулись под тяжестью плодов, а в полуденном небе над Константинополем пронеслась длиннохвостая комета. Мехмед появился на свет 29 марта, когда его отец Мурад II читал Коран. Султан закончил 47-ю суру «Мухаммад» и приступил к 1-й суре «Аль-Фатиха» («Завоеватель») – но тут ему сообщили о рождении сына. Обрадованный Мурад воскликнул: «В саду ислама расцвел цветок по имени Мухаммед!»^[53]

Впрочем, шансы Мехмеда стать правителем Османской империи с самого начала были ничтожно малы. Мехмед являлся четвертым сыном Мурада II – к тому же, рожденным от наложницы. Несмотря на это, спустя 21 год он триумфально въехал в залитый кровью Константинополь и навеки изменил мировую историю.

Гибель Византии от рук османов определила отношения Востока и Запада минимум на следующие 600 лет. То, что для западного мира стало падением Константинополя, восточный мир назвал его завоеванием. Американский медиевист Нэнси Бисаха видит в противоборстве Порты и Восточной Римской империи отзвуки той эпохи, когда Рим подвергался варварским набегам; также в середине XV века «оформилось противостояние европейской цивилизованности и азиатского варварства». Британский историк Брендан Симмс называет 1453 год началом современной европейской геополитики.

Взятие Константинополя турками сопровождалось чудовищным кровопролитием, грабежами и осквернением церквей – что само по себе стало ужасной трагедией для Европы. Однако гибель Византии влекла за собой еще более опасные последствия. Приняв титул цезаря, Мехмед II перенес османскую столицу на берега Босфора. Отныне было лишь вопросом времени, как скоро турки вторгнутся в Центральную Европу, дабы заполучить территории Римской империи, установить господство на континенте и тем самым выполнить свою главную миссию – распространение ислама. По этой причине падение Константинополя ужаснуло христианский мир – даже Кристиан I, король далеких Дании и Норвегии, заявил, что «Великий Турок есть зверь, выходящий из моря, кой описан в Апокалипсисе».

Страх перед Портой объединял непримиримых врагов. Единственным вопросом, по которому мнения Мартина Лютера^[54] и папы римского Льва X совпали, была ненависть к османам. На Западе сложился карикатурный стереотип о турках – усы, тюрбан, кривая сабля, готовность резать. Турок превратился в общеевропейский образ антагониста – родители пугали им непослушных детей, а Шекспир в трагедии «Отелло» упоминал «злого турка в чалме».

Но все это будет после 1453 года. Пока же Мехмед II прекрасно понимал, что завоевание Константинополя станет эпохальным событием. Три предыдущие османские осады существенно ослабили город – и султан начал подготовку к его захвату. По легенде, Мехмед созвал визирей, расстелил перед ними ковер, положил в центр красное яблоко и спросил, как можно взять плод, не наступив на ковер. Визирь не смог дать правильный ответ – и тогда султан скатал ковер и забрал яблоко. Плод символизировал заветный

Константинополь – который, потеряв свои обширные владения, в итоге оказался в руках Фатиха.

В 1204 году византийская столица уже пала под ударами крестоносцев, и Мехмед II собирался повторить их опыт. Второе падение Константинополя должно было стать последним. Прежде всего, город надлежало отрезать от всего остального мира. В 1393 году османы возвели на азиатском берегу Босфора крепость Анадолухисари; но этого было недостаточно, чтобы установить полный контроль над проливом и лишить Константинополь снабжения по воде.

Согласно преданию, Мехмед обратился к Константину XI Палеологу с просьбой продать ему за солидную сумму маленький участок земли на европейском берегу Босфора – площадью не более, чем покроет шкура барана. Константин XI, нуждавшийся в деньгах, продал землю – и султан затеял строительство крепости Румелихисари в стратегически важном месте босфорского побережья. Узнав об обмане, василевс направил к Мехмеду послов – и те напомнили султану, что он купил лишь крошечный участок. Султан велел принести баранью шкуру и располосовал ее кинжалом на тонкие полоски. Этими полосками турки выложили периметр крепости. Когда все было готово, Мехмед заявил византийцам, что он не нарушил условия договора и взял ровно столько земли, сколько покрыла шкура барана.

Вероятно, это легенда; но весной 1452 года Мехмед II действительно решил перекрыть все подступы к Константинополю и приказал возвести на европейском берегу Босфора, прямо напротив Анадолухисари, еще одну крепость – Румелихисари. Ее строительство заняло всего 4,5 месяца и завершилось 31 августа 1452 года. Новая цитадель была огромной; по словам византийского хрониста Михаила Критовула, она походила на маленький город. Османы назвали

крепость «Богазкесен» (тур. boğazkesen – перерезающая пролив или перерезающая горло), но более известно другое ее наименование – Румелихисари (тур. Rumeli hisari – румельский (европейский) замок).

«Способность Мехмеда координировать проекты исключительных масштабов и выполнять их в кратчайшие сроки непрестанно изумляла его противников», – отмечает английский историк Роджер Кроули. Над возведением Румелихисари, не покладая рук, трудились 800 каменщиков и 1,5 тыс. разнорабочих. Необходимые материалы ежедневно подвозили 200 лодочников. Контроль за строительством осуществляли соратники султана: Заганос Мехмед-паша, Саруджа-паша и Чандарлы Халил-паша; в их честь названы три главные башни цитадели.

Благодаря Румелихисари османы окончательно прекратили сообщение Константинополя с иностранными портами. Гарнизон новой крепости состоял из 400 янычар. Бомбарды не давали пройти по Босфору кораблям, везущим в византийскую столицу продукты и лекарства. Норвич рассказывает, что Мехмед установил тяжелые орудия на ближайшей к берегу башне и обнародовал указ, согласно которому всякий проходящий мимо корабль должен был останавливаться для досмотра. В ноябре 1452 года капитан венецианского судна, которое везло продовольствие в Константинополь, проигнорировал это распоряжение. Османы утопили корабль и казнили матросов. Капитана посадили на кол; тело выставили в назидание всем, кто захочет последовать его примеру.

Весть о завершении строительства Румелихисари моментально разлетелась по Фракии и Анатолии. Современник осады, греческий историк Дука свидетельствует, что константинопольские христиане осознали масштабы надвигающейся катастрофы и горестно возопили: «Теперь приблизился конец города;

теперь знамения гибели нашего рода; теперь (наступают) дни антихриста; что будет с нами или что нам делать? Где святые, охраняющие город?»

Всем стало ясно, что Константинополь обречен. Борьба между Византийской и Османской империями вступила в финальную стадию. Константин XI распорядился срочно чинить и укреплять Феодосиевы стены, а также свезти в столицу из окрестностей все имеющиеся запасы хлеба. Зимой 1452-1453 годов обе стороны провели в подготовке к решающему штурму - и если василевс хотел достойно встретить врага, то султан горел желанием поставить точку в битве за город на берегах Босфора.

Османский правитель был так увлечен покорением гордой столицы ромеев, что ночи напролет рассматривал планы Константинополя, изучал схемы его оборонительных сооружений и продумывал атаки. Также по ночам он вызывал к себе полководцев для длительных совещаний. Великий визирь Чандарлы Халил-паша по традиции взял с собой блюдо золотых монет, ибо к султану нельзя было войти без подарка. Мехмед оттолкнул блюдо и закричал: «Дайте мне Константинополь!» Он не хотел и не мог думать ни о чем другом.

Наконец, пушки венгерского мастера Урбана были отлиты; генуэзцы, владевшие Галатой, - нейтрализованы; турецкий флот - укомплектован и спущен на воду. 2 апреля 1453 года османская армия подошла к Константинополю, и для Византийской империи начался обратный отсчет. Мехмед не сомневался в победе. 6 апреля он приказал поставить свой шатер напротив ворот Святого Романа в Феодосиевых стенах.

Следующие два месяца стали для константинопольцев настоящим кошмаром. Султанская артиллерия обстреливала столицу, и тяжелые каменные

ядра разбивали некогда непреодолимые городские укрепления. Адмирал османского флота Балтаоглу Сулейман-бей захватил Принцевы острова в Мраморном море. Византийский флот терпел сокрушительные поражения - это было обидно вдвойне, ибо до недавнего времени турки не могли похвастаться военными кораблями. Гарнизоны Румелихисари и Анадолухисари не пускали в Босфор иностранные суда, спешившие на помощь Константинополю. Относительное спокойствие сохранялось только в Золотом Роге - османы не могли войти в залив, но вскоре ситуация изменилась. Мехмед II принял дерзкое решение, сравнимое с переходом Ганнибала через Альпы.

Утром 22 апреля византийцы с изумлением и ужасом увидели, как османские корабли переправляются через Галатский холм. Сотни быков тащили по наспех сколоченным деревянным настилам примерно 70 турецких галер - и тысячи солдат удерживали их в равновесии с помощью тросов, канатов и цепей (эти цепи до сих пор хранятся в Военном музее Стамбула в районе Харбие). После полудня турецкий флот появился в Халиче и был готов атаковать Феодосиевы стены, выходящие на залив. Константинопольцы срочно перебросили туда часть солдат, ослабив защиту основных укреплений. Перетащив корабли в гавань Золотого Рога, османы соорудили мост из деревянных бочек, бревен, досок и обрезков железа. Затем они водрузили на мост пушки, - и из них, а также из корабельных орудий, стали бить в Феодосиевы стены.

Бейоглу, Айвансарай, Бебек, Анадолухисари, Байрампаша, Эдирне-капы и другие старые стамбульские районы хорошо помнят агонию великого города и кровавую хронику его заключительной осады. Ильче Фатих и вовсе назван в честь Мехмеда II. Несмотря на бедственное положение, византийцы

сопротивлялись до конца и неоднократно отклоняли предложения султана о сдаче столицы. Последнее из них поступило василевсу 25 мая. Получив ожидаемый отказ, Мехмед 27 мая объявил о генеральном штурме.

28 мая в обоих лагерях воцарилась зловещая тишина. Солдаты отдыхали перед завтрашним днем, который для большинства из них грозил стать последним. Императоры обратились к своим армиям. Мехмед II напомнил туркам о предсказаниях пророка Мухаммеда, пообещал им богатую добычу и – по мусульманской традиции – три дня на разграбление города.

Речь Константина XI – этот блестящий образец античного ораторского искусства – была куда горше. Во все времена долг любого христианина, говорил василевс, состоял в том, чтобы умереть за свою веру, свою страну, свою семью и своего монарха; для византийцев пробил час, когда придется умереть за все эти ценности сразу. Слава и традиции христианской империи столкнулись с дикостью исламских орд, честность и гуманизм Константина – с коварством и жестокостью Мехмеда. Защитником Константинополя надлежало помнить о своих великих предках – героях Греции и Рима, – быть достойными их памяти и встретить смерть с оружием в руках, спокойно глядя ей в глаза.

Исход очередной битвы был предрешен. Речь Константина стала погребальной речью по Византии. Норвич передает, что творилось в Константинополе 28 мая 1453 года, – в последний понедельник византийской истории. Горожане, включая василевса, собрались на церковную службу. Все колокола звенели, все самые почитаемые иконы и драгоценные реликвии вынесли на улицы. Движимые единым порывом, люди шли к собору Святой Софии даже с самых отдаленных городских окраин. Православные и католики в первый и

последний раз позабыли о литургических различиях. Храм являлся духовным центром Византии, и в момент кризиса не оставалось ничего другого, как собраться именно здесь.

Понедельник 28 мая и последующая ночь для константинопольцев изобиловали редкими и дурными знаменьями. По словам Михаила Критовула, иконы, колонны и статуи в церквях покрывались потом. Мужчины и женщины находились во власти видений и уверяли, что не следует ждать ничего хорошего. Предсказатели пророчили множество несчастий. Критовулу удалось передать атмосферу ужаса и безысходности, охватившую город. Он в мельчайших подробностях расскажет о последних днях византийской столицы и после ее падения станет автором первого произведения новой, османской эпохи – напишет по заказу Фатиха 5-томное «Историческое сочинение» о деяниях султана в 1451-1467 годах, известное также как «История Мехмеда II».

Константинопольцам особенно запомнилось невиданное и зловещее событие – солнечное затмение. Оно настолько понизило дух осажденных, что решено было последние мольбы обратиться к Богородице. Благочестивые горожане поставили ее икону на носилки и торжественно понесли по улицам. Все, кто мог покинуть свои боевые посты на Феодосиевых стенах, присоединились к процессии. Однако во время медленного и торжественного шествия икона вдруг упала с носилок. Тем, кто бросился ее поднимать, икона показалась очень тяжелой, будто сделанной из свинца.

Когда процессия возобновилась, началась гроза с градом. Затем хлынул такой сильный ливень, что все улицы затопило. Процессию пришлось прекратить. На следующий день на столицу опустился густой туман – явление, совершенно невиданное для Константинополя в мае. Испуганные византийцы шептались, что это

Богоматерь окутала себя облаками, дабы незаметно покинуть город. Ночью туман рассеялся, и горожане заметили вокруг купола Святой Софии странное и тревожное сияние.

А дальше все было, как рассказывалось выше. «Базилика» Урбана пробила брешь в Феодосиевых стенах, и в Константинополь ринулись янычары. Константин XI Палеолог погиб. Город умирал, словно большое израненное животное: он содрогался от выстрелов, гудел и стонал тысячами голосов своих обреченных на смерть защитников, его лихорадило от пожаров, по улицам текли реки крови, а дома и крепостные стены ломались и крошились, словно зубы и кости. Из-под гор трупов не было видно мостовых. Воды Босфора окрасились в красный цвет. Мертвые тела, сброшенные в Мраморное море, еще не одну неделю мешали судоходству. Мехмед II, увидев, что творят его воины в захваченном Константинополе, нарушил мусульманский обычай и остановил разграбление города вечером первого же дня.

По мнению Критовула, Фатих проникся величием и красотой Константинополя. Узрев повсюду развалины, Мехмед якобы раскаялся в том, что все это совершалось с его ведома – он пустил слезу и воскликнул: «И такой город мы обрекли на грабежи и уничтожение!» Шагая по пустым коридорам резиденции Палеологов – Влахернского дворца, – султан бормотал строки из стихотворения неизвестного персидского поэта:

Во дворце цезарей вьет паутину паук,
В башне Афрасиаба дозор свой несет сова.

Эти строки стали эпитафией сразу для трех империй – Римской, Византийской и Тимуридской. Мехмед II осуществил мечту Османской династии – после

стольких лет христианская столица покорилась исламским завоевателям. Спустя несколько часов на поруганный Константинополь опустилась удушливая ночь. Всполохи пламени озаряли развалины Феодосиевых стен, Ипподрома и Текфур-сарая. Над Босфором молчаливо возвышалась Румелихисари – крепость, превратившаяся в грозного стража Стамбула и призванная защищать его от любых захватчиков.

Подобно другим цитаделям, Румелихисари использовали как таможенный пост и тюрьму. В 1509 году она пострадала от землетрясения, в 1746 году – от пожара. Селим III восстановил крепость, но в XIX веке она была заброшена. Памук вспоминает, как удручающе выглядела Румелихисари в годы его детства: в стволах пушек, поставленных у крепостной стены, спали пьяницы и бездомные; там же валялись окурки и прочий мусор. Именно тогда маленький Орхан понял, что «великое историческое наследие Стамбула и Босфора для большинства ныне здесь живущих – нечто темное, загадочное и непонятное».

В 1950-х годов в Румелихисари провели реставрацию и открыли цитадель для туристов. Сегодня она является одним из наиболее узнаваемых символов города. В апреле 2015 года я впервые посетила эту крепость – и потом долго стояла у моста Мехмеда Фатиха. На азиатском берегу Босфора высились остроконечные башни военной школы Кулели. Между Западом и Востоком в одиночестве грустила Девичья башня. Неутомимые паромы причаливали к вокзалу Хайдарпаша, похожему на замок тевтонских рыцарей. Азиатская часть города манила меня – не в первый и, как показало время, не в последний раз.

Глава 9

Между Европой и Азией

Константинополь - это золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг света, не пройдя через этот мост...

Карл Маркс

Древнегреческий вождь Визант, в 667 году до н. э. основавший на Босфоре поселение Бизантиум (Византий), был, согласно легенде, внуком громовержца Зевса и земной женщины Ио. Он родился от связи их дочери Кероэссы с еще одним богом – властелином моря Посейдоном. Визант называл правый (азиатский) берег пролива «страной слепых» – ибо только слепые не видели всех преимуществ противоположного, европейского берега и не селились там. Колонистов прельстили запасы медной руды и неограниченные возможности рыбной ловли. Эти факторы стали определяющими для того, чтобы Визант заложил Бизантиум в европейском Калхедоне – напротив современного Кадыкёя.

Веками позже Текфур-сарай (резиденция Палеологов), Топкапы, лучшие базары, известные византийские постройки и имперские мечети появились именно на левом берегу Босфора; там же постепенно возник туристический центр. Поэтому в настоящее время бытует мнение, что основные достопримечательности находятся в европейской части города. Однако азиатская часть в меньшей степени подвержена западному влиянию – она похожа на сосуд,

в котором сохраняются атмосфера, облик и традиции старого Стамбула.

Аутентичная жизнь города проходит на улицах Бейкоза, Ускюдара, Кадыкёя. Это древнейшие стамбульские ильче – так, история Бейкоза насчитывает почти 3 тыс. лет. Издавна купцы совершали тут жертвоприношения Зевсу и Посейдону, дабы обеспечить своим кораблям безопасное плавание по Черному морю. Основанный в VII веке до н. э., Кадыкёй был известен как древнегреческий город Халкидон; по легенде, он получил нынешнее название в память о том, что Мехмед II пожаловал его в надел стамбульскому судье (кадию) Хызыр-бею. Ускюдар же назывался Хрисуполисом (греч. Χρυσούπολις – золотой город) и сначала был предместьем Халкидона. Затем, будучи переименованным в Скутари, он стал пригородом Стамбула.

Благодаря торговле Ускюдар разбогател и превратился в стамбульский ильче. Отсюда ежегодно уходили в Мекку и Медину верблюжьи караваны, груженные подарками. Именно в Ускюдаре заканчивался Великий шелковый путь – главный коммерческий маршрут Древности и Средневековья. Английское и французское слово «turquoise» («бирюзовый») происходит от старофранцузского «pierre turquoise» («турецкий камень»). Бирюзу добывали в Хорасане – исторической провинции Ирана; оттуда ее экспортировали по Великому шелковому пути через Турцию в Европу – поэтому у европейцев бирюза ассоциировалась с Востоком.^[55] Ускюдар же являлся одним из лучших мест на Востоке для покупки бирюзы.

Связи османского Стамбула с государствами Европы были гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Принято считать, что Англия всегда видела в Порте опасного соперника – но в Ускюдаре находится

уникальное здание, напоминающее о том, как в XIX веке необходимая османам помощь пришла именно с Британских островов. Речь идет о казармах Селимие.

Первые казармы появились в Ускюдаре в 1799 году при Селиме III. Строительством руководил Крикор Бальян; простые стамбульцы работали каменщиками, землекопами и грузчиками. Среди них был курд Заро Ага - старейший долгожитель Турции. Он родился то ли в 1774 году, то ли в 1777 году и умер в 1934 году в городской больнице в Шишли - в возрасте 157 или 160 лет. Заро Ага был свидетелем правления 10 падишахов (от Абдул-Меджида I до Мехмеда VI) и дважды встречался с Ататюрком, к которому обращался: «Мой султан». Выходец из бедной семьи, Заро Ага трудился в Стамбуле сторожем, дворником и носильщиком. Помимо казарм Селимие, он также участвовал в постройке мечети Меджидие в Ортакёе и мечети Нусретие в Топхане. Казармы простояли недолго - в 1807 году их сожгли янычары. Возведение новых казарм началось только в 1828 году - через 2 года после того, как Махмуд II уничтожил янычарский корпус, и завершилось при старшем сыне Махмуда - Абдул-Меджиде I.

В годы Крымской войны (1853-1856) казармы отдали под госпиталь. В 1854 году в Стамбул прибыла англичанка Флоренс Найтингейл - основоположница сестринского дела, спасшая тысячи турок. Она заботилась о пациентах и методично реализовывала принципы санитарии. Солдаты называли ее «дамой с лампой» - по ночам Флоренс обходила палаты со светильником в руках. В результате ее деятельности смертность снизилась с 42 % до 2 %. Абдул-Меджид I подарил самоотверженной женщине множество медальонов и браслетов. Сегодня они, как и легендарная лампа, выставлены в музее Флоренс Найтингейл, который организован в казармах Селимие.

Обычная поездка из Европы в Азию начинается на причале Эминёню. Паром отчаливает и набирает скорость. Позади остаются Новая мечеть и Сулеймание. По левому борту из тумана вырисовываются очертания Долмабахче, по правому – вырастает Девичья башня, романтический символ Стамбула.

В истории Девичьей башни нет никакой романтики. Первая информация о ней датируется IV веком до н. э., когда Афины воевали со Спартой. Азиатская часть нынешнего Стамбула принадлежала Спарте, европейская – Афинам. Выиграв войну, Афины решили обезопасить свои территории со стороны Босфора; для этого на маленьком острове посреди пролива возвели крепость с башней.

Столетиями башня служила маяком, пунктом сбора податей с проходящих по Босфору судов, карцером для приговоренных к смертной казни, изолятором для больных во время эпидемий чумы и холеры – и даже местом, откуда давали праздничные салюты. Также здесь хранили боеприпасы и корабельные снасти, а в годы Второй мировой войны держали запас бочек с цианидом натрия для военной промышленности (их вывезли только в начале 1980-х годов). В 1999 году в башне открыли смотровую площадку и ресторан – одни из самых дорогих в Стамбуле. Однако народная молва приписывала Девичьей башне таинственное прошлое, – и горожане, очарованные ее одиночеством, слагали о ней удивительные легенды.

Согласно одной из них, султану предсказали, что его любимая дочь погибнет в день своего 18-летия. Опечаленный султан велел построить на островке посреди пролива красивую башню и отправил туда дочь, дабы уберечь ее от смерти. Девушка жила в одиночестве, окруженная быстрыми водами Босфора. В 18-й день рождения отец прислал ей в подарок корзину с фруктами и цветами. Из корзины выползла змея и

ужалила принцессу. Это предание вдохновлено историей о самоубийстве Клеопатры. Плутарх приводит версию, согласно которой египетскую царицу укусил аспид, спрятанный в вазе со смоквами. В стамбульской легенде девушку спас персидский принц – и, получив известность в Европе, она легла в основу сказки о спящей красавице.

Вторая легенда о Девичьей башне связана с эллинистической культурой. В IV–III веках до н. э. побережье Босфора было усеяно греческими колониями. Местные жители создали миф о юноше Леандре и девушке Геро – жрице Афродиты. Ради Леандра она нарушила обет безбрачия, обязательный для служительниц культа. Влюбленные встречались в башне, где жила Геро. Каждую ночь юноша доплывал до середины пролива, а Геро освещала ему путь фонарем. Но олимпийские боги узнали о клятвоотступничестве жрицы. Разгневавшись, они в ненастную ночь погасили фонарь. Леандр утонул. Геро бросилась с башни в темные воды Босфора. Этот классический античный сюжет окутал Девичью башню ореолом жертвенности, и у нее появилось второе название – Леандрова. Оно увековечено в наименовании картины Айвазовского «Вид Леандровой башни в Константинополе» (1848).

Третья легенда гласит, что в VII веке мусульманский воин Сейид Баттал Гази влюбился в Анастасию – дочь византийского императора Юстиниана II. В отличие от мифических Леандра и Геро, Баттал Гази был реальным человеком. Его имя встречается в ассирийских, арабских и византийских источниках. Народная молва наградила Баттала сверхъестественной силой – в старых анатолийских сказках он побеждал чудовищ и в одиночку уничтожал полчища врагов. Юстиниан II спрятал Анастасию в башне на острове, но Баттал

похитил девушку. На этом заканчивается первая версия легенды.

По второй версии, в ходе первой арабской осады Константинополя (674–678) Баттал сражался на стороне Омейядов и встретил смерть под стенами византийской столицы. После очередного сражения он уснул – но вскоре на горизонте показалась византийская конница, и Анастасия бросила в любимого камешек, дабы разбудить его. Будучи брошенным с городских стен, камень попал прямо в сердце Батала. Так на Востоке родилось выражение «камень любви», синонимичный фразеологизму «медвежья услуга».

Стройный силуэт Девичьей башни видят все, кто приплывает из Европы в Азию. Еще один символ азиатской части Стамбула, который прекрасно видно с Босфора, – знаменитый вокзал Хайдарпаша.

Хайдарпаша был начальным пунктом Багдадской железной дороги – отсюда уходили поезда в Сирию, Армению и Иран. В романе Агаты Кристи «Убийство в “Восточном экспрессе”» Пуаро прибывает в Стамбул из Алеппо на Хайдарпашу, переправляется на пароме через Босфор, доезжает до вокзала Сиркеджи в европейской части города и там садится на «Восточный экспресс». Сиркеджи представлял собой конечный пункт «Восточного экспресса» – легендарного поезда класса «люкс».

4 октября 1883 года «Восточный экспресс» впервые отправился в Стамбул с парижского вокзала Гар де л'Эст под «Турецкий марш» Моцарта. За 80 часов поезд преодолел расстояние в 3094 км. Его путь пролегал через Страсбург, Карлсруэ, Штутгарт, Мюнхен, Вену, Будапешт, Бухарест, Варну – и заканчивался на европейском берегу Босфора. Пассажирами «Восточного экспресса» были монаршие особы, политики, актеры, писатели – Франц-Иосиф I, Елизавета II, Шарль де Голль, Одри Хепберн и, конечно, Агата

Кристи. Она часто путешествовала на поезде – в том числе и зимой 1931 года, когда состав останавливался в снежных заносах на Балканах. Через несколько лет Кристи включила этот эпизод в свой детективный роман.

Подобно отелю «Pera Palace», в истории «Восточного экспресса», словно в зеркале, отразилась политическая история Европы XX века.

Во время Первой мировой войны маршрут поезда изменился. Пунктом отправления стал Берлин. До конца Второй мировой войны на «Восточном экспрессе» в Турцию и страны Средиземноморья ездили офицеры Третьего рейха. В книге Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны» и одноименном фильме Штирлиц едет в Берн именно на «Восточном экспрессе». В купе он знакомится с генералом из Мекленбурга, пьет с ним коньяк и ест салями.

Впрочем, немецко-турецкие отношения не ограничиваются отправлением «Восточного экспресса» из Берлина в Стамбул в первой половине XX века. Доказательством тому – сам вокзал Хайдарпаша. Он построен в 1906–1908 годах по проектам немецких архитекторов Отто Риттера и Гельмута Куно на пике османо-немецкой дружбы. Вильгельм II публично заявлял, что научился искусству политики у Абдул-Хамида II. Кайзер именовал себя «покровителем всех мусульман», а султана – «самым мудрым и быстро мыслящим политиком в мире». В Стамбуле появились представительства «Deutsche Bank» – крупнейшего банка Германской империи.

В 1898 году, посетив Стамбул во второй раз (первый визит состоялся в 1889 году), кайзер подарил Порте Немецкий фонтан – его начали собирать на площади Султанахмет, в месте нынешнего расположения. В 1899 году глава «Deutsche Bank» Георг фон Сименс подписал с Турцией договор о концессии на строительство и

эксплуатацию главной магистрали Багдадской железной дороги. Немецкий фонтан планировали торжественно открыть 1 сентября 1900 года - в 25-летний юбилей правления Абдул-Хамида II - однако его не успели смонтировать. Фонтан был открыт 27 января 1901 года - в день рождения Вильгельма II.

Кайзер и султан любили обмениваться не только любезностями и подарками, но и наградами - тем более что в Европе грянула война, быстро переросшая в глобальный конфликт. Некоторые турецкие ордена и медали - например, Галлиполийская звезда - изготавливались в Германии и Австрии. Германская, Австро-Венгерская и Османская империи были союзниками. Немецкие офицеры служили в турецкой армии, обучали военному искусству своих османских коллег и всячески поднимали боевой дух в вооруженных силах Порты.

Английский историк Джайлз Макдоно отмечает, что Вильгельм имел далеко идущие планы в отношении Османской империи. Публично поддерживая Порту, он намеревался получить право голоса в определении ее внешнеполитического курса. Германской военно-дипломатической миссии надлежало создать турецкую армию, которая будет повиноваться кайзеру. Затем следовало думать и о территориальных приобретениях. «Вы фактически прокладываете путь к неизбежному в будущем разделу Турции», - говорил Вильгельм своим полководцам. Какие грандиозные перспективы кайзер связывал с германо-турецким союзом, видно из его реплики в беседе с немецким генералом Отто Лиманом фон Сандерсом в 1914 году. «Либо германский флаг будет развеваться над твердынями Босфора, либо я повторю печальную судьбу узника Святой Елены», - заявил Вильгельм, отождествляя себя с Наполеоном.

Руководство Германской империи переживало за судьбу союза с османами. Когда в феврале 1914 года

пост военного министра Порты занял Исмаил Энвер-паша, немецкая пресса сочла 33-летнего офицера слишком молодым для столь ответственной должности. На фотографии, опубликованной в немецких газетах, Энверу-паше пририсовали бороду, чтобы он казался старше.

Турки охотно сотрудничали с немцами, перенимали их опыт и получали из Германии оружие. Османская империя видела в Германии сильную европейскую державу, способную помочь ей вернуть потерянные земли и достичь прежнего могущества - потому вступление Порты в мировую войну на стороне Центральных держав^[56] было предсказуемо.

Типичным османским офицером, воспринявшим идеи германского милитаризма, был генерал Омер Фахреддин-паша - комендант Медины, защищавший город во время Арабского восстания (1916-1918). Он игнорировал приказ из Стамбула о сложении оружия. Мединский гарнизон оказывал сопротивление арабам даже после завершения Первой мировой войны. В январе 1919 года пашу арестовали собственные подчиненные, не желавшие умереть от голода в осажденной Медине.

Германское милитаристское влияние на Порту не ограничивалось сухопутными войсками. 16 августа 1914 года немецкая Средиземноморская эскадра в составе крейсеров «Goeben» и «Breslau» была передана османским ВМС. Турки переименовали «Goeben» в «Yavuz Sultan Selim», а «Breslau» - в «Midilli». Тогда на «Breslau» служил лейтенант Карл Дёниц - будущий гросс-адмирал Третьего рейха. Сохранилась фотография, на которой он запечатлен с другими офицерами крейсера после того, как их обмундировали в османскую форму, включавшую фески вместо бескозырок. Глава Средиземноморской эскадры,

немецкий адмирал Вильгельм Сушон продолжил службу на стороне Порты и в 1917 году получил должность командующего османским флотом.

Сушон – не исключение: немецкие офицеры занимали в турецкой армии ответственные должности. Среди них были генерал Отто Лиман фон Сандерс, генерал-фельдмаршал Кольмар фон Гольц (Гольц-паша) и вице-адмирал Гвидо фон Уседон (Уседон-паша). Сандерс стал османским маршалом и героем Дарданелльской операции (1915–1916). Гольц-паша с 1883 года и до самой смерти в 1916 году служил падишахам (в частности, исполнял обязанности адъютанта при Мехмеде V) и по собственному желанию был похоронен в Стамбуле. Уседон-паша в 1914 году получил должность главнокомандующего турецким флотом со званием маршала Османской империи. Это отражено в романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Один из персонажей, поручик Лукаш, рассказывает, что кайзер пожаловал ордена Энверу-паше и Уседону-паше – «довольно много наград за такой короткий срок».

Роман Гашека дает представление не только об организации армий Центральных держав, но и об отношениях их лидеров. Так, Швейк констатирует: «Султан наградил императора Вильгельма большой военной медалью, а у меня до сих пор даже малой серебряной медали нет». 10 марта 1915 года Мехмед V действительно послал кайзеру Галлиполийскую звезду и медаль Имтияз I степени (Швейк называет ее большой военной медалью; под малой серебряной он подразумевает медаль Имтияз II степени). Медаль Имтияз («За отличие») I степени являлась высшей наградой Порты.

На османских орденах и медалях чеканилась тугра султана, учредившего соответствующую награду, – например, на медали Имтияз изображалась тугра

Абдул-Хамида II, на Галлиполийской звезде – тугра Мехмеда V и т. д. Помимо тугр, на аверсе наград находился герб Османской империи – еще один результат турецко-немецкой дружбы.

Герб Порты появился только во второй половине XIX века. Он был создан в соответствии с западными традициями и утвержден Абдул-Хамидом II в 1882 году. Элементы герба имели такое же значение, как и в европейской геральдике. Звезда символизировала свет, которым османская держава озаряла весь мир; оружие разных эпох – боевую славу Порты; корабельный якорь – турецкое господство на море; книги – науку; весы – справедливость. Кроме того, на гербе присутствовали мусульманские и османские надписи и изображения: полумесяц, тугра Абдул-Хамида II, чалма падишаха, зеленое знамя ислама – а также пять главных наград Порты: орден Шефкат («За милосердие»), орден Османие («За выдающуюся службу империи»), медаль Имтияз («За отличие»), орден Меджидие («За рвение, преданность и лояльность») и орден Ифтикар (орден Славы).

После гибели Османской империи и образования Турецкой Республики возникла необходимость в новом государственном гербе. В 1925 году министерство просвещения объявило конкурс на лучший проект герба. Победила работа стамбульского художника Намыка Исмаила-бея. Она представляла собой изображение красного поля с вертикальным полумесяцем и звездой; внизу стоял волк – символ тюркских народов. Несмотря на победу, проект не получил официального статуса – против него выступили авторитеты-улемы.

Бывший шейх-уль-ислам Мустафа Сабри-эфенди и вовсе увидел в гербе угрозу исламу. Серый волк – ключевой образ тюркской мифологии. Кемалисты, по мнению Сабри-эфенди, желали воскресить верования

древних тюрков и заменить ислам язычеством. «Я абсолютно убежден, что исламская турецкая нация не будет поклоняться волку, – заявил Сабри-эфенди. – Стамбул полон мечетей, а мечети полны верующих, поклоняющихся Аллаху». У Турции до сих пор нет герба. Для современных государств, имеющих полный набор символики (герб, флаг, гимн), эта ситуация является исключительной.

Нынешний вид турецкого флага (красное полотно с белым полумесяцем и белой пятиконечной звездой) неразрывно связан со старым флагом Константинополя. Легенда гласит, что в 339 году до н. э. армия Филиппа II (отца Александра Македонского) осадила Византий. Филипп был прославленным полководцем Древнего мира, но город не сдавался. Осада затянулась, и Филипп приказал солдатам прорыть тоннель под крепостными стенами. Византий спас случайный – ночью из-за облаков выглянули полумесяц и звезда. Озаряя поле брани, они отражались в лужах крови у городских ворот. Часовые на башнях увидели врага и подняли тревогу. С тех пор полумесяц и звезда считаются символами свободы Константинополя, а красный цвет означает кровь, пролитую его защитниками. Спустя сотни лет турки захватили византийскую столицу, и городской флаг превратился в государственный. Изначально на османских флагах звезда располагалась внутри полумесяца, что неверно с точки зрения астрономии, – поэтому в начале XX века она была вынесена за его пределы.

На Востоке знамя всегда воспринималось как символ власти. Преждевременное надругательство над флагом противника считалось самонадеянным и опасным. Стамбульцы верят, что англичане накликали собственное поражение в битве при Чанаккале (Галлиполийском сражении) – ключевом событии масштабной Дарданелльской операции (1915–1916),

которую инициировал Уинстон Черчилль. Битва произошла 18 марта 1915 года и приобрела судьбоносное значение для Турции. Она стала поворотным моментом Первой мировой войны, ибо разрушила надежды Антанты на взятие Стамбула.

Англо-французская эскадра была уничтожена при попытке прохода через Дарданеллы. Главным героем Чанаккале стал османский миноносец «Nusret» – на его минах подорвались четыре броненосца Антанты, еще два получили повреждения. Англия, привыкшая к титулу владычицы морей, потеряла более 119 тыс. человек. 18 марта 1915 года стал для британского флота днем самых крупных потерь после Трафальгара (1805). Терпя поражение на море, командование Антанты приняло решение высадить десант на Галлиполийском полуострове – но тут союзников встретила 19-я дивизия под командованием Мустафы Кемалю. История сохранила слова, сказанные им своим солдатам: «Я не приказываю вам наступать, я приказываю вам умереть!» И турки умирали – но не отдали ни пяди земли.

Суеверные стамбульцы полагают, что Великобритания спровоцировала катастрофу, выпустив шелковые платки в честь несостоявшегося торжества английского оружия. В левом нижнем углу, у входа в Дарданеллы, красовалась надпись «В Константинополь». В правом верхнем углу виднелись силуэты османской столицы. По углам платка художник разместил слова «Well done» («Хорошо сделано») – а также турецкий флаг, совмещенный с Юнион Джеком^[57], и надпись «The eclipse of the star & crescent» («Затмение звезды и полумесяца»).

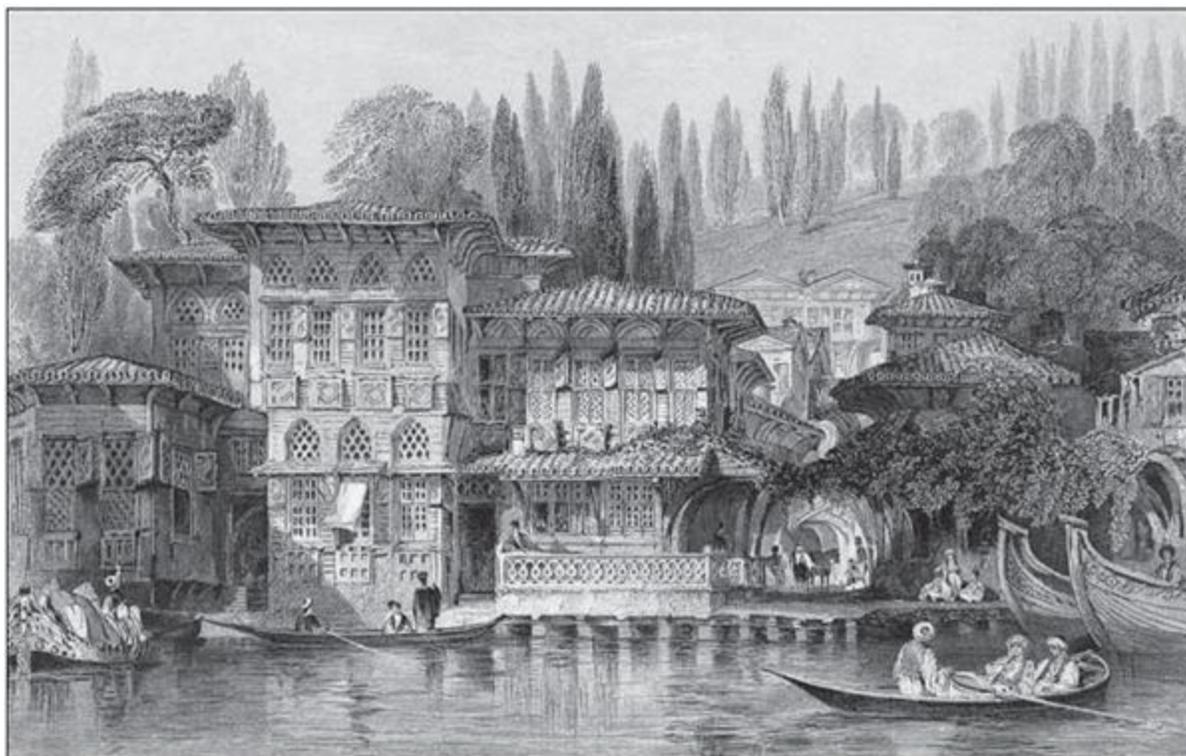
Османский паша с гаремом. Фото, 1880 год

Немецкий турист до посещения Стамбула и после.
Открытка, 1908 год

Жительница Стамбула. Фотоателье «Братья Абдулла», 1870-е годы

Босфорские ялы в районе Еникёй. Гравюра. Томас Аллом, 1839 год

Дервиши в обители Галата Мевлевиханеси.
Фотостудия «Братья Гюльмез», 1870-е годы

Mosque de Topkapı

Мечеть Нусретие, построенная в честь разгона Махмудом II янычарского корпуса в 1826 году. Фото 1863 года

Третьим элементом османской государственности, помимо герба и флага, был гимн. В Порте существовало множество имперских и династических гимнов и маршей, но ни один из них не являлся национальным. В 1908 году, после провозглашения конституционной монархии, люди, собравшиеся на улицах Стамбула, за неимением собственного гимна пели «Марсельезу». Это неудивительно – ибо по восшествии на престол султана писалось музыкальное произведение, которое исполняли, пока этот султан правил. Для его преемника создавался новый гимн либо марш. Лишь 2 падишаха не имели таких маршей: Махмуд V, правивший 3 месяца, и последний монарх Порты – Мехмед VI.

Первым султанским маршем стал «Махмудие» – марш Махмуда II. Его авторами выступили итальянские братья-композиторы Джузеппе и Гаэтано Доницетти (последний создал оперы «Лючия ди Ламмермур», «Любовный напиток» и «Дон Паскуале»). Позже Джузеппе написал «Меджидие» для Абдул-Меджида I. Соотечественники Доницетти – Каллисто Гуателли и Итало Селвелли – выполнили аналогичные заказы для Абдул-Азиза и Мехмеда V Решада соответственно; в итоге появились «Азизие» и «Решадие». Обычно гимны и марши были инструментальными; только «Хамидие» (марш Абдул-Хамида II) и «Решадие» исполнялись со словами.

Традиция султанских маршей наложила отпечаток на государственный гимн Турецкой Республики – «Марш независимости» («İstiklâl Marşı»). В тексте упоминаются символы и образы, запечатленные на гербе Порты – или характерные для мусульманского государства (звезда, полумесяц, азан и др.).

Автор текста гимна, Мехмед Акиф Эрсой, был поэтом, религиозным просветителем и переводчиком Корана. Он жил и умер в Фатихе – самом консервативном районе Стамбула. Мечта Ататюрка построить на руинах османизма светское государство рухнула 12 марта 1921 года, когда турецкий парламент утвердил текст нового гимна. Тем не менее, идея независимости красной нитью проходит через топонимику Стамбула. Об этом свидетельствует переименование Гран-Рю-де-Пера – центральной улицы Бейоглу – в Истикляль (улицу Независимости). В азиатской части города есть своя главная улица – Багдадская.

Раньше на месте Багдадской улицы проходила дорога, соединявшая Константинополь и Анатолию, – ею пользовались курьеры василевса, торговые караваны и византийская армия. После завоевания Константинополя османами в 1453 году дорога сохранила прежнее значение – по ней во главе войска отправился Мурад IV для покорения Ирака; по ней он же и вернулся в 1639 году, одержав победу. В память об этом знаменательном событии султан приказал назвать старую византийскую дорогу Багдадской.

Сегодня Багдадская улица – одна из самых шумных улиц города. Стамбульцы называют ее просто Джадде (от тур. caddesi – улица). Она тянется вдоль побережья Мраморного моря на 14 км. Джадде – крупный торговый проспект Стамбула, и местные бутики приносят городу немалый доход. Самый оживленный отрезок улицы находится между районами Суадие и Кызылтопрак – тут сосредоточены магазины «Armani», «Zara» и др. На Багдадской улице ежегодно проходит фестиваль шопинга – «Istanbul Shopping Fest», во время которого магазины работают круглосуточно. Если Стамбул сродни живому организму, то Джадде – коронарная артерия, идущая напрямик к сердцу города; она

накачивает Стамбул деньгами и европейской непринужденностью.

Недалеко от Багдадской улицы располагается фешенебельный район Мо́да – не менее богемный, чем, скажем, Нишанташи. Мо́да и его главная пешеходная улица Бахарие напоминают мозаику: элементы несочетаемых эпох и культур прочно и гармонично прилажены друг к другу. Армянская церковь, единственный городской театр оперы и балета, прекрасная набережная и ароматный чай в культурном центре имени турецкого поэта Назыма Хикмета – все эти разноцветные осколки переливаются, словно в калейдоскопе.

Чтобы попасть на Бахарие, надо найти Алтыйол – главную площадь Кадыкёя, известную бронзовой статуей быка. Слово «алтыйол» (тур. altıyol) переводится как «шесть дорог»; от площади отходят 6 улиц, и Бахарие – одна из них. Статую быка (тур. boğa heykeli) в 1864 году изваял французский скульптор Исидор Жюль Бонер. В 1871 году после поражения Франции во Франко-прусской войне скульптура Бонера оказалась в Германии. В 1917 году кайзер Вильгельм II подарил ее османскому военачальнику Энверу-паше – так в Стамбуле появилось еще одно доказательство турецко-немецкой дружбы. В 1969 году Богá Хейкели установили в сквере перед зданием администрации Кадыкёя. Спустя 7 лет скульптуру перенесли на площадь Алтыйол.

Район Мо́да сыграл судьбоносную роль для массовой культуры Стамбула и Турции – именно здесь проходили первые матчи футбольных команд «Галатасарай», «Бешикташ» и «Фенербахче» (последняя возникла в одноименном семте Кадыкёя). Более чем вековая история стамбульского футбола полна запретов и загадок. На Ближнем Востоке этот вид спорта приобрел

невероятную популярность, и Турция не стала исключением.

Все началось с того, что на рубеже XIX–XX веков англичане, проживавшие в Пере, устраивали в Моде футбольные матчи. Глядя на них, французы, греки и иные представители диаспор Стамбула также организовали свои команды. Туркам футбол нравился – но улемы не разрешали играть в английскую игру и участвовать в увеселениях «неверных». Кроме того, подозрительный Абдул-Хамид II запретил создание любых культурных и спортивных объединений. Стамбульские футбольные клубы «Галатасарай», «Бешикташ» и «Фенербахче» в первые годы своего существования были подпольными.

Первая городская футбольная команда называлась «Черные гетры» – в 1899 году ее создали жители Кадыкёя. Улемы требовали, чтобы игроки прекратили заниматься недостойным для мусульман делом, полиция срывала матчи – и вскоре команда распалась. В 1902 году стамбульцы собрали команду «Кадыкёй», которую также постигла неудача. Однако развитие футбола на берегах Босфора нельзя было остановить.

В 1903 году был основан футбольный клуб «Бешикташ». В 1904 году англичане Джеймс Лафонтен и Генри Пирс учредили Лигу Константинопольской футбольной ассоциации – сегодня она называется Стамбульской футбольной лиги. В 1905 году появился «Галатасарай» – у его истоков стояли ученики элитного Галатасарайского лицея в Пере. В 1907 году возник «Фенербахче».

Весной 1909 года Абдул-Хамида II свергли. Новый закон легализовал деятельность спортивных организаций – это позволило «Бешикташу», «Галатасарая» и «Фенербахче» существовать на законных основаниях. Тогда же команда из азиатской части Стамбула переехала на улицу Бесбьюик в районе

Мода - с тех пор там располагается штаб-квартира «канареек»^[58].

Достигнув первых успехов, «Фенербахче» удостоился поддержки членов султанской семьи. В 1919-1924 годах его возглавлял шехзаде Омер Фарук - зять Мехмеда VI. Проиграв Первую мировую войну, Турция подверглась оккупации со стороны европейских держав. В Босфоре перед султанскими дворцами стояли корабли Антанты. Британские солдаты и матросы, расквартированные в Стамбуле, создавали свои футбольные команды: «Артиллеристы», «Гренадеры», «Эссекские инженеры» и т. д. Они играли друг с другом и с местными футбольными клубами. «Фенербахче» часто побеждал в таких матчах.

«Канарейки» были любимой командой Мустафы Кемалю. Он обожал футбол и учредил Кубок Гази, за который сражались лучшие турецкие команды. Летом 1932 года штаб-квартира «желто-синих» в Моде сгорела, и первая материальная помощь пришла от Ататюрка.

Помимо «Галатасарая», «Бешикташа» и «Фенербахче», в Стамбуле есть футбольные клубы, почти не известные за пределами Турции: «Истанбул Башакшехир», «Истанбулспор», «Вефа СК» и «Касымпаша». Эрдоган - уроженец квартала Касымпаша, что на берегу Золотого Рога, - в 1969-1982 годах серьезно занимался футболом и играл в одноименной городской команде. По слухам, будущего президента приглашали в «Фенербахче», но Ахмед Эрдоган был категорически против спортивной карьеры сына.

Футбол в Турции - это больше, чем спорт. Футбольный бум в Стамбуле начался еще в Османской империи и продолжается до сих пор. Титулованные клубы - «Бешикташ», «Галатасарай» и «Фенербахче» -

имеют вековую историю и определенный контингент фанатов; каждый стамбульский семт или махалле десятилетиями болеет за одну команду.

Мустафа Кемаль имеет отношение не только к футбольному клубу «Фенербахче», но и к благоустройству одноименного семта Кадыкёя. По его инициативе в Фенербахче была организована крупнейшая в Турции яхтенная стоянка. По слухам, однажды Ататюрк приехал в заброшенную бухту Каламис и, пораженный ее красотой, воскликнул: «Пусть здесь будет яхт-клуб!» Желание президента сбылось.

Из бухты Каламис легко попасть на Адалары – Принцезы острова в Мраморном море, являющиеся отдельным ильче Стамбула. В архипелаге 9 островов: Бюйюкада, Хейбелиада, Бургазада, Кыналыада, Седефадасы, Яссыада, Сивриада, Кашикадасы и Тавшанадасы. Греки именовали их Народными островами, византийцы – Островами священников. На Адаларах находились церкви и монастыри, служившие местом заточения свергнутых василевсов, неугодных епископов и опальных придворных. Название «Принцезы острова» родилось, когда сюда сослали несколько наследников византийского престола.

В 1453 году архипелаг захватили османы. Они переименовали Принцезы острова в Красные, поскольку на Адаларах обнаружили залежи меди и железа. Примерно в то же время на Адалары из Стамбула начали переселяться богатые греки, армяне и евреи. С XIX века Принцезы острова превратились в курорт, и богатые горожане строили здесь летние домики. Среди них был Саид Халим-паша – великий визирь Мехмеда V. Вестернизированный образ жизни этого османского вельможи состоял из неразрешимых противоречий.

В юности Халим-паша обучался сперва в Галатасарайском лицее, а затем в Швейцарии.

Вернувшись в Стамбул, он стал чиновником гигантской империи, приходящей в упадок. Служба отнимала у паши максимум 20 часов в неделю. Саид-бей ценил европейскую изысканность, не злоупотреблял алкоголем, уважал мусульманские праздники и не трудился по пятницам. В этот день, предназначенный для Аллаха, он, не задумываясь, отправлялся в кафешантан. Пашу часто видели в театрах Бейоглу, его супруга получала из Парижа модный дамский журнал, а старшая дочь играла на пианино. Все это не мешало чиновнику ходить на концерты арабской музыки и представления Карагёза^[59], часами пить кофе и курить кальян.

Халим-паша хотел того же, чего и большинство османских вельмож на рубеже XIX–XX веков – казаться европейцем, оставаясь турком. Он был подданным падишаха, чья власть теоретически простиралась до Кувейта и Албании. При этом, вернувшись из Швейцарии, Саид-бей больше не покидал столицу. Его микрокосм ограничивался султанским дворцом на берегу Босфора; собственной вилой в Аксарае; роскошной ялы, которую паша арендовал для летнего отдыха (длившегося с апреля по сентябрь) – и, конечно, Адаларами.

Каждый остров привнес в судьбу Стамбула нечто особенное. Так, на Бююкаде в 1930 году обнаружили золотые слитки, принадлежавшие Филиппу II – отцу Александра Македонского, а в 1929–1933 годах здесь жил Лев Троцкий. На Кыналыаде византийцы добывали камень для Феодосиевых стен. На Сивриаде установлен памятник стамбульским собакам – в 1918 году их вывезли сюда, и животные перегрызли друг друга. Леса Седефадасы были вырублены для нужд промышленности в годы Первой мировой войны. Во время оккупации Стамбула в бухте острова стоял

закованный в цепи легендарный крейсер «Yavuz Sultan Selim». На Бургазаде открылся первый в Турции зоопарк.

Вообще с правым берегом Босфора – с его старыми семтами, махалле и рыбацкими деревнями – связано немало историй и преданий. Например, в Чубуклу Александр Македонский основал монастырь акимитов («не ведающих сна») – его монахи читали молитвы посменно, днем и ночью. В Чубуклу разгневанный Баязид I восемь раз ударил прутом своего сына Селима – позже стамбульцы решили, что это было пророчество, и каждый удар символизировал один год правления Яву-за. Пойразкёй основали генуэзцы – они спроектировали поселок таким образом, что там почти нет ветра. Жители Кандилли издревле зажигали огни на вершине холма, дабы предупредить корабли о бурных течениях Босфора. В Канлыдже жил Эдхем Пертев – создатель первого турецкого одеколона. В Ченгелькёе императрица Феодора (супруга Юстиниана I) построила монастырь для раскаявшихся проституток. Между Ченгелькёем и Ваникёем расположена военная школа Кулели – ее выпускник, выдающийся турецкий медик Омер Акалын, стал единственным пассажиром «Титаника», опоздавшим на рейс.

Азиатскую часть Стамбула не описать парой слов. Здесь обязательно надо побывать, выпить чай под старыми платанами и увидеть закат над Босфором. Песчаные пляжи, рыбные рынки и маленькие кафе, работающие по 200–300 лет, – Стамбул бывает тихим, неторопливым и по-деревенски уютным. В Бейкозе, Ускюдаре и Кадыкёе становится понятно, что медлительность – непозволительная роскошь, а возможность никуда не спешить – величайший дар. Принято называть подобный образ жизни традиционным – однако он характерен не только для

турок, но и для представителей иных национальностей,
веками населяющих Стамбул.

Глава 10

Плавильный котел

Судьба листа со сломанной ветки определяется ветром.

Алпарслан Тюркеш

Захватив Константинополь, Мехмед II хотел превратить его в новый, блистательный центр мусульманского мира. Городу требовались рабочие, торговцы и чиновники. Султан объявил, что все желающие могут обосноваться в столице и получить бесплатное жилье. Однако эта мера оказалась малоэффективной, и Фатих прибег к депортации. Евреи из Салоник, Синопа и Кастамону перебрались в квартал Текфурсарай; армяне из Токата, Сиваса и Амасьи заняли квартал Манастир. В Арнавуткёе осели албанцы; «Arnavutköy» означает «албанская деревня». Местных жителей набирали в султанскую лейб-гвардию и отряды башибузуков, которые регулярно заливали кровью Балканы. В память об албанских карателях в славянских языках осталось слово «арнаут» (в словаре Даля оно истолковано как «изверг, зверский человек, басурман»).

Селим I также стремился заселить город – но уже с политическим умыслом. Одержав победу при Чалдыране и взяв Тебриз в 1514 году, он депортировал из завоеванных земель персидских ремесленников. Позднее, заняв Египет и Сирию, султан направил в Стамбул ремесленников из Каира и Дамаска. После падения Белграда (1521) Сулейман I переселил в османскую столицу сербов. На берегах Босфора также находили убежище евреи, изгнанные из Испании, Португалии, Южной Италии и Центральной Европы.

Впрочем, уже со второй половины XV века Стамбул разительно отличался от прочих исламских городов, где христиане и иудеи пребывали в меньшинстве. Число мусульманских и немусульманских жителей османской столицы было примерно одинаково.

Время шло, границы империи расширялись - и в город прибывали представители новых национальностей. Порта включала в себя территории разных стран - полностью либо частично. Румыния и Молдавия находились в составе османского государства 490 лет; Египет - 459 лет; Израиль и Иордания - 402 года и т. д. Первые в мире карты нефтяных месторождений были составлены в Стамбуле при Абдул-Хамиде II - ибо территории нынешних ОАЭ, Омана, Катара, Бахрейна, Кувейта, Саудовской Аравии, Ирака и Сирии также принадлежали Османской империи. Порта выступала в роли гаранта относительного спокойствия на Ближнем Востоке. Концепция османского господства в регионе стала привычной - даже в 1923 году американский путешественник Эдвард Пауэлл выразил надежду, что Ататюрк провозгласит себя халифом и завоюет иракский город Мосул.

Признаки османского могущества заметны едва ли не по всему миру. На картине французского художника Жака Луи Давида «Коронование императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года» среди именитых гостей изображен присутствовавший на церемонии посол Порты - Мехмед Халид-эфенди.

В XIX-XX веках американское правительство получало разрешение у султанов на ежегодный лимитированный забор воды из реки Иордан, в которой, по легенде, крестился Иисус Христос. Эта вода использовалась в США для совершения таинства крещения.

На территории Мьянмы есть два османских военных кладбища (в городах Таемьо и Мейтхила) - там похоронено 12 тыс. солдат и офицеров, попавших в плен к британцам в ходе Месопотамской и Синайско-Палестинской кампаний Первой мировой войны.

Главная площадь Бейрута называется Площадью мучеников - в честь ливанцев, павших в борьбе за независимость страны от турок.

Трансильванские церкви неспроста напоминают крепости. Колокола, звонящие сегодня в кирхах Австрии, в XVII веке предупреждали европейцев о приближении османской армии.

Кафедральный собор Тулона в течение 6 месяцев был мечетью - в 1543-1544 годах в городе зимовала эскадра Хайреддина-паши. Французы по приказу короля Франциска I покинули Тулон, «дабы не смешиваться с турками».

В Будапеште более 400 лет работают знаменитые купальни Рудаш, построенные оттоманами еще в 1566 году.

В Сербии на горе Чегар находится уникальный исторический памятник - башня Челе-Кула. 31 мая 1809 года великий визирь Хуршид Ахмед-паша, подавив сербское восстание, велел обезглавить трупы его участников, содрать с отрубленных голов кожу и вмонтировать черепа в башню.

Название Балканского полуострова происходит от турецкого слова «balkan» («лесистые горы»).

В Сьюдаделе на Балеарских островах ежегодно 9 июля проводится День траура по погибшим во время осады и последующего уничтожения города турками в 1558 году.

Анапа была османской крепостью. Другой черноморский город, Одесса, также стоит на месте

турецкой цитадели – она называлась Хаджибей и была переименована в 1795 году по указу Екатерины II. ^[60]

Каирский зоопарк располагается на территории садов, принадлежавших богатому османскому паше.

У венгров на случай неприятности есть поговорка: «Это ерунда, при Мохаче было гораздо хуже». В Боснии до сих пор поют старинную песню «В Стамбуле, у Босфора» («U Stambolu na Bosforu»):

В Стамбуле, у Босфора лежит больной паша.
Душа из него уходит, и он тоскует по сырой земле.

На берега Босфора съезжались люди со всей Европы, Африки и Леванта. Эдмондо де Амичис, посетивший Стамбул в 1878 году, поразила его восточной яркости. Стоя на Галатском мосту, журналист наблюдал, как перед ним проходит вся Османская империя. Амичис видел «кожу любого оттенка» – от молочно-белой у албанца до иссиня-черной у суданца. Потрясенный, он смотрел на сербов, черногорцев, валахов, греков, хорватов, украинских казаков, тунисцев, друзов, курдов, мамлюков, маронитов – настоящее «людское море», пестрящее разноцветными тюрбанами, кафтанами, шароварами, жилетами и платками; звенящее монистами и брелоками. «Здесь нет и двух человек, одетых одинаково, – пишет Амичис. – Одни укутаны с головы до пят, другие разряжены как дикари... мужчины, одетые как женщины, женщины, выглядящие как мужчины, и крестьяне с горделивой поступью принцев...»

Покорившись захватчикам, Константинополь сохранил себя. Подобно своей великой предшественнице, Римской империи, Византия оказалась бессмертной. Она продолжалась в пышных

церемониях султанского двора, в турецком законодательстве, имперских амбициях и блюдах оттоманской кухни. Царственный византийский орел был низвергнут, но над Стамбулом по-прежнему развевались флаги с белым полумесяцем – символом старого Константинополя.

Османы набросили на Константинополь паранджу, окутали его восточной прелестью и мусульманской мистикой – однако все видимые трансформации оказались внешними. Кроули, проследивший, как изменилась столица Византии под турецким влиянием, отмечает, что жизнь османского Стамбула давала богатую пищу для зрения и слуха. Стамбул был городом деревянных домов, стройных кипарисов, изящных надгробий, крытых рынков и суетливых мастерских. Каждая этническая группа имела свой квартал – и местные жители могли увидеть море, бросив взгляд с улицы или с балкона мечети. Азан облетал Стамбул из конца в конец от рассвета до заката – и был столь же привычен, как крики уличных торговцев.

На берегах Босфора рождались, любили, работали и умирали представители сотен национальностей. Пример типичного османского сановника являл собой генерал Мехмед Эсад-паша. Он говорил по-турецки с греческим акцентом, по-французски – с немецким акцентом, а по-немецки – с ужасным швабским акцентом, которым пугал всех, включая кайзера Вильгельма II. Единственным языком, на котором паша говорил без акцента, был греческий. В 1913 году, когда генерал в ходе Первой Балканской войны сдавал свой родной город Янину греческой армии, он обратился к вражескому командующему – принцу Константину – по-гречески. Тот попросил пашу

говорить по-французски: тогда будущий король Греции Константин I еще плохо знал греческий язык.

Теоретически любой султанский подданный мог занять высокую должность. Ибрагим-паша - великий визирь Селима I - родился в семье рыбака. Великий визирь и зять Сулеймана I, Рустем-паша, был сыном пастуха. За всю историю Порты насчитывалось 216 великих визирей; из них турок менее половины (91 человек). 32 визиря были албанцами; 16 - босняками; 14 - сербами; 7 - хорватами; 6 - греками; 3 - крымскими татарами; 3 - армянами и 1 - итальянцем; среди прочих - абхазы, черкесы, венгры, болгары, курды, абазины, помаки и лазы, а также рожденные от смешанных браков.

История сохранила имена османских адыгов, кумыков, лезгин, лакцев, агулов, даргинцев, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, аварцев, убыхов - военачальников, политиков, чиновников и писателей. Их предки попали в Османскую империю в качестве рабов: так, в султанских гаремах было немало абхазок, осетинок и черкешенок. В венах падишахов текла черкесская кровь.

В XIX веке число выходцев с Северного Кавказа увеличилось. Вследствие Кавказской войны (1817-1864) в Стамбул стекались мухаджиры - переселенцы с территорий нынешних Чечни, Ингушетии, Дагестана и прочих кавказских земель. В конце XIX века маршал Берзерк Мехмед Зеки-паша (убых) создал элитные полки «Хамидие», названные в честь Абдул-Хамида II и экипированные по черкесскому образцу. В их составе числился легендарный кавалерийский полк султанской гвардии «Эртугрул» - в годы Первой греко-турецкой войны (1897) его одним из первых отправили на фронт. Фаусто Зонаро - придворный художник Абдул-Хамида II

- запечатлел выезд кавалеристов из Стамбула на картине «Полк “Эртугрул” переходит Галатский мост» (1901).

Национальная разведывательная организация Турции считает одним из своих основателей черкеса Эшрефа Кушчубаши (1886–1949). Кабардинцы участвовали в строительстве Багдадской железной дороги. Махмуд Шевкет-паша - великий визирь Мехмеда V и первый генералиссимус в истории Турции - имел чеченские корни. Гази-Мухаммад - сын предводителя кавказских горцев имама Шамиля - умер в звании османского мушира. Зимой 1871 года он, нарушив обещание, данное Александру III, покинул Россию и отплыл из Одессы в Стамбул, где поступил на службу к Абдул-Азизу. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) Гази-Мухаммад командовал 3-й кавалерийской бригадой, сформированной из горцев Северного Кавказа, иммигрировавших в Порту.

Особую роль в империи играли грузины. Османы именовали их «благородным племенем» (кавим-инесиб). Грузин присутствовали на всех уровнях управления Порты - к «благородному племени» принадлежали 17 великих визирей, 6 шейх-уль-исламов, десятки министров, сотни пашей и улемов. Отдельного упоминания достойны 23 грузинки - жены и матери султанов. Супруга Мустафы III, Михришах (известная как Гюрджю Гюзели, «грузинская красавица»), основала в Стамбуле благотворительный фонд. По инициативе другой валиде-султан, Безмиалем (матери Абдул-Меджида I), были построены фонтаны и школа в Фатихе, деревянный мост через Золотой Рог (сейчас на его месте находится Галатский мост) и больница Вакиф Гуреба в районе Башакшехир.

Грузины отличались преданностью Османской династии. В 1808 году мятежники ворвались в Топкапы, убили Селима III и намеревались лишить жизни

будущего султана Махмуда II. По легенде, юношу спасла грузинская калфа Севри. Сперва она прятала Махмуда в своей комнате, потом закрывала его от бунтовщиков собственным телом – и, наконец, с помощью евнухов вывела шехзаде из гарема и укрыла в надежном месте. Заняв престол, Махмуд осыпал калфу всевозможными почестями, а после смерти Севри велел похоронить ее рядом со своей матерью Накшидиль в тюрьме при мечети Фатих.

Нельзя забывать и о курдах. На рубеже XIX – XX веков в Стамбуле сформировалась курдская интеллектуальная и административно-политическая элита. Будучи «окном в Европу» для Ближнего и Среднего Востока, город привлекал курдов из Турции, Сирии, Ирака и Ирана. На берегах Босфора они приобщались к западной культуре, занимались наукой и искусством, издавали книги и журналы. Курдские вилайеты (провинции) – Диярбакыр, Эрзурум, Сивас – имели тесные коммерческие связи с османской столицей.

Эта система взаимодействия рухнула в 1923 году, когда Ататюрк начал политику ассимиляции курдов – но в 1990-х годах Стамбул опять получил неофициальный статус курдской столицы Турции (вскоре этот статус перешел к Диярбакыру). В наши дни стремление к независимости отнюдь не мешает курдам селиться на берегах Босфора. Курманджи является вторым по распространенности языком в Стамбуле. Известный курдский журналист Ариф Зереван утверждает, что сейчас, как и до 1453 года, город не принадлежит туркам, – но эта точка зрения справедлива и применительно к османской эпохе.

Столица Блистательной Порты представляла собой гигантский плавильный котел, где смешивались языки и национальности, религии и культуры. На берегах Босфора родилась космополитичная легенда: турок,

араб, перс и грек проголодались и решили вскладчину купить что-нибудь съестное. Турок захотел изюм, араб – инаб, перс – ингур, а грек – стафилион. Завязалась ссора – и тут к спорщикам подошел человек, знавший все четыре языка. Он взял деньги и принес то, что желал купить каждый, – виноград.

«Что за странный город Константинополь! – восклицает Нерваль. – Турки, армяне, греки и евреи – дети одной земли, и поэтому они лучше ладят между собой, чем жители разных частей Франции или разных ее провинций». Армяне, греки и евреи составляли три главные немусульманские общины Стамбула.^[61] Материальных следов их пребывания в городе хватит на три путеводителя – «Стамбул греческий», «Стамбул армянский» и «Стамбул еврейский».

Каждая из этих общин изначально проживала весьма компактно в пределах конкретной городской территории. Подробную картину заселения дает Робер Мантран. Так, греки проживали вдоль южного побережья Золотого Рога (от Балата до Джибали); вдоль Мраморного моря (от Студиона до Кумкапы и Саматьи); вдоль земляных валов в районе Топкапы; вдоль северного побережья Халича (в Галате, Топхане, Касым-паше и Хаскёе); в босфорских и черноморских деревнях (Арнавуткёе, Тарабье, Куручешме, Еникёе и Бюйюкдере); а также в азиатской части Стамбула (в Ускюдаре и Ченгелкёе). Евреи жили на берегах Золотого Рога от Эминёню до Балата (особенно в кварталах Бахчекапы, Балыкпазары и Ункапаны); в Эдирнекапы, Галате и Хаскёе (позже Хаскёй стал основным еврейским районом Стамбула). Армяне селились в районах Сулумонастыр и Саматья, арабы – в Галате, персы – в Мехметпаше и Ускюдаре, цыгане – вдоль крепостных стен (особенно в Сулукуле, около ворот Эдирне). Новоприбывшие греки обосновывались в

Нарликапы, Кумкапы и Фенере. Фенер долгое время был сугубо греческим семтом, известным как Фанар. Его главной достопримечательностью являлся византийский маяк, установленный на берегу Халича; от названия района появилось слово «фонарь».

Греки издавна считали Стамбул своим городом. Согласно преданию, Константинополь вырос из греческого поселения Византий (Бизантиум), которое основал Визант – потомок древнегреческих богов. Берега Босфора заселяли выходцы из Греции. Официальным языком Византии с VII века и до 1453 года был греческий – поэтому средневековый торговый маршрут, идущий от побережья Балтийского моря в Константинополь, именовался «путем из варяг в греки».

«Константинополь без греков – не Константинополь», – гласит старая пословица. Стамбул стоит на руинах византийской цивилизации. Несмотря на бунты и пожары, в городе сохранилось несколько прекрасных греческих зданий, в первую очередь – церквей. Ощутить атмосферу византийской столицы можно не только в Айя-Софии – есть и церковь Христа Спасителя в Полях, бывшая частью монастыря Хора. В XV веке османы замазали фрески Хора штукатуркой, пристроили к церкви минареты и превратили ее в мечеть Карие. В 1948 году по приказу Ататюрка она стала музеем.

Церковь Карие (Хора) располагается в Фатихе. Император Феодосий II возвел ее к югу от Золотого Рога – за пределами городских стен, в полях. По фрескам и мозаикам Карие можно прочитать историю Иисуса Христа и воспроизвести рассказы о чудесах, которые Он творил. На стенах и потолке церкви запечатлены сцены из Нового Завета. Сон Иосифа, бегство Святого семейства в Египет, ангелы и апостолы, Страшный суд и Второе пришествие Спасителя, Ад и Рай – вот основные эпизоды дивной росписи.

Еще одним интересным греческим храмом Стамбула является церковь Панагии Мухолиотиссы (Марии Монгольской) в Фенере. Она находится недалеко от другой греческой церкви – Богородицы Паммакаристы (переделанной в мечеть Фетхие). В отличие от прочих храмов Стамбула, церковь Панагии Мухолиотиссы не была мечетью – Мехмед II велел оставить собор христианам. По легенде, он выполнил просьбу греческого архитектора, который возвел для султана мечеть Фатих на месте разрушенного турками собора Святых Апостолов. Копия указа о неприкосновенности церкви Панагии Мухолиотиссы хранится в ней с конца XV века по настоящее время.

История церкви Панагии Мухолиотиссы (Марии Монгольской) полна тайн, загадок и неточностей. Имеющиеся о ней сведения позволяют восстановить только общую картину. Первое название собора произошло от слова «Мухолион» – местности в Египте (в XIII веке выходцы оттуда заселили несколько кварталов в Фенере). Второе название появилось благодаря Марии Деспине – внебрачной дочери василевса Михаила VIII Палеолога, которая учредила женский монастырь, позже превратившийся в церковь и получивший ее имя.

Судьба Марии оказалась трагической. В 13 лет отец отправил ее на Восток, дабы выдать замуж за монгольского хана Хулагу – внука Чингисхана. Караван с невестой и свадебными дарами шел так долго, что Хулагу скончался от болезни, – и по приезду Мария досталась его сыну Абаке. Прожив в гареме несколько десятилетий и похоронив своего господина, женщина вернулась в Стамбул и постриглась в монахини под именем Мелании. Проведя долгие годы среди язычников и мусульман, она осталась христианкой и основала женский монастырь, которому посвятила всю оставшуюся жизнь. Стамбульцы называют церковь

Марии Монгольской Кровавой или Красной – из-за цвета ее купола.

В 1453 году держава Палеологов развалилась. Взяв Константинополь, Мехмед II хотел сохранить на прежних должностях некоторых представителей старой греческой аристократии. В частности, он назначил на пост аги (губернатора) Стамбула Луку Нотараса – последнего мегадуку^[62] погибшей Византии. Выбор Фатиха объяснялся тем, что Лука выступал против союза Византии с Римом. «Лучше увидеть в городе турецкую чалму, чем латинскую тиару», – заявил он однажды василевсу Константину XI.

Спустя 5 дней после падения византийской столицы Мехмед устроил пир. Когда султан опьянел, кто-то шепнул ему, что у стамбульского аги есть необычайно красивый 14-летний сын. Мехмед держал гарем как из женщин, так и из мальчиков – поэтому он послал евнуха в дом Нотараса с требованием отдать ему юношу для любовных развлечений. Оба старших сына Луки погибли в битве за Константинополь – и он отказался подвергнуть своего младшего отпрыска позорной участи. За непокорным вельможей отправили стражников – и вскоре они привели к султану Нотараса вместе с его сыном и зятем. Лука вновь отказал Фатиху, и тот велел обезглавить агу и обоих молодых людей. Последним желанием Нотараса было, чтобы сына и зятя казнили раньше него, дабы их не огорчил вид его смерти. Мехмед положил отрубленные головы на праздничный стол и продолжил пировать.

Расправа над Лукой Нотарасом спровоцировала греческие погромы, но уничтожение греков не входило в планы падишаха. Напротив – Мехмед распорядился восстановить Константинопольский патриархат и избрать патриарха; так маленький район Фенер на

берегу Золотого Рога превратился в греческий центр гигантской Османской империи.

История константинопольской патриархии – это вечная история роскоши и могущества, окончившаяся многими скорбями. Бродский говорит, что христианство на берегах Босфора «овосточилось» и его подлинная сущность подверглась искажению: «Византия была мостом в Азию, но движение по этому мосту шло в обратном направлении... Да, спору нет, Христианство номинально просуществовало в Византии еще тысячу лет – но что это было за Христианство и какие это были христиане – другое дело».

По мнению некоторых историков, вечные религиозные споры греков стали одной из главных причин падения Византии. Константинопольский патриархат отражал суть паствы, аккумулировал ее грехи и дурные наклонности. Гиббон, посвятивший половину 6-го тома «Истории упадка и разрушения Великой Римской империи» Ближнему Востоку и Средиземноморью, отмечает, что константинопольские греки возбуждались от одного только духа религии – но этот дух производил лишь злобу и разлад.

Монтескье напрямую обвиняет греческих священников в катастрофе. Монахи пользовались большим влиянием при византийском дворе, однако это влияние слабело по мере того, как двор развращался; в итоге и монахи, и приближенные василевса были поражены злом. Императоры прилагали невероятные усилия, дабы то успокаивать, то разжигать теологические споры, которые становились тем горячее, чем незначительнее была их причина. Монтескье приводит типичный для Византии пример отношений между патриархом и василевсом: однажды Андроник I Комнин сказал патриарху, чтобы тот не вмешивался в управление государством. Патриарх ответил: «Это все равно, как если бы тело говорило

душе: “Я не желаю иметь ничего общего с тобой, я не нуждаюсь в твоей помощи для отправления свойственных мне обязанностей”».

В самом титуле константинопольского патриарха заключена жестокая насмешка – он подобен призраку, ибо содержит гордое имя поверженного города. Пережив Византию, патриархия утратила власть и богатство. Греческие священники оказались между молотом и наковальней: сначала они были христианами в мусульманской Порте, потом – в светской республике Ататюрка. Сегодня резиденция патриарха в Стамбуле отреставрирована – но, по всей видимости, историческая миссия патриархии давно окончена.

Первым Вселенским патриархом османского периода стал монах Геннадий Схоларий. Помимо сана, Мехмед II пожаловал ему титул паши и право на земельную собственность. К патриарху следовало обращаться так, как раньше обращались лишь к василевсам, – «*megas authentes*» («великий государь»). Турки с трудом произносили греческие слова (поэтому Адрианополь был переименован в Эдирне, Смирна – в Измир и т. д.). Титул патриарха в турецком произношении звучал как «эфенди» (тур. *efendi* – правитель, хозяин). Постепенно так стали называть уважаемых мужчин. В наши дни обращение «эфенди» применяется по отношению к мужчинам среднего и пожилого возраста.

При Геннадии Схоларии христиане получили вместо переделанного в мечеть собора Святой Софии большую пятиглавую церковь Святых Апостолов, которая явилась прообразом для всех последующих многокупольных православных храмов (в т. ч. на Руси). В 1461 году церковь Святых Апостолов снесли и воздвигли на ее месте монументальную мечеть Фатих – одну из главных мечетей султанского Стамбула, призванную напоминать о завоевателе и служить местом его упокоения.

Греческого патриарха эти пертурбации не коснулись – еще в 1456 году Геннадий Схоларий с разрешения Мехмеда II перебрался в церковь Богородицы Паммакартисты, оставшуюся после династии Палеологов.

В 1486 году Мурад III велел переделать церковь Богородицы Паммакартисты в мечеть Фетхие. Обездоленный патриархат переезжал с места на место, пока в 1601 году не обрел новый дом в соборе Святого Георгия.

Генри Мортон, удостоившийся аудиенции у константинопольского патриарха Вениамина I, вспоминает, как ожидал приема в его резиденции. Журналист сравнивает свой визит с посещением знатного, но обедневшего семейства. Комната, отведенная Вениамину I, была приемной патриархов, которые прежде короновали византийских монархов, служили у алтаря Святой Софии и состязались в могуществе с самим Папой Римским. Они преклоняли колени лишь перед василевсом и шествовали по страницам истории в раззолоченных одеждах, похожих на одеяния святых на иконах. Спустя столетия тени Комнинов и Палеологов жили в маленьком доме в Фенере – и роскошная Византия будто съежилась до размеров темной комнатки, где сидел Мортон.

На момент посещения Мртоном Стамбула судьба тамошних греков, армян и евреев уже не была связана с конкретными семтами и махалле – в результате пожаров, погромов и эпидемий они покинули город либо расселились по всему Стамбулу. Местные армяне считают себя коренными жителями. Они правы: их далекие предки появились на берегах Босфора очень давно. Армянский историк XVII века Аракел Даврижеци рассказывает, что в незапамятные времена «весь народ армянский... разбрелся и рассеялся по всему свету: на

Кипр, в Константинополь и города, расположенные вокруг него...»

Армяне играли значительную роль в византийской столице. 29 императоров и императриц были армянского происхождения (Лев V даже получил прозвище «Армянин»). В X веке правители из Македонской (армянской) династии сделали Византию великой державой. Армянский язык был государственным наравне с греческим. Отпрыски знатных армянских родов (Арцруни, Пакурианы, Торониты и др.) замещали ключевые посты в госаппарате, были священниками и военачальниками, занимались торговлей, наукой и искусством.

В числе выдающихся константинопольских армян – полководец Нарсес, подавивший вместе с Велизарием восстание «Ника» (532), математик Николай Артавазд, а также патриарх Константинопольский Иоанн VII Грамматик – известный (как и Лев V) своей активной иконоборческой деятельностью. Гонения на приверженцев икон разразились в 730 году по инициативе Льва III Исавра. С точки зрения иконоборцев, изображения святых были идолами, а их почитание – идолопоклонством.^[63] Сперва в Константинополе сняли икону с Влахернских ворот; затем изображения святых вынесли из Святой Софии. Потом пришел черед всех прочих храмов византийской столицы. Повсюду на улицах валялись гвозди, так что нельзя было пройти, не повредив ногу.

После завоевания Константинополя Мехмедом II армяне продолжали жить на берегах Босфора. Гибель христианского государства почти не отразилась на статусе его армянского населения; но поэт и музыкант Аракел Багишеци написал в 1453 году проникновенный «Плач о столице Византии»:

Окружили тебя неверные
И осквернили, Византия,
Стала посмешищем ты
Для соседей-язычников, Византия.

Константинопольским армянам повезло: Мехмед II был свиреп, но умен. В отношениях с ними султан не стал руководствоваться ни опытом Персии, ни опытом Византии – ибо модели, принятые этими империями, нельзя считать удачными. В VI веке персы завоевали территорию нынешней Армении, и в 571 году ее жители восстали. Католикос^[64] Ованес обратился за помощью к врагу Персии – Византии. В 572 году он приехал в Константинополь и встретился с василевсом Юстином II в храме Святой Софии. С тех пор двери, через которые католикос вошел в собор, называются Армянскими.

Однако византийские правители воспринимали армян как средство в достижении религиозного господства. Рим и Константинополь никак не могли поделить Вселенную – и увеличивали за счет армян свою паству и территорию духовно-политического влияния. В целом политика Византии заключалась в ослаблении армянских княжеств. Константинополь хотел подчинить себе Армянскую церковь.

Проницательный Мехмед II, в отличие от шаха и василевса, понимал, что дискриминация вызовет у армян лишь ненависть и отвращение к османам. Султан не запрещал армянам отправлять христианские богослужения – ведь армяне гордились тем, что первыми приняли христианство как народ еще в 301 году. Об их преданности своей вере повествует загадочная легенда.

В начале XVIII века в Париже умер один из знаменитейших узников в истории – Железная маска. Несчастным годами томился в заточении, а его лицо по

приказу Людовика XIV было скрыто от всех, даже от тюремщиков. Согласно одной гипотезе, таинственный узник являлся армянским патриархом Константинополя Аведиком Евдокаци. Дюма в романе «Железная маска» приводит эту версию, ссылаясь на рукописные воспоминания некоего французского дипломата. Из них следует, что патриарх был изгнан из Стамбула. По просьбе иезуитов его доставили во Францию, где бросили в темницу. Последним приютом священнослужителя стала камера Бастилии.

Аведик Евдокаци слыл непримиримым противником католицизма, а Франция как раз представляла интересы Католической церкви. Людовик XIV, подобно своим августейшим предкам, носил титул «Христианнейшего короля» – так величали французских монархов с 1614 года. Посол Франции в Константинополе, маркиз де Фериоль, пытался переманить патриарха на сторону католиков – но тот был непреклонен. В результате сплетенной маркизом интриги Евдокаци очутился в константинопольской тюрьме; но столичные армяне собрали гигантскую сумму – 800 тыс. франков золотом – и выкупили своего патриарха.

Фериоль не сдавался. Армянскому первосвященнику, бывшему еще и патриархом Иерусалима, предъявили крупный долг его предшественника – патриарха Минаса Амдеци. Разыгрался нешуточный скандал, и Евдокаци сослали на Кипр. Армяне Константинополя вышли на улицы с требованием освободить его – и маркиз решил, что во избежание волнений Аведик Евдокаци должен исчезнуть навсегда.

В 1706 году, осуществляя замысел Фериоля, французский консул Кипра подкупил слугу патриарха – и ночью тот проводил ничего не подозревающего старика на французское судно. Константинопольские

армяне, готовившиеся к возвращению Евдокаци из ссылки, узнали, что он бесследно исчез.

Аведик Евдокаци содержался в Марселе. Фериоль похитил его, не посоветовавшись с Людовиком XIV. Король, узнав о действиях маркиза, пришел в ярость. Евдокаци отправили из Марселя сначала в монастырь Мон-Сен-Мишель в Нормандии, а затем в Бастилию. Личность узника хранилась в тайне; его упрятали в надежную камеру, а на лицо надели железную маску. Надеясь обрести свободу и вернуться в Константинополь, патриарх принял католицизм; но французы не питали в отношении него никаких иллюзий. Через несколько лет они выпустили Аведика Евдокаци из Бастилии, но не позволили ему покинуть Париж. Летом 1711 года старик скончался.

Стоит усомниться в правдоподобности этой истории – но, как бы то ни было, дискриминация долгое время не затрагивала рядовое армянское население Порты. Американский политолог Гюнтер Леви не считает положение армян в Османской империи плохим либо угнетенным. По его словам, при системе миллетов ^[65], учрежденной Мехмедом II, армяне пользовались правами религиозной, культурной и социальной автономии. Многие армяне Ближнего Востока и Закавказья переселились в Стамбул, где работали торговцами, банкирами, ремесленниками и переводчиками. Султаны сотрудничали с армянами из других государств: например, Айвазовский дружил с Абдул-Азизом и Абдул-Хамидом II. Художник написал для Османской династии более 30 картин, за что был удостоен орденов и медалей.

Стамбульские армяне отнюдь не бедствовали. Об их коммерческих достижениях свидетельствует любопытный факт: в 1857 году одна немецкая газета советовала тем, кто собирался посетить столицу Порты:

«Не участвуйте в финансовых сделках с армянами». Династия Бальянов в течение 200 лет строила Стамбул; по слухам, даже Мимар Синан имел армянские корни. Армянский архитектор Ховсеп Азнавур в XIX веке реализовал уникальный проект «железной церкви» – болгарского храма Святого Стефана в Фенере, на берегу Золотого Рога. Грунт в месте постройки был слишком слабым для возведения каменного здания – поэтому храм собрали из металлических конструкций.

Армяне Стамбула выпускали около 50 газет и журналов на родном языке, открыли первый в столице кинотеатр, имели свои школы, типографии и орган самоуправления – Армянскую национальную ассамблею. Лишившись собственного государства, они превратили в центры армянской культуры некоторые города вне исторической родины – и одним из них стал Стамбул. Армянские районы столицы также славились питейными заведениями и базарами. Многие местные жители были музыкантами, фокусниками, кукловодами, акробатами, канатоходцами, дрессировщиками медведей и певчих соловьев, сказителями, поэтами, шутами и другими уличными артистами.

По утверждению знаменитого османского экономиста Берна Керестечяна, армяне были вовлечены во все сектора экономики. Они становились султанскими ювелирами и архитекторами, управляли валютными резервами, собирали налоги и таможенные пошлины. В XIX веке 16 из 18 крупнейших банкиров Османской империи были армянами.

Отец Керестечяна возглавлял стамбульскую таможню; дядя служил в МИДе, а затем перевелся в министерство финансов, которым во второй половине XIX века руководил Акоп Казазян-паша. Министром иностранных дел был Габраил Норадункян-паша – ранее он состоял в должности министра торговли. В XVII веке армянами были два великих визиря – Дамат Халил-паша

и Эрмени Сулейман-паша; при этом Халил-паша четырежды становился капудан-пашой. Ведущим производителем пороха для османской армии являлся Ованес Дадян-бей – его пороховые заводы находились на территории ильче Башакшехир. Особого внимания достойна армянская династия Гюльбенкянов. Ее родоначальник, Саркис Гюльбенкян, проделал путь от торговца коврами до учредителя банкирского дома. Сын Саркиса, Галуст, со временем превратился в нефтяного магната. Будучи создателем «The Iraq Petroleum Company», он фактически заложил начало нефтедобычи на Ближнем Востоке.

В Ереване на табличках и указателях выбиты имена выдающихся армян, которые работали в Стамбуле. Среди них – композитор Комитас, поэт и прозаик Даниэль Варужан, актер Ваграм Папазян и др. Турки называли армян «верблюдами империи»; европейцы шутили, что каждый армянин рождается бухгалтером. На берегах Босфора армяне составляли не только значительную часть врачей, инженеров, купцов и банкиров, но и большинство носильщиков. На заре XX века в османской столице насчитывалось 5 тыс. армянских мастерских, где работало 36 тыс. ремесленников. Также в городе проживали представители армянской интеллигенции. Эти образованные и трудолюбивые люди – художники, юристы, историки, меценаты – верно служили султану и надеялись на справедливое отношение. Литературный западноармянский язык сформировался на основе стамбульского городского диалекта. Армяне нежно любили Стамбул и называли его «Мец полис» («Великий полис»); столичных армян именовали «польса хаир» («армяне полиса»).

В то же время Стамбул регулярно сотрясали армянские погромы. Только в XIX веке их было несколько: общегородских (в 1870 и 1874 годах) и

локальных, бушевавших в отдельных районах: Бюйюкдере (1864), Кузгунджук (1866), Эйюпе (1868) и др. Самые страшные погромы имели место в 1894-1896 годах. Этот период ознаменовался событием, вошедшим в историю как «хамидийская резня» - уничтожением при Абдул-Хамиде II армян Османской империи, которые протестовали против курдских грабежей и повышения налогов.

В сентябре 1895 года в центре столицы была расстреляна демонстрация гнчакистов - членов армянской социал-политической партии «Гнчак». Затем по городу прокатилась волна убийств. Вскоре она охватила восточные регионы, где преобладало армянское население. Турецкие военные и полиция утопили в крови Эрзерум, Урфу и Битлис. Летом 1896 года члены партии «Дашнакцутюн» захватили здание Оттоманского банка в Стамбуле. Их действия спровоцировали очередную армянскую резню. 21 июля 1905 года один из участников захвата банка, некто Зарех, совершил покушение на Абдул-Хамида II возле мечети Йылдыз Хамидие. Зарех погиб от взрыва бомбы, но султан уцелел.

Все окончательно рухнуло весной 1915 года, когда лидеры младотурок Мехмед Талаат-паша, Исмаил Энвер-паша и Ахмед Джемаль-паша начали претворять в жизнь план геноцида - истребления и принудительной депортации армянского населения Порты. Кровавые следы из 1915-1916 годов тянутся прямым ходом к 1894-1896 годам. Американский дипломат Генри Моргантау в мемуарах приводит слова Талаат-паши: «Ненависть между армянами и турками в настоящее время так сильна, что мы должны покончить с ними. Если мы этого не сделаем, они будут нам мстить».

Английский путешественник Филип Марсден сообщает, что творилось в Стамбуле. 24 апреля 1915

года власти арестовали 600 именитых армян; еще 5 тыс. человек согнали из армянских кварталов. Мало кто из задержанных остался в живых. Есть легенда о том, как была запущена машина геноцида. Младотурки предложили армянам разработать новую османскую конституцию. Когда парламентарии принесли законопроект, их заперли в здании и убили. Самых богатых и авторитетных подвесили за ноги и живьем содрали с них кожу.

Армяне называют геноцид «Мец Егерн» (арм. ՅԴ ԴԿՅՄ – Великое злодеяние). Грабежи, аресты, казни, голод, унижения – вот через что пришлось пройти тем, кто жил в Стамбуле веками, строил этот чудесный город, торговал на его пестрых базарах и молился в его строгих григорианских церквях. Геноцид положил конец и дружбе Айвазовского с Абдул-Хамидом II: художник демонстративно выбросил все османские награды в Черное море.

Армянская диаспора появилась именно тогда, в первой половине непредсказуемого XX века. Пока европейцы убивали друг друга на фронтах Первой мировой, армяне, подобно гранатовым зернам, рассеялись по всему миру. Среди тысяч стамбульских армян, бежавших от геноцида, были родители Шахнура Вахинака Азнавуряна – великого шансонье Шарля Азнавура. Спасаясь от гибели, они преодолели Сирийскую пустыню. Спустя десятки лет Азнавур напишет в автобиографии: «Я думаю о том, что мог никогда не увидеть солнца».

Несмотря на итоги стамбульского трибунала над младотурками (1919–1920) и вынесение их лидерам смертных приговоров, турецкое правительство отрицает геноцид. Основы этой политики сформулировал Ататюрк: в 1919 году он привел классические оправдания агрессии и открыто возложил вину на армян. Гражданам, признающим геноцид,

грозит уголовное преследование – как это произошло с рядом представителей стамбульской интеллигенции, включая лауреата Нобелевской премии Орхана Памука. Еще один узник совести – Хасан Джемаль, внук Ахмеда Джемалья-паши, политический обозреватель из Стамбула. По замечанию журналиста Ахмеда Турана Алкана, в Турции слова «армянин» и «грек» даже сегодня употребляются в качестве ругательства.

Геноциду армян в Порте посвящены сотни работ – как научных, так и откровенно пропагандистских. Интересно мнение Гранта Динка (1954–2007) – публициста, общественного деятеля и одного из лидеров армянской диаспоры Стамбула. «Турецко-армянские отношения необходимо извлечь из колодца глубиной в 1915 метров», – говорил Динк. Он сочувствовал обоим народам – и в январе 2007 года был убит турецким националистом в центре Стамбула.

Впрочем, эта книга – не про геноцид. Она – про Стамбул. Доподлинно известно лишь одно: в результате трагедии 1915–1916 годов армянское население Порты и, в частности, Стамбула резко сократилось – но не исчезло.

Еще одной важнейшей немусульманской общиной Стамбула, во многом разделившей судьбу греческой и армянской, является еврейская община. Французский историк Эвелин Патлажан отмечает, что X век ознаменовался для Восточной Римской империи расцветом торговли – причем ей занимались еврейские купцы. Главными коммерческими центрами являлись Константинополь, Фессалоники (Салоники) и Трапезунд (Трабзон). Обозначенная динамика усилилась в XI веке – и Константинополь превратился в крупный международный экономический центр. Начиная с XI века византийская столица представляла собой мегаполис. На берегах Босфора сложилось

мультикультурное урбанистическое общество, в котором евреи играли не последнюю роль.

Будучи исключенными из многих профессий, традиционных для христиан и мусульман, евреи заняли ведущее место в бизнесе и заложили основы современного банковского дела. Ключевые банкирские дома на планете принадлежат отпрыскам старинных еврейских родов – Ротшильдам, Голдманам, Барингам, Лоебам и др. Основатели еврейских финансовых династий были менялами и ростовщиками. Эти старики сидели в грязных конторках по всей Европе и Ближнему Востоку (в первую очередь – в Багдаде, Дамаске, Каире и, конечно, Константинополе) – и неумолимо копили богатство для своих детей и внуков. Гобсек, увековеченный в романе Бальзака, являл собой сформировавшийся и узнаваемый образ еврея-ростовщика.

Первые упоминания о стамбульских евреях относятся к IV веку – они населяли район Халкопратея (греч. χαλκοπράτεια – медный рынок) и занимались изготовлением и продажей изделий из меди. В 381 году в Халкопратее уже действовала первая на берегах Босфора синагога. Евреи любили Константинополь и считали его своим – на иврите этот город называется «Кушта». Правитель Восточной Римской империи Флавий Аркадий предоставил столичным евреям ряд привилегий, но его преемник Феодосий II по требованию христианского духовенства лишил их гражданских прав и переселил в предместье Стенум (нынешняя Галата). Для управления еврейской общиной василевс назначил специального чиновника; ее членам запретили отправлять религиозные обряды. Городские синагоги были переделаны в церкви.

При Юстиниане I византийские евреи также были ущемлены в правах – например, им не позволялось отмечать Песах, если он календарно предшествовал

христианской Пасхе. Раввинов обязали пользоваться греческим либо латинским переводом Библии при чтении проповедей. В 614 году Ираклий I запретил исповедовать иудаизм во всей империи – но еврейская диаспора Константинополя сохранилась благодаря помощи Мартины (супруги Ираклия) и их сына Ираклиона (будущего василевса Ираклия II).

Летом 636 года Омейяды разгромили византийцев в битве при Яр-муке. Немецкий ориенталист Август Мюллер рассказывает, что арабы отбросили врага в ущелья Гиеромакса, где учинили ужасную резню. Пехота – ядро императорской армии – была уничтожена. Не имея возможности собрать новое войско, Ираклий I удалился в Константинополь. Далее арабы завладели Сирией и Палестиной – и многие иерусалимские евреи бежали в византийскую столицу. Там они присоединились к своим единоверцам, которые активно участвовали в общественной жизни Константинополя – например, крупный городской мятеж 641 года был организован еврейской и армянской знатью.

В первой половине VIII века Ираклиеву ветвь василевсов сменила Исаврийская династия, опиравшаяся на иконоборческое движение. Столичные евреи оказались перед сложным выбором: им предлагалось принять христианство или покинуть Византию. Те, кто не пожелал отречься от иудаизма, уехали в Болгарию, Хазарию, Крым и на Кавказ.

Еврейская община Константинополя восстановилась только в конце IX века, когда император Лев VI Мудрый позволил свободно исповедовать иудаизм (большую роль в этом сыграл II Никейский собор 787 года, осудивший насильственное крещение). Константинопольским евреям были предоставлены гражданские и политические права. Отныне диаспору возглавлял совет старейшин, ведавший административными, финансовыми и религиозными

вопросами. Значительным авторитетом обладали талмудические и галахические мудрецы, дидаскалы (специалисты по вопросам культа) и руководители иешив (иудейских учебных заведений).

С XI века в Константинополе стали селиться караимы^[66]. На берегах Босфора жили и работали знаменитые караимские мыслители – Товия Бен Моше ха-Авел и Иехуда бен Элияху Хадасси. Несмотря на это, столичные евреи по-прежнему не являлись полноправными подданными Византии. В XI веке их опять принудительно выселили в Перу, и они ежедневно переправлялись через Золотой Рог, дабы торговать в городе.

Константинопольские евреи слыли не только хорошими торговцами, но и прекрасными врачами. Василевсы неоднократно прибегали к их услугам вопреки запрету православной церкви. Мануил I Комнин под влиянием придворного лекаря Шломо Мицри перевел еврейскую общину под юрисдикцию муниципальных властей. В мае 1182 года в Константинополе случился первый масштабный национальный погром: пострадали евреи и «латиняне» – католики из итальянских государств (венецианцы, флорентийцы и генуэзцы).

Городские средневековые летописцы сообщают, что в XI–XII веках евреи постоянно подвергались оскорблениям и унижениям: их заставляли исполнять обязанности палачей (палачи считались изгоями) и запрещали ездить верхом (запрет не распространялся лишь на лейб-медика Шломо Мицри). Несмотря на это, Константинополь оставался крупнейшим еврейским центром Византийской империи. Евреи занимались коммерцией, выделкой кожи, изготовлением медных изделий и шелкоткачеством. В 1203 году крестоносцы, осаждавшие город, сожгли еврейский квартал в Пере, и

уцелевшие иудеи рассеялись по побережью Мраморного моря. В 1275–1453 годах в городе проживали только купцы еврейского происхождения из Генуи и Венеции.

Османское завоевание 1453 года изменило историю еврейской общины Стамбула. Ее члены получили статус зимми, который берет начало в VII веке и является моделью взаимоотношений мусульманского государства с его неисламским населением. Статус зимми предполагал отсутствие политических прав, но формально гарантировал кафирам свободу вероисповедания и экономической деятельности, а также защиту от преследований – разумеется, за определенную плату (джизью). Это побудило многих евреев, бежавших из Константинополя в 1453 году, вернуться в город. Мехмед II выделил для них несколько кварталов на южном берегу Золотого Рога. Ради развития столицы султан переселял в Стамбул торговцев и ремесленников из Малой Азии и с Балкан. Большие группы евреев прибыли из Болгарии, Албании, Македонии и Греции.

Во второй половине XV века в Стамбул начали перебираться евреи из Баварии (их изгнал оттуда герцог Людвиг IX Богатый), а также из других германских земель, Австрии, Венгрии и Италии. На рубеже XV–XVI веков Стамбул захлестнула волна еврейских иммигрантов с Пиренейского (Иберийского) полуострова – иудеи самим фактом своего присутствия мешали испанской короне превратить Испанию в католическую державу. Османская столица приняла беженцев: согласно фирману Баязида II, иберийских евреев (сефардов) надлежало встречать добродушно. Это неудивительно: сефарды везли с собой деньги.

2 января 1492 года августейшие супруги Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская издали Альгамбрский (Гранадский) эдикт об изгнании со всех

территорий Испанского королевства евреев, которые до 31 июля того же года откажутся принять христианство. Тех, кто не выполнил предписания, предавали в руки инквизиции. В Испании существовала должность Великого инквизитора - в те годы ее занимал знаменитый своей жестокостью Томас де Торквемада.

Золотой век сефардов подошел к концу. Испанская монархия отплатила им черной неблагодарностью. Французский историк Гюстав Лебон отмечает, что прежде в Андалусии насчитывалось 125 процветающих городов; к 1492 году - по завершении Реконкисты - их стало 13. В Кордове, чье население достигало 1 млн человек, осталось только 42 тыс. жителей. Дело не только в том, что сефарды на протяжении 1500 лет обогащали Испанию и Португалию, но и в том, что победа над маврами стала возможна лишь благодаря финансовой поддержке еврейских банкиров.

Среди тысяч сефардов, обретших в Стамбуле новый дом, оказалась наследница аристократического рода Беатрис де Луна Мендес (Хана На-си). Рано овдовев и будучи невероятно богатой, она щедро помогала нуждающимся соплеменникам, за что получила прозвище «Донна Грация» («Милостивая госпожа»). Беатрис приехала в османскую столицу в 1553 году и вместе с племянником Иосефом Наси была представлена ко двору Сулеймана I. Иосеф подружился с шехзаде Селимом (будущим султаном Селимом II), а Донна Грация с разрешения Сулеймана руководила еврейской общиной города вплоть до своей смерти в 1569 году. Она славилась умом, предприимчивостью и благотворительностью, а также издала перевод Библии на ладино - язык средиземноморских евреев. Стамбульская синагога «Ла Сеньора» названа в честь Ханы Наси.

Помимо караимов и сефардов, на берегах Босфора проживали общины романиотов (коренных турецких

евреев) и ашкеназов (евреев из Центральной Европы). Последние перебрались в османскую столицу в 1520-х – 1530-х годах из венгерских земель, завоеванных Сулейманом I. Падишах выделил для них целое стамбульское предместье – Хаскёй. Несмотря на различия между общинами, все они воспринимались османской администрацией как один миллет, которым по традиции руководил лидер романиотов. Его основными полномочиями являлись сбор налогов, ведение внутренних дел иудеев и представление их интересов перед султанскими властями.

К середине XVI века численность еврейского населения столицы увеличилась до 50 тыс. человек. В Стамбуле жили выдающиеся иудейские мыслители и философы. Евреи доминировали в судовладении, банковском деле и коммерции. Некоторые ремесла (например, производство огнестрельного оружия) начали развиваться только после прибытия в город евреев. Самые богатые и влиятельные члены общины чеканили монету и собирали таможенные пошлины. Их финансовая деятельность являлась одним из ключевых факторов расцвета Стамбула в XVI веке. Параллельно увеличивалось и благосостояние еврейской диаспоры: уже во второй половине XVI века некоторые иудеи владели роскошными особняками, не уступавшими дворцу великого визиря.

Об умении столичных евреев вести торговлю ходили легенды. Стамбульская поговорка гласит, что еврей может продать бедуину песок. Кнут Гамсун повстречал такого виртуозного продавца на Гранд-базаре. «Он – человек образованный, – пишет Гамсун, – он представляется: “Абдул! Бывал в Европе, в Америке на Всемирной выставке, владею всеми языками”. Это был еврей».

Помимо коммерции, стамбульские евреи преуспели в медицине, литературе, дипломатии. Они занимали

высокие посты, входили в ближайшее окружение султанов и пользовались немалым влиянием при дворе. Так, мужчины трех поколений сефардской семьи Хамон – Иосеф Хамон, его сын Моше и внук Иосеф – были личными врачами Баязида II, Селима I, Сулеймана I и Селима II.

Завоевав доверие падишахов, евреи выступали в защиту своих соплеменников: например, по просьбе Моше Хамона Сулейман I издал фирман, запрещающий обвинять евреев в ритуальных убийствах. Врач Шломо бен Натан Ашкенази добился отмены указа Мурада III об избиении стамбульских евреев за ношение дорогой одежды. В последней четверти XVI века огромную власть обрела Эстер Хандали (Эстер Кира) – фаворитка Сафие-султан, матери Мехмеда III. Эстер участвовала в разрешении дипломатических конфликтов и назначении высших чиновников империи; также, по слухам, она имела доходы со всех взимаемых в Стамбуле пошлин и собирала взятки для Сафие-султан. В 1600 году во время очередного бунта янычары разорвали Эстер на куски и прибили их к дверям домов горожан, дававших ей взятки.

Еврейская диаспора Стамбула не была однородной: так, в XVI – первой половине XVII века в столице насчитывалось около 40 еврейских общин, которые объединяли уроженцев одной страны или города. Каждая община придерживалась собственных обычаев, ревностно охраняла свою независимость и имела отдельную синагогу, суд и иные учреждения.

Первая половина XVI века ознаменовалась для Стамбула расцветом еврейского и армянского книгопечатания. В городе возникли десятки типографий. В отличие от Европы, в Порте иудейские книги не уничтожались, что привлекло на берега Босфора еврейских печатников из Италии, Испании и Португалии. Они привозили в османскую столицу не

только типографское оборудование, но и рукописи христианских, мусульманских и иудейских мыслителей. В 1493 году Давид ибн Нахмиас и его сын Шмуэль опубликовали первую в Порте печатную книгу – труд «Арбаа Турим» раввина Якова бен Ашера. В период с 1518 по 1530 год только в типографии ибн Нахмиасов вышло более 100 наименований книг.

В XVII–XVIII веках в Стамбул продолжали приезжать сефарды и ашкеназы, однако с XVII века положение столичных иудеев постепенно ухудшалось. Отчасти это объясняется экономическим и политическим кризисом в Османской империи при Мехмеде III и Ахмеде I. Кровавая расправа над Эстер Хандали в 1600 году означала, что община постепенно теряет силу и влияние. В 1633 году Мурад IV обвинил стамбульских евреев в убийстве мальчика из турецкой семьи. Заявление султана спровоцировало погром.

Экономический упадок и антисемитские настроения не были единственными причинами ослабления общины Стамбула. Настоящим бичом для иудеев стали пожары, уничтожившие ряд еврейских кварталов. После пожара евреи переселялись в другие части города – это повлекло за собой разрушение системы землячеств. Впрочем, столичные евреи оставались весьма состоятельными; например, в 1648–1649 годах они выкупили несколько тысяч иудеев, уведённых в рабство татарами. Благодаря обширным международным связям и дипломатическим усилиям стамбульской общины, деньги на выкуп пленных прислали также богатые евреи Амстердама, Рима, Венеции и Генуи.

В 1658 году произошло знаковое для стамбульской диаспоры событие: в городе 9 месяцев жил Шабтай Цви – центральная фигура крупнейшего в еврейской истории (после восстания Бар-Кохбы^[67]) мессианского движения. Раввины изгнали Шабтая из Стамбула, но

община раскололась: большинство считало проповедника мошенником или сумасшедшим, однако меньшинство его поддержало. Страсти по Шабтаю не угасали в столице до первой четверти XVIII века. Активная деятельность его единомышленников способствовала разобщению и упадку стамбульского еврейства – вплоть до того, что многие иудейские финансисты и торговцы, готовясь к приходу Мессии, забросили свои дела, и лидирующее положение в коммерции и банковском деле заняли греки и армяне.

XVIII век выдался для стамбульских евреев очень тревожным: муниципальные власти снова запретили им носить дорогую одежду; в городе возобновились погромы; основной еврейский квартал Хаскёй сгорел дотла в 1740 году и не был восстановлен. В 1715 году еврейские лодочники, осуществлявшие переправы через Босфор и Золотой Рог, организовали один из первых в мире профсоюзов. Позже профсоюзы создали рыбаки, виноторговцы и продавцы фруктов.

Реформы Танзимата значительно расширили права национальных и религиозных меньшинств Порты – теперь стамбульских евреев принимали на военную и гражданскую службу. В 1852 году Готье, гуляя по еврейскому району Балат, отметил, что местные жители уже не подвергаются унижениям и грабежам, но еще не чувствуют себя в безопасности – и потому разыгрывают «комедию нищеты». Готье характеризует иудеев Балата как грязных, скаредных и убогих, но отнюдь не бедных: они прячут золото под лохмотьями и мстят грекам и туркам ростовщицеством.

Столичные евреи, греки и армяне выживали благодаря своей образованности, изобретательности и коммерческой хватке – и здесь турки не могли составить им конкуренцию. В 1869 году османский политик Али Суави утверждал, что иудеи и христиане вкладывают все средства в торговлю, а мусульмане

тратят их на покупку земли. В 2009 году слова Али Суави подтвердил Эрдоган – будучи мэром Стамбула, он обнаружил, что евреи вместо приобретения недвижимости арендуют торговые места. Деньги, вложенные в бизнес, «работали», обогащая своих хозяев. «Мы, мусульмане, закапываем деньги в землю. Мы не участвуем в коммерческой жизни», – сетовал Эрдоган. Подобные моменты столетиями определяли ведущую роль иудеев в городской экономике.

К началу XX века численность еврейской общины Стамбула составляла около 55 тыс. человек. Большинство евреев обеднело: они занимались мелкой торговлей и рыболовством, трудились грузчиками и лодочниками. Некоторые зарабатывали на жизнь тем, что нарезали папиросную бумагу. В состоятельную верхушку входили крупные торговцы, банкиры и владельцы предприятий по производству одежды и предметов роскоши – так, под Стамбулом располагался единственный в Порте стекольный завод, принадлежавший еврею из Салоник. Среднюю прослойку составляли евреи, получившие светское образование, – они служили в стамбульских филиалах европейских банков и страховых обществ, работали в газовых и водопроводных компаниях, а также в госучреждениях. Высоких должностей достигали единицы (например, Элияху Кохен стал личным врачом Абдул-Хамида II).

Османская столица до Первой мировой войны представляла собой один из мировых центров сионизма^[68]. Голда Меир в автобиографии вспоминает о своем друге, израильском политике Моше Давиде Ремезе: он изучал право в Константинопольском университете, где познакомился с другими основателями еврейского государства: Давидом Бен-

Гурионом, Ицхаком Бен-Цви, Моше Шаретом и Виктором Якобсоном.

На рубеже XIX–XX веков Палестина как историческая область была частью Порты, но не являлась отдельной административной единицей: разделенная на три части, она входила в Сирийский и Бейрутский вилайеты и Иерусалимский санджак. Евреи понимали, что их мечта о переселении на родину осуществима лишь в рамках договоренности с султаном. Теодор Герцль (1860–1904) – основоположник доктрины сионизма – летом 1896 года приехал в Стамбул, где провел одиннадцать дней, безуспешно добиваясь встречи с Абдул-Хамидом II.

Есть мнение, что падишах отказался продать евреям Палестину – однако в годы его правления (1876–1909) иудеи получили право приобретать палестинские земли в частную собственность. Параллельно завершилась аграрная реформа, позволившая создать в Палестине рынок недвижимости. Евреи начали активно скупать в Палестине земельные участки, а затем и переселяться туда.

Герцль обосновал необходимость создания Эрец-Исраэль в памфлете «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» (1896). Имея на руках опубликованный программный труд, он через великого визиря Халиля Рыфат-пашу сделал Абдул-Хамиду II предложение, согласно которому еврейские финансисты помогут Порте расплатиться с долгами (общей суммой 85 млн фунтов стерлингов), а взамен султан разрешит евреям иммигрировать в Эрец-Исраэль. По легенде, падишах ответил: «Когда мою империю расчленят, вам, может быть, удастся заполучить Палестину даром. Но расчленить можно только труп империи – пока она существует, я никогда на это не соглашусь».

Идея переселения евреев на историческую родину была далеко не безобидной для целостности османского государства. Эпоха многонациональных империй, к коим относилась Блистательная Порта, заканчивалась. В конце XIX века в России возникло понятие «сын турецкоподданного»; так именовал себя и литературный персонаж Остап Бендер. На рубеже XIX–XX веков фраза «сын турецкоподданного» означала не «сын турка», а «сын еврея». В России для евреев существовали ограничения на место жительства, учебу, род занятий и т. д., включая черту оседлости. Многие евреи из южных губерний, недовольные ущемлением своих прав, принимали османское подданство. Для России они превращались в иностранцев, на которых прежние ограничения не распространялись. Еврей-коммерсанты становились подданными султана еще и для того, чтобы получить налоговые льготы.

Судя по всему, предки Остапа Бендера имели еврейское происхождение. После Октябрьской революции 1917 года некоторые евреи, переехавшие в Порту, вернулись в новую Россию с женами и детьми. Вероятно, отец великого комбинатора был одним из них. Одесситы Илья Ильф и Евгений Петров окрестили своего героя «сыном турецкоподданного», дабы не раздражать цензоров его национальностью, – и одновременно сделали ее понятной читателю.

Конечно, Абдул-Хамид II мог запретить евреям селиться в Палестине, но удержать их в городе на берегах Босфора уже не представлялось возможным. В первой четверти XX века число стамбульских евреев снова уменьшилось: они покидали османскую столицу во время Балканских войн (1912–1913) и Войны за независимость Турции (1919–1923) и бежали в Европу (преимущественно в Испанию и Францию). Среди них были представители знатных городских кланов – Леви, Герлахи, Карассо. За границей многие преуспели:

например, Исаак Карассо в 1919 году основал в Барселоне компанию «Danone» по производству йогурта. В 1940 году нацистская Германия оккупировала Францию, и эмигранты пожелали вернуться – но Турция не спешила их принимать.

Турки ссылались на логистические проблемы. Вывозить евреев морем в военных условиях было опасно, а в поездах – крайне затруднительно, ибо транзитные страны являлись союзниками Третьего рейха или пытались сохранить нейтралитет и потому не разрешали проезд евреев через свои территории. В то же время правительство Ататюрка соглашалось на репатриацию беженцев, от которых ожидало практической пользы. Так, до 1939 года Турецкая Республика приняла несколько сотен евреев – деятелей науки и культуры, спасавшихся от нацистского режима в Германии. Они реорганизовали Стамбульский университет, создали первую в городе консерваторию и обещали пройти воинскую службу (в 1941-1942 годах Турция ожидала немецкого вторжения и держала под ружьем миллионную армию).

Евреи прибывали двумя путями. Те, кто жил на юге Франции, отплывали в Стамбул из Марселя. Парижские и бельгийские евреи выезжали по железной дороге (для них к поезду, следовавшему в Стамбул, цепляли дополнительные вагоны). Вагонов и кораблей катастрофически не хватало, а сумма за возвращение в Турцию возросла с 3 тыс. до 10 тыс. франков. Евреям, оставшимся в Стамбуле, тоже пришлось несладко: в 1942 году турецкие власти сначала обложили иудеев Бейоглу огромным налогом на недвижимость, а потом сослали их в трудовые лагеря Ашкале – более чем за тысячу километров от Стамбула.

Несмотря на невзгоды, евреи, греки и армяне выживали всегда и везде. Одни рассеялись по миру, но сохранили свой язык и культуру; другие продолжили

работать уже в Турецкой Республике. Облик Стамбула был бы иным без коммерсантов Теодора Наума и Абрахама Камондо (первый подарил городу оперный театр, второй – знаменитую лестницу в Бейоглу); основателя современного турецкого театра Акопа Вардовяна; издателя почтовых открыток Макса Фрухтермана (благодаря ему до нас дошло множество видов старого Стамбула); отельера Мкртыча Токатляна; «королевы борделей» Матильды Манукян; писателей, журналистов и публицистов Этьена Махчупяна и Гранта Динка; актера и драматурга Мкртыча Пешикташляна; певицы Розы Эскенази; аккордеонистки Анаит Варан; династий султанских переводчиков Янакизаде, Калмакизаде, Ипсилантизаде и Михалзаде; композитора Амбарцума Лимонджяна (с помощью изобретенной им нотописи были зафиксированы тысячи османских музыкальных произведений); архитекторов Бальянов; поэта Константиноса Кавафиса; создателя турецкого алфавита Акопа Мартаяна; фотографов Базиля Каргопуло, Николая Андреоменоса, Мариам Шагинян – и, конечно, Ары Гюлера.

XX век ознаменовался для нетурецких общин города не только двумя мировыми войнами, геноцидом и холокостом: греки, армяне и евреи пережили Малоазийскую катастрофу^[69], гонения и погромы. Последний массовый погром произошел в Стамбуле 6–7 сентября 1955 года – тогда пострадали около 80 церквей, 4500 магазинов, 2500 квартир и 40 школ. Были поруганы христианские кладбища: турки разбивали надгробия, вскрывали могилы и оскверняли трупы. По словам Памука, все началось с того, что в Салониках агент турецких спецслужб бросил гранату в дом, где родился Ататюрк. Спецвыпуск стамбульских газет растиражировал эту новость в сильно преувеличенном виде – и на площади Таксим собралась разгневанная

толпа. Первым делом ее ярость обрушилась на лавки в Бейоглу; затем волна насилия захлестнула весь город.

Самые страшные события развернулись в греческих районах: Фенере, Ортакёе, Балыклы, Саматье. Погромщики по свирепости не уступали солдатам Мехмеда Фатиха, ворвавшимся в Константинополь в мае 1453 года, – они грабили и жгли магазины, врываются в дома, истязали гречанок и армянок. Любому немусульманину, очутившемуся на улице в ту ночь, грозило линчевание. Беспорядки превзошли все представления христиан и иудеев о восточной жестокости. На два дня город превратился в настоящий ад.

Погром 6–7 сентября 1955 года поставил точку в тысячелетней истории ромейской (греко-православной) общины города. Физически она не подверглась полному уничтожению, но ее привилегированный статус, обусловленный еще византийским наследием, был безвозвратно утерян. Эскалация враждебности к ромеям ускорила эмиграцию греческой диаспоры Стамбула. Спустя год после погрома знаменитый турецкий баскетболист греческого происхождения Яковос Билек направил письмо премьер-министру Аднану Мендересу, в котором просил дать грекам возможность «дальнейшего существования в нашей прекрасной и счастливой Турции». Мендерес не ответил.

История показывает, что межнациональные конфликты временно затухают, но при первом же удобном случае вспыхивают с новой силой. Если стамбульские греки и евреи отказались от мести, то армяне ничего не забыли и никого не простили. Геноцид служил оправданием деятельности армянских боевиков. В октябре 1919 года в Ереване состоялся IX съезд «Дашнакцутюн», на котором было решено начать операцию «Немезис», названную в честь греческой

богини возмездия. Ее целью провозгласили ликвидацию османских лидеров, виновных в геноциде. Французский исследователь Жерар Шальян считает эти события редким случаем, когда террористическим путем пытались восстановить справедливость и отомстить за истребление народа.

В 1975 году потомки армян, бежавших от геноцида в Ирак и Сирию, создали в Бейруте Армянскую секретную армию освобождения Армении (АСАЛА^[70]). В ее послужном списке – убийства турецких политиков, нападения на посольства Турции по всему миру и диверсионные мероприятия. Стамбул являлся желанной целью для АСАЛА – но единственный теракт (операция «Акоп Акопян») имел место 16 июня 1983 года, когда Мкртыч Мадарян открыл стрельбу на главном городском рынке – Гранд-базаре.

Впрочем, Стамбул издавна славится разнообразием наций, культур и религий. Восточный и западный, османский и турецкий, мусульманский и христианский, залитый кровью и опаленный огнем освободительных движений, желанный и недостижимый – этот город на протяжении столетий принадлежит всем и никому.

Греки, армяне и евреи по-прежнему живут на берегах Босфора. Стамбульская «маленькая Армения» располагается в районе Кумкапы. Авторитетные греческие семьи – Кантакузины, Палеологи – отдают детей в старинные школы Фенера: Зографион и Великую школу нации. В рыбных ресторанах исполняют рембетико – греческие любовные и блатные песни 1920-х – 1930-х годов. В Балате работают модные кафе. Район известен своими инстаграмными местами (например, «улицей с зонтиками» – Мердивенлы Мектеп; также популярны улицы с разноцветными домами – Киремит и Мердивенлы Йокуш).

Наряду с путеводителями «Стамбул греческий», «Стамбул армянский» и «Стамбул еврейский» можно написать еще один: «Стамбул русский». Связи Руси с Византией – а потом России с Османской империей и республиканской Турцией – всегда имели сложный характер. Константинополь был одним из лейтмотивов русской философии вплоть до XX века. Духовные соратники, непримиримые враги, политические противники и деловые партнеры – вот далеко не полный список эпитетов, которые характеризуют эти государства.

Будучи центром мира мусульманского, город на берегах Босфора долгое время представлял собой культурный центр русского мира. Следующая глава – о захватывающей истории взаимоотношений России и Турции, о влиянии Константинополя и Стамбула на становление и развитие русской государственности, а также о многовековых мечтах и традициях, не имеющих срока давности.

Глава 11

Русский Стамбул

Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок, и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать...

Федор Достоевский

История взаимоотношений Константинополя и Стамбула со славянскими народами – это тысячелетняя история борьбы и покорности, сотрудничества и соперничества. Сербь, хорваты и македонцы занимали важные государственные посты в Восточной Римской империи и Высокой Порте. Древнерусские князья вступали в браки с византийскими принцессами. Запорожские казаки бесстрашно плавали по Босфору и Черному морю, грабя и сжигая пригороды Стамбула. Османские султаны были родственниками Рюриковичей и Комнинов. Хюррем, любимая жена Сулеймана I, происходила из Западной Украины.

Полководец XIX века Константин Божецкий прославился как «польский отец турецкого патриотизма», а его правнук Назым Хикмет стал одним из лучших турецких поэтов XX века. Болгарский царь Фердинанд I носил тюрбан и называл себя кесарем – Такман отмечает, что он вел себя подобным образом даже на похоронах английского короля Эдуарда VII в 1910 году. Кроме того, Фердинанд хранил у себя императорский костюм, приобретенный у театрального костюмера, – царь надеялся однажды собрать все византийские владения под свой скипетр.

Список можно продолжить - но нас интересуют связи Константинополя и Стамбула с Киевом, Москвой и Петербургом. Принятие Русью христианства в 988 году, 8 русско-турецких войн, сражения на Кавказском фронте Первой мировой, белая эмиграция первой половины XX века - вот лишь верхушка айсберга, под которой скрывается кровавая и увлекательная история обоюдной ненависти и мощнейшего взаимного влияния.

Византийская империя была главной политической и духовной силой средневековой Европы - по крайней мере, до эпохи Крестовых походов. Константинополь, один из пунктов торгового пути «из варяг в греки», славился сказочными богатствами и выступал в роли наследника Древней Греции и Древнего Рима. После падения Западной Римской империи в 476 году василевсы считали себя законными римскими императорами. Православная вера и Православная церковь родились на берегах Босфора - это случилось в 1054 году после Великой схизмы (Великого раскола), в результате которой христианская церковь разделилась на Католическую на Западе (с центром в Риме) и Православную - на Востоке (с центром в Константинополе). Три Вселенских собора^[71] прошли в Константинополе. Иные значимые события - осуждение религиозных авторитетов, установление церковных праздников, Поместный Собор 879 года в храме Святой Софии и т. д. - также состоялись в византийской столице. Ромеи гордо именовали ее «Византидой» (в IX-XII веках); на протяжении же всей византийской истории они называли Константинополь «Василевуса полис» («город василевса»). Отсюда славянское название - Царьград.

Богатый Константинополь притягивал к себе захватчиков. Среди них были русы - IX-X века ознаменовались серией походов Руси против Византии.

В 862 году русы создали государство и активно осуществляли экспансию на юг. Взятие Царьграда сулило им баснословную добычу и позволило бы полностью контролировать путь «из варяг в греки». Славяне не раз пытались завоевать византийские земли.

На рубеже VIII-IX веков их целью стал Сурож (Судак в юго-восточной части Крыма), в 830-е годы - Пафлагония, в 970-971 годах - Фракия, в 988 году - Корсунь (Херсонес на юго-западе Крыма), в 1024 году - остров Лемнос в Эгейском море. Некоторые походы были ориентированы исключительно на захват Константинополя - так, в 860 году киевские князья Аскольд и Дир не смогли овладеть городом, но увезли большую дань. В 907 году великий князь Киевский Олег, по легенде, прибил свой щит к Золотым воротам Царьграда. Сведения о его ратных подвигах передает летопись «Повесть временных лет».

Стены Константинополя оказались неприступными - и Олег, согласно летописи, велел своим дружинникам приделать к кораблям колеса - «и когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу». Испуганные константинопольцы предложили князю большую дань и вынесли ему отравленное вино, но проницательный князь не принял его, чем и заслужил прозвище «Вещий». Греки выплатили Олегу колоссальную денежную сумму - Константинополь привык откупаться от врагов.

С легендарным походом Олега на Царьград связано возникновение православного праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Предание гласит, что 14 октября 907 года, когда византийская столица была окружена русами, святому Андрею Юродивому во Влахернской церкви Константинополя явилась Богоматерь - духовная покровительница и защитница города. Это случилось рано утром: в храме проводилось

всенощное бдение. Архиепиеей XVII века Димитрий Ростовский рассказывает, что присутствовавший на бдении Андрей Юродивый поднял глаза и узрел Пресвятую Деву Богородицу, стоящую на воздухе и молящуюся, сияющую солнечным светом и покрывающую людей Своим честным омофором^[72]. Андрей спросил у своего ученика Епифания:

- Видишь ли, брат, Царицу и Госпожу всех, молящуюся о всем мире?

Епифаний ответил:

- Вижу, святой отче, и ужасаюсь.

Как бы то ни было, константинопольцы в очередной раз спасли свой город. Спокойствие длилось недолго: в 940-941 годах князь Игорь (сын Рюрика - основателя династии Рюриковичей) решил повторить успех Олега. Первая его кампания окончилась неудачно; вторая же принесла военную добычу. О впечатлении, которое этот поход произвел на жителей Константинополя, говорит интересный факт: имя Игоря стало единственным из всех русских имен, попавшим в Суду - византийский энциклопедический словарь X века. В 944 году неутомимый князь собрал новую дружину и опять двинулся на Царьград - но василевс Роман I Лакапин выслал навстречу ему послов с богатыми дарами. Игорь принял дары и вернулся в Киев.

Год спустя он встретил свою смерть у древлян, которые не участвовали в набегах на Византию. Игорь увеличил размер взимаемой с них дани, и взбунтовавшиеся древляне убили князя. Вдова Игоря, Ольга, отомстила за гибель мужа и всерьез взялась за государственные дела. Кажется, она первая из русских правителей задумалась о том, что Константинополь может быть не только бездонной бочкой для пополнения княжеской казны.

Набеги русов на византийскую столицу продолжались. Святослав (сын Игоря и Ольги) пошел на Царьград в 970–971 годах и потерпел поражение от василевса Иоанна I Цимисхия. Пока он воевал, его мать занималась благоустройством подвластных земель. В 955 году она крестилась в соборе Святой Софии – главном храме христианского мира. Ольга приняла в крещении имя Елена и пыталась приобщить к христианству Святослава – но, как сообщает летопись, «он и не думал прислушаться к этому».

Внук Ольги, Владимир Святославович (Владимир Красное Солнышко), оценил роль христианства для укрепления своей власти – ведь Бог мог быть только один, как и государь. Послы Владимира, прибыв в Константинополь, посетили торжественную службу в соборе Святой Софии – и, потрясенные, поведали князю о великолепии храма и снизошедшем на них религиозном чувстве. Проанализировав возможные последствия, Владимир принял решение в пользу христианства по греческому обряду и крестил Русь в 988 году.

Принятие Русью христианства было вопросом времени. Еще в 860-х годах христианские проповедники из Солуни (Салоник), братья Кирилл и Мефодий, по приказу василевса Михаила III упорядочили письменность для старославянского языка и использовали новую азбуку (кириллицу) для перевода на славянский язык греческих религиозных текстов. Первые книги, появившиеся на Руси, привозились из Византии, первые школы были устроены по византийским образцам. Русские мастера обучались у ромеев строительству, иконописи, созданию фресок и мозаик. Памятники древнерусского зодчества имеют византийские прототипы – архитектурные или онтологические; например, Золотые ворота в Константинополе послужили прообразом для

одноименных сооружений в Киеве, Новгороде и Владимире. Концепция монументального храма Святой Софии легла в основу киевского и новгородского Софийских соборов.

Крещение Руси означало принятие греческой православной культуры и искусства. Многие имена, распространенные у славян, имеют греческое происхождение: Ангелина, Алексей, Василий, Денис, Ирина и др. С X века русским давали имена по святцам – церковному календарю с указанием дней памяти святых и праведников. После обряда крещения новоиспеченный христианин получал имя (греческое или еврейское) и небесного покровителя – носителя этого имени. Отсюда же берет начало русская традиция называть друг друга в быту не полными именами, но их сокращенными вариантами – в Средние века это делалось, дабы все не помянуть святого. Александр превратился в Сашу, Екатерина – в Катю и т. д.

Став официальной религией Русского государства, христианство определило его будущее на столетия вперед. Русь влилась в греко-православный мир. Русская церковь получила статус митрополии Константинопольского патриархата – а власть и влияние того патриархата были огромны. К тому же князь Владимир женился на Анне – сестре императоров Василия II и Константина VIII. Это был первый брак, заключенный между правящими династиями Киевской Руси и Византии. Два государства породнились на кровном уровне – менее чем через полвека после того, как Константин VII Багрянородный написал трактат «Об управлении империей» (949), адресованный своему сыну Роману II (отцу Анны). В этом трактате василевс выразил отрицательное отношение византийских правителей к династическим бракам с людьми из «нечестивых северных племен».

Постепенно династические связи между русскими князьями и представителями греческой аристократии расширялись. Некоторые браки представляли собой звенья длинной цепи событий – и начало этой цепи уже тогда терялось в глубине веков. Например, в 1043 году князь Владимир Ярославич (сын Ярослава Мудрого) напал на Царьград, планируя захватить его с моря, но почти 400 кораблей русов погибли – частично от шторма, частично от всепожирающего «греческого огня». Владимир командовал армией не один: ему помогал викинг Харальд – герой скандинавских саг, ранее служивший в Константинополе в знаменитой Варяжской страже. История, которую я расскажу далее, в очередной раз свидетельствует о том, насколько крепко сплетаются судьбы людей в городе на берегах Босфора.

Взяв в жены принцессу Анну и крестив Русь, Владимир Святославович не остался в долгу перед Василием II – в 988 году Болгаробойца получил от князя 6 тыс. отборных дружинников. Так в Константинополе появилась Варяжская стража – личная гвардия василевсов. Реорганизованные в тагму^[73], варяги были прекрасно вооружены и обмундированы; они славились железной дисциплиной и верностью хозяину. Офицеры с гордостью носили придворные звания, дарованные им правителем Византии. Местом размещения тагмы являлся Большой дворец, но при Комнинах (XI–XII века) она располагалась на восточном побережье мыса Сарайбурну и во Влахернском дворце.

С годами в состав гвардии вливались иностранные наемники – русы, хазары, лангобарды, саксы, даны, юты и др. Через службу в Варяжской гвардии прошли некоторые выдающиеся люди Раннего Средневековья – в том числе уже известный нам Харальд (будущий норвежский король Харальд III Суровый). В 1034 году он

приплыл в Константинополь и предложил свои услуги императору Михаилу IV Пафлагону. Михаил был наслышан о ратных подвигах викинга - ранее тот участвовал в кампаниях Ярослава Мудрого.

Карьера Харальда при византийском дворе завершилась в 1042 году, когда он принял участие в дворцовом перевороте, но сам пал жертвой интриг и бежал из Константинополя. В 1043 году будущий монарх вернулся на берега Босфора - теперь, командуя русским войском и будучи зятем Ярослава Мудрого, он смотрел на византийскую столицу взором завоевателя. Впрочем, Царьград устоял. В 1046 году стороны заключили мир - и в знак этого василевс Константин IX Мономах отдал Владимиру Ярославичу в жены свою дочь, ставшую впоследствии матерью Владимира II Мономаха.

Число русско-византийских браков быстро росло. Всеволод Ярославич (другой сын Ярослава Мудрого, впервые принявший титул князя всея Руси) взял в жены греческую княжну. Два внука Ярослава Мудрого также сыграли свадьбы с гречанками: супругой Олега Черниговского стала Феофания из знатного византийского рода Музалонов, а женой Святополка II - Варвара, дочь императора Алексея I Комнина. В 1200 году князь Галицкий Роман заключил брак с родственницей василевса Исаака II Ангела.

Ромеи тоже сватались к русским невестам. В 1104 году Исаак Комнин (сын Алексея I Комнина) женился на княжне Перемышльской Ирине (их дальним потомком был султан Мехмед II, взявший титул «цезарь Рума»). Владимир II Мономах выдал свою дочь Марию замуж за Льва Диогена (сына Романа IV). Родственные узы крепчали вплоть до падения Константинополя в 1453 году - так, Владимир Мономах приходился внуком василевсу Константину IX Мономаху, а Софья Палеолог (бабка Ивана Грозного) была племянницей и

наследницей последнего византийского императора, бездетного Константина XI Комнина.

Бракосочетание Великого князя Московского Ивана III с Софьей Палеолог в 1472 году устроил папа римский Павел II – на тот момент Стамбул уже 19 лет как являлся столицей Османской империи. В 1448 году Русская церковь отделилась от Византии и получила статус автокефальной (административно независимой). Интересно, что, несмотря на формальную (а после 1453 года – и реальную) самостоятельность Русской церкви, название «Русская православная церковь» было официально принято лишь в 1943 году; ранее одним из самых распространенных названий было «Греко-восточная российская церковь».

Несмотря на усилия папского престола, брак Ивана и Софьи не способствовал религиозному единению Руси и Рима, но повысил статус московских князей. Будучи мужем последней византийской принцессы, Иван III автоматически превратился в преемника римского императора и василевса – причем василевс считался повелителем всего православного Востока. На династическом гербе Комнинов красовался двуглавый орел – после свадьбы Ивана и Софьи он появился на печатях и гербе Московского княжества. Двуглавый орел также был символом Константинопольской православной церкви (древний барельеф с его изображением находится на фасаде собора Святого Георгия в стамбульском районе Фенер). Таким образом, герб Московского государства отображал исторические связи между Русью и Константинополем и выражал амбиции московских князей.

Оценив преимущества своего нового статуса, Иван III принял титул «государь всея Руси». Тогда же, на рубеже XV–XVI веков, родилась концепция «Москва – Третий Рим», провозглашающая Москву наследницей Рима и Константинополя и единственным оплотом

вселенского православия. Эта идея нашла закрепление в Уложенной Грамоте 1589 года, изданной от имени константинопольского патриарха Иеремии II. Основную мысль концепции высказал монах Филофей в письмах к Василию III (сыну Ивана III): «Первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать».

По замечанию английского философа Арнольда Тойнби, политическая миссия Третьего Рима никогда не сводилась к тому, чтобы спасти или реформировать Второй Рим – она виделась в том, чтобы заменить его. Освобождение Руси от татаро-монгольского ига, «собрание земель» вокруг Москвы, женитьба Ивана III на Софье Палеолог, завоевание Казанского и Астраханского ханств – все это подтверждало восприятие Москвы как Третьего Рима и оправдывало ее притязания на руководящую роль в Русском государстве.

В отношениях с соседями московские правители именовали себя царями всея Руси; первым это сделал Иван IV Грозный (внук Ивана III). Слово «царь» заимствовано у Византии и происходит от латинского «caesar» (цезарями и кесарями величали древнеримских императоров). Еще один титул московских государей – «самодержец» – является переводом византийского императорского титула «автократ» (греч. αὐτοκράτωρ – самовластный). Символом самодержавия на Руси стала шапка Мономаха. По легенде, Владимир Мономах получил ее от своего деда – василевса Константина IX Мономаха.

Константинополь выступил в роли духовного прародителя Древней Руси и «крестного отца» русской государственности. Воцарение Романовых в 1613 году открыло новую эпоху восприятия Россией византийского наследия – Романовы утверждали, что их род восходит к правителям Восточной Римской империи. Предание, зафиксированное в «Общем гербовнике дворянских

родов Всероссийской Империи», гласит, что династию Романовых основал боярин Андрей Кобыла, служивший московскому князю Ивану Калите. По официальной версии Кобыла был потомком южнобалтийских и древнепрусских князей – один из которых, Прус, был родственником римского императора Августа.

Правление Романовых ознаменовалось обострением «восточного вопроса». Российская держава стремилась к контролю над Босфором и Дарданеллами – и, соответственно, являлась для Порты опасным соперником. Геополитика тесно переплеталась с религиозными идеями: несмотря на падение Константинополя в 1453 году, город не утратил свое онтологическое значение для христианского мира. Собор Святой Софии, превращенный в мечеть, по-прежнему считался главным православным храмом. Стамбульские греки верили, что когда-нибудь их древняя столица будет им возвращена – и помочь ромеям должны были русские.

Освобождение Второго Рима от мусульман стало одной из ключевых идей русского мессианства. Если османов манило красное яблоко Константинополя, то русских привлекал его золотой крест. Царьград был символом и целью всех Русско-турецких войн. Водружение бело-сине-красного флага над городом превратилось в заветную мечту русских императоров. Фридрих Энгельс писал: «Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, – это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, но было бы также решительным шагом к господству над Европой».

К середине XIX века отношения между Российской и Османской империями оставляли желать лучшего. Назревала Крымская война (1853–1856) – и накануне ее Николай I назвал слабеющую Порту «больным

человеком Европы». Сегодня эта фраза представляет собой публицистический штамп, который используется в западной журналистике для характеристики любого европейского государства, переживающего социально-экономический кризис. Николай I решил, что пора захватить Стамбул – и что грядущая Крымская война будет удачной для России. В 1853 году в османскую столицу прибыл новый российский посол – князь Александр Меншиков, правнук знаменитого соратника Петра I.

Российская империя ощущала превосходство над Портой. Меншиков вел себя бесцеременно. Приближенные Абдул-Меджида I уверяли, что поведение князя объясняется лишь его невоспитанностью, а не военной мощью и политическими амбициями России. Однако султана беспокоило, что Меншиков, посещая заседания Дивана, где председательствовал Абдул-Меджид, никогда не кланялся – и тем самым грубо нарушал дипломатический этикет. Наконец, великий визирь придумал, как заставить князя поклониться. Османы сделали притолоку у входа в тронный зал – так низко, что не поклониться было нельзя. Увидев это, Меншиков согнулся и вошел в тронный зал спиной вперед.

Несмотря на доблесть русской армии, ни Крымская, ни последующие войны так и не привели к падению османской столицы. Форсирование Дуная, Крымская и Балканская кампании, подвиги героев Шипки и Плевны – все это было продиктовано главной целью российской политики на востоке: взять Стамбул, установить контроль над черноморскими проливами и осуществить сразу две вечные задачи России – стратегическую и духовную. Дипломат Федор Тютчев в стихотворении «Русская география» писал:

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...

В XIX веке русское православие переживало острый кризис - и в поисках решения внутренних проблем опять зазвучали предложения обратить взор на берега Босфора. Федор Достоевский отмечал, что Россия стремится заполучить Царьград «именно как предводительница православия, как покровительница и охранительница его» - эта роль предназначена ей еще с эпохи Ивана III. Овладев Стамбулом, Россия могла бы скорее выстроить и без того неизбежные политические отношения со всеми прочими православными народами - будь то славяне или греки. «Это будет... настоящее новое воздвижение креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия», - резюмирует Достоевский.

Россия интересовалась Стамбулом как в военно-политическом, так и в культурном отношении. На закате XIX века было учреждено первое российское научное общество за рубежом - Русский археологический институт в Константинополе (РАИК). Греческое название города подчеркивало, что организация имеет мощную духовную и идеологическую подоплеку. Устав РАИК утвердил император Александр III. Инициатором создания института и первым его директором стал выдающийся византинист, профессор Федор Успенский. РАИК (со дня открытия в 1895 году до упразднения в 1920 году) располагался в Студийском монастыре - главном монастыре средневекового Константинополя.

Сегодня печальные развалины Студийского монастыря на улице Имама Ашира (ильче Фатих) - менее чем в километре от крепости Едикуле и побережья Мраморного моря - напоминают о несбывшихся мечтах российских монархов.

Константинополь на протяжении веков оставался желанным и недостижимым для русских. Первая Балканская война (1912-1913) возродила надежду христиан на окончательное и бесповоротное изгнание турок из Европы. Армия христианского Балканского союза (Греции, Сербии, Болгарии и Черногории) разгромила армию Порты и едва не дошла до стен Стамбула.

Немусульманское население Балкан испытывало колоссальный патриотический подъем. Взбунтовавшиеся султанские подданные с яростью обрушились на турок. Сербь, румыны, болгары и черногорцы были вдохновлены идеологией панславизма и ирредентизма. Это значит, что жители Балкан боролись не только за независимость от Порты, но и за объединение своих народов в рамках национальных государств. Болгары, например, мечтали о провозглашении Великой Болгарии. Сербь хотели расширить свои границы от Дуная до Адриатики. Греки стремились к созданию Великой Греции (а то и к реставрации Византии со столицей в Константинополе).

Ослабевшая Порта не могла сопротивляться Балканскому союзу. 30 мая 1913 года стороны подписали в Лондоне договор, по которому Османская империя теряла свои европейские владения, за исключением Стамбула и его окрестностей, а также Албании (ее статус был оговорен позже).

Результаты Первой Балканской войны произвели огромное впечатление на современников - в частности, на русского поэта и прозаика Валерия Брюсова. В 1913 году он, как и многие русские, поверил в реальность восстановления креста над храмом Святой Софии - спустя 450 лет мусульманского господства. Тогда же Брюсов написал эссе «Новая эпоха во всемирной истории», где есть следующие слова: «Константинополь, по-видимому, остается в руках

турок. Но нет сомнения, что через несколько десятилетий, если не произойдет событий непредвиденных, он будет вновь обложен христианским воинством».

Возвращение Царьграда было одним из лейтмотивов русской культуры вплоть до первой четверти XX века, пока революция 1905–1907 годов и Первая мировая война не отодвинули его на второй план. Революция 1917 года и Гражданская война (1918–1922) окончательно лишили Россию возможности претендовать на османскую столицу – тем более что Порта рухнула и современный Ближний Восток создавался державами Антанты. Большевики отказались от притязаний на Царьград – и от многовековой мистической русской идеи, согласно которой, получив Константинополь, Россия стала бы неуязвимой как для внешних врагов, так и для разного рода бесов.

Поражение Белого движения и приход к власти большевиков повлекли за собой исход бывших царских подданных из России. В первой четверти XX века Стамбул захлестнула волна русской эмиграции. Автор книги «Белые русские в Бейоглу», профессор Босфорского университета Жак Делеон, чьи предки-белогвардейцы когда-то поселились в Стамбуле, отмечает, что это произошло неслучайно. После революции 1917 года «белые» рассеялись по всему миру, выбрав Турцию в качестве первой остановки на пути к свободной жизни. Для тех, кто бежал из России через Крым – а таких было большинство – Турция географически являлась самой близкой страной.

Грузинский востоковед Светлана Утургаури, изучавшая русскую эмиграцию, рассказывает, что все началось в 1918 году, когда армия генерала Антона Деникина покинула Одессу. Стамбул принял первый поток беженцев, состоявший преимущественно из

гражданских лиц. Вторая волна эмигрантов прибыла в город в 1919 году – после тяжелой эвакуации из Новороссийска и повторной сдачи Одессы. Третья, самая большая волна, пришлась на 1920 год, когда армия генерала Петра Врангеля оставила Крым.

Эвакуация из Севастополя, Керчи, Феодосии, Евпатории была заранее спланирована и проведена с 11 по 15 ноября. В течение 5 дней на корабли организовано грузились солдаты, офицеры, казаки и все, кто не захотел жить при советской власти. Белая армия покидала Крым, увозя с собою на чужбину старую Россию – покидала, как думали, на время, но оказалось, что навсегда.

Чувства и мысли этих людей передал Иван Бунин, который в 1920 году отплыл из Одессы на французском судне «Patras»: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да – так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец...» Сергей Есенин увековечил массовый исход соотечественников в стихотворении «Батум» (1925):

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.

Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин

Плещет черноморская Волна.

Условия плавания были чрезвычайно тяжелыми. Бунин вспоминает о страшной качке, штормовых волнах и снежной буре. Литератор Илья Зданевич писал корреспонденту английской газеты Manchester Guardian о духоте, давке, голоде, обилии вшей и калек на борту.

К 23 ноября 126 кораблей под российскими, французскими и английскими флагами встали на рейд в Мраморном море. Получив разрешение, суда по очереди заходили в Босфор, шли до Золотого Рога и высаживали пассажиров в Каракёе. Владимир Набоков (попавший, правда, во вторую волну эмиграции и уплывший в Турцию еще весной 1919 года) в стихотворении «Стамбул» изобразил неизменный городской пейзаж, который открывался взору беженцев:

Стамбул из сумрака встает:
два резко-черных минарета
на смуглом золоте рассвета,
над озаренным шелком вод.

По данным Утургаури, в 1920 году из Крыма на кораблях было вывезено 145 693 человека, не считая судовых команд. Военных отправили на полуостров Галлиполи – эмигранты прозвали его «Голым полем». Казаков собрали на острове Лемнос в Эгейском море. Остальных расселили по всему Стамбулу и на Адаларах. Параллельно с этим на берега Босфора прибывали самостоятельные группы «белых русских» («без руслар»). В итоге в городе и окрестностях скопилось около 200 тыс. россиян. Беженцы, располагавшие деньгами и документами, следовали в Европу. Из всех

прочих кто-то остался в Стамбуле на короткое время, кто-то – надолго, а кто-то – навсегда.

В 1920 году сатирик Дон-Аминадо (Аминад Шполянский) написал стихотворение «Константинополь». Русские еще на родине читали сказки «Тысячи и одной ночи», приключенческие романы Пьера Лоти и Клода Фаррера^[74]. Они знали, сколько стоят номера в «Pera Palace» и как гостеприимен владелец отеля «Tokatliyan». Стамбул, переживший Первую мировую войну, являл собой совершенно иную картину. Стихотворение Дон-Аминадо – о том, как изменилось восприятие города белоэмигрантами, очутившимися на берегах Босфора:

Мне говорили: все промчится.
И все течет. И все вода.
Но город – сон, который снится,
Приснился миру навсегда.

...

О, бред проезжих беллетристов,
Которым сам Токатлиан,
Хозяин баров, друг артистов,
Носил и кофий и кальян!

Он фимиам курил Фареру,
Сулил бессмертие Лоти,
И Клод Фарер, теряя меру,
Сбивал читателей с пути.

...

Дрожит в воде, в воде Босфора
Резной и четкий минарет.
И муэдзин поет, что скоро
Придет, вернется Магомет.

Но, сын растерзанной России,
Не верю я, Аллах, прости,
Ни Магомету, ни Мессии,
Ни Клод Фареру, ни Лоти...

Стамбул первой половины XX века был живописен и очарователен. Босфорские холмы, увенчанные мечетями, залитый солнечным светом Золотой Рог, роскошные дворцы османской знати, шумные базары – вот что увидели беженцы. По словам французского историка Поля Дюмона, перед эмигрантами возникал город, выглядевший как сказочный мираж, – «он служил сосудом для первичного накопления людей, сочившихся из всех расщелин, он был трамплином для тех, кто вырвался из России».

Впрочем, красота древнего города не сулила «без руслар» легкой и сытой жизни. Стамбул еще не оправился от войны. Турецкий историк Ведат Эльдем отмечает, что положение в столице было очень тяжелым. Запасы продовольствия и одежды иссякли, пути импорта были перекрыты. Склады и амбары опустели. Населению вместо хлеба выдавалась безвкусная выпечка из ячменя, овса и бобов. Система распределения продуктов носила беспорядочный характер, процветали контрабанда и черный рынок. Все это приводило к обнищанию стамбульцев. В октябре 1918 года уровень жизни в городе, согласно индексу Управления государственным долгом, понизился по сравнению с довоенным периодом в 15 раз. Товары первой необходимости подорожали в 7–8 раз.

Прибавим к этому резко возросший уровень преступности, голод, болезни, неблагоприятную санитарную обстановку («без руслар» называли Константинополь Клопополем и Крысополем) и, наконец, десятки тысяч беженцев, гораздо более

обездоленных, чем стамбульские кошки и собаки, – и мы получим довольно мрачные декорации, в которых разыгралась трагикомедия русской эмиграции на берегах Босфора.

Беженцы заселили Аксарай, Лалели, Каракёй и Перу. Основной наплыв «беяз руслар» пришелся на 1920 год – один из идеологов Белого движения, Василий Шульгин, утверждал: «В летописях 1920 год будет отмечен как год мирного завоевания Константинополя русскими». Зданевич в путевых заметках рассказывал о русских ресторанах с прислуживавшими в них светскими дамами и бывшими генералами в орденах; упоминал столовую для беженцев («обжорку») с глупыми разговорами о возвращении в Москву «под звон кремлевских колоколов». Русский Стамбул первой половины XX века – это порнографический театр «живых картин» (по слухам, актерам платили по одной лире за вечер), аристократические кабаре, игорные клубы, дома свиданий (где дама стоила 30 лир, а ночная оргия – 100) и лежащие на тротуарах люди с потухшими глазами.

Колоритную атмосферу русского Стамбула передает Михаил Булгаков в пьесе «Бег». Он крупными мазками рисует странную и печальную картину: в турецкие напевы вплетается шарманочная «Разлука», раздаются крики уличных торговцев – и вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Тараканьи бега, на которых разорилась немалая часть русской колонии, пивная палатка, белоэмигранты в потрепанной военной форме – все это накладывается на традиционную жизнь города и образует параллельную реальность, в которой Григорий Чар-нота, герой пьесы, «в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе».

Чарнота разделил судьбу многих своих соотечественников. На узких, мощеных брусчаткой улицах древнего города священники, аристократы и интеллигенты распродавали семейные реликвии. Пассаж «Cité de Péra» на улице Гран-Рю-де-Пера переименовали в Цветочный пассаж (Чичек пассажи) – баронессы и герцогини продавали там дешевые букеты, чтобы заработать на хлеб. В июне 1922 года американская журналистка Солита Солано в очерке для журнала The National Geographic Magazine писала, как беженцы из России спали прямо на улицах или ступенях мечетей. Они шатались без дела, попрошайничали, работали, когда удавалось найти работу, а иногда и выли от голода. Немногим посчастливилось устроиться официантами или посыльными. Княгиня могла подносить клиенту кофе, а генерал – подавать ему трость. Профессора, бывшие миллионеры, высокородные дамы умоляли купить у них сигареты или бумажные цветы. Солано делает простой и страшный вывод: «Ситуация с беженцами душераздирающая...»

Зима принесла русским новые испытания. «Без руслар» считали Стамбул перевалочным пунктом на пути в Европу, США или Латинскую Америку – но для дальнейшего путешествия требовалось получить визы. Те, кому повезло, уехали. Уже в Париже эмигранты выпустили сборник рассказов, где было опубликовано эссе «Русский в Константинополе». Его автор вспоминал, что зимой город ужасен. Отели, где ютились некоторые беженцы, кишели тараканами; в номерах царил холод и грязь. «Без руслар» старались покинуть берега Босфора, однако на дверях всех посольств висела надпись: «Русским виз не выдается».

Большинство «без руслар» влачило жалкое существование. По словам турецкого историка Зафера Топрака, «вместе с русскими беженцами распространялась бедность». Казаки, юнкера, солдаты

и офицеры царской армии чистили канализацию, убирали мусор, проигрывали друг другу в карты мизерные хлебные пайки и снимали с дверей домов медные ручки, чтобы продать их и купить дешевое курево и водку. Во дворе русского посольства в Пере собирались престарелые фрейлины, обритые наголо из страха перед вшами. В ресторане «Rejans» бухгалтером работал профессор математики из Петербургского университета; в кабаре «Черная роза» трудился швейцаром сенатор. Обнищавшие фабриканты радовались, если их пускали ночевать в конюшни Долма-бахче. Пожилые аристократки закладывали золотые портсигары, а вокруг этих несгибаемых старух увивались бесконечные Николая и Вовочки – бывшие корнеты гусарских и драгунских полков. На греческом кладбище в Бешикташе похоронили графиню Софью Татищеву – праправнучку русского историка Василия Татищева. Вместе с телом покойной в турецкую землю опустили фотографию, на которой ее отец – любимец Александра III – запечатлен вместе с государем в день своего выпуска из кадетского корпуса.

Мерзости и ужасы повседневной жизни «без руслар» описаны Иваном Бунинным, Александром Вертинским, Аркадием Аверченко, Любовью Белозерской-Булгаковой, Дон-Аминадо, Тэффи и многими другими. Читать и сравнивать воспоминания русских эмигрантов о Стамбуле очень интересно – сквозь тексты проступают портреты авторов, подобно невидимым чернилам, появляющимся на бумаге, если поддержать ее над огнем. Каждый мемуарист изобразил Стамбул таким, каким сумел его понять и увидеть – поэтому рассказы «без руслар» разительно отличаются друг от друга.

У одних Стамбул ассоциируется с нищетой и безысходностью. Вторые тонко чувствуют поэзию города и воспевают его древнюю величественную

красоту. Белозерская-Булгакова восторгается Айя-Софией, проникается тихим мистицизмом кладбищ и любит Босфором. Для Тэффи османская столица стала притягательной и многогранной тайной: «Стамбул – первая дверь к востоку, мрачному и веселому, шумному и яркому – настоящему востоку. Покрыта она европейской плесенью и накипью, и открывать ее трудно и медленно. Но раз открыв, не закроешь никогда».

Вертинский рассказывает не столько про Стамбул, сколько про ссыльный блеск эмигрантов и «русские годы» Константинополя. Обласканный славой, артист привык блистать – еще до эмиграции он был приглашен в Йылдыз спеть для Абдул-Хамида II. В 1920 году легендарный тенор поселился в роскошном отеле «Pera Palace» и выступал в самых дорогих русских заведениях – в кабаре «Черная роза», ресторане «Эрмитаж», клубе «Максим-Стэлла». Поэтому Стамбул в мемуарах Вертинского – волшебный город из восточных сказок: «Сахарно-белые дворцы султанов со ступенями, сходящими прямо в воду. Море огней. Тонкие иглы минаретов. Башня, с которой сбрасывали в Босфор неверных жен. Маленькие лодочки – каики. Красные фески. Люди в белом. Гортанный говор. И флаги, флаги, флаги! Без конца. Как на параде!»

Центром русского Стамбула стала Пера. Аверченко вспоминает, как в Пере его остановила какая-то старушка и спросила:

- Голубчик мой, а где ж тут турки?
- Которые?
- Да ведь это, чай, Турция.
- Чай, она.
- А чего ж турка ни одного нет?

Бейоглу превратился в русскую слободу. Район расцвел вывесками кафешантанов, кондитерских, парикмахерских, аптек, прачечных. Эмигранты давали

им ностальгические названия: «Медведь», «Березка», «Петроград», «Ростов-Дон», «Одесса-мама». Топрак замечает, что Бейоглу приобрел новый облик. Стоило «без руслар» прибыть в город, как открылись новые рестораны, бары, кабаре, игорные дома – «в этих заведениях обезумевшие турки знакомились с характерной для русских ночной жизнью и их развлечениями». Белогвардейцы вдохнули душу в послевоенный Стамбул, застывший и замкнутый. Якуп Кадри, журналист турецкой газеты «İkdam» («Прогресс»), в статье «Русский обман» пишет, что эмигранты из России «привносили в жизнь города свет, яркие цвета, комедию, красоту, музыку, страсть и надежду».

Многие «без руслар» без оглядки тратили последнее – на оплату карточных долгов, на застолья, на чаевые ресторанным музыкантам, сыгравшим «Боже, царя храни». По свидетельству Вертинского, в воздухе носился «микроб беспечности». Сделки, барыши, деловые знакомства «вспрыскивались» шампанским, отмечались кутежами и «швырянием денег». Реклама кричала о зернистой икре, филипповских пирожках, украинском борще и котлетах по-киевски. Свои услуги предлагали русские врачи, адвокаты, гувернантки и даже частные сыщики. Тэффи советовала: «Не ходите по улице Grande rue de Pera. По ней ходят наши одесситки, водят носами по витринам магазинов и вслух переводят лиры на рубли и обратно. Не ходите туда».

В Стамбуле появились клубы для игры в лото («лотошные клубы»). Коннозаводчики, сумевшие вывезти из России своих рысаков, попытались организовать скачки (проект провалился из-за запрета муниципальных властей на азартные игры и высокой стоимости содержания лошадей). «Без руслар» ввели моду на пляжный отдых и морские купания – мужчины и женщины в полосатых трико прыгали в воду с

городских набережных и, к ужасу стамбульцев, плавали вместе. В Тарлабаши эмигранты наладили производство водки: этим занимался Владимир Смирнов, сын Петра Смирнова – «водочного короля» России, поставщика Двора Его Императорского Величества Николая II. В 1924 году Смирнов-младший уехал в Польшу, где дал своей продукции название «Smirnoff» – сегодня это всемирно известный алкогольный бренд.

Впрочем, жизнь русской колонии проходила не только в беспросветной нищете или буйных кутежах. «Без руслар» было чем гордиться – они сами создавали для себя все необходимое. В Стамбуле появились русская детская гимназия, русский музыкальный театр и русские газеты. Активную деятельность развернули шоферы – бывшие офицеры царской армии; они сформировали отдельную секцию при городском автоклубе. Слова «русский шофер», «русский механик» в Стамбуле тех лет означали «лучший шофер», «лучший механик». Союз русских художников Константинополя в 1922–1923 годах провел 16 выставок, и каждый вернисаж привлекал большое число посетителей. В клубах и кабаре пели русские певицы, а русский балет, этот символ «красоты в изгнании», потряс стамбульцев: ранее они никогда не видели классического балета.

Любопытный факт: «без руслар» привезли на берега Босфора джаз. В 1919 году со второй волной беженцев в Стамбул из Одессы прибыл Фредерик Брюс Томас (он же Федор Федорович Томас) – «известный московский негр», как называет его в мемуарах Вертинский. Невероятная судьба Томаса похожа на приключенческий роман; его колоритный портрет органично вписывается в галерею ярких стамбульских персонажей.

Уроженец глухой деревни в штате Миссисипи, Фредерик Брюс сделал головокружительную карьеру в ресторанном бизнесе. Он работал официантом в Нью-

Йорке, Берлине, Вене, Венеции, Милане, Монте-Карло, Каннах и Париже. В 1899 году Томас оказался в Москве – и у легендарного «Яра» появился новый метрдотель, а скорее и ассистент главного управляющего. Получив подданство Российской империи под именем Федора Федоровича Томаса, «московский негр» открыл собственное варьете. Он водил дружбу с Вертинским и Шаляпиным, познакомил москвичей с танго и джазом. Потомок рабов превратился в миллионера и, как следствие, – в эмигранта, чье имущество было национализировано, а имя числилось в списках на арест.

Уехав из России (в Одессе он чудом попал на последний корабль с беженцами), Томас начал бизнес в Стамбуле с нуля. Предприимчивый «московский негр» основал в Таксиме развлекательный клуб «Максим-Стэлла». В этом клубе – впервые на берегах Босфора – зазвучал джаз. Горожане окрестили Томаса «султаном джаза», а саму музыку – «арабской», ибо в Стамбуле всех чернокожих издавна именовали арабами. [\[75\]](#)

Отдельно следует упомянуть женщин из эмигрантской среды, которые привлекали внимание турок. Городские газеты пестрели скандальными заголовками вроде: «Пропавший отец семейства обнаружен в кокаиновом притоне в объятиях русских куртизанок!» Пресса печатала злободневные карикатуры: вот турки восторженно замирают в кафе перед русской официанткой; вот авария, вызванная тем, что водитель засмотрелся на русскую даму, и т. д. На одной карикатуре были изображены повздорившие турецкие супруги. Подпись гласила: «– Лучше не раздражай меня, не то я разведусь с тобой. – Разводись, если хочешь. Я женюсь на русской и буду счастлив до конца жизни». Многие русские женщины действительно вышли замуж за турок. Эмигранты до сих пор говорят:

«Всех умных мужчин мы отдали Америке, а всех красивых женщин оставили в Турции».

Отчаявшись, турчанки подали коменданту Стамбула петицию, в которой требовали выселить из города иностранных соперниц. Если верить этому документу, «распутницы с севера» использовали свою «чарующую прелесть» для растления турецкого общества. В Бейоглу – только в квартале между Тюнелем и Таксим – насчитывалось 25 русских баров, кафе и ресторанов, где турецкая молодежь разорялась и теряла добродетель. Русские женщины якобы обирали стамбульских мужчин, разрушали семьи, развращали юношей и стали дурным примером для девушек – словом, за пару лет им удалось «принести больше вреда, чем всем русским армиям в течение веков».

Не все стамбульцы согласились с петицией – ведь к тому времени из города уже начался отток беженцев. В 1923–1925 годах Стамбул покинуло около 60 тыс. русских. Число «безз руслар» постоянно уменьшалось, и к 1928 году на берегах Босфора их осталось менее 3 тыс. В прессе разгорелась жаркая дискуссия – и некоторые издания приняли сторону «безз руслар». Газета «İkdam» напечатала статью журналиста Ахмеда Джевдета. «Мы не сумели удержать прошедших через нашу землю русских – ученых, деятелей искусства, инженеров, высококвалифицированных специалистов – и потеряли великолепные, полезные кадры, – сетовал Джевдет. – Что значат эти 2–3 тысячи человек? Ни политического, ни экономического ущерба нанести нам они не могут».

Невзирая на трудности, большинство русских покинуло берега Босфора, унося с собой светлые воспоминания. В 1924 году частная стамбульская типография выпустила эмигрантскую книгу «Спасибо». В преамбуле говорилось: «Спасибо, Стамбул! Ты раскрыл нам свои объятия, дал нам пристанище, работу,

ты спас нам жизнь! Мы никогда не забудем тебя, красавец-город!»

До Второй мировой войны кемалистскую Турцию и советскую Россию связывали довольно тесные отношения. На площади Таксим им в прямом смысле поставлен памятник – монумент «Республика», символ новой Турции. Памятник, созданный итальянским скульптором Пьетро Каноникой, был торжественно открыт в августе 1928 года. В центре монумента – скульптурная группа, изображающая Ататюрка в окружении ближайших соратников. Слева от Мустафы Кемалю стоят фигуры Климента Ворошилова и Михаила Фрунзе – Каноника изваял их по указанию Гази в знак благодарности за политическую, военную и финансовую помощь, оказанную в 1920-е годы молодой Турецкой Республике молодой Советской Республикой.

Впрочем, у руководства СССР были свои планы насчет Стамбула и проливов. Помня о печальном опыте 1914–1918 годов, Турция сохранила нейтралитет во Второй мировой войне – однако до берегов Босфора доносился грохот европейских сражений. На минаретах Айя-Софии были установлены немецкие пулеметы MG 08. Школьников учили надевать противогазы. В сентябре 1944 года Красная Армия вышла к южной границе Болгарии и оказалась в одном броске от Стамбула. Маршал бронетанковых войск Павел Ротмистров предложил взять город, но Сталин отказался – он хотел дипломатическим путем добиться от участников антигитлеровской коалиции включения в состав СССР исторических армянских земель вокруг Арарата и создания советских военных баз на Босфоре и Дарданеллах. Этот вопрос обсуждался на Потсдамской конференции (1945), но США и Великобритания высказались против плана Сталина. Спустя 30 лет Ротмистров сокрушался: «Проморгали Константинополь, проморгали!»

Советская Россия не испытывала к Стамбулу такого интереса, как царская. В известной песне «Летят перелетные птицы» (1948) есть слова: «Не нужен мне берег турецкий». Песню написали композитор Матвей Блантер и поэт Михаил Исаковский – для ее понимания надо знать, что в мае 1948 года было провозглашено Государство Израиль. Миллионы советских евреев задумались о репатриации. В сентябре в Москву прибыла Голда Меир, назначенная послом Израиля в СССР. Во время посещения ею синагоги в Китай-городе собралась толпа, скандировавшая: «Ам Исраэль хай!» («Народ Израиля жив!») Неудивительно, что в 1948 году в СССР началась «борьба с космополитизмом».

Под «перелетными птицами» в песне Блантера и Исаковского подразумевались евреи-«невозвращенцы». Они улетают в «жаркие страны», лежащие между «берегом турецким» и «Африкой». Улетают искать «ушедшее лето» – хорошую жизнь. Улетают через крупные транспортные хабы, в первую очередь – Стамбул. Конечно, не все покидают «родную навеки страну» – многие остаются. Им не нужны «солнце чужое» и «чужая земля», и они готовы сделать для родины всё – даже утонуть в болотах и замерзнуть на льду, как поется в песне.

Эмигранты из России оставили неизгладимый след в истории Стамбула. Потомки белогвардейцев до сих пор живут в Аксарае, Лалели, Каракёе. Русская община группируется вокруг трех православных церквей – Святого Пантелеймона, Андрея Первозванного и Пророка Ильи. Они находятся в одном квартале Каракёя, на последних этажах соседних домов. Сами дома были возведены в XIX веке для православных паломников – уже тогда их маленькие зеленые купола незаметно возвышались над городом, а золотые кресты напоминали о тех далеких временах, когда Стамбул назывался Константинополем.

Люди, которые молились в этих церквях в позапрошлом веке, давно умерли. Многие из них похоронены на греческом кладбище в Шишли. На многих надгробиях (даже тех, кто упокоился во второй половине XX века) надписи выполнены в дореволюционной русской орфографии.

За оградой некрополя шумит Стамбул. Вы услышите русскую речь возле Галатской башни и на улице Истикляль, в Айя-Софии и Топкапы. Впрочем, настоящий Стамбул – отнюдь не в туристическом центре, а в гуще народной жизни: в трущобах и на базарах, в питейных заведениях и маленьких мечетях, в старых хаммамах и кофейнях на берегу Босфора. Стамбул торгует и молится, шарит по карманам и чистит ботинки, печет хлеб и заваривает чай, горит – но всегда восстает из пепла. Великие города, вечные города можно пересчитать по пальцам – и Стамбул является одним из них. Он прекрасен – но у него, как у луны, есть обратная сторона, о которой вам не расскажут в турагентстве.

А я расскажу.

Глава 12

Страхи бесстрашных

Беда не скажет: «Я иду».

Османская пословица

Британский философ Арнольд Тойнби утверждал, что цивилизации существуют, пока могут отвечать на вызовы истории. Они проходят те же стадии жизненного пути, что и человек: зачатие, рождение, взросление, расцвет, старение и смерть. Аналогичное можно сказать и о великих городах, включая Стамбул. Подобно прекрасному цветку, он неоднократно увядал – но, вопреки теории Тойнби, не погиб и не исчез с лица земли.

Гамсун назвал Стамбул «средоточием культуры». Уже римляне возводили тут храмы, театры и дворцы. Впоследствии в город привозили сокровища из Египта, Италии и Греции, захваченные в ходе победоносных войн. На берега Босфора переселялись художники и ученые со всего Ближнего Востока. Византийская – а затем и османская – столица славилась библиотеками, мечетями, фонтанами и базарами. Караваны непрерывно доставляли в Стамбул всё новые драгоценности – доказательство османского могущества.

Стамбул погружал изумленных путешественников в волшебную атмосферу сказок «Тысячи и одной ночи». Европейцы и американцы не переставали удивляться поэтичности великого города – он представлялся им воплощением Востока. Гамсун с упоением вспоминал носильщиков с громадными тюками, женщин под вуалью, бедуинов с кинжалами за поясом, завывающих

дервишей, настырных нищих, ревущих ослов и верблюдов, нагруженных индийскими благовониями. «Арабская ночь!» – думал очарованный Гамсун.

Однако времена могущества и процветания имеют обыкновение заканчиваться. Проиграв Первую мировую войну, Османская империя погибла, и страны Антанты поделили город на оккупационные зоны. Глобальные сценарии репетируются на локальных площадках: за 10 лет до Третьего рейха столицу Порты постигла участь Берлина 1945 года. Галату и территории к северу от нее контролировали британцы, азиатскую часть Стамбула – итальянцы, районы южнее Золотого Рога – французы. В зону французской оккупации попал мыс Сарайбурну и исторический центр города, включая Айя-Софию; правительство Третьей Республики планировало преобразовать ее обратно в христианский собор (но не в православный, а в католический). Османы получили все, что спустя четверть века получат немцы: демилитаризацию, громкие политические процессы, смертные казни, крушение идеалов и ценностей. На скамье подсудимых оказались десятки государственных деятелей. Турецкий военный трибунал (1919–1920) стал прообразом Нюрнбергского процесса. Именно тогда в Стамбуле поселилась знаменитая хюзюн – печаль по минувшим дням счастья и величия. Бунин, прибывший в османскую столицу в 1920 году и ощутивший царящие там тоску и отчаяние, писал:

И прах веков упал на прах святынь.
На славный город, ныне полудикий.
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан

Последнего великого кочевья!

Несмотря на, казалось бы, понятное значение слова «хюзюн» (тур. *hüzün* – печаль), дать ему определение отнюдь не просто. По мнению Памука, печаль Стамбула – это и настроение его музыки, и главное понятие его поэзии, и определенный взгляд на жизнь, и состояние души, и некая субстанция, без которой Стамбул не был бы Стамбулом. Если обычная грусть, присущая отдельному человеку, на время удаляет его из социума, то стамбульская печаль, напротив, объединяет горожан. Хюзюн настолько глубоко проникла в атмосферу и культуру Стамбула, что муж моей знакомой, турок, предложил назвать эту книгу «Уставший город» («*Yorgun şehir*»).

Английский мыслитель XVII века Роберт Бертон утверждает, что меланхолия заключается либо в расположении духа, либо в привычке. С точки зрения норвежского философа Арне Юхана Ветлесена, человек сам придает боли тот или иной смысл. Жерар де Нерваль рассуждает о «черном солнце восточной меланхолии». Корни стамбульской тоски уходят в глубину веков – в историю и мистику Ближнего Востока.

В арабском языке есть слово «хюзн» (سنة الحزن) – оно синонимично турецкому «*hüzün*» и встречается в Коране. Пророк Мухаммед, потеряв в 619 году жену и дядю, назвал тот период «годом печали» (سنة الحزن араб.). Таким образом, хюзюн означает душевную боль, вызванную тяжелой утратой. Мусульманская философия сформировала две противоположные концепции меланхолии. Согласно первой, печаль является следствием чрезмерной привязанности к удовольствиям. Вторая концепция основана на суфийском мистицизме – и гораздо более мягко и

сочувственно относится к переживаемому человеком горю; согласно ей, тоска может восприниматься как нечто ценное. Недаром османская пословица гласит: «Нет человека без печали, а если и есть, то это не человек».

В Стамбуле всегда были сильны древние мистические традиции – на них испокон веков держится городская мифология. Византийский теолог XIV века Иосиф Вриенний утверждает, что горожане видели знамения в поведении животных, природных явлениях и собственных снах. Христианство не признаёт суеверия, но константинопольцы не могли оставить их в один миг. «Именно эти грехи и им подобные навлекают на нас кары, ниспосланные Господом», – сокрушается Иосиф.

По словам французского византиста Андре Гийу, жители Константинополя верили в судьбу, колдунов и магов. Они полагали, что можно обольстить девушку, угостив ее блюдом, в которое добавлено любовное зелье, а больных считали одержимыми демонами. При этом горожане были глубоко религиозны. Крестные знамения, нескончаемые процессии и обеты перед иконами были нужны, дабы избежать тревог и печали. Благословения и молитвы сопровождали любые действия константинопольцев – будь то закладка первого камня при строительстве дома, рытье колодца или спуск на воду корабля. «Город полон трудового люда и рабов, и все они богословы. Если вы попросите человека обменять деньги, он расскажет вам, чем Бог Сын отличается от Бога Отца. Если вы спросите о ценах на хлеб, он начнет доказывать, что Сын меньше Отца. Если вы поинтересуетесь, готова ли ванна, вам сообщат, что Сын был создан из ничего», – сообщает французский путешественник Бертрандон де ла Брокьер, посетивший византийскую столицу в 1430-х годах.

Отправляя церковные обряды, константинопольцы пытались защитить себя от реальных опасностей. Английский писатель Герберт Уэллс в «Краткой всемирной истории» отмечает, что жизнь Византии изобиловала войнами, пороками, религиозными преследованиями и политическими распрями. Такая жизнь была красочна и романтична, но в ней почти не оставалось места для радости и легкости.

Исступленная религиозность не спасала византийцев от насущных проблем. Бесы охотно помогали людям впадать в грех и совершать поступки, достойные всяческого порицания. Сохранилось немало легенд о хитрых горожанах, каждый из которых, договорившись с демоном, пытался его обмануть – но в итоге терял то, что ему дорого. Купец лишался богатства, охотник – меткости, ловелас – мужской силы. Христианство расколдовало мир – но только не на берегах Босфора: жители византийской, а затем османской столицы ежедневно сталкивались со сверхъестественным и необъяснимым.

Самым опасным временем на Востоке издавна считается полдень. Палящее солнце сводит людей с ума, и беспомощные люди становятся легкой добычей для джиннов. Джинны являются обязательными персонажами исламской культуры. Британский ориенталист Эдвард Лейн (1801–1876) в комментариях к сказкам «Тысячи и одной ночи» пишет, что мусульмане верят в три вида разумных существ: людей, ангелов и джиннов. Английский писатель афганского происхождения Тахир Шах объясняет, почему джиннов надо бояться: «Ничто не приносит этим существам большего удовольствия, чем досадить людям...»

Джинны часто упоминаются в Коране. Авторитетный улем XIII–XIV веков Ибн Таймия говорил: «Нет ни одной исламской группы, которая бы опровергала факт существования джиннов и того, что сам Аллах послал

Мухаммеда на землю». По мнению андалусского богослова Ибн Хазма (994-1064), любой, кто отрицает существование джиннов, однозначно является кафиром.

На Востоке зло реально – оно находится за гранью мироздания и жаждет проникнуть в наш мир. Неважно, какой сейчас век – XXI или X – коварные шайтаны и джинны вездесущи. Пустыни Ближнего Востока всегда кишели духами – монахи-отшельники удалялись туда, дабы противостоят бесам. Пустыня таила в себе немало греховных искушений и соблазнов. Она становилась не местом уединения, но полем духовной битвы со злом. Демоны любят разговаривать, обманывать и дурачить людей, потому монахи давали обет молчания. Джинны и шайтаны обитают не только в пустыне: они прячутся в темных углах комнат и гнездятся в небрежно брошенной одежде – поэтому османы хранили имущество в тюках и пребывали в постоянном движении.

Суеверия невероятно живучи. Сегодня – как и сотни лет назад – стамбульцы верят в приметы, идущие из глубины веков. Вещи, наделенные сверхъестественными свойствами, – ковер-самолет, волшебные мечи, кувшины и бутылки с заключенными в них джиннами – попали в западную культуру из восточных преданий. Суеверие, согласно которому черная кошка, перебежавшая дорогу, предвещает неудачу, родом из Древнего Вавилона; фраза «родиться под счастливой звездой» появилась там же. В период со II века до н. э. по III век н. э. значительная совокупность текстов, выработанная на Востоке, обогатила европейские представления о потустороннем мире.

Впрочем, процесс заимствований был обоюдным. Многие поверья пришли в Стамбул из Европы – в частности, примета, по которой разбитое зеркало не сулит ничего хорошего. Предупреждая несчастье, надо

собрать осколки, не прикасаясь к ним голыми руками, и закопать. Это суеверие возникло в XIII веке, когда зеркала умели делать только венецианские мастера и их продукция стоила баснословных денег (иные зеркала оценивались дороже корабля). Хозяева велели слугам обращаться с зеркалами очень осторожно, но иногда их все же разбивали – и тогда гнев господина не знал границ. Желая избежать наказания, нерадивые слуги собирали осколки в перчатках, чтобы не порезаться, – и закапывали их, дабы хозяин ничего не доказал. Османы вообще легко воспринимали христианские обычаи, если те могли оказаться полезными, – например, прежде чем отправиться в плавание, мусульмане Стамбула узнавали, благословил ли весной христианский священник морскую воду.

Известная традиция привязывать к веткам деревьев лоскуты материи, напротив, родилась на Востоке. Предание гласит, что один человек увидел во сне волшебное дерево. Проснувшись, он отыскал его, привязал к ветке кусочек ткани – и его заветное желание сбылось. С тех пор люди от Ирана до Марокко ищут то самое дерево и повторяют действие героя старой легенды. Турки привязывают нитки и тряпочки к кладбищенским и могильным оградкам, приносят лоскуты материи и свечи в тюрбе почитаемых святых – так они поддерживают связь с усопшими и просят их о помощи, а иногда и задабривают. Духи живут во всех древних восточных городах, и Стамбул – не исключение.

Связь с чудотворцем для обеспечения его заступничества достигалась разными способами. Моления подкреплялись подношениями: цветами, сладостями, расшитыми платками и т. д. Любой предмет, оставленный на могиле праведника, приобретал магическую силу. В гробнице Коюн-Деде выдавалось лампадное масло – пока оно горело, дети жертвователей не болели. В гробнице Халвайи-Баба

бесплодные женщины молились о желанной беременности, пообещав принести халву, если у них родится ребенок. В дальнейшем эта халва распределялась среди других посетительниц мавзолея.

Список тюрбе святых и мучеников, расположенных в Стамбуле, довольно длинный – только захоронений сахабов (сподвижников пророка Мухаммеда) здесь 28. Сахабы пришли на берега Босфора с Омейядами и Аббасидами, пытавшимися захватить Константинополь, но погибли и были погребены в городе. Об одном из них – знаменосце Абу Эйюпе аль-Ансари – говорилось в главе 2; кроме него, в Эйюпе покоятся еще 3 сподвижника пророка. В Каракее 3 усыпальницы сахабов, в Айвансараяе – 9, на кладбище Караджа Ахмед в Ускюдаре – 1, а вдоль Феодосиевых стен – 12.

Взятие Константинополя османами породило множество легенд о местных исламских праведниках. Самый известный из них – Абдул Йа Ведюд из Бухары, живший в городе накануне его падения. Абдул Йа Ведюд был аулией (человеком, приближенным к Аллаху). Он поселился на побережье Халича, между городскими стенами Айвансарая на юге и холмом Эйюпа на севере, – сегодня этот район называется Йа Ведюд. Весной 1453 года, когда армия Мехмеда II стояла под византийской столицей, улем проповедовал, что город следует захватить не огнем и мечом, а любовью. По легенде, во время штурма Константинополя в том районе, где жил Абдул Йа Ведюд, османские ядра отлетали от стен, не причиняя им никакого вреда.

29 мая Восточная Римская империя погибла, и 1 июня (в первую пятницу месяца) Мехмед II отправился в Айя-Софию на пятничный намаз. Войдя в храм, Фатих и его приближенные увидели возле Плачущей колонны мертвое тело аулии. Покойник лежал лицом к Мекке, и от него исходило божественное сияние. Богословы из султанской свиты объяснили Фатиху, что

Константинополь был взят после двухмесячной осады лишь потому, что Абдул Йа Ведюд непрерывно молился о спасении невинных горожан, которые могли бы обратиться в ислам и стать мусульманами. Мехмед хотел приступить к омовению тела – но тут с неба раздался громкий голос, сообщивший, что покойный уже омыт и его требуется предать земле.

Османы положили Абдула Йа Ведюда на погребальные носилки и вынесли его на пристань Эминёню, где траурную процессию ждала лодка без паруса и вёсел. Приняв на борт тело святого, она сама поплыла по Золотому Рогу и остановилась недалеко от холма Токмак Тепе – на его восточном подножье хоронили погибших во время осады. Оказалось, что могила для аулии уже готова, и голос из нее воззвал: «Йа Ведюд!» Божественная сила перенесла покойного из лодки в могилу. Кладбище Токмак Тепе сохранилось до наших дней, и сегодня тюрбе Абдула Йа Ведюда располагается в Айвансарае – в нескольких километрах от гробницы Абу Эйюпа аль-Ансари.

Городские чудотворцы запомнились стамбульцам добрыми и праведными людьми. Например, в Ускюдаре покоится Азиз Махмуд Хюдайи. Он известен тем, что впервые провел пятничную молитву в мечети Султанахмет и обратился к Аллаху со словами: «Я прошу Тебя о том, чтобы те, кто любят меня, не утонули в море, не страдали от бедности и не скончались до обретения веры в Тебя». Азиз Махмуд Хюдайи считается одним из четырех покровителей морского флота – наравне с Яхьей-эфенди из Бешикташа, Телли-бабой из Сарыера и Юшей ибн Нуном из Бейкоза. Два последних упоминались в главе 2, а вот о Яхье-эфенди следует рассказать отдельно – хотя бы потому, что этот поэт и мистик был молочным братом султана Сулеймана I Великолепного.

Мальчики родились в один день – 6 ноября 1494 года. Мать Сулеймана не могла кормить сына, поэтому в Топкапы в качестве кормилицы взяли мать Яхьи – Аффифе-хатун. Между молочными братьями установились близкие отношения. Образованный и набожный Яхья-эфенди консультировал султана по спорным вопросам, и падишах прислушивался к его мнению. Пока Сулейман воевал и управлял гигантской империей, Яхья учился у крупных религиозных авторитетов, писал стихи и преподавал в стамбульских медресе.

Состарившись, Яхья-эфенди приобрел дом в Бешикташе и начал принимать посетителей – их щедрые подарки и подношения он тратил на благотворительность и благоустройство города. Молочный брат падишаха прожил долгую для Средневековья жизнь (75 лет) и умер уважаемым человеком – погребальный намаз над ним совершил шейх-уль-ислам Мехмед Эбусууд-эфенди в мечети Сулеймание, а тюрбе в Бешикташе построил Мимар Синан.

Яхья-эфенди являет собой пример почитаемого общественного деятеля, который до последнего вздоха оставался в здравом уме и твердой памяти. Но Стамбул также известен уличными проповедниками и городскими сумасшедшими. Мусульмане османской столицы считали умственное помешательство качеством, позволявшим отнести человека к рангу святых (вели). «Из собственных наблюдений я пришел к выводу, что лунатики, безумцы или мошенники составляют большинство среди людей, которых мусульмане сегодня почитают святыми», – утверждал Лейн, проживший на Востоке не один год.

Некоторые стамбульские вели похоронены на территории мечетей, и к местам их упокоения стекаются паломники. В османскую эпоху посещение

тюрбе носило более масштабный характер, нежели сейчас. Улемы называют почитание городских святых суеверием, не совместимым с исламом, – но искоренить его нельзя.

Приметы и суеверия помогают людям обрести уверенность в том, что, соблюдая определенные правила, можно уберечься от зла. Традиции заключения сделок, бракосочетания и гостеприимства тянутся из глубины веков – они гораздо старше, нежели камни султанских мечетей. Поучительные легенды прививают людям конкретные модели поведения и рассказывают, что будет, если их нарушить. Примером тому – арабская история о происхождении черепахи. Однажды Фатима (дочь пророка Мухаммеда), одевшись нищенкой, попросила кусок хлеба у женщины, пекшей хлеб, – но та отказала. Фатима прокляла скупердяйку и пожелала ей вечно носить свою печь с собой. Женщина превратилась в черепаху, а печь – в панцирь; рассматривая черепаху, вы увидите на ее панцире «подпалины». Еще одна легенда объясняет происхождение звездопада: иногда зловредные джинны подслушивают разговоры ангелов, и ангелы, заметив это, обрушивают на них звезды.

Несмотря на религиозные запреты, многие арабы и турки по привычке придерживаются древних ритуалов. Вдогонку гостю выливают ведро воды, чтобы его обратная дорога была легкой. В стены домов замуровывают глиняные горшки и кости животных – это защищает от сглаза, которого на Востоке боятся все. Ни одна постройка в османской столице не считалась безопасной и надежной без надписи на плитках: «Йа, Аллах. Йа, Хафиз» («О, Аллах. О, Защитник»). По слухам, в XIX веке внук некой стамбульской ханум предупредил ее, что крыша их дома скоро рухнет; тогда женщина написала что-то на листке бумаги и попросила внука положить его в дыру под крышей. Дом простоял без ремонта еще 20 лет. Когда ханум умерла, внук захотел

узнать содержимое записки. Он вытащил листок, и крыша сразу обвалилась. На листке было написано: «Воистину, Аллах удерживает небеса и землю, чтобы они не сдвинулись. О Аллах, удержи для нас эту крышу».

Стамбул не был бы Стамбулом без особой городской мистики, порожденной дыханием темного прошлого. Пронзительные крики чаек над Босфором наводят мысли о предсмертных воплях византийских и османских солдат; в зимних сумерках кажется, что туман, обволакивающий купол Айя-Софии, – не что иное, как их неупокоенные души. Путешествие в Стамбул может превратиться в путешествие в сердце первобытной тьмы – древней, как сама земля. Горожане передают из поколения в поколение мрачные истории и нехотя вспоминают о домах с привидениями – коих тут их немало.

Самый известный особняк подобного рода находится в Сарыере, недалеко от крепости Румелихисари – внешним видом он напоминает родовой замок. Дом кирпично-красного цвета, увенчанный башней, был заложен в 1910-х годах по приказу османского дипломата Юсуфа Зиипаши. Чиновник хотел, чтобы красота виллы соответствовала красоте его жены-египтянки. Паша был богат и могущественен: он служил послом в Вашингтоне и вел коммерческие дела с Египтом, родиной своей луноликой супруги – которая, почувствовав надвигающийся крах Порты, бросила мужа и вернулась в Каир.

Семейная драма надломилась Зию-пашу и стала предвестницей карьерных и финансовых катастроф. Османская империя вступила в Первую мировую войну, а два судна с товарами, принадлежавшие дипломату, утонули в Средиземном море. Лишившись денег и власти, вельможа остановил строительство особняка – паше казалось, что тот высасывает из него силы.

Верный слуга султана умер в 1926 году в Египте. Перед смертью паша просил возвести ему надгробие из камней роковой виллы, но последняя воля не была исполнена: в доме проживали вторая супруга и три дочери чиновника. Особняк продали только в 1993 году. Стамбульцы обрадовали покупателя леденящими душу рассказами о призрачной женщине, которую они видели по ночам в окнах заброшенного здания, – а также о раздававшихся оттуда столах и плаче.

Новый хозяин проигнорировал сплетни и начал реставрацию виллы. Ему пришлось сменить несколько строительных бригад – рабочие утверждали, что по коридорам бродит привидение второй супруги Зиипаши; говорили, она по-прежнему ждет мужа из Египта. Стамбульцы прозвали здание «Перили Кёшк» (тур. perili köşk – дом с привидениями). Наконец, владелец сдал особняк в аренду турецкой компании «Borusan». По выходным вилла Перили открыта для посетителей. Любой желающий может полюбоваться Босфором с широкой террасы и подняться в башню – откуда, по легенде, выбросилась несчастная жена паши, потрясенная смертью мужа.

Второй знаменитый дом с привидениями – Голландский дворец на улице Истикляль, где располагается посольство Нидерландов. Печальная история особняка началась в 1727 году, когда в Стамбул из Амстердама прибыл дипломат Корнелис Калкун, сыгравший значительную роль в развитии культурных и экономических отношений между своей страной и Блистательной Портой. Калкун любил деньги и искусство – он преподнес Ахмеду III богатые подарки и заказал жившему в Стамбуле французскому художнику Жану-Бантисту Ванмуру множество картин на османскую тематику.

Помимо денег и искусства, дипломат обожал женщин. На берегах Босфора он встретил бывшую

черкесскую рабыню по имени Беязгюль (Белая роза). Узнав об этой связи, голландское правительство отозвало посла в Амстердам. Калкун не получил повторного назначения в османскую столицу, хотя очень просил об этом. Дипломат не был женат и не имел детей – стамбульцы убеждены, что он хранил верность Белой розе. Беязгюль умерла от старости и горя прямо перед воротами Голландского дворца, где когда-то трудился Калкун. По слухам, с тех пор в здании передвигается мебель, а в коридорах и на лестницах раздаются шаги – это печальная Беязгюль ждет своего Корнелиса.

Наконец, третья мистическая постройка Стамбула – особняк Джемиля Моллы в Кузгунджуке, на европейском берегу Босфора – напротив дворца Чираган. Джемиль Молла, важный османский сановник, был сыном придворного поэта Сулеймана Джеладдина-бея. С детства приученный к роскоши, он вторым после султана провел в свою виллу телефон и центральное отопление. В его особняке собиралось высшее общество Стамбула – здесь проводили литературные вечера, играли на музыкальных инструментах и спорили о политике. Джемиль Молла не привык считать деньги – поэтому, когда назрел вопрос о свадьбе его дочери, счастливый отец заявил, что грандиозный праздник войдет в историю города. Время Османской империи истекало, финансовые дела подданных ухудшались – однако чиновник решил не скупиться и взял кредит в Оттоманском банке. Он думал, что легко погасит задолженность, но ошибся.

В 1938 году обедневший Джемиль Молла умер, и дом продали нуворишу Кахведжи Джемиль-бею. Спустя пару недель сын Джемиль-бея разбился в автомобильной аварии; вскоре за ним последовал отец. Безутешная вдова покинула проклятую виллу. С тех пор

в особняке поселился призрак Джемиля Моллы: до 1980-х годов он отпугивал потенциальных покупателей.

В 1986 году турецкая компания «Mesa» приобрела особняк, дабы уничтожить это напоминание об османской эпохе и построить на его месте многоэтажный дом. Но вилла будто не хотела умирать – работы по сносу постоянно откладывались. Наконец в ситуацию вмешалось правительство: оно признало историческую ценность здания и провело масштабную реставрацию. Особняк был спасен. Сегодня он горделиво возвышается над Босфором – и, кажется, призрак первого владельца его больше не посещает.

Дома с привидениями, о которых шла речь, – не единственные в Стамбуле. Страшные истории рассказывают о виллах Сабанджи в Эмир-гане, Сурреэмини Хаджи Нури-бея и Исмаила-паши в Ускюдаре, Галиппаши в Гёзтепе, Тевфика Фикрета в Румелихисари и др. Каждый уцелевший османский особняк был свидетелем личных и семейных трагедий.

Рассказывая о Стамбуле, следует упомянуть дервишей – обязательных персонажей городской жизни, прославившихся благодаря притчам, слухам и анекдотам. Гамсун называет дервишей «магометанскими монахами». Подобно западным монахам, они делятся на ордена: есть пляшущие, воюющие, плавающие, прыгающие дервиши. У каждого ордена свое «ремесло» – и, доходя в этом «ремесле» до безумной крайности, члены ордена надеются снискать милость Аллаха. Например, плавающие дервиши «плавают» на полу, пока не впадают в экстаз и не начинают биться в судорогах: в невменяемом состоянии они становятся ближе к Богу.

Дервиши жили в обителях (текке) либо бродяжничали, собирая подаяние. Они являлись приверженцами суфизма – направления ислама, основанного на аскетизме и мистике. Суфии стремились

к непосредственному общению со Всевышним, что достигалось путем духовных практик (зикров). Единственной целью суфиев было познание Аллаха – оно считалось невозможным без нравственного очищения. Суть суфизма – единение со всем миром и с самим существованием, к которому нельзя подходить интеллектуально. Для суфия Бог находится повсюду именно как идея целостного существования.

Будучи школой самосовершенствования и внутреннего прозрения, суфизм отрицает рациональное познание. Рассуждая о его природе, персидский поэт-мистик XIII века Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми говорил: «Что бы я ни произнес, описывая и объясняя Любовь, когда дело доходит до самой Любви, я стыжусь этих объяснений».

Беззаветная вера в Бога, которой учили суфии, во многом сформировала народную религию и в столице – великолепном Стамбуле, и в глухих деревнях Анатолии. Она давала людям силы противостоять жизненным невзгодам. По справедливому утверждению Нерваля, народ любил и всячески поддерживал дервишей. Их религиозный пыл, добродушие и легкость характера больше импонировали толпе, чем непреклонность имамов и мулл.

Османский Стамбул превратился в крупнейший на Ближнем Востоке центр суфизма. В городе процветали три суфийских ордена (тариката): Руфаи, Мевлеви и Бекташи. Обитель первых располагалась в Ускюдаре, обитель вторых – в Галате, обители третьих – в Топхане и Аксарае (там находилась византийская церковь Богородицы, которую в 1496 году по приказу османского полководца Юсуфа Фенари переделали в мечеть Фенари Иса и отдали суфиям). Дервиши каждого тариката по-своему выполняли зикр. Руфаи называли «воющими», мевлеви – «крутящимися», «вертящимися»

или «вращающимися». Бекташи взяли на себя роль духовных наставников янычар.

Орден Руфаи стал последним тарикатом Османской империи. Чародей и фокусник Саид-Ахмад Руфаи основал его в 1812 году, история братства завершилась в 1925 году – спустя пару лет после провозглашения Турецкой Республики. Несмотря на недолгий век, руфаи запомнились западным путешественникам: для достижения религиозного экстаза дервиши громко распевали гимны, в итоге приходя в полнейшее исступление и срываясь на вой; также они наносили себе раны острыми предметами и даже лизали раскаленное железо.

Готье, посетивший текке в Ускюдаре, вспоминает, как постепенно дервишами овладел экстаз. Глаза их заблестели, на губах выступила эпилептическая пена, лица исказились и заблестели под струйками пота. При каждом завывании они валились наземь – и тут же поднимались, будто колосья в поле, подхваченные порывом ветра. Крики «Аллах, ху!» звучали с возрастающей силой. «Как от такого рева, не стихавшего в течение часа, у них не лопнула грудная клетка и кровь не хлынула из надорванных сосудов?» – вопрошает пораженный писатель. Другая часть зикра – мистический танец с копьями – также являла собой невообразимое зрелище: дервиши кидались на острие и катались по земле – израненные, задыхающиеся, истекающие кровью.

Выступления руфаи были зрелищными и опасными. Тарикат славился факирами, фокусниками, жонглерами ножами, огне- и шпагоглотателями. Европейцам подобные духовные практики казались дикими и омерзительными – но увидеть их воочию стоило. Гамсун пытался разглядеть в зикре Руфаи нечто большее, нежели странное представление для нескольких десятков зрителей. «Самоистязание воющих дервишей

является тоже актом воли, только воли до крайности обостренной: их орден требует в жертву Богу проявление всякой утонченной стыдливости, его члены должны делать из себя посмешище, - отмечает Гамсун. - Все это могла создать только богатейшая, утонченнейшая фантазия Востока».

Вторым - и самым известным - суфийским орденом Стамбула и Османской империи был Мевлеви. Тарикат основали в XIII веке в Конье великий Руми и его сын Баха ад-Дин Мухаммад-и Валад (Султан Валад). Руми считал, что для достижения единства с Аллахом необходима практика ритуальных танцев; поэт и сам любил кружиться вокруг шеста, вкопанного посреди своей кельи. Он выразил квинтэссенцию суфийского братства в четверостишии:

Я вырос до небес, Тебя любя,
И счастлив - скоро дотянусь и до Тебя!
Болтают, что вокруг Тебя кружусь я...
Неправда! Я кружусь вокруг себя!

Зикр ордена Мевлеви преисполнен глубокого смысла: их танец - настоящая драма смерти и возрождения. Одевание дервишей состоит из высоких шапок, длинных белых платьев с широкой юбкой и черной накидки, которую они сбрасывают в начале зикра. Шапка символизирует могильную плиту, белое платье - саван, а накидка - погребальные покровы.

Готье не ограничился посещением текке руфаи в Ускюдаре - он приехал в обитель мевлеви в Галате и подробно описал их пленительный танец. Один из дервишей поднял руки и начал медленно вертеться вокруг своей оси, бесшумно передвигая обнаженные ступни по паркету. Его юбка затрепетала, как птица перед взлетом. Вращение делалось всё быстрее, тонкая

ткань, приподнятая и раздутая воздухом, закрутилась колоколом и обратилась в белый вихрь, поглотивший дервишей. Готье отмечает невероятное изящество и плавность движений суфиев, их легкость, неутомимость и удивительную слаженность. В зикре участвовали около 20 человек – но, кружась в вихре юбок, распускаясь, словно гигантские цветы, они ни разу не столкнулись и не пропустили ни единого такта, отбиваемого барабанами.

Падишахи покровительствовали ордену Мевлеви. Шейх Эдебали – тесть основателя династии Османа, опоясавший его легендарным мечом и благословивший на завоевания, – был настоятелем текке мевлеви. Султан Баязид I взял в жены праправнучку Руми. Глава тариката обязательно присутствовал на церемонии вступления на престол очередного правителя Османской империи в мечети Эйюп Султан – для этого шейх специально приезжал из Коньи. Захватив Константинополь, Мехмед II запретил организовывать в городе суфийские и дервишеские обители – однако в порядке исключения он в 1491 году разрешил ордену Мевлеви поселиться в семте Тюнель, на склоне Галатского холма. Позже их текке возникли в Йеникапы и Бешикташе.

Кроме того, султаны заботились об обители последователей Руми в Конье. Баязид II богато украсил тюрбе поэта. Селим I даровал текке множество вакфов. Сулейман I приказал обложить мрамором гробницы Руми и Султана Валада, а также возвести для дервишей мечеть и помещение для ритуальных танцев. Мурад II велел построить обитель тариката Мевлеви в стамбульском районе Галатасарай.

Иногда дервиши оказывались в немилости у падишахов – впрочем, это случалось редко, поскольку мевлеви не стремились к власти. Так, Мурад IV был сторонником «чистого» ислама, но не вступил в

конфронтацию с суфийскими орденами. Бывали случаи, когда суфии пытались втянуть в политические интриги – например, в 1658 году во время мятежа в Анатолии некоторые бунтовщики переоделись в одежду мевлеви. Чтобы отличить лже-дервишей от настоящих членов тариката, паша, посланный султаном Мехмедом IV в Конью, приказал читать вслух поэму Руми «Маснави» и играть на флейте. Часть дервишей закужилась в ритуальном танце, а другая часть застыла в недоумении – тем самым переодетые мятежники выдали себя.

В эпоху Танзимата государство контролировало суфийские ордена, однако контроль сводился к материальной поддержке и попыткам добиться назначения на должность главы тариката или текке человека, угодного правительству. В 1925 году все суфийские братства в Турции были законодательно запрещены. Дервишеские обители опустели, и только мевлеви не подверглись преследованиям. Обитель в Конье, где похоронены Руми и Султан Валад, превратили в музей; возле нее восстановили целый комплекс исторических зданий. Власти снисходительно относились к мевлеви: их ритуальные вращения более не исполнялись публично, но проводились в частных домах. В середине 1950-х годов танцы дервишей объявили частью турецкого культурного наследия и разрешили исполнять для развлечения туристов.

Западные путешественники проявляли к мевлеви неослабевающий интерес. Турецкое правительство наделило мевлеви статусом артистов и в 1970-х годах организовало их заграничные гастроли с целью познакомить мировую общественность с турецкой культурой. Сегодня любой турист может посетить выступление «вращающихся дервишей» – для этого надо приехать в центр культуры и искусства Ходжа-паша (недалеко от вокзала Сиркеджи) либо в

старейшую суфийскую обитель Стамбула – Галату Мевлевиханеси в Бейоглу, основанную еще в 1491 году шейхом Мехмедом Деде.

Третьему дервишескому ордену – Бекташи – повезло гораздо меньше, чем братству Мевлеви; он был уничтожен в 1826 году по приказу Махмуда II. Тарикат имел древнюю историю: его учредил в XIII веке шейх Хаджи Бекташ – прославленный суфий из Хорасана. По легенде, шейх остановился перед строем молодых турецких солдат, поднял руку над головой одного из них и провозгласил: «Да будете вы йени чери!» (тур. yeniçeri – новый воин). Так Хаджи Бекташ с высочайшего позволения султана Мурада I стал духовным отцом «нового воинства» – элиты османской армии, свирепых янычар, которые кровью вписали память о себе в историю Европы и Ближнего Востока.

О связях янычар с дервишами ордена Бекташи свидетельствовало не только напутствие шейха «проявлять мужество в сражениях и не знать поражений»; не только соседство суфийских обителей и янычарских казарм в Топхане; но и головной убор воинов – кече (войлочный колпак со свисающим сзади куском ткани). Ткань напоминала широкий рукав халата Хаджи Бекташа, который в XIII веке во время благословения опустил на голову юного солдата.

По утверждению Мантрана, янычары и суфии достигли столь полного единства, что в армии их оджак^[76] называли оджаком бекташей. Когда новый баба (глава бекташей) вступал в должность руководителя ордена, то по прибытии в Стамбул он первым делом представлялся не великому визирю, но аге (командиру) янычар. Ага увенчивал голову суфия тюрбаном бекташей – и лишь потом сопровождал его в резиденцию великого визиря. После этого протокольного посещения баба возвращался к

янычарам и гостил у них, пока обязанности главы ордена не призывали его в «материнский дом» бекташей, построенный возле могилы Хаджи Бекташа в Анатолии, между городами Кыршехир и Кайсери.

Британский историк Дэвид Николле отмечает, что зачастую бекташи добровольно отправлялись на войну, сражаясь бок о бок со «львами ислама», как называли янычар. Члены тариката духовно окормляли «новых воинов» – и спустя 400 с лишним лет совместного существования разделили их судьбу. К первой половине XIX века личная гвардия султана представляла опасность для него самого – поэтому уничтожение оджака стало для Махмуда II вопросом жизни и смерти.

Глава 13

Рабы султана

Здоровье – от Аллаха, жалованье – от падишаха.

Османская пословица

В Османской империи не было родовой аристократии – вместо нее действовала система рабства, характерная для восточных деспотий. По замечанию американского мифолога Джозефа Кемпбелла, на Востоке царит уверенность в том, что человек должен срастись с отведенной ему социальной ролью. Когда все обязанности, соответствующие этой роли, исполнены, ее носитель исчезает – растворяется, словно капля, в океане всеобщего. Вследствие такого мировоззрения статус раба рассматривался как естественный. В сказках «Тысячи и одной ночи» есть сюжет: хозяин отпускает невольника – но тот не хочет уходить. В стамбульской любовной песне XVIII века поется:

Купи меня, мой повелитель.
Возьми меня, если думаешь, что я способна тебе
угодить.
Если же ты в сомнении считаешь меня
фальшивой монетой,
Так пускай меня проверит шераф^[77].

«Раб – тот, у кого нет своих рабов», – гласит арабская пословица. Бог в Коране именуется «Ар-Рабб» (الرَّبّ араб.) – «Господь» (Коран 1:2, 6:45, 10:10 и др.). В широком смысле слово «ар-рабб» обозначает хозяина человека или вещи, которому служат и от которого получают пропитание, – т. е. рабовладельца. Поэтому мусульмане называют себя рабами Аллаха.

У рабства на Востоке есть важный нюанс, отсутствующий в западной культуре. Шариат запрещает мусульманам поработать друг друга – в Средние века это, как правило, означало смерть мусульман, попавших в плен к своим единоверцам. Так, в 1473 году Мехмед II казнил 6200 воинов Узун Хасана^[78] – почти по 500 человек в каждом из 12 анатолийских городов на обратном пути из Отлукбели в Стамбул. В 1514 году после Чалдыранской битвы Селим I приказал предать смерти всех пленных персов. Амичис предполагает, что рабство и деспотизм у турок в крови. Наблюдая за посетителями стамбульских кофеен, он отметил, что турки сидят абсолютно неподвижно, и лица их невыразительны – это сродни покорной меланхолии раба или холодной гордости деспота.

Рабство у османов можно было уничтожить на практике, прекратив поставки невольников и остановив торговлю ими. Для обозначения этого процесса применялся эвфемизм «закрытие врат рабства» («sedd-i bab-i ıkkıyet»). «Подобные фразы всегда применялись в контексте борьбы с работоторговлей, но отмена рабства как абстрактного юридического статуса никогда не имелась в виду, – пишет турецкий историк Хакан Эрдем. – Рабство в Высокой Порте как юридический статус так и не было отменено».

Для западного человека отмена рабства представляет собой прогрессивный шаг, но на Востоке мыслят иначе. Мантран апеллирует к титулу османского

султана и халифа – представителя Аллаха на земле и полновластного господина своих подданных, которые – все до единого – считались его рабами. В наибольшей мере это относилось к придворным и личному составу армии – т. е. к людям, по долгу службы окружавшим султана в годы войны и мира. Их называли «капыкулари» или «капыкулу» (тур. *karikulari* – слуги Порты; *karikulu* – государевы рабы). Этот термин охватывал всех чиновников и военных, являвшихся султанскими слугами, – от высокопоставленного вельможи до рядового янычара. Их судьбы зависели от настроения повелителя.

Карлики предназначались для увеселения падишаха, его вельмож и наложниц. Они даже присутствовали при родах султанских детей – считалось, что, веселя одалисок, лилипуты помогают им разрешиться от бремени. В Османской империи существовал аналог «девушки из торта» – карлик из плова. На большое блюдо ставили коробку, куда забирался лилипут; затем ее обкладывали пловом и подавали гостям. Когда участники застолья начинали накладывать себе кушанье, карлик выпрыгивал из коробки.

Система капыкулу позволяла встроить человека в государственный механизм. Для этого раба с ранних лет надо было воспитывать в мусульманских традициях, прививать ему османские ценности, обучать – и в итоге найти место в армии или гражданской администрации. В империи проживало множество немусульман, и система капыкулу создавалась в первую очередь для их детей. С 1347 года и до середины XVII века христиане платили туркам девширме – «налог кровью», при котором отдавали своих сыновей для последующего

обращения в султанских рабов и несения ими службы на благо Порты.

Девширме позволяла выявить талантливых людей еще в детстве и максимально развить их знания и навыки в выгодном государстве направлении. За время своего пребывания в Стамбуле Бусбек понял, что османы относятся к одаренному человеку как к найденной драгоценности и не жалеют на него сил и средств. Европейцы же, по словам Бусбека, готовы дрессировать хороших псов, ястребов или коней – но способных людей игнорируют. Таким образом, с помощью девширме османы отбирали детей и подростков, способных принести пользу империи, и серьезно занимались их воспитанием и образованием.

Ученые спорят о законности «налога кровью» с XVI века. Западная историческая наука считает девширме вопиющим нарушением прав зимми – ведь как иначе можно назвать отъем детей и обращение их в капыкулу? Британский ориенталист Джон Палмер утверждает, что ислам оправдывает девширме. Согласно шариату, османы отдавали султану пенджик – одну пятую военной добычи; следовательно, падишаху принадлежал и каждый пятый пленник. Это могло бы обосновать девширме в ходе завоеваний – но «налог кровью» взимался веками на давно покоренных территориях.

Дело в том, что не все кафиры Порты имели статус зимми, ибо не все беспрекословно подчинились султану. Немусульман, боровшихся с османскими захватчиками, именовали харбиями – их наказывали порабощением или смертью. У султана было четыре варианта действий по отношению к пленникам: казнь, освобождение за выкуп, освобождение без выкупа и обращение в рабство. Освобождение за выкуп нельзя было применить ко всему завоеванному населению – выкуп давали только за богатых и знатных. Казнь,

освобождение без выкупа и массовое порабощение являлись экономически невыгодными либо невозможными из-за большого числа людей. Оставалось «теоретическое» обращение в рабство – и османы применяли его к немусульманским общинам, предоставляя им статус зимми. Первыми зимми Высокой Порты стали венецианцы и генуэзцы Константинополя.

Дальнейшая судьба зимми и харбиев зависела от их отношений с султаном. Примером тому – различные подходы османов к византийским евреям и сефардам. Первые сопротивлялись Мехмеду II при штурме Константинополя и были разорены, изгнаны либо убиты. Вторые попросили Баязида II о помощи и добровольно признали его власть. Приняв османское подданство, кафиры теряли свободу и превращались в собственность султана. Поскольку дети рабов также являются рабами, данный статус передавался из поколения в поколение. Его не отменяло даже принятие ислама – поэтому «налог кровью» распространялся на албанцев и боснийцев после того, как они стали мусульманами.

В рамках девширме детей навсегда забирали из семей. Османские чиновники приезжали раз в 5–7 лет и увозили каждого пятого мальчика в возрасте от 7 до 12 лет. Для «налога кровью» действовали строгие критерии отбора. Чиновников не интересовали сыновья пастухов и сельских старост (первые якобы вырастали глупыми, вторые – хитрыми и подлыми). Кроме того, под девширме не попадали слабые, больные, трусливые, болтливые, слишком высокие или слишком низкие, а также красивые, нежные и избалованные дети. Мусульмане, до 1683 года не имевшие права вступать в янычарский корпус, считали это ограничение несправедливым. Они нередко договаривались с соседями-христианами и подменяли их ребенка, одобренного для отправки в Стамбул, на своего – ибо

воспринимали девширме как уникальный шанс добиться успеха.

Детей, прошедших тщательный отбор, увозили в столицу и обращали в ислам. Затем в присутствии султана мальчикам устраивали грандиозный смотр, где еще раз проверяли их умственные и физические способности. Лучших направляли в школу пажей Эндерун - кузницу административных кадров (она располагалась на территории дворца Топкапы).

Структура Эндеруна периодически менялась в зависимости от воли падишаха, но главной задачей школы была подготовка профессиональных капыкулу. Юноши проходили семь ступеней обучения, параллельно работая во дворце. Тех, кто не справлялся с обязанностями, определяли в армейские подразделения. Молодых людей, которые демонстрировали склонность к определенному роду деятельности - например, к музыке - оставляли при дворце и позволяли заниматься любимым делом. Выпускники Эндеруна, завершившие обучение в целом, назначались на ответственные государственные должности.

Первые две ступени школы известны как Малая и Большая палаты (они размещались в зданиях возле Баб ас-Саадет - Ворот счастья). На данном этапе в программу обучения входили ислам, языки (турецкий, арабский, фарси) и физические упражнения. Мальчики постарше практиковались в верховой езде и обращении с различными видами оружия.

Следующая ступень - Палата сокольничего - специализировалась на подготовке кадров для управления охотничьими угодьями султана. Военная палата, основанная Мурадом IV в 1635 году, была изначально связана с дворцовой прачечной. Ученики стирали одежду обитателей Топкапы, включая самого повелителя. Здесь же готовили цирюльников,

парикмахеров и банщиков. Позже выпускниками Военной палаты стали музыканты, певцы и борцы.

Высшие ступени Эндеруна - Палату эконома, Казначейскую палату и Личные покои - учредил в XV веке Мехмед II. Палатой эконома руководил чиновник, ведающий организацией питания султана и гарема.

Под его надзором юноши пополняли продовольственные запасы Топ-капы, занимались кулинарией, хранили еду, напитки, свечи для дворца и мечетей. Казначейской палатой управляли главный казначей и его помощник. Они отвечали за личные денежные средства монарха и драгоценные халаты, которые повелитель по традиции жаловал иностранным послам. Молодые люди усваивали ряд финансовых правил и взаимодействовали с портными, ювелирами и прочими ремесленниками, которые обслуживали дворец и подчинялись главному казначею.

На последней ступени Эндеруна, в Личных покоях, готовили слуг, имеющих доступ к падишаху, - старших пажей, оруженосцев, камердинеров и конюших. Ученики дежурили в хранилище священных реликвий Топкапы - там они подметали полы, вытирали пыль, начищали металлические предметы, воскуривали благовония и разбрызгивали розовую воду. В итоге выпускники школы обзаводились полезными связями и понимали, как устроен дворец.

Мальчиков, не попавших в элитный Эндерун, записывали в оджак. Далее начинался процесс исламизации: будущих янычар на несколько лет распределяли в турецкие семьи в разных концах империи, где дети практиковали ислам и помогали приемным родителям по хозяйству.

После этого подростков опять собирали в Стамбуле, давали им статус «аджемиоглан» (тур. асемі ођлан - чужеземные мальчики) и на 7 лет зачисляли в янычарскую школу, где проходила их боевая

подготовка. Подростки жили подразделениями по 20–30 человек в условиях суровой дисциплины. Им платили небольшое жалованье, не разрешали покидать Стамбул, не привлекали к участию в военных действиях и жестоко наказывали за непослушание. Бекташи прививали аджемиогланам религиозный фанатизм, слепое повиновение командирам и безоговорочную преданность султану.

По достижении 25-летия молодым людям опять устраивали смотр. Ленивых и отстающих посылали на работу в хозяйственные службы оджака. Таким образом, янычарами становились только самые прилежные и физически крепкие юноши, в совершенстве овладевшие оружием.

Новоиспеченных янычар согласно их способностям распределяли по ортам (ротам) – так, Мимар Синан в свое время служил в инженерной орте (соответственно, «турецкий Микеланджело» не был этническим турком). По данным, приведенным Мантраном, в Стамбуле дислоцировалась примерно треть оджака – от 4 тыс. до 25 тыс. человек. Последняя цифра указывает на максимальный размер столичного янычарского гарнизона, который в действительности достигался лишь изредка. Обычно гарнизон насчитывал 10–15 тыс. человек. С момента зачисления в орту и до смерти на поле брани (либо до отставки, если повезет) жизнь «новых воинов» протекала в бесконечных учениях, тренировках и завоевательных походах Блистательной Порты.

Оджак являлся боевым братством фанатичных мусульман, аналогичным христианским духовно-рыцарским орденам. Янычары, прозванные за свирепость и кровожадность «бичом Балкан» и «кошмаром Европы», представляли собой ударную силу османской армии и формировали ее регулярную пехоту. Военные оркестры впервые в истории появились именно

в оджаке - европейцев повергала в ужас грозная музыка и крики янычар, бросавшихся в наступление. По легенде, Осман Гази, захватив Анатолию, получил бунчук, знамя, кастаньеты и барабан из рук сельджукского султана Гияседдина Месуда II. Эти предметы стали символами власти Османской династии. На указанных музыкальных инструментах отныне играл мехтер - янычарский оркестр (сегодня его можно послушать в Военном музее Стамбула). О предназначении «львов ислама» турки не забывали никогда: даже при применении телесных наказаний «новых воинов» пороли не по ногам, а по ягодицам. Сипахов же, наоборот, запрещалось бить по ягодицам - провинившихся кавалеристов секли по ногам.

На протяжении всей службы янычары тренировались по особой методике. В частности, они отрабатывали удары голыми руками по камню. Это упражнение, выполняемое годами, приводило к тому, что янычар убивал врага одной пощечиной. Если он не мог этого сделать, то считался недостаточно подготовленным. Так в турецком языке появилось выражение «османская пощечина» (Osmanlı tokadı), означающая быстрое и сокрушительное поражение.

По замечанию Николле, страх перед «ужасными турками» глубоко укоренился в сознании европейцев. Он был порожден вековыми войнами между христианским Западом и его ближайшим мусульманским соседом - Ближательной Портой. Этот исторический страх нашел отражение в некоторых явлениях европейской культуры - так, традиционные костюмы клоунов (широкие штаны и нелепые головные уборы, в том числе остроконечные колпаки) представляют собой карикатурные аллюзии на янычарскую униформу. Лучший способ перестать бояться врага - это высмеять его.

Однако «новых воинов» стоило опасаться. Янычары освящали себя служению великому султану Османской империи: они оставались холостяками, не могли заниматься ремеслами и торговлей и жили в казармах. Стамбульские казармы янычар назывались Эскиодалар (Старые казармы) и Йениодалар (Новые казармы); они находились в Топхане – недалеко от казарм топчу (артиллеристов) и пушечного двора Топхане-и-Амире. По соседству с янычарами и топчу были расквартированы топарабаджи (солдаты-обозники). Казармы обозников располагались не только в Топхане, но и в квартале Ахыркапы, где они примыкали к западной стороне Топкапы. Там же, на полуострове Суричи, напротив Айя-Софии, стояли казармы джебеджи (оружейников). Дислокация янычар в столице предельно ясна: ничто не должно было отвлекать элиту османской армии от единственного дела – войны.

«Львы ислама» быстро осознали свою исключительную важность для армии и государства в целом; напрочь позабыв наставления Ходжи Бекташа, они превратились в серьезную политическую силу. Английский аристократ XVIII века Фредерик Калверт утверждал, что янычары возводят на престол и свергают императоров, как преторианская гвардия в Риме. Мэри Монтегю писала: «Султан трепещет под хмурым взглядом янычар».

Вопреки прививаемым с детства послушанию и покорности, янычары никогда не отличались смирением. Они устраивали уличные драки, громили лавки, совращали чужих жен и дочерей, вступали в гомосексуальные связи и не меньше французских мушкетеров любили вызывать друг друга на дуэль. При Махмуде I в столице разгорелся грандиозный скандал – стамбульцы окрестили его «битвой за массажиста». У одного «нового воина» был любовник – массажист из

городского хаммама, и его увел янычар из другого отряда. Эта драма привела к кровопролитному сражению между отрядами – оно длилось четыре дня, пока дворцовые стражники не разогнали разбушевавшихся «львов ислама».

Неудивительно, что закон запрещал «новым воинам» в мирное время носить в Стамбуле саблю – но янычарам не хотелось оставаться только с кинжалом. Так был придуман легендарный ятаган – нечто среднее между саблей и тесаком. Несмотря на небольшой вес (около 800 г), ятаганом можно было наносить глубокие раны; орудуя таким клинком, опытный янычар мог одним махом отсечь голову врагу. Интересно, что в романе Толкина «Властелин колец» злобные орки вооружены скимитарами (в русском переводе романа – ятаганами). Вкупе с тюркскими чертами лица урук-хаев это позволило некоторым исследователям предположить, что под орками Толкин подразумевал османов. Если принять во внимание, что бессмертные эльфы – которые не умирают, но уходят – символизируют римлян, то картина становится очевидной.

Несмотря на свой мифологизированный образ, янычары являлись реальными участниками городской жизни. По мере возвышения оджака янычарский ага превратился в авторитетного вельможу и был удостоен особой чести снимать с султана обувь при его входе в мечеть. Однажды главный церемониймейстер по ошибке допустил к целованию султанской мантии командиров кавалерии и артиллерии ранее янычарского аги – и поплатился за свою рассеянность головой. Даже в условиях экономического кризиса падишах не задерживал «львам ислама» жалованье – несмотря на личную зависимость янычар от султана, промедление могло стоить ему жизни.

Личная зависимость янычар от султана, – который их кормил, – подчеркивалась тем, что вместо боевых знамен у «новых воинов» были огромные ротные котлы (казаны). Звания и термины янычарского корпуса происходили из кухонного лексикона. Слово «орта» (тур. *orta*) переводится как «столовая». Командир роты именовался чорбаджи (тур. *çorbacı* – раздатчик похлебки); другие офицеры имели звания ашчи-баши (тур. *aşçıbaşı* – главный повар) и сака-баши (тур. *sakabaşı* – водонос). Вместо кокарды янычары втыкали в свои белые войлочные шапки деревянные ложки. По пятницам котлы увозили на дворцовую кухню и наполняли пловом. Потеря казана означала позор для оджака; бунт начинался с того, что «львы ислама» опрокидывали котлы, отказываясь принимать дарованную султаном пищу. В турецком языке есть выражение, родившееся в османскую эпоху: «Не переворачивай свой казан» (сродни русскому «Не руби сук, на котором сидишь»). Оно вошло в турецкий фольклор, ибо янычары часто бунтовали.

В феврале 1451 года при восшествии на престол молодой Мехмед II, не пользовавшийся особой популярностью у придворных, совершил стратегическую ошибку – впервые раздал янычарам деньги, надеясь на их поддержку. С тех пор «львы ислама» требовали крупные суммы с каждого нового султана. Правители Порты были вынуждены откупаться от собственных рабов. Янычары почувствовали силу и с энтузиазмом включились в политические игры: теперь они сажали на престол угодных им султанов и свергали негодных, добивались казни правительственных чиновников и религиозных авторитетов.

Насилие широко применялось «львами ислама» для достижения политических целей и стало рутинным. В условиях постоянных беспорядков султаны зачастую обладали лишь малой толикой реальной власти.

Конечно, многое зависело от самого главы государства – но янычары причиняли беспокойство даже сильным, жестоким и могущественным падишахам. После смерти Мехмеда II в 1481 году «новые воины» собрались возле Топкапы и потребовали, чтобы к ним вышел султан. Когда тот не появился, янычары ворвались на территорию дворца через главные ворота и обнаружили бездыханное тело Фатиха, охраняемое слугами великого визиря Караманлы Мехмеда-паши. Придя в ярость, «львы ислама» растерзали Мехмеда-пашу и промаршировали по Стамбулу, неся его отрубленную голову на пике. Из двух сыновей покойного правителя они признали Баязида II – но в итоге вынудили его отречься от престола в пользу Селима I, за что потребовали от последнего солидное вознаграждение.

Селим I неспроста получил прозвище «Явуз» («Грозный»): когда в 1514 году во время похода против персов янычары начали роптать на тяготы военной службы, султан незамедлительно казнил их агу. Этим Явуз решил проблему для себя – но не для династии: уже в 1524 году его сын Сулейман Великолепный стал свидетелем янычарского бунта. «Львы ислама» разграбили стамбульскую таможню и дворец великого визиря Ибрагима-паши, а затем ворвались в Топкапы. Сулейман застрелил трех мятежников из лука, но, в конце концов, пошел на попятную и раздал янычарам крупные денежные суммы. В 1550-х годах расквартированные в Стамбуле «новые воины» открыто говорили: «Султан Сулейман стар, ему пора отдохнуть. Мустафа, сын его, поведет дело лучше, и если великий визирь Рустем-паша будет этому противиться, мы снимем ему голову». Эти речи, усугубленные городскими сплетнями, привели к убийству шехзаде Мустафы. Старея, Сулейман боялся «львов ислама» все больше. Однажды, заболев, он узнал, что янычары распускают слухи о его смерти; тогда падишах велел

перенести себя в лодку и медленно проплыть вдоль берегов Босфора, дабы стамбульцы убедились, что он жив.

«Новые воины» не давали покоя и потомкам Сулеймана: так, в 1566 году по случаю восшествия на престол Селима II они бунтовали, требуя денег. Горожанам особенно запомнилась первая четверть XVII века, когда янычарские мятежи четыре раза приводили к смене правителей. В 1617 году янычары поддержали сына Ахмеда I – душевнобольного Мустафу I, но менее чем через год свергли его. Новым султаном «львы ислама» признали 14-летнего Османа II.

Юный Осман прекрасно осознавал опасность, исходившую от янычар. Он вынашивал планы по отмене оджака и назначил советником по этому вопросу опытного чиновника – бейлербея Эрзурумского вилайета Мехмеда Абаза-пашу. Неудивительно, что уже в 1622 году в ходе очередного янычарского бунта молодой султан был задушен великим визирем Махмуд-пашой Ангеловичем. Отрезанное ухо и нос Османа передали Халиме-султан – матери Мустафы I; ее слабоумный сын повторно оказался во главе империи. Мустафа не мог принимать самостоятельные решения и управлять государством. Он играл роль марионетки в руках Халиме-султан и великого визиря Кара Давута-паши, организовавшего убийство Османа II.

1623 год выдался для Порты крайне трудным: Мехмед Абаза-паша решил отомстить за смерть Османа и поднял восстание. В условиях политической нестабильности «львы ислама» продолжали преследовать свои цели. Стамбульские хроники содержат тревожные доказательства их пугающей мощи. Янычары фактически контролировали столицу. В феврале 1623 года они добились смещения великого визиря Ха-дыма Мехмеда-паши и назначения на эту должность Мере Хусейна-паши, который опустошил

казну, чтобы сохранить поддержку оджака. Вскоре Хусейн-паша оскорбил влиятельного имама. Возмущенные улемы собрались в мечети Фатих и потребовали отставки великого визиря. Их решимость не поколебали даже угрозы со стороны Хусейна-паши и его союзников-янычар. В итоге на богословов напали наемники, посланные великим визирем. Многих улемов убили, а их тела бросили в море.

В мае 40-тысячная армия Мехмеда Абаза-паши осадила Анкару. Янычары в это время ожесточенно конфликтовали с сипахами и добились казни Кары Давута-паши. Мустафа I демонстрировал полнейшее бессилие и непонимание ситуации. 10 сентября 1623 года блаженный султан был свергнут в результате дворцового переворота - разумеется, сопровождавшегося мятежом «львов ислама». Престол занял племянник Мустафы - 11-летний Мурад IV. Этого султана, прозванного Кровавым, стамбульцы запомнили надолго.

Мурад IV получил ослабевшее государство. Война с персидским шахом Аббасом I протекала неудачно, ливанский эмир Фахр ад-дин II Маан боролся за независимость Леванта от Османской империи, Стамбул выкосила очередная эпидемия чумы, а восстание Мехмеда Абаза-паши завершилось лишь в 1629 году. Еще одной проблемой были набеги запорожских казаков, которые, по словам французского историка XVII века Мишеля Бодье, «плавали по Черному морю так смело, что доходили до самых ворот Константинополя».

1624 год ознаменовался первым масштабным походом запорожцев на Босфор: они опустошили и сожгли оба берега пролива от черноморского устья до Румелихисари и Анадолухисари. Разграблению подверглись ялы возле обеих крепостей, виллы в Сарыере, Тарабье, Бюйюкдере, Еникее, Истинье и Канлыдже, султанский дворец в Бейкозе - т. е. вся

прибрежная часть нынешнего Стамбула, от Йороса до моста Султан Мехмед Фатих. Жители столицы видели клубы дыма от горевших пригородов. Разгневанный падишах наблюдал зарево пожаров с балкона Топкапы.

Денег катастрофически не хватало. Эвлия Челеби сообщает, что Мурад IV решил узнать, какими средствами располагает, – но его ждал неприятный сюрприз. В императорской казне, помимо старого хлама, султан обнаружил только шесть мешков монет, сумку с кораллами и сундук с китайским фарфором. Огорченный Мурад «наполнил казну своими слезами».

Численность оджака при Мураде IV достигла исторического максимума – 100 тыс. человек. Зимой 1631 года разъяренные янычары вернулись в Стамбул из тяжелого иранского похода, ворвались в Топкапы и потребовали у султана выдать им для расправы великого визиря Хафиза Ахмеда-пашу. Мурад уступил смутьянам – но они разбушевались настолько, что продолжали дебоширить и разбойничать на столичных улицах. Более того – «львы ислама» додумались ходить по Стамбулу с факелами и, угрожая поджогами, вымогать деньги у состоятельных горожан.

Султан отреагировал неординарно: он собственноручно казнил провинившегося великого визиря Топала Реджеба-пашу. Янычары поняли, что с Мурадом шутки плохи, и потому вместе с сипахами присягнули ему на верность. Присяга не помогла: Мурад, собравший незадолго до того открытый Диван на берегу Босфора, хорошо запомнил слова одного кади: «Мой падишах, единственным лекарством против всех этих злоупотреблений является ятаган!»

Правление Мурада IV ознаменовалось массовыми казнями. Он уничтожал неугодных тысячами. Под горячую руку султана попадали визири, бейлербеи, кади, янычары, сипахи и даже шейх-уль-ислам Ахизаде Хусейн-эфенди.

Мурад приказал закрыть в Стамбуле все кофейни как рассадник вольнодумства – и «новым воинам» стало негде собираться для обсуждения своих мятежных планов. Далее падишах запретил табак, кофе и алкоголь – и янычары почувствовали, что без привычных маленьких радостей служба стала тяжелее. Война с Ираном выходила на новый виток, и оджак ради собственного спасения демонстрировал на поле боя чудеса героизма. Но 8 февраля 1640 года Мурад IV скорострительно скончался. Кровавому наследовал его брат Ибрагим I Безумный. «Львы ислама» настолько не хотели признавать нового султана, что в первый (и последний) раз за 600-летнюю историю Порты отказались от традиционного денежного вознаграждения.

8 августа 1648 года янычары заставили сумасшедшего Ибрагима отречься от престола в пользу Мехмеда IV. Последнего мало что интересовало, кроме охоты, – однако он стал последним султаном, при котором Османская империя все еще представляла угрозу Европе. С 1683 года временный успех в европейских войнах Порты сменился систематическими поражениями – и спустя четыре года Мехмед лишился трона. Дворцовый переворот не обошелся без янычар.

Следующий султан, Сулейман II, очень религиозный человек, проводил большую часть времени в молитвах; правление Ахмеда II было коротким и неудачным, а Мустафу II свергли янычары. Аналогичная участь постигла Ахмеда III: просвещенная Эпоха тюльпанов требовала огромных затрат, цены и налоги стремительно росли – но в столице днем и ночью проводились празднества. Пока султан наслаждался соловьиным пением в саду Топкапы, в питейных заведениях Галаты собирались недовольные. 28 сентября 1730 года возмущение торговцев и ремесленников вылилось в восстание под

предводительством бывшего матроса и янычара Патрона Халила.

Патрона Халил был албанцем; его настоящее имя – Хорпештели Халил. Прозвище он получил в честь корабля, на котором служил. В Стамбуле Халил работал банщиком, торговал вразнос и посещал галатские кабаки – там встречались горожане, не одобрявшие политику Ахмеда III. Летом 1730 года албанец со своими единомышленниками разработал план революции. 28 сентября бунтовщики прошли по османской столице, выкрикивая антиправительственные лозунги. В мечети Баязид Халил объявил о восстании.

К мятежникам присоединились многочисленные стамбульцы – и толпа направилась в Ускюдар, где на тот момент находились султан и великий визирь Невшехирли Дамад Ибрагим-паша. Янычары примкнули к восставшим. На следующий день, 29 сентября, бунтовщики контролировали Стамбул. Патрона Халил приказал разграбить город, его соратники убивали всех несогласных. Среди жертв мятежа оказался Ахмед Недим – придворный поэт и голос Эпохи тюльпанов. Его трагическая гибель символизировала конец культурных реформ в Блистательной Порте. Столица погрузилась в хаос. Горожане, охваченные массовой истерией, громили всё на своем пути. Ахмед III пребывал в растерянности – за Халилом шла вся чернь Стамбула.

Наконец, падишах решился на переговоры. Толпа жаждала крови великого визиря, его зятьев, шейх-уль-ислама и еще 34 вельмож. Тогда султанские слуги вынесли из сокровищницы Топкапы священное знамя пророка, и Ахмед III призвал всех мусульман сплотиться вокруг него. Это была старая хитрость, которую успешно применил Мехмед IV (дед Ахмеда) во время бунта 1651 года. Но в 1730 году уловка не сработала, и мятежники осадили дворец. Приближенные султана настаивали на выдаче Дамада Ибрагима-паши; главный

черный евнух отобрал у него государственную печать. Обескураженный Ахмед велел казнить великого визиря и его зятьев, но экзекуцию откладывали, пока повстанцы не начали штурм Топкапы. Лишь после этого приговоры были приведены в исполнение. Трупы передали толпе, которая пронесла их по всему городу.

Казнь великого визиря не остановила бунтовщиков – напротив, они осознали свою значимость и потребовали смещения султана. Ахмед III не стал сопротивляться – он спокойно пришел к своему племяннику Махмуду и предложил ему трон Османской империи. Поведение падишаха минимизировало неблагоприятные последствия – город почти не пострадал от разрушений. Патрона Халил лично присутствовал при опоясывании нового монарха мечом Османа в мечети Эйюп Султан.

Взойдя на престол, Махмуд I небезосновательно боялся переворота. В сентябре 1731 года. Патрона Халила убили по распоряжению султана; восстание его сторонников было жестоко подавлено. Всего Махмуд приказал уничтожить более 7 тыс. человек – и это сделали опомнившиеся янычары. Опасаясь расправы, они всячески стремились вернуть доверие повелителя. Но падишах, наученный горьким опытом своих предков, решил модернизировать армию по европейскому образцу и пригласил в Стамбул графа Клода Александра де Бонне-валя. Современники отзывались об этом французском авантюристе как о «человеке с большими способностями к военному делу, совершенно беспутном и большом разбойнике». Казанова, навестивший новоиспеченного султанского подданного в его стамбульском особняке, вспоминал, что в шкафах графской библиотеки вместо книг стояли ряды винных бутылок.

Бонневаль получил придворный чин, назвался Ахмедом-пашой и принял ислам. Махмуд I разрешил графу пить алкоголь и позволил выписать из Европы

штат поваров. В архивах Топкапы сохранились портреты французского аристократа в одежде оттоманского сановника. Несмотря на неоспоримые привилегии, Бонневаль жаловался Казанове: «Единственная индульгенция, которую я испрашивал и получил, это освобождение от обрезания... в моем возрасте эта операция могла бы быть опасной».

Янычарам сразу не понравился новый советник Махмуда, и они выступили против военной реформы. Бонневаль успел рассориться с султаном и был изгнан в отдаленный район империи, где и умер в 1747 году. Конфликт падишаха со «львами ислама» сказался на итогах неудачных для Порты войн с Ираном в 1731-1735 годах и 1741-1746 годах. Янычары понимали, что Махмуд ищет замену их оджаку.

13 декабря 1754 года Махмуда I сменил Осман III. Он провел в ка-фесе полвека, ненавидел музыку и женщин, за три года правления казнил семь великих визирей и скоропостижно скончался от инсульта, о чем никто особенно не пожалел. Его преемник Мустафа III зарекомендовал себя как осторожный и дальновидный политик. Он пытался обновить армию и государственный аппарат, но столкнулся с упрямством янычар и не сумел преодолеть глубокий системный кризис, поразивший Высокую Порту на заре XVIII века. При следующем султанине Абдул-Хамиде I экономическое положение Османской империи оказалось настолько плачевным, что янычарам перестали выплачивать жалованье.

Это было смертельно опасно: еще в 1585 году Мурад III провел девальвацию акче. Курс османской валюты по отношению к венецианскому дукату (денежной единице, на которую равнялись в Порте) вырос в 2 раза (с 60 до 120 акче за дукат) – но жалованье оджака осталось прежним. В 1589 году «львы ислама» восстали и потребовали увеличения денежного довольствия и

смерти для нескольких финансовых чиновников. Мурад III был вынужден подчиниться.

С конца XVI века оджак регулярно бунтовал по экономическим причинам. Девальвация стала для османского государства бомбой замедленного действия: убытки от чеканки денег по пониженному стандарту могли компенсироваться только военной добычей, но войны Порты уже не были победоносными. Империя попала в замкнутый круг – и теперь, во второй половине XVIII века, «львы ислама» вновь угрожающе роптали и с плохо скрываемым недовольством присматривались к новому монарху – Селиму III.

Неприязнь была взаимной. Селим III получил от своих предшественников ослабленное государство, пустую казну, проблемы с оджаком и очередную Русско-турецкую войну, которая завершилась в январе 1792 года подписанием Ясского мирного договора – крайне невыгодного для османов. Злоключения Селима продолжались: летом 1798 года начался Египетский поход Наполеона Бонапарта. 2 июля его армия высадились на побережье Средиземного моря возле Александрии – и Порты оказалась втянута в войну с Францией. По мнению немецкого историка Юргена Остерхаммеля, вторжение Наполеона в Египет поколебало политическую систему его сюзерена – Османской империи. Учитывая эти события, султан смог приступить к задуманным реформам только в 1802 году.

Планы у Селима были наполеоновские. Падишах намеревался провести низам-и джедид – серию преобразований, направленных на модернизацию и вестернизацию вооруженных сил. Концепция реформы содержала положения, принципиально новые для Порты: учреждение призывной системы и мобилизационного резерва, создание оборонной промышленности и т. д. Планировалось, что эти меры

будут сопровождаться приглашением западных военных консультантов, а также закупкой современного оружия и военной техники.

Старая турецкая армия не выдерживала никакой критики. Звучит странно, но нехватка людей была вечной проблемой османских вооруженных сил. В отличие от европейских держав, Порты не имела налаженной рекрутской системы, - ибо многие категории населения освобождались от службы. Среди них: немусульмане (с 1865 года они должны были призываться в армию, но на практике платили налог), жители священных городов Мекки и Медины, жители Стамбула и окрестностей, улемы и ученики религиозных школ, представители ряда профессий (судьи, полицейские и др.), кочевники, а также население отдельных исторических областей (например, Йемена и Ливии). Кроме того, мусульманин мог избежать службы, доказав, что он является единственным кормильцем в семье либо официально откупившись.

Дезорганизованная рекрутская система была традиционной для Османской империи. В 1915 году младотурки старались мобилизовать как можно больше людей, включая жителей столицы, студентов медресе, проваливших экзамены (последние устраивали в Стамбуле протесты) и т. д.; однако удалось поставить под ружье всего лишь 4 % населения Порты. Для сравнения - в том же году Франция мобилизовала 10 % населения.

Призывная система была не единственным слабым звеном турецкой армии. Канадский историк Вирджиния Аксан пишет, что, несмотря на существенные изменения в логистике, стратегии и тактике, османы продолжали передвигаться по-старому - с огромными обозами и большим количеством людей. Османские военные лагеря конца XVIII века напоминали пчелиные ульи. Бывали случаи, когда крупные сановники без

особой надобности сопровождали в походах султана или великого визиря, в то время как их подчиненные оставались в Стамбуле и были предоставлены сами себе. В армии ощущалась острая нехватка офицерского состава: нередко на офицерские должности назначали гражданских чиновников – лишь бы заполнить имеющуюся брешь.

Политика Мустафы III, избегавшего конфликтов, с одной стороны, была оправдана слабостью империи, но с другой – 10 лет мира означали полный крах системы рекрутского набора. Западная военная наука и техника стремительно развивались, вторая половина XVIII века была важным этапом формирования современных европейских армий. Порта его пропустила – и в результате катастрофически отставала от ведущих держав Европы.

Оттоманская империя стала заложницей ситуации: любой вариант ее поведения означал гибель. В 1768 году, объявив очередную войну России, османы были к ней абсолютно не готовы. Последующие два десятилетия кровопролитных битв свели на нет все результаты реформ и остановили и без того медленное экономическое возрождение Порты. С 1760 по 1800 год цены выросли втрое, и дефицит государственного бюджета стал нормой. Османская империя регулярно прибегала к принудительным займам от своих аянов^[79] и конфисковывала их имущество для финансирования боевых действий.

В таких условиях Порта менее всего нуждалась в неэффективном и плохо управляемом янычарском корпусе. На смену буйному оджаку должна была прийти профессиональная армия (низам-и джедид) – и у ее истоков стояли не экзальтированные бекташи, а маршал Франции, герой Наполеоновских войн Орас Франсуа Бастьен Себастьяни де Ла Порта.

Реформы Селима III сопоставимы с реформами Петра I. Оба монарха наполняли казну за счет увеличившихся налогов и конфискованного имущества непокорных феодалов, направляли молодых дворян на обучение в Европу, покровительствовали наукам и искусствам, обращались к западным специалистам. Разница лишь в том, что реформы Петра I имели место на рубеже XVII–XVIII веков. Османы опоздали с жизненно важными преобразованиями на 100 лет. В XVIII веке Порта потерпела ряд поражений от России, потеряла часть черноморского побережья и Бессарабию – что осложнило и без того непростую ситуацию на Балканах и спровоцировало восстания в Сербии и Валахии.

Авторитет Селима III неуклонно падал. Реформаторская деятельность и тесные контакты с европейцами отнюдь не прибавили падишаху популярности. Весной 1807 года шейх-уль-ислам, бывший ярым врагом прогрессивных изменений, издал фетву^[80] против проводимой султаном модернизации – и 25 мая 1807 года в Стамбуле вспыхнуло восстание под руководством выходца из городских низов Кабакчи Мустафы. Янычары захватили столицу и отправили султана в кафес. Новым правителем провозгласили Мустафу IV.

Селим прожил в кафесе год, пока в июле 1808 года рущукский аян Алемдар Мустафа-паша Байрактар не собрал войско и не двинулся в Стамбул, дабы вернуть трон опальному монарху. В ночь на 28 июля мятежники при поддержке оджака начали штурм Топкапы. Испугавшись, падишах велел убить Селима и своего младшего брата, шехзаде Махмуда.

Селима III закололи кинжалом, но Махмуду удалось спрятаться – шехзаде нашелся после того, как повстанцы вместе с янычарами ворвались в Топкапы, и Байрактар арестовал Мустафу IV. «Львы ислама»

заперли свергнутого монарха в кафе и объявили Махмуда новым султаном. Однако уже в ноябре 1808 года оджак снова поднял мятеж, чтобы вернуть престол Мустафе. Во время городских беспорядков погиб Байрактар, произведенный Махмудом в великие визири, – аян сгорел в собственном доме, подожженном янычарами. Несмотря на царившие в Стамбуле ужас и панику, бунт не удался: Махмуд II приказал убить Мустафу и утопил восстание в крови, после чего инициировал многочисленные казни. Конец «львов ислама» был ближе, чем они думали.

Несмотря на систематическое участие в мятежах и беспорядках, янычары никогда не стремились к свержению рода Османов. Напротив – они с гордостью называли себя «рукой и крылом Османской династии». В казарме оджака в Топхане стоял султанский трон. «Львы ислама» всерьез полагали, что вершат судьбу государства – ведь падишахи были вынуждены исполнять их требования. Выплаты денежного вознаграждения, расправы над вельможами и устранение неугодных монархов развратили членов оджака. Янычары не понимали, что это не может продолжаться вечно – и вот, наконец, они привели к власти Махмуда II, тем самым подписав себе смертный приговор.

«Новые воины» упорно продвигались к собственной гибели. В 1807 году перед бунтом они получили фетву от шейх-уль-ислама на свержение Селима III. Трон занял Мустафа IV, с которым оджак и улемы заключили договор под названием «Свидетельство судьи» («Hüccet-i Şer'iyue»). В документе подтверждалось, что восстание правомерное и его участники не понесут наказания. Янычары и раньше получали аналогичные гарантии от султанов, которых возводили на престол, – но такие обещания носили устный характер.

Согласно договору, у янычар было «неотъемлемое право на участие в управлении государством и противостояние политике, неблагоприятной для них». Оджак вспомнил об этом летом 1808 года, когда новый султан, Махмуд II, казнил Мустафу IV. «Львы ислама» протестовали против такой жестокости по отношению к своему ставленнику. Они вопрошали: «Разве падишах не человек?» – и затем с гордостью говорили: «Всякий может быть падишахом, пока мы существуем». По сути, это заявление означало угрозу заменить Махмуда – на тот момент единственного мужчину в правящей семье – кем-то другим, и тем самым лишить власти династию Османов. «Новые воины» давали понять, что султан остается главой государства, пока правит в допустимых для них пределах. Неудивительно, что именно Махмуд II уничтожил янычар.

Осознавая слабость Османской империи, падишах решил продолжить реформы Селима III. Преобразования коснулись в первую очередь армии: Махмуд II возродил низам-и джедид и вооружил янычарский корпус огнестрельным оружием европейского образца. «Львы ислама» противились нововведениям, но Русско-турецкая война (1806–1812) и Греческая война за независимость (1821–1832) показали несостоятельность оджака на поле битвы.

Еще одним провалом янычар стала ситуация в Северной Африке. Магрибинские беи игнорировали приказы султана и самостоятельно осуществляли внешнюю политику. Египет, подобно Магрибу, оставался в составе Порты и подчинялся падишаху только номинально. В 1805 году Миср^[81] возглавил Мухаммед Али-паша – он прибыл туда с османским войском, посланным против Наполеона Бонапарта. Перехитрив врагов, паша вынудил Стамбул признать себя египетским вали (губернатором). Далее Мухаммед

Али модернизировал местную администрацию, систему образования и налогообложения, изгнал из Египта англичан (1807-1809), истребил мамлюков (1811), захватил Аравийский полуостров (1811-1818) и присоединил к Мисру Северный Судан (1823).

Османская империя вступила в эпоху максимальной децентрализации - но, как ни странно, была к этому абсолютно не готова. Идея децентрализации родилась еще у Мехмеда II после взятия Константинополя. Турки не увидели в управленческой системе Восточной Римской империи ничего достойного подражанию. Османы судили о дереве по его плодам и не желали повторить трагическую судьбу византийцев. Мехмед II разработал комбинацию столичного доминирования с провинциальной автономией. Стамбул сосредоточил в своих руках высшие административную и военную власть, позволяя каждой общине, каждому городу и каждой деревне самостоятельно управлять своими делами.

Концепция децентрализации отражена в историческом самоназвании Порты: «Memâlik-i Mahrûse-i Osmanî» («Хорошо защищенные владения Османов»). Османская империя, исторически восходившая к завоеванию, представляла собой модель мироздания - разнородное общество, спаянное воедино силой и волей имперского центра (Стамбула).

Кризис Порты, с которым столкнулся Махмуд II, носил системный характер. Британский адмирал Адольфус Слэйд, служивший в османском флоте, отмечает, что децентрализация сопровождалась колоссальными тратами. Муниципальные учреждения имели неотчуждаемый доход, извлекаемый из местных источников; государственные же средства тратились на имперское величие и социальную сферу. Иными словами, государство оплачивало все дорогостоящие проекты - возведение и ремонт мечетей, больниц и т. д.

Кроме того, за его счет содержалась армия – в итоге налоги, взимаемые в окрестностях Стамбула, едва покрывали расходы столичной пороховой фабрики.

Флот – правая рука падишаха, чья держава омывалась водами пяти морей, – также требовал внушительных финансовых вложений. Суммы были настолько велики, что, когда султан приказывал капудан-паше (третьему человеку в империи после самого себя и великого визиря) построить корабли или соорудить доки, флотоводец никак не мог сослаться на отсутствие денег.

Система децентрализации работала почти 400 лет. Остров Хиос поставлял султанским наложницам парфюмерию и косметику. Дамбы, дороги и мосты поддерживались в порядке. На шахтах и рудниках трудились местные жители – работа для них заменяла военную службу. Льготы и привилегии веками окупались благодаря выполнению условий, на которых они были предоставлены. Но внезапно из отлаженного механизма имперского единства посыпались – по политическим и военным причинам – отдельные элементы: Алжир, Египет, Бессарабия, Сербия, Валахия, черноморское побережье Кавказа...

В этих условиях янычары оказались бесполезны – им даже не удалось осадить зарвавшихся султанских наместников. От низам-и джедид тоже было мало толку, но оджак ненавидел эти войска и воспринимал их как угрозу своему существованию. Стамбульцы терпеть не могли янычар за дикий нрав. Летом 1826 года в столицу прибыли приглашенные Махмудом II европейские артиллеристы. Полки низам-и джедид по велению падишаха промаршировали перед казармами «львов ислама» в Топхане и Аксараете, дабы спровоцировать оджак на последний бунт. Провокация удалась: в ночь на 15 июня разъяренные янычары, как обычно, вышли на Атмейдан (Мясную площадь),

опрокинули там свои котлы в знак недовольства – и двинулись навстречу смерти.

По дороге в Топкапы янычары по привычке жгли и убивали. На этот раз они разграбили дворец великого визиря, разорили дом директора пороховых заводов и изрубили на куски 12-летнего сына своего бывшего аги. Против мятежников выступили стамбульцы – на призывы глашатаев защищать султана откликнулись десятки тысяч человек. Они собирались у Голубой мечети, где их приветствовал Махмуд II, и нескончаемыми толпами шли в сторону Атмейдана, дабы не подпустить восставших к Топкапы. Столичный муфтий провозгласил истребление янычар богоугодным делом. Горожане атаковали «львов ислама», те запаниковали и беспорядочно отступили в свои казармы. Это стало роковой ошибкой оджака: по казармам ударили пушки. Деревянные постройки запылали, входы и выходы перекрыли солдаты низам-иджедид...

За день стамбульский корпус был почти поголовно уничтожен. Потери янычар составили от 10 тыс. до 30 тыс. человек. По свидетельству французского врача Шарля Деваля, «никогда солнце не освещало убийства ужаснейшего». Избиение янычар продолжалось еще несколько месяцев. «Львов ислама» разыскивали по всей империи (в одном только Стамбуле ежедневно казнили до 1 тыс. человек). Сотни трупов бросали в Босфор и Мраморное море.

Памук рассказывает, что после расстрела казарм Махмуд II отправил солдат в кофейни и парикмахерские, принадлежавшие янычарам. Имущество мятежников конфисковали, котлы разбили, знамена истоптали в грязи. Орден Бекташи разогнали. Шейх-уль-ислам издал фетву, в которой проклял «львов ислама». Махмуд II запретил даже произносить слово «янычар». На стамбульских кладбищах надгробия

членов оджака разбивали кувалдами. 17 июня 1826 года падишах издал фирман об упразднении янычарского корпуса – этот день известен в истории Турции как «Счастлирое событие» (тур. Vaka-i Hayriye).

Дальновидный Махмуд II заботился не только о настоящем, но и о будущем. Сразу после разгрома оджака он приказал придворному историку Мехмеду Эсаду-эфенди составить официальную версию случившегося. Сегодня в Стамбуле о буйной султанской гвардии напоминает мечеть Нусретие, призванная увековечить победу Махмуда II над теми, кто сотни лет держал в страхе его царственных предков.

Янычары были сами виноваты в ликвидации оджака: к 1826 году боевое братство полностью дискредитировало себя. Элита османской армии выродилась; «львы ислама» превратились в шакалов, уклоняющихся от службы. Они обзаводились семьями и зарабатывали деньги – преимущественно незаконным образом. Стоун отмечает, что янычары занимались чем угодно: более способные вели торговлю, менее способные промышляли вымогательством.

Члены оджака провоцировали драки, грабили чиновников и купцов, брали взятки, разбойничали, дебоширили и постоянно бунтовали. Стамбулу были знакомы все проблемы средневекового города: он страдал от затоплений, эпидемий, землетрясений и пожаров, многие из которых устраивали янычары.

Глава 14

Обратная сторона величия

Одно несчастье лучше тысячи советов.

Османская пословица

Пожары – настоящий бич Стамбула. Город пылал много раз, и последствия таких бедствий всегда были катастрофическими. Византийская столица страдала от огня ничуть не меньше османской – так, в 465 году в Константинополе произошел Великий пожар. Он начался со складов Неориона в гавани на берегу Золотого Рога и уничтожил половину города. Кроме того, большие пожары в Константинополе случались в 475, 498, 509, 512, 532, 548, 559, 560, 561, 563, 583 и 603 годах.

После взятия города османами ситуация несколько не улучшилась. Описывая восхитительные стамбульские дома, Нерваль замечает, что они часто горят. Всеобщая небрежность делала пожар обычным для города явлением. Редкий дом стоял 60 лет – ибо все в Стамбуле строилось из дерева, кроме мечетей, крепостных стен, фонтанов и нескольких зданий в Фенере и Галате, принадлежавших грекам и генуэзцам. «Минувшие века не оставили никакого следа на этой земле, постоянно опустошаемой огнем», – заключает Готье.

Многие достопримечательности неоднократно страдали от пожаров, но султаны осознавали их важность и всегда восстанавливали. Такая участь постигла мечеть Сулеймание в 1660 году; Девичью и Галатскую башни в 1719 и 1794 годах соответственно (в Галате находился молочный рынок, и, по легенде,

торговцы тушили огонь айраном); вокзал Хайдарпаша в 1917, 1979 и 2010 годах и музей пожарных в 1932 году. Египетский базар сгорел дотла в июне 1693 года - огонь стер с лица земли 2547 домов и 1146 торговых лавок. В 1756, 1883 и 1918 годах стихия опустошила еврейский квартал Хаскёй, в 1856 году - Сарайбурну, в 1831 и 1871 годах - Бейоглу. Это далеко не полный список разрушений, произведенных пожарами. На Босфоре дует пойраз (северо-восточный ветер) - поэтому пламя распространяется быстро.

Хронология борьбы горожан с огнем потрясает: помимо вышеупомянутых, крупные пожары произошли в Стамбуле в 1554 и 1555 годах, а также в декабре 1569, сентябре 1633, июле 1660, июле 1718, августе 1782 и августе 1833 года. Финкель рассказывает про большой пожар, случившийся 5-6 июля 1756 года - один из многих в XVIII веке. Он начался в районе Джибали на берегу Золотого Рога, затем перекинулся в огороженную стенами часть Стамбула - и, по свидетельству летописца Шемданизаде Фындыклы Сулеймана-эфенди, бушевал двое суток, обратив в пепел 130 медресе, 335 фабрик, 150 мечетей, 77400 жилых домов, 34 200 лавок и 36 хаммамов. Мерзифонлу Мустафа-паша - великий визирь Мехмеда IV - получил прозвище «Кара» («Черный»), поскольку его лицо обгорело в пламени одного из городских пожаров.

Самыми ужасными были пожары в Бедестане - старейшей части Гранд-базара. Здесь, под сводами крытого рынка, огонь властвовал безраздельно. Ненасытное пламя поглощало тонны товаров и выжигало дотла близлежащие улицы - поэтому окрестности Гранд-базара неизменно оставались убогими и грязными. Загребельный отмечает трагическую регулярность таких пожаров - ведь Бедестан горел и при византийских императорах, и при османских султанах. Правление каждого падишаха

ознаменовывалось не только завоеванными землями, янычарскими бунтами и сооружением новых мечетей, но и диким криком: «Пожар на Бедестане!»

Султаны делали что могли. Мурад III издал фирман, в соответствии с которым каждый дом должен иметь большой чан с водой. Ахмед I и Мурад IV лично руководили борьбой с огнем. Ахмед III учредил на базе янычарского корпуса первую на Востоке профессиональную пожарную команду. Махмуд I построил смотровую вышку, которая сама горела дважды – в 1756 и 1826 годах. В 1828 году Махмуд II велел заново отстроить вышку из белого мрамора. Сейчас она известна как третья (после Галатской и Девичьей) башня Стамбула – Баязид.

Служба на башне велась следующим образом: смотритель, заметив огонь или узнав о нем, кричал пожарным: «У вас родился ребенок!» Командир расчета спрашивал: «Мальчик или девочка?» Ответ «девочка» означал, что горит азиатская часть Стамбула, европейский берег Босфора или Бейоглу. Если же смотритель отвечал «мальчик», значит, пожар начался внутри крепостных стен. В XX веке башня Баязид обрела новую функцию – ее украсили разноцветными лампочками и используют в метеорологических целях. Подсветка башни передает стамбульцам прогноз погоды. Синий цвет обещает ясный день, зеленый – дождь, желтый – туман, а красный – снег.

Пожары стали частью городской жизни. По словам Памука, история Стамбула – это история пожаров. Именно они – помимо больших мечетей – формировали город и прокладывали улицы. Это продолжалось более 350 лет – с середины XVI века, когда в османской столице началось строительство деревянных домов, – и до первой четверти XX века.

Со временем пожары превратились в своеобразное развлечение, доступное местным жителям и

европейским путешественникам, – последние видели в этом бедствии поэзию разрушения и смерти. На бушующий огонь любили смотреть даже важные паши – они приезжали на место происшествия и, зная, что зрелище будет долгим, брали с собой подушки, одеяла и переносные плиты, дабы подогреть еду и сварить кофе. Памук вспоминает, как уже во второй половине XX века он со смешанным чувством восторга и тоски наблюдал за завораживающей пляской огня, уничтожавшего старые босфорские ялы.

Отмечая фатализм турок по отношению к пожарам, Деваль, Нерваль и Готье связывают его с верой в кисмет (судьбу) и иными особенностями турецкого менталитета. Памук приводит другое объяснение: на протяжении всей османской истории Стамбул горел чаще прочих городов Порты. Для стамбульца XIX века – обитателя деревянного строения, стоящего на узкой улочке, – гибель его дома в огне была не трагической случайностью, но неизбежностью. Даже если бы Порта не пала, в Стамбуле все равно не сохранились бы следы ее величия – их уничтожили бы пожары, следовавшие на заре XX века один за другим.

Казалось, проблема пожаров решается очень просто – требовалось возвести вместо деревянных домов каменные; однако этого никто не делал – османская столица также страдала от землетрясений, и каменные строения погребли бы под собой множество людей. Султаны издавали фирманы, запрещавшие деревянное строительство, но указы не соблюдались – ибо стамбульцы боялись землетрясений больше, чем огня. В итоге деревянные здания сформировали облик старого Стамбула; даже Ататюрк, призывавший к ликвидации османского наследия, не позволял заменять их каменными в некоторых исторических ильче (в первую очередь – в Фатихе).

Стихийные бедствия причиняли городу не только материальный, но и интеллектуальный ущерб. Так, в Бешикташе располагалась прекрасная обсерватория – султаны увлекались астрономией, а флот нуждался в специалистах по картографии и навигации. В 1538 году после сильного землетрясения улемы объявили его божественной карой за попытку проникнуть в тайны Аллаха. Обсерваторию закрыли – и это стало началом конца османского господства на море.

Стамбул находится в зоне Северного Анатолийского разлома – одного из самых больших и активных в мире. Землетрясения на берегах Босфора случаются каждые полвека – причем каждые 300 лет они буквально стирают город с лица земли. Сегодня Турция живет в ожидании очередного стамбульского землетрясения, которое по прогнозам ученых должно произойти до 2030 года. Геологи считают, что оно будет сильнейшим с 1509 года – а ведь события 10 сентября 1509 года известны в турецкой историографии как Малый конец света.

Стихийное бедствие, обрушившееся на город при Баязиде II, длилось всего несколько минут, но его последствия оказались чудовищными. Рухнуло более тысячи домов, 100 мечетей, многочисленные лавки, мастерские, караван-сарай и хаммамы. Под завалами были погребены от 4 тыс. до 10 тыс. человек. Пострадали Галата, мечеть Фатих, дворец Топкапы, крепости Йорос, Румелихисари и Анадолухисари. Волны Мраморного моря разметали корабли в гавани. Город лежал в руинах, и султан на несколько месяцев перенес столицу в Эдирне. После Малого конца света из дерева начали строить даже дворцы вельмож.

Стамбульцы молились, чтобы эта катастрофа была последней, но впереди их ожидали землетрясения 1557, 1688 и 1754 годов. При Мустафе III – с мая 1766 по апрель 1767 года – город пережил новую серию

землетрясений, первое из которых было названо Великим. Оно произошло 22 мая 1766 года и уничтожило старые кварталы, располагавшиеся внутри крепостных стен, а также мечеть Фатих^[82] и Гранд-базар – тогда крупнейший рынок Ближнего Востока.

Люди, оставшиеся без крыши над головой, заполнили площади и дворы мечетей. Мустафа III выехал на открытый пятничный намаз в мечеть Султанахмет, чтобы подбодрить подданных, – но 5 августа земля содрогнулась снова. На этот раз волна разрушений прокатилась от Галаты до Измита. 31 марта 1767 года произошло третье землетрясение, отдельные толчки ощущались до конца апреля. Стамбульцы потеряли надежду на спокойную жизнь: они массово уезжали в сельскую местность и селились в наспех сколоченных бараках.

Пожалуй, Мустафа III – самый недооцененный правитель Порты, хотя он полностью восстановил город. 30 июля 1767 года падишах торжественно заложил первый камень в фундамент мечети Фатих – и жители Стамбула посчитали это хорошим знаком. Мечеть Фатих стала не только венцом реставрационных работ Мустафы, но и символом двойной победы османов: сначала над византийцами, а после – над разгневанной природой. Всего султан возвел три мечети (Фатих, Аязма^[83] и Лалели), но ни одна из них не носит его имени. Сам Мустафа говорил: «Все мои мечети отобрали у меня. Одну присвоил себе имам, вторую – мой предок, а третью – юродивый».

Стамбульцы радовались недолго: 10–11 июля 1894 года их ждал смертельный сюрприз в виде нового масштабного землетрясения. Большая часть Феодосиевых стен обвалилась. Кварталы вдоль побережья Золотого Рога и другие низинные районы затопило. Мосты через Халич очутились под водой.

Последствия катастрофы вышли за пределы столицы: подземные толчки разрушили анатолийские города и деревни в радиусе 150 км от Стамбула.

В XX веке ситуация повторилась. 17 августа 1999 года - менее чем в 100 км от бывшей османской столицы - произошло мощное Измитское землетрясение. Горожане, помня о событиях минувших лет, испугались настолько, что это позволило Памуку говорить об исторической стамбульской боязни землетрясения. Люди держали наготове фонари, свистки и мобильные телефоны, чтобы при необходимости подать знак спасателям. Многие носили каски и ложились спать одетыми; у кого-то из окон свешивались веревки - все это позволяло быстро выбраться из здания. Некоторые стамбульцы сократили до минимума время посещения ванной и уборной; пары утратили интерес к любовным утехам - ибо не желали быть застигнутыми врасплох и погибнуть.

Плотная стихийная застройка Стамбула, причинившая городу столько бед, вызывала у западных путешественников отвращение. Европейцы привыкли к широким бульварам и проспектам, аккуратным паркам, чистым площадям и архитектурным доминантам в лице величественных дворцов и соборов. Османская столица являла совершенно иное зрелище. Частичная нумерация зданий в старых кварталах появилась лишь после пожара 1856 года - и сбитые с толку европейцы терялись в лабиринте средневековых улиц. Восторг, испытанный ими от лицезрения с моря восхитительной панорамы, сменялся раздражением.

«Город внутри не соответствует своему прекрасному внешнему облику», - пишет итальянский путешественник XVII века Пьетро делла Балле. По его мнению, Стамбул безобразен. Амичис сравнивает местные кварталы с театральным закулисным: снаружи - прелестные декорации, внутри - мусор, уродство и

убожество. «Я думаю, что нет другого города на земле, где красота может быть настолько иллюзорной, как в Константинополе», – сетует журналист. Американский писатель Герман Мелвилл также негативно отзывается о повседневной жизни Стамбула: «Жалкие домишки и грязные улочки... Следы варварства». Он вспоминает крохотные зарешеченные оконца, отсутствие указателей и прочие приметы нищеты – только из хибар выглядывают девушки, подобные лилиям и розам, растущим в разбитых горшках. Бродский награждает Стамбул совсем уж нелестными эпитетами: «Бред и ужас Востока. Пыльная катастрофа Азии». Кинг, изучающий метаморфозы, произошедшие с городом после двух мировых войн, отмечает, что прибытие в Стамбул по морю до сих является одним из самых соблазнительных и романтических приключений в мире – но сопровождается разочарованием. Поэтому в 1910 году одному европейцу, приплывшему в османскую столицу на корабле, дали совет, как сохранить хорошее впечатление о Стамбуле: никогда не сходить на берег.

Неприглядный вид Стамбула объясним с юридической точки зрения: в его основе, помимо страха перед землетрясениями, лежит шариат. На Востоке право собственности исторически не подлежит ограничению. Например, в Бейруте стоят заброшенные особняки, хозяева которых уехали из Ливана в годы гражданской войны (1975–1990) и не вернулись. Законодательство запрещает делать что-либо с недвижимостью без физического присутствия ее владельца. Аналогичная ситуация имела место и в османской столице: шариат не знает ни института сервитута, присущего романо-германской правовой семье, ни единых для всех законов, характерных для государств англосаксонского мира.

Кроме того, вплоть до 1839 года за порядком в жилых кварталах Стамбула следил имам местной

мечети. Он выполнял функции квартального старосты и обладал широкими административными полномочиями. Желавший поселиться в махалле должен был получить разрешение имама. Естественно, имам требовал от горожан соблюдения шариата, в соответствии с которым собственник мог без зазрения совести перекрыть улицу и построить дом. Стамбул и другие мусульманские города Ближнего Востока росли стихийно, без соблюдения каких-либо пожарных и санитарных правил.

Ислам сыграл значительную роль как в совокупности с правом, так и сам по себе. Страхование считалось богохульством – стамбульцы не понимали его юридической природы и социального значения. Если Аллах пожелал, чтобы дом сгорел, то негоже искать личную выгоду или требовать компенсацию.

Перечисленные обстоятельства, наряду с пожарами, провоцировали эпидемии. Население Стамбула регулярно уменьшалось из-за инфекционных заболеваний – даже в сказках «Тысячи и одной ночи» Юнан (царь земли Румана^[84]) болен проказой. Первая в истории пандемия чумы (540–541) началась при Юстиниане I и получила название «Юстинианова чума». Очаг эпидемии находился в египетском городе Пелузий на востоке дельты Нила. Вскоре возбудитель болезни по средиземноморским торговым каналам попал в Константинополь, откуда распространился на северные, южные и восточные земли Византии – и затем перекинулся на соседние страны. К концу 654 года чума охватила всю территорию тогдашнего цивилизованного мира.

В Восточной Римской империи эпидемия достигла апогея около 544 года. В Константинополе ежедневно умирало до 5 тыс. человек, в отдельные дни смертность достигала 10 тыс. По свидетельству Прокопия

Кесарийского, «от чумы не было человеку спасения, где бы он ни жил – ни на острове, ни в пещере, ни на вершине горы...» Сотни мертвецов за неимением родственников или слуг лежали несожженными. По улицам день и ночь напролет несли трупы.

Пандемия бушевала на протяжении двух веков (541–750) и унесла жизни примерно 25 млн человек в Европе и около 100 млн – на Ближнем Востоке (среди них 40 % населения Константинополя). Сам Юстиниан заболел, но излечился. Он стал одним из редких счастливых исключений – городские эпидемии не щадили ни простых людей, ни членов правящей династии.

Ахмед I скончался от сыпного тифа, Абдул-Меджид I – от туберкулеза. Оспа и чума загнали в гроб многих шехзаде. Когда Рустем-паша собирался жениться на Михримах (дочери Сулеймана I), недоброжелатели пустили слух, что вельможа болен проказой, – и султан велел придворным врачам обследовать потенциального зятя. Медики не подтвердили проказу, но обнаружили у Рустема-паши педикулез; впрочем, диагноз не повлиял на заключение брака. Будущий великий визирь получил прозвище «Вошь судьбы». В турецком языке возникла поговорка: «Если ты удачлив, даже блоха принесет тебе счастье».

С годами эпидемиологическая ситуация в городе не улучшалась. Уже в XIX веке Готье сообщает, что евреи, жившие в Балате, страдали от золотухи, чесотки, проказы и всех библейских недугов, известных со времен Моисея. Память о болезнях и паразитах сохранилась в наименовании стамбульского района Тарабья, который славился купальнями и целебными источниками – потому его название происходит от слова «терапия» (греч. *θεραπεία* – лечение).

На заре XX века османская столица не стала более чистой и здоровой – в 1910 году городские газеты писали: «Когда в каком-нибудь районе вспыхивает

эпидемия, муниципальные службы посыпают улицы известью; но ведь кучи грязи от этого не исчезают». Один из последних случаев массовых заболеваний имел место в 1960-х годах – в индустриальном ильче Сагмалджылар началась холера. Она была вызвана загрязнением воды фабричными стоками и износом канализации, проложенной еще Мимаром Синаном. Топоним «Сагмалджылар» стал ассоциироваться у стамбульцев с холерой, поэтому ильче переименовали в Байрампашу – по имени Байрам-паши, великого визиря султана Мурада IV, чье имение находилось здесь в XVII веке.

Термин «карантин» образован от итальянской фразы «quaranta giorni» («сорок дней») – таков был срок, на который суда, прибывавшие в XIV веке в Италию, должны были встать на якорь вдали от берега; лишь после изоляции они могли войти в порт. Изначально карантинные меры практиковались в городах Адриатики и Средиземноморья, – и касались кораблей, приплывших из Константинополя, где разыгралась очередная эпидемия чумы.

Европейцев раздражала не только санитарно-эпидемиологическая ситуация в Стамбуле, но и его затейливая топография. Ландшафт города на семи холмах веками утомляет путешественников. «Человеку с отдышкой тут делать нечего, разве что нанять на весь день такси», – саркастически заявляет Бродский. По словам Амичиса, в Стамбуле за четверть часа можно 10 раз поменять способ передвижения: вы то спускаетесь вниз, то взбираетесь по каменным ступеням, вязнете в грязи, протискиваетесь сквозь толпу и продираетесь сквозь развешанные лохмотья. Цветочный аромат сменяется ужасной вонью, умопомрачительные пейзажи

- сумрачной сетью переулков, свежесть - душной пылью, а божественный Восток нашей мечты - Востоком мрачным, грязным и дряхлым, который вытесняет прежние радостные впечатления.

Султаны не раз пытались благоустроить свою многострадальную столицу - но история планов ее кардинального переустройства начинается в XIX веке, когда Высокая Porta вступила на путь вестернизации и модернизации. Автором первого плана реконструкции города (1839) стал прусский генерал Гельмут фон Мольтке, нанятый Махмудом II.

Фон Мольтке хотел проложить 5 улиц западного типа - шириной 15 м, с тротуарами и высаженными по обеим сторонам деревьями. Эти улицы должны были связать центр города с побережьем Босфора. Также предлагалось расчистить пространство вокруг главных достопримечательностей, снести торговые ряды около султанских мечетей и сделать площади. Немецкий специалист понимал, что плотная и хаотичная городская застройка способствует распространению знаменитых стамбульских пожаров - и что площади станут препятствием на пути огня. Впрочем, падишах не спешил реализовывать полезные идеи - и фон Мольтке был вынужден ограничиться созданием карты города.

Работу европейских архитекторов затрудняло упорное нежелание султанов менять облик Стамбула, неизбежно уничтожая историю Османской династии. Махмуд II не мог примириться с планами преобразования некоторых мест, связанных с его привычной жизнью и жизнью его предков.

Это хорошо заметно на примере Окмейданы: султан приезжал сюда стрелять из лука - тем самым он поддерживал традицию персидских шахов. Справа выстраивалась шеренга вельмож, слева - дюжина пажей, собиравших выпущенные стрелы. Центром

действия был Махмуд II – лучший лучник империи и гордый победитель янычар. Его преемники предпочли палить по мишеням из револьвера прямо в дворцовом саду. Окмейданы отдали пехотинцам для военных упражнений – но не благоустроили.

В 1865 году очередной пожар уничтожил две трети столицы – и султан Абдул-Азиз решился на масштабную реконструкцию города. Для этого он пригласил знаменитого французского архитектора – барона Жоржа Эжена Османа.

Осман родился в немецкой семье – на немецком его фамилия звучит как «Хаусман» (Hausmann) – и не имел никакого отношения к Порте. Его активная градостроительная деятельность во многом определила нынешний облик столицы Франции – французы в шутку окрестили ее «османизацией Парижа». Архитектор намеревался проложить широкий бульвар от Айя-Софии до Феодосиевых стен, что фактически означало восстановление Месы – главной улицы византийского Константинополя; но для этого требовалось снести Гранд-базар и знаковую для султанской династии мечеть Нуруосмание (чье название переводится как «священный свет Османа»). Абдул-Азиз с негодованием отклонил проект французского градостроителя.

Следующую попытку вестернизации Стамбула предпринял Абдул-Хамид II. По его приказу посол Османской империи во Франции Салих Мунир-паша обсудил планы падишаха с губернатором Парижа – и тот посоветовал обратиться к архитектору парижского муниципалитета Жозефу Антонину Бувару, проектировавшему Всемирную выставку 1900 года.

Бувар разработал план по превращению Стамбула в типичную европейскую столицу. Центром города должен был стать район Баязид. На месте медресе при мечети Баязид рекомендовалось построить музей индустрии и сельского хозяйства, а также

Национальную библиотеку. Также Бувар предложил снести часть домов и разбить на их месте сады во французском стиле; кроме того, план озеленения Стамбула включал в себя большой парк в районе Султанахмет. Площадь Султанахмет архитектор намеревался расширить путем сноса Голубой мечети и дворца Ибрагима-паши, а затем соединить с соседними улицами каскадом ступеней. Галатский мост планировалось заменить удлиненной копией моста Александра III в Париже. Абдул-Хамиду II понравились идеи Бувара – но после подсчета приблизительных расходов выяснилось, что в казне не хватает средств. Реконструкцию Стамбула опять пришлось отложить.

Через некоторое время к султану пожаловал еще один французский специалист – Фердинанд Арнодэн. Он собирался перекинуть над Босфором два моста: один между Сарайбурну и Ускюдаром, второй – между Румелихисари и Кандилли. По первому следовало проложить железную дорогу из Ускюдара к вокзалу Хайдарпаша (это позволило бы добираться из Стамбула в Эдирне). Проект второго моста не был завершен – известно лишь, что Арнодэн хотел назвать его Хамидие в честь Абдул-Хамида II, однако из-за дефицита бюджета падишах снова отказался от услуг европейского архитектора.

Вскоре османов сменили турки-республиканцы – при них внешний облик Стамбула претерпел наибольшие изменения. Были реализованы некоторые прежние замыслы: например, над Босфором возвели три моста, а под ним прорыли Мармарай – самый глубокий подводный тоннель в мире. Пик сносов пришелся на 1960-е – 1980-е года, когда бывшую османскую столицу захлестнули толпы мигрантов из Анатолии. Памук с горечью вспоминает, как погибали милые его сердцу старые кварталы. Мигрантами двигала ненависть к городу и его культуре – «ненависть ко всему, что было

до них». Причину трагедии Памук видит в желании Турецкой Республики забыть о христианском прошлом Стамбула, стереть следы Византийской и даже Османской империи.

Республиканцам не удалось полностью переkreить Стамбул – город оказался слишком большим и живучим. Власти акцентировали внимание на благоустройстве исторического полуострова Суричи и других туристических объектов, а также на возведении небоскребов (в том числе бизнес-центров Маслака и Левента). Стамбул сохранил свой османский облик – и это удивительно для столь древнего города. Будучи космополитичным и подверженным западному влиянию, он по своему духу остается восточным и средневековым.

Полуразрушенные дома и ялы встречаются в Стамбуле повсеместно. Степень их запущенности и контраста с окружающей средой всегда различна. Кирпичное здание с зияющими черными окнами и заколоченными дверьми может стоять на оживленной улице, напоминая покойника, очутившегося на празднике. Изящные босфорские особняки поражены плесенью – такие знаки смерти напоминают пятна лишая или рваные раны на красивом теле. Причудливые трещины сродни варикозным венам. Гнилые доски отходят от стен, будто струпья. Деревянные рамы потемнели и разбухли. Некогда блестящие дверные ручки стали липкими от сырости и сотен прикасавшихся к ним рук. В Стамбуле отчетливо видно: все, к чему притрагивается человек, обречено на разрушение и гибель. Мифический царь Мидас превращал вещи в золото – люди превращают их в грязь и обломки. Кустарники, пустившие гибкие корни в крепостных стенах, кипарисы, возвышающиеся над развалинами, и чинары, поросшие сквозь расколотые мраморные плиты, не просто свидетельствуют о том, что дерево

побеждает камень, – они показывают, как именно это происходит.

Печаль руин обусловлена логикой и философией урбанизации. По замечанию Памука, величественная мощь Стамбула плодит грязь, ржавчину, дым, трещины. Есть такое понятие, как «непарадный Стамбул» – оно обозначает городские трущобы, которые бывают двух видов: исторические (старые стамбульские семты и махалле) и геджеконду.

Вид с Галатской башни на Галатский мост и бухту Золотой Рог

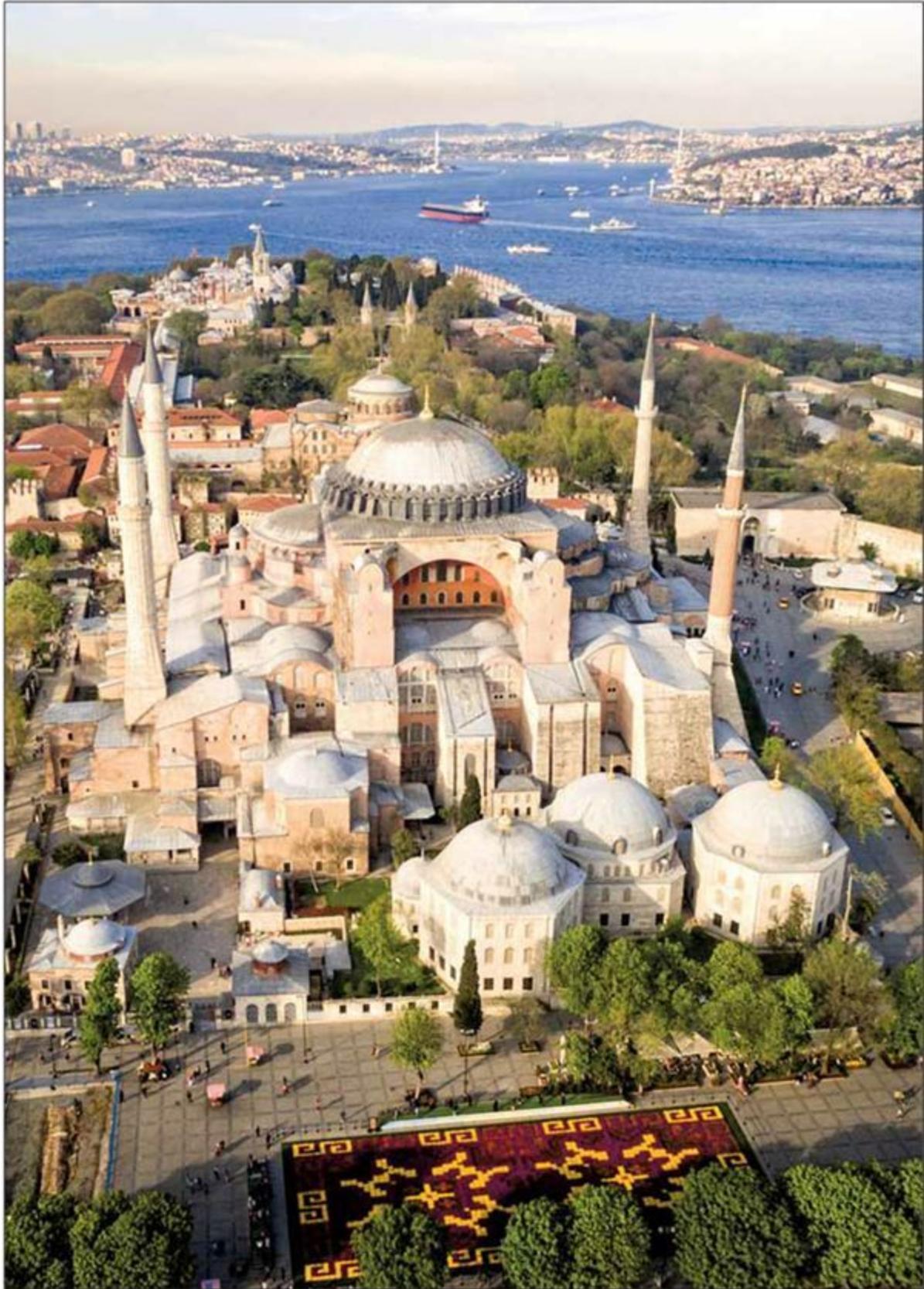
Мечеть Сулеймание

Вид с причала Эминёню на район Бейоглу и Галатскую башню

Разноцветные дома в районе Балат на улице Мердивенли Йокушу

Айя-София

Словом «gesekondu» («построенный за ночь») в Турции называют самовольно возведенные жилища или обычные лачуги. Согласно турецкому законодательству, любую постройку, имеющую четыре стены и крышу, нельзя просто снести. Она является предметом судебного разбирательства и в ходе процесса может достраиваться. Большинство подобных дел заканчивается решением оставить и в дальнейшем узаконить постройку.

Геджекконду появились во время индустриализации 1940-1950-х годах, когда крестьяне потянулись на заработки в крупные города, в первую очередь - в Стамбул, Анкару и Измир. Журналист Салахаддит Салат отмечает, что в те годы Центральную Анатолию покинуло приблизительно 2 млн человек. У них не было денег на аренду жилья, поэтому дома строили из подручных средств. В ход шли любые материалы: куски шифера, доски, картон и т. д.

Нелегальную лачугу ставили за одну ночь - Памук описывает этот несложный процесс в романе «Мои странные мысли» - причем квартал возводился выходцами из одной деревни. Зачастую неграмотные крестьяне пристраивали дом к стене мечети, ибо еще по османскому законодательству любое здание, стоящее у священного места, не подлежало сносу. Первая стамбульская геджекконду возникла в районе Зейтинбурну - там открылись первые текстильные фабрики, где было много рабочих мест. Затем трущобы стали расти как грибы после дождя, - и власти ничего не могли с ними поделать.

Многие геджекконду до сих пор не имеют электричества, водопровода и канализации. Подобные гетто являются центрами активности преступных группировок, торговли наркотиками и проституции -

поэтому сегодня трущобы представляют собой самую сложную, опасную и дорогую проблему Стамбула. Наряду с ними в городе сносили и поныне пытаются снести некоторые запущенные памятники османской эпохи – их место должны занять многоэтажные дома и торговые центры. Еще в 1922 году стамбульские газеты писали: «В последнее время безвкусные здания в так называемом “западном” стиле, от которого на Западе тошнит всех обладающих вкусом и сердцем людей, всё сильнее и сильнее вгрызаются в Стамбул, словно моль, пожирающая прекрасную ткань».

Ликвидация гетто имеет государственное значение, но их обитатели протестуют против каких-либо изменений. Особенно отличились жители цыганского квартала Сулукуле: они регулярно жалуются на муниципалитет и обвиняют чиновников в краже денег, выделенных на благоустройство Стамбула.

Со сносом трущоб и возведением новых кварталов связано немало историй. Одна из них рассказывает о том, как два брата владели обширными пустыми холмами за Бакыркёем – и когда муниципалитет выкупил у них эту землю, братья внезапно разбогатели. Но жажда наживы оказалась сильнее кровных уз: один из братьев, желая завладеть всеми деньгами, вырученными от сделки, застрелил другого. Пока шел судебный процесс, на холмах выросли тысячи геджеконду, и власти были вынуждены их снести. Сейчас на месте лачуг высятся новые здания – и ничто более не напоминает о бедных мигрантах из Анатолии, чьими руками построены целые кварталы нынешнего Стамбула.

Подобных историй на берегах Босфора сотни – и никто не желает их повторения. Эрдоган неоднократно заявлял, что геджеконду обезображивают турецкие города и представляют собой огромную проблему для Стамбула. «Мы разрушим трущобы и построим новый

город, как это делали когда-то великий султан-завоеватель Мехмед Фатих и Мимар Синан», – утверждал Эрдоган. Его масштабный план ликвидации геджеконду, в шутку названный «проектом века», действительно важен для Турции в целом и для Стамбула в частности.

Сегодня любопытный турист может отправиться в геджеконду – и, возможно, это будет не самая приятная и безопасная прогулка в его жизни. Я всегда предпочитала именно исторический непарадный Стамбул как полувековому криминальному, так и туристическому фешенебельному – поскольку люблю этот город за его былое, ныне утраченное величие.

Дряхлость, нищета, обветшание и упадок ассоциируются в нашем сознании со смертью. Когда я в сумерках люблюсь бедными старыми кварталами Стамбула со смотровой площадки небоскреба «Istanbul Sapphire», – самого высокого в Турции – они кажутся мне залитыми вулканической лавой. Красно-оранжевый свет уличных фонарей сливается в потоки, которые устремляются в пространство между домами – иссиня-черными от наступившей темноты. Несмотря на тесноту и убогость, здесь веками обитают люди – торгуя, веселясь и ругаясь – поэтому трущобы Стамбула не менее важны, чем имперские мечети и султанские дворцы. Чрево города всегда доказывает, что город живет:

потребляет, болеет, стареет и обновляется. Как у любого из нас имеются свои слабости, так и у Стамбула есть неблагополучные районы и проблемные кварталы.

Районы вроде Хаскёя, Кючюкпазара и Балата похожи на изнанку красивой открытки, испещренную каракулями. Некоторые из них (например, Зейрек и Вефа) находятся на крутом склоне, уходящем к Золотому Рогу позади монументальной Сулеймание; иные (Кадырга) – располагаются в пешей доступности

от Султанахмета. Они являют собой обратную сторону величия Высокой Порты и ее блестящей столицы. Стамбул приходил в упадок вместе с османским государством – в вышеупомянутых семтах и махалле ничего не строили в течение 50-70 лет. Последние здания были возведены после Первой мировой войны или на рубеже XIX-XX веков. Примерно в то же время в дипломатических кругах появился термин «Ближний Восток», обозначавший Османскую империю, включая Египет и Алжир, которые фактически ей уже не принадлежали.

Характерный признак трущоб, неизменные спутники упадка и разрушения – мусор и грязь; это воистину пятая стихия Ближнего Востока. Последствия не заставляют себя ждать: в Каире и Стамбуле нет пляжей, купаться там запрещено. В 1968 году турецкая газета Cumhuriyet («Республика») с горечью писала: «Золотой Рог уже больше не Золотой Рог, мы погубили его. Он превратился в грязный пруд, окруженный фабриками, мастерскими и скотобойнями, засоренный обломками судов и загаженный отходами, нечистотами и мазутом».

Невзирая на финансовые вложения и санитарно-эпидемиологическое законодательство, решить вопрос утилизации мусора не удастся ни в Стамбуле, ни в Каире, ни в Аммане, ни в Бейруте. В Манаме – дорогой и помпезной столице Бахрейна – горы мусора громоздятся рядом с небоскребами. Соседство грязи и высоких технологий образует два разных культурных слоя – и демонстрирует, что Ближний Восток, несмотря на нефтяные скважины и приток инвестиций, придерживается традиционного образа жизни. Верблюды, мечети, базары и кальянные напоминают о древней истории региона. Новые городские легенды подозрительно похожи на османские предания, ветхозаветные притчи и сказки «Тысячи и одной ночи».

Конечно, на Востоке любят роскошь – но именно трущобы и помойки свидетельствуют о его древности и вечности.

По наблюдению Лебона, улицы восточных городов убираются не людьми, но собаками. Марк Твен называет их мусорщиками Стамбула. Древнее предание гласит, что собаки вошли в Константинополь в 1453 году с армией Мехмеда II. Стамбульские собаки стали символом города; на почтовых открытках Макса Фрухтермана они изображены наравне с дворцами и панорамами Босфора. Герой романа Памука «Мои странные мысли» утверждает: «Стамбульские псы лают на всех, кто не является истинным турком». Собаки поделили город на секторы, и каждая стая контролировала свою часть Стамбула. Однажды в XIX веке терьер британского дипломата сбежал из отеля – местные псы несколько дней оказывали ему покровительство и в итоге привели назад к отелю.

Стамбульцы всегда относились к собакам с особой нежностью. В османскую эпоху уличные торговцы продавали требуху, которой любой желающий мог накормить псов. Возле мечетей ставили камни с выдолбленными углублениями, чтобы там собиралась дождевая вода и звери не мучались от жажды. Сегодня на берегах Босфора установлены будки, автоматические кормушки и поилки для кошек и собак. Интересно, что в Стамбуле животных называют не бродячими или бездомными, а городскими – ведь им принадлежит весь город.

В районе Moda жила коричневая собака Тарчин (тур. tarçın – корица), любимица всего Кадыкёя. В 2016 году Тарчин сбил автомобиль – местные жители ухаживали за ней и плакали, когда собака умерла. Вскоре стамбульцы направили в администрацию Кадыкёя петицию, в которой просили разрешения на установку памятника Тарчин – и муниципальные власти не

отказали. За изготовление монумента взялся городской скульптор Искендер Гирей. Этот монумент станет вторым памятником в Стамбуле, посвященным собакам.

На протяжении истории псы Константинополя вызывали у горожан не только умиление, но и раздражение, - однако уничтожить их не представлялось возможным. Собаки не употреблялись в пищу и не считались хищниками - поэтому османы не могли их просто перебить. Между тем, в столице псов становилось все больше; при Махмуде II их развелось так много, что экипажи с трудом проезжали по улицам. Махмуд, ликвидировавший янычарский корпус, решил уничтожить и собак, бывших - наряду с янычарами - еще одним признаком традиционной стамбульской жизни. Султан поручил цыганам изловить псов, погрузить их на лодки и отвезти на Сивриаду. Когда это было сделано, на остров приплыл муфтий Стамбула и обратился к собакам с пламенной речью. Он объявил животным, что их отправили сюда ввиду крайней необходимости и что в смертный час их души не должны гневаться на правоверных; если же по воле Аллаха им надлежит спастись, то спасение непременно придет.

И спасение пришло. На Сивриаде обитали дикие кролики, и сначала собаки чувствовали себя вольготно. Спустя неделю все кролики были съедены, и псы принялись громко выть от голода. Их жалобный вой слышали в Стамбуле. Сердобольные горожане потребовали от падишаха спасти собак - и Махмуд II, чей авторитет пошатнулся в ходе реформ, распорядился привезти животных обратно в столицу. Эта история произвела на европейцев большое впечатление; Жан-Поль Сартр упоминает ее в романе «Возраст зрелости».

Вторую попытку избавиться от вездесущих псов предпринял Абдул-Хамид II в конце 1870-х годов - и

вновь местом ссылки была избрана Сивриада. Наученные горьким опытом, собаки сумели сбежать и триумфально вернулись в Стамбул. В последние годы Османской империи французские коммерсанты предложили Мехмеду VI полмиллиона франков в обмен на разрешение наделать перчаток из 150 тыс. стамбульских псов, – но султан, крайне нуждавшийся в деньгах, ответил отказом. Через несколько лет была предпринята третья попытка депортации, и лишь она закончилась для собак плачевно – в 1918 году их опять вывезли на Сивриаду, и обреченные на голодную смерть животные перегрызли друг друга. В память об этом на острове установлен памятник.

Несмотря на эти события, сегодня по городу прогуливаются стаи сытых и добродушных собак. Бирки на ушах свидетельствуют о том, что животные здоровы, стерилизованы и привиты от бешенства. За их благополучием следят муниципалитет и городская санитарная служба.

Еще лучше, чем собакам, в Стамбуле живется кошкам. На Востоке их считают священными – в этом чувствуется влияние языческих культов Египта, Месопотамии и Персии. Предание объясняет происхождение полосок на шкурке некоторых кошек – это следы от прикосновений пальцев пророка Мухаммеда. У пророка была кошка Муизза. Однажды она уснула на рукаве сложенного халата, и Мухаммед отрезал кусок рукава, дабы не потревожить свою любимицу. В память о Муиззе пророк разрешил кошкам свободный вход в мечеть и запретил причинять им вред. Абдул-Хамид II, ратовавший за чистоту ислама, держал кота по кличке Ага-эфенди; кот жил во дворце Йылдыз, и кормили его исключительно с золотой вилки.

Стамбул – кошачье царство. Еще в XIX веке австрийского графа Евгения фон Митровиц-Неттолицкого забавляло, что каждый вечер коты

Константинополя выходят на улицы за своим ежедневным угощением. В наши дни мало что изменилось: они дремлют, где хотят, презрительно смотрят на людей и требуют у рыбаков часть улова. Впрочем, этим животным все прощается: по легенде, среди сотен котов и кошек, населяющих Стамбул, есть потомки Муиззы. «Обидевший кошку должен построить мечеть», – гласит городская поговорка.

Помимо памятников собакам, в Стамбуле есть памятник коту – Томбили (Пухлику). Томбили любил сидеть, опираясь лапой на бордюр, на улице Гюлеч в Кадыкёе. 1 августа 2016 года Пухлик скончался – и по всему Кадыкёю висели его фотографии в траурной рамке. 4 октября того же года – во Всемирный день защиты животных – Томбили поставили бронзовый памятник, изображающий кота, в характерной позе сидящего у тротуара.

Айя-Софию облюбовал кот по кличке Гли – за 10 лет пребывания в музее он превратился в местную знаменитость. По слухам, фото с ним приносит счастье. В Ускюдаре есть мечеть Азиза Махмуда Хюдаи: она построена в 1594 году по приказу Айше Хюмашах Ханым Султан (внучки Сулеймана I) и названа в честь суфийского праведника Азиза Махмуда Хюдаи – наставника Ахмеда I и духовного покровителя Анатолии. В 1628 году этого уважаемого человека хоронил весь Стамбул. Несмотря на древнюю историю мечети, горожане называют ее «кошачьей» – нынешний имам Мустафа Эф пускает сюда котов.

В летописях сохранилось немало свидетельств о том, как горожане относились к животным. Например, в XIX веке стамбульский ага (мэр) Хусейн-бей велел наказывать торговца хлебом за жестокое обращение с лошадью – тот привязал лошадь с навьюченной на спину тяжелой корзиной к дереву и отправился в кофейню играть в карты. По распоряжению аги самому

торговцу взвалили на плечи полную корзину хлеба и привязали его за шею к столбу.

Лебон называет Восток раем для животных: «Собаки, кошки, птицы и т. д. – все уважаемы. Птицы свободно летают в мечетях и устраивают гнезда под карнизами». По легенде, вавилонская царица Семирамида не умерла – она превратилась в голубку и улетела на небо. Полководец Амр ибн аль-Ас, присоединивший Египет к Омейядскому халифату, возвел город Фустат – новую столицу Мисра, предшественницу Каира, – вокруг своего шатра, дабы не спугнуть горлицу, свившую в шатре гнездо. Книга Бытия повествует о том, как Ной выпустил из ковчега ворона и голубя, дабы узнать, сошла ли вода с поверхности земли после Всемирного потопы. Отголоски древних преданий звучат в Стамбуле, определяя отношение людей к тем или иным событиям, – так, в XVII веке горожане разорвали венецианского ювелира, прибывшего стрижа к притолоке своей лавки. Чаек издавна называют «любимыми детьми Босфора». В 1960 году на пристани Эминёню жил пеликан, и стамбульцы кормили его рыбой.

В главе 5 говорилось, что для исполнения желания надо покормить голубей на площади у Новой мечети или у мечети Баязид. К стенам старых городских мечетей пристроены изящные каменные скворечники. Султаны покупали зерно для обитавших там птиц; например, Баязид II тратил на это 30 золотых монет в год. После провозглашения республики имамы продолжали заботиться о пернатых – несмотря на политику Ататюрка, многие османские традиции были перенесены в новую эпоху турецкой истории. Дважды в год над Стамбулом пролетают аисты – это зрелище пробуждает в турках историческую память о тех далеких временах, когда они были кочевниками, а

будущая османская столица принадлежала византийцам и звалась Константинополем.

Стамбулу повезло с авторами интересных описаний. Наблюдательный Амичис отмечает не только нездоровую атмосферу и хаотичность застройки, но и впечатляющую архитектурную эклектику. Для него Стамбул - это одновременно «элегантный город», деревня, сад, порт, рынок и некрополь. Меж турецких домов вырастают европейские дворцы, за минаретом высится колокольня, крыши синагог и кресты на верхушках церквей соседствуют с флюгерами, кипарисами и платанами. Стиль адаптируется к сложному ландшафту; дома приобретают формы треугольных башен или перевернутых пирамид - «все это вместе выглядит как собранные фрагменты расколотой горы».

Европейцы считали Стамбул воротами Ближнего Востока. Просвещенных путешественников удивляли любые аспекты городской жизни: пожары, землетрясения, эпидемии, янычарские бунты, зикры дервишей, стаи собак и горы мусора, алкоголь и наркотики, преступность и проституция, изощренные пытки и публичные казни. Одни авторы видят в этом культурные особенности всего Востока; вторые упирают на местный турецкий колорит; третьи вовсе не собираются исследовать такие «грязные», с их точки зрения, темы. Мы же попробуем разобраться - осознавая, что без запретных удовольствий любой город перестает быть городом и становится средой обитания.

Глава 15

Культурные особенности и смертельные удовольствия

Кто курит кальян, тот не работает.

Турецкая пословица

Оказавшись в Стамбуле, вы попадаете в самую гущу уличной жизни: жмуритесь на солнце, видите Босфор и султанские мечети, слышите крики чаек и легкий звон. Этот звон издают миллионы ложек и стаканчиков. Им сопровождается любое чаепитие – ведь чай в Стамбуле пьют все, всегда и везде. По статистике, каждый час на берегах Босфора выпивается 1 290 948 стаканов чая.

Чай проник на Ближний Восток из Китая и Индии – в IX веке арабы торговали им наряду с шелками и пряностями. Транспортировка товаров была дорогой и небезопасной, поэтому все восточные диковинки ценились на Западе на вес золота. Про богатого человека европейцы говорили: «Он сидит на мешке с чаем» (или на мешке с перцем). Небольшой запас чая и приправ считался на Западе достойным приданым или наследством, а также охотно принимался в счет погашения крупного долга.

За насыщенный темно-красный цвет турки называют чай «заячьей кровью» («tavşan kanı»). Его пьют из бардаков – стаканчиков-«тюльпанов» (в Азербайджане их называют «armut» – «груша»). В верхней расширенной части бардака чай остывает быстрее, нижняя узкая часть сохраняет тепло – таким образом, температура напитка в стакане почти одинаковая. Стамбульские торговцы разносят бардаки

на круглых подносах с ручкой. Помимо кафе и ресторанов, в городе есть чайханы и чайные сады – особенно ими славится Кадыкёй.

Чайные сады Кадыкёя понравились даже Бродскому, возненавидевшему Стамбул после первого (и единственного) посещения. Он вспоминает, что отправился в Азию, нашел кафе на берегу Босфора, заказал чай – и, вдыхая запах гнилых водорослей, наблюдал, как «авианосцы Третьего Рима медленно плывут сквозь ворота Второго, направляясь в Первый». Если рассматривать Кадыкёй на картах «Google» в режиме спутника, то можно увидеть десятки белых кругов – это столики в чайных садах. Когда на Стамбул опускаются сумерки и солнце догорает в босфорских водах, в чайных садах зажигаются разноцветные фонарики. Эти заведения работают до глубокой ночи – сегодня, как и сотни лет назад, об их закрытии посетителей извещает звон колокольчиков.

Чай стал национальным напитком Турции в первой половине XX века – ранее пальма первенства принадлежала кофе. Желая покончить с османским образом жизни, Мустафа Кемаль Ататюрк ввел закон о выращивании чая. По его приказу из Батуми привезли более 40 т чайных семян. Первые чайные плантации появились в Турции возле города Ризе – на востоке черноморского побережья; в 1947 году там же построили первую чайную фабрику. К 1965 году Турция полностью удовлетворяла внутренние потребности в чае и начала продавать его на экспорт. С тех пор Ризе считается чайной столицей страны.

В наши дни турецкий чай – такой же бренд, как и турецкий кофе. По мнению Лебона, восточный кофе превосходен, и самая большая неприятность, поджидающая европейца, вернувшегося с Востока, заключается в том, что он должен снова привыкать к отвратительному пойлу, которым его потчуют на

родине. Сами турки говорят, что память об одной чашке турецкого кофе живет 40 лет. Еще одна поговорка гласит: «Если за день ты ни разу не выпил кофе, значит, день прошел зря».

Османский поэт Баки (1526–1600) писал о кофе:

О, брат искрометного вина,
Ты – напиток небесный гурий!
Ты – роса веселья, порожденная солнцем!
Посели в мозгу моем райские грезы,
Увлеки меня вдаль от земли,
Попираемой моими ногами;
Вознеси меня на вершину Айя-Софии,
Вершину, одним орлам доступную.
Я сделаюсь царем Стамбула,
Наполненного богатствами...

По легенде, чудесные свойства кофе в 1258 году открыли верблюды суфийского шейха Абуль-Хасана аш-Шазили. Улем совершал утомительное паломничество в Мекку. Во время привала его верблюды наелись листьев кофейного дерева и принялись весело прыгать, чем удивили шейха. Поняв, что разгадка кроется в неприметном растении, аш-Шазили заварил его зерна и обеспечил себе благодарность жителей Ближнего Востока, а позже – и всего мира. В память о шейхе в стамбульских кофейнях висят таблички с каллиграфической арабской надписью: «Добродетельный Шазили, наш покровитель и наш отец».^[85]

Первыми, кто по достоинству оценил напиток, стали арабы. Арабский кофейник (далля) изображен на монетах некоторых государств Персидского залива (например, на монете номиналом 1 дирхам ОАЭ). В Абу-Даби, Фуджейре, Манаме, Маскате и Дохе далле

установлены памятники. «В арабском мире нет занятия более почетного для мужчины, чем час за часом сидеть, глядя на улицу, цедя густой, как смола, *café noir*», – замечает Тахир Шах.

В арабских странах сформировался особый кофейный этикет. Гостю обязательно предлагают чашку кофе, отказаться от нее – значит оскорбить хозяина. Кофе подают в маленьких круглых чашках без ручек – их наполняют на треть, дабы гость не обжегся. Чашка, наполненная более чем наполовину, говорит о том, что хозяин желает скорейшего ухода гостя. Принимая чашку из рук хозяина и ставя ее на стол, гость показывает, что у него есть просьба. Если хозяин исполняет ее, гость выпивает кофе, если нет – оставляет кофе нетронутым.

Получив признание в арабском мире, кофе попал на берега Босфора. Он был завезен в Стамбул из Йемена и Сирии в XVI веке и спустя век распространился в Европе. На берегах Босфора напиток моментально завоевал множество поклонников.

Османский кофейный этикет во многом заимствован у арабов и отчасти действует в нынешней Турции. Гостя не спрашивали, голоден ли он, – ему приносили кофе и щербет. Взявшись за кофейную чашку, гость давал знак, что не хочет есть; в противном случае накрывали стол. Девушку, в дом которой приходят сваты, просят сварить кофе: семье будущего мужа надо оценить умение невесты готовить этот напиток. Османская девушка могла обозначить свою симпатию к жениху, бросив в чашку лепесток тюльпана. В книге Памука «Стамбул. Город воспоминаний» есть такой эпизод: возлюбленная автора сообщает, что мать против их отношений и собирается показать ее свахе. Памук спрашивает: «Будешь угощать сваху кофе?»

В Порте кофе был призван заменить запрещенный исламом алкоголь. Некий столичный поэт XVI века

сетовал:

Кувшины разбиты, бокалы пусты, нет больше вина.

Вы сделали нас рабами кофе, печальна наша судьба.

Популярность кофе повлекла за собой возникновение знаменитых стамбульских кофеен. Первая из них открылась в 1554 году. В середине XVIII века каждой седьмой торговой точкой в Стамбуле была кофейня. На Босфоре их насчитывалось около 100 (только в Бешикташе - 20). Одни были респектабельными; другие, наоборот, пользовались дурной репутацией.

Вспоминая визит в стамбульскую кофейню, Амичис отмечает, что она была захудалой и не сильно отличалась от заведений времен Сулеймана I - либо тех кафе, куда в XVII веке врывался Мурад IV с ятаганом в руке, дабы наказать продавцов запрещенного напитка. Черная жидкость породила множество султанских фирманов и жарких теологических диспутов. Суровые проповедники называли кофе «противником сна и продолженья рода», проповедники иного сорта - «гением мечтаний и возбудителем воображения». Несмотря на это, кофе, по словам Амичиса, занял третье место в списке главных развлечений османов, после любви и табака.

Кофейни способствовали распространению свободомыслия - поэтому падишахи боролись с этими рассадниками вольнодумства. Первым султаном, велевшим закрыть кофейни, стал Селим II; но суфийские шейхи заявили, что употребление кофе не противоречит исламу. Селим покорился, и кофейни были открыты - впрочем, их атмосфера не изменилась.

Согласно городской легенде, Мехмед III (внук Селима) однажды переоделся простолюдином, зашел в кофейню и ужаснулся: посетители критиковали и высмеивали султана!

Разгневанный падишах издал указ, в соответствии с которым кофе признавался греховным напитком, а все кофейни опять надлежало закрыть. Впрочем, фирман так и не был реализован. Кофейни работали вплоть до эпохи правления Мурада IV – тот запретил кофе, опиум, алкоголь и табак и безжалостно карал нарушителей. Еще одним султаном, нанесшим удар столичным кофейням, стал Махмуд II, – в июне 1826 года верные ему войска громили кофейни и парикмахерские, принадлежавшие янычарам.

Кофейни всегда были душой Стамбула – в них слушали музыку, спорили о политике, сплетничали и просто отдыхали. Жизнь горожан вращалась вокруг мечети, базара и кофейни – трех главных институтов Ближнего Востока. Деваль, будучи энергичным европейцем, считал такое времяпровождение бесполезным. По его словам, турки охотнее посещают кафе, нежели мечеть – ибо их лень преодолевает набожность. Прогрессивно настроенный герой романа Али Сабаххатина «Дьявол внутри нас» возмущается: «И что мы видим, кроме двух-трех кофеен? Духовная жизнь, духовная жизнь... А не глупо ли считать, что споры и ругань в кофейнях развивают умственные способности?»

В стамбульских кофейнях приобрело известность понятие кайфа – одно из ключевых в культуре Востока. Слово «кайф» происходит от турецкого «keyif» и означает «время приятного безделья». Оригинальный термин (كاييف араб. – удовольствие, наслаждение) встречается в Коране – согласно ему, праведники в раю пребывают в состоянии вечного кайфа.

В 1819 году австрийский дипломат Йозеф фон Гаммер-Пургшталь опубликовал статью «Путешествие по азиатской Турции», в которой сравнил кайф с итальянским «сладостным ничегонеделанием» (*dolce far niente*). Деваль говорит о присущей туркам исступленной склонности к разврату – отсюда якобы проистекает их лень и стремление целый день лежать на диване, куря трубку и перебирая в руках четки. Помимо табака и кофе, расслаблению способствовало употребление опиума и алкоголя.

Слово «алкоголь» происходит от арабского наименования сурьмы – «al-kuḥl» (الكحل); арабки пользовались пудрой из нее в косметических целях. Европейцы познакомились с ней в Средние века. Постепенно алкоголем стали называть все мелкодисперсные порошки, а затем и все виды летучих веществ, включая спиртосодержащие жидкости.

Алкоголь был широко известен на Древнем Востоке. Египтяне, ассирийцы, шумеры, хетты и персы варили пиво, делали вино и водку. Аравийские бедуины любили арак. В 626 году жители Медины спросили пророка Мухаммеда, как ислам относится к алкоголю и азартным играм. В ответ был ниспослан следующий аят (стих) Корана: «Они спрашивают тебя о вине и азартных играх. Скажи: “В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы”» (Коран 2:219).

Подобного разъяснения хватило, чтобы часть мусульман прекратила пить вино и увлекаться азартными играми. Впрочем, Коран не отвратил от греховных поступков всех – арабы были сильно привязаны к спиртному и не могли сразу отказаться от него. Вино, наравне с любовью и женской красотой, воспевали великие поэты. Омар Хайям писал:

Вино запрещено, но есть четыре «но»:
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.
При соблюдении сих четырех условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.

В фольклоре народов Ближнего Востока алкоголь превратился в волшебный напиток прозрения и бессмертия. Многие мусульмане воспринимали его не только как чувственное удовольствие, способ забыться или найти точку опоры – но и как наследие своих предков.

Наконец, категорический исламский запрет спиртного сделал свое дело (Коран 5:91). Арабы и персы отказывались от алкоголя крайне неохотно. Великая восточная тоска, вызванная принятием этого сурового решения, слышится даже в XVIII веке – в грустном стихотворении персидского лирика Невреза Абдура-Реззы, посвященном вину:

Никогда больше мне не склонить головы
Над твоими рубинами, чтобы испить цвета розы.
В тени жреца я не притронусь к бокалу.
Теперь я пленник в изгнании, полный боли,
И не знаю, что делать мне
Со своей печальной судьбой!

Алкогольные традиции Стамбула древнее, чем его крепостные стены и султанские мечети. Византия славилась виноградниками и унаследовала богатый античный опыт производства и употребления спиртного. Удачное географическое расположение и торговый дух Константинополя позволяли завозить лучший алкоголь в больших количествах – например,

финикийские и армянские вина, любимые во всем Древнем мире.

Горячительными напитками не пренебрегали ни простые константинопольцы, ни василевсы. Последнего правителя Аморийской династии Михаила III прозвали Пьяницей. Вместо государственных дел монарха заботили непотребные развлечения. По свидетельству писателя Симеона Метафраста, император выдавал награду до 100 золотых монет тому, кто мог потушить свечу силой выпускаемых ветров. За 25 лет пребывания на троне Михаил пропил всё, включая наследство родителей и собственное имущество. Он умер от руки своего собутыльника Василия Македонянина, который и завладел престолом.

Османский двор перенял от византийского тягу к алкоголю. Большим любителем спиртного слыл Мехмед II Фатих. Хронист XVI века Мустафа Али сообщает, что в 1454 году, вернувшись из очередного похода, падишах провел много ночей, развлекаясь с молодыми рабынями; днем же он пьянствовал с ангелоподобными юношами. Фатих покровительствовал поэтам - и те в знак благодарности писали стихи, где говорилось о ночных пирушках, на которых султан пил вино под звездами со своими пажами.

Спиртного не чурались ни Мурад I, ни Баязид I, ни Мурад II, ни Селим I, ни Сулейман I - но это не мешало им увеличивать размеры османского государства. Сын Сулеймана, Селим II Пьяница, пристрастился к вину с ранних лет и заставлял улемов пить вместе с ним; тогда для успокоения совести шейх-уль-ислам придумал казуистическую оговорку, согласно которой прощалось употребление того алкоголя, который пил султан. Эта оговорка - вкупе с фирманом Селима II об отмене ограничений на продажу и распитие вина всеми жителями Порты, включая мусульман, - породила

стамбульскую шутку: «Куда мы пойдём сегодня за вином? К муфтию или к кади?»

Ещё одним султаном, запомнившимся горожанам из-за своего отношения к спиртному, был Мурад IV. Сперва он выступал в роли защитника ислама, жестоко карая за нарушение введенных им запретов на кофе, табак, опиум и алкоголь. Однако Мурад не смог уберечься от зеленого змия и превратился в буйного алкоголика, способного кутить дни и ночи напролет. Потомок Мурада, Махмуд II, разгромивший янычарский корпус, терпел неудачи как реформатор, находил утешение во французских винах и скончался от белой горячки.

Слабоумный Мурад V также не отличался трезвостью: осенью 1876 года газета «Московские ведомости» опубликовала отрывки из доклада его личного врача профессору психиатрии Максимилиану Лейдесдорфу. В соответствии с докладом, падишах страдал расстройством нервной системы – ещё будучи принцем, он боялся за свою жизнь и, пытаясь заглушить страх, предавался чрезмерному употреблению спиртных напитков. Компанию Мураду составляли его братья Абдул-Хамид II, Мехмед V и Мехмед VI, впоследствии занявшие престол османского государства.

Падишахи предпочитали вино, но истинно турецким горячительным напитком считается раки (анисовая водка). Эвлия Челеби в 1630 году упоминает, что в Стамбуле изготовлением водки занимались 300 человек в сотне лавок. Раки подавали в традиционных кабачках – мейхане; эти злачные заведения держали греки и албанцы. Мусульмане стали посещать мейхане с середины XIX века – в эпоху Танзимата, когда влияние шариата на повседневную жизнь существенно ослабло. К концу XIX века раки по популярности обогнал вино. Общепрофессиональная любовь пришла к водке лишь в 1930-х годах, когда в Турции было налажено

коммерческое водочное производство. Главную роль в этом сыграл Ататюрк – большой ценитель раки.

Ататюрк не скрывал свой алкоголизм – он им бравировал. Однажды, отвечая на замечание французского журналиста о том, что Турцией правят один пьяница (сам президент), один слепой (премьер-министр Исмет Инёню) и 300 дураков (депутаты парламента), Мустафа Кемаль заявил: «Неправда, Турцией правит только один пьяница». Реформы Ататюрка имели целью уничтожение наследия Блистательной Порты – и, следовательно, образ «доброго мусульманина» был для него неприемлем. В то же время президент не желал вспоминать плеяду спившихся султанов, – осенью 1938 года он сам умер от цирроза печени, вызванного хроническим алкоголизмом.

Гази не только злоупотреблял алкоголем, но и был заядлым курильщиком. Курение на Востоке – еще один традиционный процесс, во время которого собираются с мыслями, общаются с друзьями и демонстрируют взаимоуважение. В 1841 году между Турцией и Францией случился дипломатический кризис, который едва не привел к войне: Абдул-Меджид I отказался предложить французскому послу покурить вместе с ним кальян.

Стамбульцы самоотверженно сражались за право курить; их не остановил даже Мурад IV. В молодости падишах попал под влияние шейхов кадизадели – представителей консервативного мусульманского движения. На тот момент Османская империя вступила в кризис, и кадизадели видели причину всех несчастий в отходе от «истинного ислама». В XVII веке они призывали отказаться от любых нововведений и вернуться к религиозным предписаниям времен пророка Мухаммеда – то есть к нормам VII века. Лидер кадизадели, Мехмед Кадизаде – один из самых

реакционных мыслителей Порты – читал проповеди в мечетях Стамбула и говорил, что строгое соблюдение шариата излечит болезни общества и принесет ему процветание.

Стамбульцы разделились на два лагеря – одни поддерживали шейхов, вторые считали их вредными и опасными. Дело дошло до того, что при Мустафе I и Османе II кадизадели угрожали снести минареты тех мечетей, в которых их было более одного. Это могло трактоваться как бунт против правящей династии: по правилам османской архитектуры мечети с четырьмя минаретами строились султанами, а мечети с двумя минаретами посвящались их детям – потенциальным наследникам престола. В 1656 году стамбульские кадизадели решили действовать открыто и начали вооруженное восстание, которое подавил Кёпрюлю Мехмед-паша – великий визирь Мехмеда IV.

Всего этого не было бы, если бы в первой половине XVII века Мурад IV не поддержал кадизадели. Он закрыл кофейни и под страхом смерти запретил табак именно потому, что проникся идеями шейхов. Проступки курильщиков привели к сотням казней через расчленение, посажение на кол и повешение. Впрочем, султанский гнев мало кого остановил – по свидетельству османского историка Катиба Челеби, «даже во время строжайшего запрета число курящих превышало число некурящих».

В Османской империи курили чубук – длинную трубку, но ничто не могло затмить популярность кальяна. В Индии кальян называется «хука», в Узбекистане – «чилим», в Египте – «шиша», в Турции – «наргиле»; это далеко не полный перечень азиатских и африканских названий. Кальян органично вписывается в ритуализированную систему восточного мирозерцания. Чашка фруктового табака выкуривается за час, чашка черного (турецкого или

иранского) – за два часа. В Стамбуле говорят: «Мысли того, кто курит наргиле, такие же длинные, как шея наргиле».

С помощью кальянов издревле курили не только табак, но и опиум. Пристрастие арабов, персов и османов к наркотикам – интересная и отчасти табуированная тема, которая красной нитью проходит через их историю и культуру. Восточные народы, начиная с шумеров, пытались найти в одурманивающих средствах спасение от горестей и путь к истинной вере. Марихуану и ее производные назначали при бессоннице, депрессии и алкоголизме. Исламский запрет на распитие алкоголя усугубил ситуацию: в XVI веке Мухаммед ибн Сулейман (известный как Физули) – поэт и мыслитель из Ирака – создал эпическую поэму о противостоянии вина и гашиша. На Ближнем Востоке употребляли настойку из конопли, маковые зерна, гашиш. Все эти вещества – равно как и способы их употребления – попали в Старый Свет с европейскими торговцами, моряками Марко Поло и солдатами, участвовавшими в Египетском походе Наполеона.

Рубеж XIX–XX веков ознаменовался противоположным процессом: на Восток с Запада проникли «тяжелые» наркотики, синтезированные европейцами и американцами. Кроме того, для Востока прошлый век ознаменовался масштабным производством одурманивающих средств, их поставками и контрабандой в особо крупных размерах – а также законодательными запретами, которые наркоторговцы старались обойти. В 1920-е годы гашиш нелегально ввозился в Египет из Греции, Сирии, Ливана, Турции и Центральной Азии. В 1926 году пик его выпуска приходился на Ливан. В 1962 году пальма первенства по масштабам производства гашиша и опиума перешла от Ливана к Марокко – там, в горах Эр-Риф, издавна находились плантации конопли. В 1970-х

годах на международном рынке наркотиков появился Афганистан.

История Ближнего и Среднего Востока – это история опьяняющих и токсичных веществ. Высокая Порта была соседкой Персии и прочих империй Средней Азии, а также наследницей Арабского халифата – и, соответственно, переняла их опыт. Эти вещества использовали султанские наложницы, изнывавшие от гаремной скуки. Селим I умер от передозировки опиума, с помощью которого надеялся вылечить язву желудка. Психотропных средств не чурались и члены тарикатов – по словам Мантрона, в османской столице при Сулеймане I в суфийских братствах употребление одурманивающих веществ стало если не правилом, то привычкой. Стамбул, будучи мегаполисом на перекрестке Европы и Азии, превратился в мировой наркотический центр. Опиумные курильни возникали на берегах Босфора в огромном количестве, и никто не пытался с ними бороться (кроме Мурада IV, не слишком преуспевшего в своих благонравных начинаниях).

Султаны считали контроль за качеством наркотических снадобий своим долгом и проявлением заботы о подданных. Во второй половине XIX века Абдул-Хамид II учредил должность столичного опиумного инспектора. Решение падишаха объяснялось тем, что в Стамбул съезжались представители западной богемы – они жаждали экзотики во всех проявлениях, включая гашиш и опиум. Их путевые заметки содержат одну и ту же мысль: на Востоке наркотики принимают для удовольствия. Особенно остро это проявлялось в XVIII веке – например, по мнению Портера, у турок существует врожденная порочность. Британский дипломат писал, что из-за религиозных предрассудков османы часто переходят с вина на опиум, который имеет худшие последствия для тела и ума, нежели алкоголь. В то же время Портер отмечал, что в

Стамбуле употребление опиума считается порочной привычкой.

В 1784 году французский аристократ Франсуа де Тотт описал в мемуарах площадь, прозванную «Рынком наркоманов», куда каждый вечер сходились любители опиума. На самом деле это была улица Тирьяки, ведущая к главному входу в мечеть Сулеймание; сегодня она носит имя турецкого юриста Сыддыка Сами Онара. На одной стороне улицы стоял длинный ряд беседок с лежанками для клиентов. Покупателям давали опийные таблетки, которые они запивали водой. Спустя 45–60 минут людей охватывала странная задумчивость, под ее влиянием они принимали экстравагантные и смешные позы. Все потребители были счастливы: каждый возвращался домой в состоянии полной потери рассудка – и каждый чувствовал себя тем, кем желал. Зеваки же развлекались, заставляя наркоманов говорить и делать всяческие глупости.

В османском Стамбуле потребление опиума было связано с социальными и материальными лишениями. Наркоманы пытались уйти от насущных проблем. Европейцы считали восточное пристрастие к опиуму аналогом алкоголизма у беднейших западных рабочих. Английский литературный критик Самуэль Джонсон говорил: «В Турции так же постыдно принимать слишком много опиума, как и в европейских странах – напиваться допьяна». В столице Порты на заре XVIII века наркоманов презирали и жалели. Скрыть зависимость было трудно, поскольку в старых кварталах люди проживали из поколения в поколение и очень компактно. Ситуация изменилась в конце XVIII века, когда страх перед соседями ослаб. В 1798 году некий французский путешественник сообщал, что в новых густонаселенных районах Стамбула, где жильцы почти не знакомы друг с другом, невозможно

поддерживать порядок – ибо те, кто его нарушают, не краснеют перед знакомыми.

На рубеже XIX–XX веков город переживал невиданный наркотический бум. Наркотрафик шел как в Турцию, так и из нее; особенно прославились турецкие наркоторговцы братья Эзра, работавшие под прикрытием китайской чайной компании «Dahloong». Они приобретали большие партии опиума и перевозили их из Стамбула во Владивосток; оттуда товар попадал в Китай.

Расцвет наркоторговли объясняется просто: в Турции можно было свободно купить опий-сырец, что крайне заинтересовало американских и японских производителей наркотиков. В 1927 году одна стамбульская фабрика с японским капиталом ежедневно производила 10 кг героина – в десять раз больше официального объема наркотика, производимого в Британии. Согласно заявлению, сделанному в 1929 году Турецкой торговой палатой, сокращение выращивания конопли в Индии позволило Турции стать ведущим поставщиком на европейских рынках. Премьер-министр Исмет Инёню признал, что только за 6 месяцев 1930 года его республика экспортировала в Европу без лицензий стран-импортеров (чего требовала Международная опиумная конвенция 1912 года^[86]) более 2 т морфина и 4 т героина.

К началу 1930-х годов в Стамбуле работали три фабрики, ежемесячно выпускающие до 2 т героина – кроме вышеупомянутой японской фабрики, сюда перевели два французских производства. Большая часть из 251 т турецкого опиума, экспортированного во Францию, предназначалась для фабрик, расположенных возле Парижа. Одна из них принадлежала «Центральной компании по торговле алкалоидами»

Поля Мешелера, другая – «Индустриальному обществу органической химии» Жоржа Девино. Эти фабрики облегчили поставки наркотиков в США, Египет и на Дальний Восток. В 1930 году французское правительство аннулировало лицензию Девино, и он построил аналогичную фабрику в северном предместье Стамбула; тогда же Мешелер организовал производство в Эйюпе. Он сотрудничал с турецким наркоторговцем Эли Абуисаком, переправлявшим наркотики в Европу на итальянских судах под покровительством лидера марсельской мафии Пола Вентуры.

В 1931 году деятельность французских фабрик была прекращена (этим занимался глава Постоянного центрального опиумного совета Лиги Наций^[87]). Послу США в Анкаре Джозефу Грю доложили, что турецкое правительство решило приостановить работу этих производств и опечатать запасы имевшейся в наличии готовой продукции. В Лигу Наций поступил запрос предоставить список иностранных торговцев наркотиками в Турции – и в итоге осенью 1931 года Девино и Мешелер были депортированы.

Дипломатическое давление на Турцию продолжил преемник Грю – Чарльз Шеррилл. Он убедил Ататюрка, что Стамбул угрожает здоровью человечества – и что наркомания распространяется среди офицеров турецкой армии. В 1932 году была разработана программа против нелегального оборота опиума; однако спустя 20 лет Гарри Энслинджер – директор Федерального бюро США по борьбе с наркотиками – говорил о Турции: «Там нет никакого контроля ни над производством, ни над распределением опиума. Там имеется множество подпольных героиновых лабораторий».

Ситуация не менялась десятилетиями. В 1936 году Хемингуэй опубликовал рассказ «Снега

Килиманджаро». Его герой уезжает из Стамбула в Анатолию – и поезд идет полями, засеянными маком. Выращивание мака позволяло тысячам турецких крестьян зарабатывать деньги. США протестовали – в Нью-Йорк и другие американские города текло слишком много турецкого героина; но попытки остановить изготовление наркотиков в Анатолии не увенчались успехом. Позиция США по «опиумному вопросу» и их попытки противодействовать Турции в плане производства наркотиков воспринимались турецким правительством как покушение на национальные основы государства. В 1974 году премьер-министр Мустафа Бюлент Эджевит заявил: «Наш национализм не просто начертан на уличных стенах. Наш национализм начертан на земле Кипра, на морском дне Эгейского моря и на маковых фермах Анатолии».

Сегодня турецкие власти усиленно борются с производителями и продавцами наркотиков. Сладкий дым в Топхане – из модных кальянных, он не имеет ничего общего с марихуаной. В районах вроде Тарлабаши и Сулукуле регулярно проводятся полицейские операции. Уличных наркоторговцев – так называемых торбаджи («сумочников») – выслеживают и арестовывают. Как правило, торбаджи – это крестьянский парень из анатолийской деревни, перебравшийся в Стамбул. За полгода незаконной деятельности он успеваешь приодеться, закупить дутых золотых украшений – и попасть в тюрьму в среднем на 10 лет.

Еще один оттенок в палитре стамбульских запретных удовольствий – публичные дома (генелев). Богатый портовый город на берегах Босфора никогда не слыл пуританским. Византийская империя унаследовала от греков и римлян традиции античной проституции во всех ее проявлениях. Труды Прокопия Кесарийского свидетельствуют о том, что продажная

любовь в Константинополе достигла колоссальных масштабов. По замечанию немецкого сексолога Иоганна Блоха, в Византии присутствовали все формы античной проституции – публичные дома, кабачки с женской прислугой и т. д.; причем они существовали на протяжении всего Средневековья – эпохи, когда сохранялась «эстетически-свободная эллинская жизнь наслаждений». Античная проституция в своем византийском варианте изменилась под воздействием восточного колорита и оказала огромное влияние на европейские и азиатские народы.

Византия долгое время была единственным государством с действительно крупными городами, в которых формировалась специфическая полисная культура – и проституция являлась одним из ее столпов. Торговый дух Константинополя также способствовал росту числа падших женщин, поскольку их клиентуру составляли преимущественно богатые иностранцы. Центром продажной любви была Галата, где предпочитали селиться зарубежные купцы, коммерсанты и дипломаты.

Захватив Константинополь, османы – наследники азиатских империй – оказались на рубеже эпох и цивилизаций. Османская культура эклектична; завоеватели легко перенимали у других народов то, что вписывалось в их систему миропонимания. Содержание гарема – даже весьма скромного – требовало немалых расходов, и далеко не каждый султанский подданный мог позволить себе тратить деньги подобным образом. Восточный гедонизм в совокупности с человеческими потребностями привел к тому, что старые византийские публичные дома продолжали работать в новой османской столице.

Борьбу с продажной любовью в Порте развернул Селим I. Изданный им в 1512 году указ против прелюбодеяния гласил, что женатый мужчина,

застигнутый на месте преступления, должен заплатить 400 серебряных монет, если он богат. Для представителей среднего класса сумма штрафа снижалась до 300 серебряных монет, для бедняков – до 200, для людей полностью несостоятельных – до 100. Штрафы для холостяков были еще меньше: 100, 50 и 30 серебряных монет в зависимости от материального уровня правонарушителя. Фирман приносил в казну существенный доход, что свидетельствует о широком распространении проституции в Османской империи.

Первый документально зафиксированный случай проституции относится к 1565 году: жители района Султангир донесли местному кади на пятерых женщин, которых обвиняли в организации борделя. По решению кади имущество преступниц конфисковали, а их самих с позором выслали из Стамбула. Судьба таких женщин была незавидна: они могли только стать ченги (танцовщицами) и странствовать по Анатолии. Приехав в очередной город, ченги разбивали шатры за его пределами. Когда танцовщиц приглашали «в гости», они во избежание проблем с законом переодевались в мужскую одежду.

История борьбы с проституцией в Стамбуле – это воистину детективная история попыток подданных обмануть султана, а властей – пресечь такие попытки. Селим II продолжил суровую политику деда, но не сумел положить конец продажной любви. Соответствующие фирманы падишаха неукоснительно соблюдались, но в столице появилось множество прачечных – днем их работницы стирали белье, а ночью проводили время с мужчинами в подсобных помещениях. Когда истинное назначение заведений было раскрыто, они попали под запрет.

В XVI веке проституция сконцентрировалась в гаванях и тихих районах на побережье Золотого Рога, в первую очередь – в набожном Эйюпе. Репутация семта

была безупречной, и мужа спокойно отпускали жен в Эйюп для посещения мечети. Неверные супруги встречались в местных кондитерских с любовниками; там же проститутки договаривались с клиентами.

В 1573 году Селим II запретил женщинам посещать кондитерские - тогда жрицы любви и искатели удовольствий стали брать напрокат лодки. Они уплывали на дальние берега Босфора и уединялись в пустынных местах. В 1580 году Мурад III не позволил лодочникам сдавать лодки молодым парам - однако ничто не могло искоренить древнейшую профессию. Имамы получали доносы о случаях проституции, янычары устраивали облавы на подозрительные дома - но преступление оставалось безнаказанным, если мужчина соглашался жениться на распутнице.

Важную роль в развитии продажной любви играли работорговцы. До появления невольничьих рынков рабынь продавали на открытых площадках, и покупатели не упускали шанс нанять на ночь понравившуюся девушку; особенно часто так поступали иностранцы. Власти, узнав об этом, конфисковывали рабынь у зарубежных гостей, платили женщинам и штрафовали торговцев. Рассказывая о деловых людях Стамбула, Эвлия Челеби упоминает сводников и называет их точное число - 212; а также отмечает, что некоторые из них специализировались на гомосексуальных связях. С проституцией безуспешно боролись и Мурад IV, и Мустафа II, и Ахмед III, и Селим III. Последние два султана уделяли большое внимание женской одежде: они разрешили представительницам прекрасного пола посещать увеселительные мероприятия (например, пикники и прогулки в районе Кягытхане) - но предостерегали дам от облегающих нарядов, велел им одеваться пристойно. При Селиме III портных, посмеявших нарушить установленные правила дамского костюма, вешали.

Во второй половине XVIII века проституция процветала в Чамлыдже, Сарыере и Бейкозе. Древнейшая профессия приносила доход там, где имелись деньги – поэтому с XIX века столичным «рассадином разврата» являлся Бейоглу. Французский прозаик Гюстав Флобер, прибывший в Стамбул в октябре 1850 года, посетил один из борделей (генелев) Галаты. В этом «ужасно грязном месте» писателя смутило не только уродство женщин, но и то, что недавно подхваченный им сифилис развился – проститутка не могла не заметить постыдную болезнь. Позже Флобер сообщил другу, чем закончилось это сомнительное приключение: «Испугавшись, что она увидит язву, я притворился до глубины души оскорбленным и немедленно покинул бордель».

Благодаря впечатлительным европейцам генелев Бейоглу приобрели культовый статус – в частности, они упоминаются в книге немецкого театрального директора Генриха Рейнхарда «Руководство для путешествующих в Германию, Венгрию и Константинополь» (1817). По воспоминаниям Рейнхарда, в стамбульских публичных домах работали в основном еврейки; также нередко встречались женщины, ищущие удовлетворения или желающие отомстить своим мужьям. Сохранились свидетельства западных купцов и дипломатов, где говорится об обитателях борделей иного рода – игривых юношах-греках в женских одеждах.

Генелев Бейоглу получили известность в Европе и на Ближнем Востоке, но в 1860 году в Аксарае – квартале, построенном в рамках благотворительной деятельности Хюррем еще в XVI веке – появился новый бордель, призванный составить им достойную конкуренцию. Его хозяйкой была ирландка, поэтому заведение получило название «дом иноземки»; после возникли и другие генелев, принадлежавшие

иностранцам. Еще одно знаменитое заведение располагалось в районе Султанбейли на улице Абаноз, 247 – оно называлось домом мадам Зои (по имени первой владелицы). Этот популярный бордель упоминается в произведениях турецких писателей – например, в повести Орхана Ханчерлиоглу «Большие рыбы». Сама улица Абаноз была своего рода достопримечательностью: по обеим ее сторонам стояли генелев с крохотными окошками, у которых толпились мужчины – они заглядывали внутрь и выбирали женщин. Впрочем, главным «кварталом красных фонарей» все равно был Бейоглу: при Абдул-Хамиде II его посещали шехзаде, паши и высокопоставленные чиновники.

Ататюрк, основавший в 1923 году Турецкую Республику, провозгласил равноправие полов и предоставил женщинам равные с мужчинами права и свободы. Генелев стали легальными, их хозяева платили налоги, проститутки регулярно обследовались у врачей. На арену вышла «королева борделей» Матильда Манукян – легенда турецкого бизнеса и стамбульской ночной жизни. Сегодня публичные дома Стамбула находятся под неусыпным контролем полиции (в некоторые даже не пускают иностранцев), что существенно облегчает жизнь и работающим в них женщинам, и клиентам.

Отдельно стоит рассказать о криминогенной обстановке на берегах Босфора. В октябре 2016 года мой друг впервые прилетел в Стамбул и сразу же попал в неприятную ситуацию – его, законопослушного и респектабельного человека, приняли за разыскиваемого преступника. Фамилии, имена, отчества и даты рождения полностью совпадали, а разные города рождения не остановили бдительных полицейских. Друга доставили в участок и поместили в изолятор; затем его отвезли в прокуратуру, а после – в суд. Судья

задал ошарашенному подозреваемому ряд вопросов (например: «Всегда ли вы живете под своей фамилией?»), получил удовлетворительные ответы и вынес постановление. Моего друга немедленно освободили.

Указанный инцидент – досадное недоразумение, но в Стамбуле турист может столкнуться с традиционными аферами. Этому не надо удивляться: любой иностранец, не владеющий языком и не знающий местную культуру, превращается в источник прибыли. Я расскажу об основных приемах, нацеленных на изъятие у вас денег.

Первое, с чем сталкивается путешественник на Востоке, – это требование всегда и везде давать бакшиш. Американский археолог Лео Дойель определяет его как «щедрое вознаграждение и взятки, грубо требуемые и любезно принимаемые местными жителями в обмен на незначительные либо вовсе не оказанные услуги». Путеводители советуют вообще не давать бакшиш – но это не всегда верно. Надо чувствовать тонкую грань между благодарностью и раздачей денег случайным людям, что отнюдь не просто.

Помимо бакшиша, на Востоке практикуется еще один способ обмана туристов: чистка обуви. Если вы прибегаете к услугам чистильщика, знайте: последствия непредсказуемы (например, не обнаружив сдачи с крупной купюры, он пойдет «разменять» и не вернется). Если рядом с вами чистильщик обронит щетку, не поднимайте ее и ничего не говорите – иначе выяснится, что вы сломали орудие труда и должны компенсировать ущерб.

Стамбул исторически был одним из крупнейших криминальных городов Востока. Преступники не могли обойти вниманием роскошную имперскую столицу и ее состоятельных жителей. В городских полицейских архивах хранится информация об убийцах, мошенниках,

ворах и грабителях, чьи имена наводили ужас на добропорядочных обывателей; особенно много сведений о криминальных авторитетах второй половины XIX – первой половины XX века.

Среди них, в частности, Пич Ардаш (Ардаш Ублюдок) – разбойник, орудовавший в Ускюдаре. Он объявил себя королем стамбульского уголовного мира после того, как застрелил Али Лодочника, который прежде занимал эту «должность». Шык Манол (Элегантный Манол), получивший прозвище за манеру одеваться, прославился как непревзойденный карточный шулер и безжалостный рэкетиер. Он «работал» в игорных домах Галаты и никогда не пользовался оружием, предпочитая решать вопросы с помощью кулаков. По слухам, этот преступник насмерть забил шестерых бандитов-конкурентов, требовавших деньги с хозяина кофейни, которую патронировал Манол.

Другой стамбульский рэкетиер, Арап Хюсню (Араб Хюсню), занимался шантажом и вымогательством в Топхане. Однажды он зарезал на базаре двух торговцев, отказавшихся ему платить.

Карманйоладжи Йамалы Йорги (Пятнистый Грабитель Йорги) – уроженец Бешикташа, названный так из-за следов ожога на щеке, – уже в 17 лет убил рыбака в районе Румелихисари и окончательно заслужил славу опасного преступника в 1921 году, когда европейскую часть Стамбула лихорадило от его дерзких вооруженных ограблений.

Солак Лигор (Лигор Левша), сын портного, собирался пойти по стопам отца – но в уличной драке юноше изувечили правую руку, и он выбрал другую «профессию». Свою криминальную карьеру Лигор начал в 1908 году с убийства еврейского купца в Балате. В дальнейшем Левша промышлял кражами и изготовлением фальшивых денег и документов.

Кесик Никола (Никола Резаный) продавал на улице лепешки и с детства мечтал о богатстве. Первой жертвой молодого человека стал друг его отца, которого Никола зарезал при попытке ограбления. Кесик орудовал в районе Ункапаны: разбойничал, воровал, вымогал деньги, мошенничал в игорных домах. Эдесалы Кости (Кости Эдесский) обосновался в Бейоглу – он грабил магазины на улице Истикляль и торговые лавки от Тюнеля до Таксима; Коньялы Осман (Осман Конийский) занимался тем же самым в Кадыкёе.

Рум Хрисантос (Грек Хрисантос) – один из самых страшных преступников Стамбула – начинал с карманных краж в трамваях; затем он организовал банду, терроризировавшую Галату, Куртулуш и Долапдере. В 1921 году Грека застрелил полицейский Мухаррем Алкор, впоследствии написавший книгу «Я убил Хрисантоса». В 1951 году по ее мотивам был снят фильм «Стамбул плачет кровью».

Смерть Рума Хрисантоса от пули была заурядной смертью уголовника. Стамбульские криминальные авторитеты заканчивали плохо. Осман Конийский умер от туберкулеза. Али Лодочник, Никола Резаный и Кости Эдесский погибли во время бандитских «разборок». Особенно неудачным для городских преступников выдался 1923 год: Ардаш Ублюдок бесследно исчез, Араба Хюсню выслали из Турции в родной ливийский город Триполи, Пятнистого Йорги обнаружили мертвым в Арнавуткёе, а Лигор Левша попал в тюрьму, откуда так и не вышел.

В наши дни криминогенная ситуация в Стамбуле весьма благоприятна, но не безупречна. Лидерами по количеству карманных краж и ограблений являются Бейоглу, Эминёню, Шишли, Бешикташ, Малтепе и Картал. Случаев воровства зафиксировано больше всего в Бешикташе. Убийства чаще происходят в

Зейтинбурну, Газиосманпаше, Эсенлере, Авджыларе и Кючюкчекмедже.

Жертвами насильственных преступлений становятся не только иностранцы: 7 марта 1990 года неизвестные расстреляли автомобиль Чети-на Эмеча – корреспондента газеты Hürriyet. 19 января 2007 года участь Эмеча разделил армянский общественный деятель Грант Динк. В Нишанташи и Шишли установлены памятники журналистам Угуру Мумджу и Абди Ипекчи: подобно Эмечу, они занимались политическими расследованиями – и, подобно Динку, выражали свое мнение по наиболее острым социальным вопросам. Абди Ипекчи – редактор газеты Milliyet («Нация») – был убит 1 февраля 1979 года. Улица в Шишли, на которой журналист испустил последний вздох, носит его имя.

Смерть редактора Milliyet – дело рук Мехмета Али Агджи, члена ультраправого движения «Бозкуртлар». Стамбул – родина и главная арена турецкого национализма с 1969 года, когда полковник Алпарслан Тюркеш основал Партию националистического движения (тур. Milliyetçi Hareket Partisi, сокращенно – МНР) и сформировал ее боевое крыло – отряды «бозкуртов».

Название организации «Бозкуртлар» (тур. bozkurtlar – серые волки) отсылает к тюркской мифологии, где волк олицетворяет храбрость и доблесть. Алпарслан Тюркеш при рождении получил имя Али Арслан Хамди, но сменил его на имя сельджукского султана IX века Алп-Арслана, почитаемого турецкими националистами. Также полковник взял символическую фамилию «Тюркеш». Флаг МНР придумал стамбулец Левон Панос Дабагян – пантюркист армянского происхождения. Вдохновившись Портой, он в 1969 году создал партийное знамя в виде трех белых полумесяцев, расположенных на красном фоне (отличие от

османского стяга в том, что оригинальный фон был темно-зеленым). Турки называют оба флага «юч хильяль» (тур. üç hilal – три полумесяца).

МНР провозглашает своими идейными приоритетами национализм и пантюркизм. Последователи Тюркеша грезят о создании Великого Турана – империи, охватывающей все территории, которые населены тюркскими народами. Эта концепция содержит тезисы о превосходстве тюркской расы и турецкой нации – однако турком считается каждый, кто разделяет национальные ценности и соответствующее мировоззрение. Таким образом, члены МНР и «бозкурты» восприняли идеологию поздней Османской империи.

«Бозкурты» видят в насилии универсальный метод достижения цели. 13 мая 1981 года – спустя 2 года после гибели Абди Ипекчи – «серый волк» Мехмет Али Агджи совершил неудачное покушение на папу римского Иоанна Павла II. Стамбульцы хорошо помнят резню на площади Таксим 1 мая 1977 года, когда боевики МНР напали на первомайскую демонстрацию, – и на площади Баязид 16 марта 1977 года, когда жертвами «бозкуртов» стали левонастроенные студенты Стамбульского университета.

«Серые волки» кровью вписали свое имя в политическую историю Турции – чего стоит их участие в перевороте 1971 года. Президент Сулейман Демирель подал в отставку. Тысячи граждан потеряли работу. Измученная страна балансировала на грани катастрофы. Сокращения коснулись даже натурщиков стамбульского Университета изящных искусств – в знак протеста они обнажились и прошли по улицам с антиправительственными плакатами. Пока Турцию лихорадило от митингов и стачек, «бозкурты» занимались привычным делом – расстреливали профсоюзные демонстрации, грабили и убивали. Будучи

лицом турецкого национализма, «серые волки» доказывают, что османское наследие продолжает жить и нередко приобретает смертельно опасные формы.

Особое место в криминальной хронике Стамбула занимают сексуальные преступления. Массовая миграция из Анатолии в 1980-х годах породила небывалый всплеск преступности. Очутившись в мегаполисе на берегах Босфора, мигранты испытывали культурный шок – ведь в их деревнях царили совершенно другие нравы, включая кровную месть и строгий запрет на добрачные половые связи для девушек. Вчерашние крестьяне сооружали геджеконду на городских окраинах либо селились в историческом центре, где цены на жилье были низкими из-за обилия трущоб; поэтому сегодня Фатих – сердце старого Стамбула – является самым консервативным его районом.

Место жительства новоиспеченных горожан объясняет их контакты с иностранцами. Термин «европейская туристка» стал нарицательным – он обозначает доступных женщин. Многие выходцы из Анатолии считают западных туристок легкой добычей. Подтверждением тому – известная трагедия итальянской художницы Пиппы Бакка (Джузеппины Паскуалино-ди-Маринео). Весной 2008 года девушку изнасиловал и задушил стамбулец Мурат Карташ. Обезображенный труп обнаружили в Белградском лесу.

Османская мудрость гласит: «Каждого за бороду не схватишь»; однако охране правопорядка в городе на берегах Босфора всегда уделялось большое внимание. Преступников карали беспощадно. Распространенным наказанием было ослепление – его применяли по отношению к свергнутым василевсам и впавшим в немилость вельможам, а также к членам их семей, включая детей и женщин (правда, иногда женщин постригали в монахини, а мужчин и мальчиков

кастрировали). Родственные связи не спасали от пыток – например, в 797 году императрица Ирина велела лишить зрения собственного сына Константина VI.

Зачастую византийцы выкалывали глаза пленным в массовом порядке – это ужасало врагов и подрывало их экономику, ибо калеки не могли ни работать, ни сражаться. Константин IX Мономах распорядился лишить зрения 800 русских воинов, захваченных в плен при Варне (1043). Впрочем, он не сумел превзойти Василия II, который в 1014 году разгромил болгарское войско и приказал ослепить 15 тыс. пленных. Во главе каждой сотни поставили одноглазого поводыря и велели всем идти домой; за эту невероятную жестокость Василия II прозвали Булгароктоном (Болгаробойцей).

В Константинополе практика ослепления достигла апогея; указанным способом карались десятки видов преступлений (например, дезертирство при Мануиле I Комнине). Исаак II Ангел велел выколоть глаза своему полководцу за жалобу на плохое снабжение византийской армии (инцидент произошел во время войны с болгарями). Константин VIII, подавив мятеж жителей Навпакта против жадного наместника, распорядился лишить зрения городского епископа – ибо тот не удержал свою паству от бунта; через 150 лет при аналогичных обстоятельствах Андроник I Комнин поступил так же с епископом Лопадия.

Ослеплению, ссылке и казни предшествовало всеобщее поругание. Преступнику остригали волосы, сбривали усы, бороду и брови, усаживали на осла лицом к хвосту – и в сопровождении шутов возили по городу. Обычно зрения лишали с помощью раскаленного железного прута, которым прожигали веко; неумелое ослепление влекло за собой смерть, как в случае с Михаилом V и Романом IV Диогеном. Константину VI глаза вырезали – причем настолько грубо, что он

скончался. Иногда ослепление проводилось путем вращения перед раскрытыми глазами раскаленного добела металла – тогда зрение снижалось постепенно; иногда лишали только одного глаза – это считалось особой милостью.

Смертная казнь осуществлялась в традиционных для Средневековья формах. Мужчин обезглавливали, четвертовали, вешали, сажали на кол, сдирали с них кожу либо варили в кипящем масле; женщин топили. Византийцы особенно любили казнить с помощью медного быка – соответствующее орудие красовалось на нынешней площади Аксарай. Оно представляло собой полу медную статую быка в натуральную величину, с дверцей на спине. Смертника запирали внутри статуи и разводили костер под бычьим брюхом. Конструкция была перфорирована в области ноздрей, откуда исходил дым. Преступник заживо поджаривался – и, благодаря внутренней акустике, его крики ужаса и боли напоминали рев быка.

Османы ничем не уступали византийцам. «Жестокость оттоманов доказана мне множеством зверских поступков, которых я был свидетелем, – утверждает Деваль, – но более всего она является во всем своем свете и во всей гнусности в публичных казнях, которые бывают весьма часто и всегда сопровождаются обстоятельствами ужасными». Стамбульцы говорили, что, если султан топает ногой во время аудиенции – это означает сигнал к немедленной расправе. Во дворе Топкапы со времен Мехмеда II стояла огромная мраморная ступа – если бы столичный муфтий уклонился от исполнения своего долга, его бы истолокли в ней железным пестом. Всякий раз, направляясь к султану, муфтий проходил мимо этой ступы, которая служила грозным напоминанием о необходимости подчиняться падишаху.

В самом городе также хватало мест для экзекуций – в Эминёню, например, обустроили специальную площадку для жестоких казней. Памук передает историю, прочитанную еще в детстве: некий янычар похитил молодую жену имама. Влюбленный остриг девушке волосы, нарядил ее мальчиком и гулял с ней по городу. Когда янычара схватили, ему сначала переломали руки и ноги, а потом засунули в ствол мортиры, завалили промасленными тряпками, засыпали порохом и выстрелили в небо.

Особое место в городской истории занимают казни мусульман, принявших христианство, – ибо по шариату отречение от ислама карается смертью. Так, в XVI веке в Галате жил талантливый зодчий Иоанн Калфа, который руководил внутренней отделкой дворца Топкапы.

После обращения в христианство он был подвергнут истязаниям и брошен в тюрьму, затем сослан на каторжные работы и 26 февраля 1575 года обезглавлен на площади возле Гранд-базара. Другой стамбулец, Ахмед Калфа, предположительно занимал должность писца или каллиграфа. Благодаря своей русской рабыне он заинтересовался христианством, узрел ряд чудес и крестился. 3 мая 1682 года Ахмеда Калфу казнили. Оба мученика были причислены христианской церковью к лику святых.

Ворам в Стамбуле рубили руки, сажали на кол или привязывали к жерлам пушек, из которых давали залп в море (в XIX веке англичане назовут этот вид казни «дьявольским ветром» и будут применять его в Индии). Разбойников и грабителей заставляли проглотить веревку с камнем на конце – а затем с силой выдергивали ее, чтобы виновный страдал как можно сильнее. Лжесвидетелей пороли и обливали помоями. Нечестных купцов прибавляли за уши к городским воротам. Казни проводились на рассвете. Завершив

работу, палач обходил близлежащие дома и просил денежное вознаграждение за свой труд; если он не получал денег, то вешал труп на дверях того дома, где ему отказали.

На берегах Босфора рассказывают старинную легенду о том, как портной, взявший в починку одежду падишаха, пришел домой и обнаружил завернутую в султанский кафтан голову казненного аги янычар. Желая избавиться от страшной находки, портной положил голову в горшок и поставил его в печь к греку-пирожнику. Грек подсунул голову французу-парикмахеру, подменив ею болванку с париком. Француз, заметив подмену, отдал голову кому-то еще; таким образом, складывается длинная цепь забавных недоразумений.

Деваля поражает не только жестокость, но также стремительность исполнения наказания. Впечатлительный француз с ужасом вспоминает заурядный инцидент: торговец обвешивал покупателей, но его схватили и передали стражникам. Без суда и следствия лицо обманщика вымазали медом – дабы привлечь мух и тем самым умножить мучения – и пригвоздили ухо к дверям лавки. Иногда подобные сцены приобретали большой размах: так, вступление на престол Селима III в 1789 году ознаменовалось расправами над недобросовестными коммерсантами, казнокрадами, мошенниками и взяточниками. У ворот Баб-и-Хумаюн палачи и янычары высыпали целые мешки отрезанных пальцев, ушей, языков и носов. По ночам на улицах истошно вопили купцы, привязанные к позорным столбам и приколотые к дверям собственных лавок.

Селим III любил повторять: «Один час правосудия лучше ста часов молитвы». Впрочем, правосудие невозможно без мудрости – и Стамбул, будучи наследником легендарных Дамаска, Багдада и Каира,

получил накопленные ими знания. На берегах Босфора процветали науки и искусства – и помешать этому не могли никакие преступники.

Глава 16

Мудрость веков

Если время с тобой не ладит, ты поладь со временем.

Османская пословица

В первой четверти XV века, когда Византийская империя доживала последние десятилетия, василевс Мануил II Палеолог призывал творческих константинопольцев «всеми силами стремиться брать пример с тех, кто в искусстве достиг совершенства» – но при этом осознавать, что они никогда не достигнут таких вершин, как великие мужи прошлого. Труды древних для императора были подобны золоту, труды современников – бронзе.

Мануил II размышлял о высоком, ибо не мог представить, что вечный город на берегах Босфора когда-нибудь прекратит свое существование. Константинополь-Стамбул не одну сотню лет был интеллектуальным центром: сначала Византии (и, значит, христианского мира), затем – Оттоманской Порты (и, соответственно, мира мусульманского), и, наконец, – Турции (и, пожалуй, всего Ближнего Востока). Эти тысячелетние культурные пласты нельзя исключить из увлекательной истории города. Прибавим к ним античное наследие (на которое предлагал ориентироваться Мануил II), а также интенсивный гуманитарный обмен между Стамбулом и иными городами и странами – и мы получим Стамбул не только как центр мира и мир в миниатюре, но и как квинтэссенцию Ближнего Востока во всей его непостижимости и впечатляющем многообразии.

Для понимания османской эпохи следует заглянуть вглубь истории. Pax Ottomana сменил Pax Romana – но султаны, подобно римским императорам, расширяли и поддерживали границы своих необъятных владений силой оружия. Археология занимала важное место в системе османского ориентализма – идеологии, определявшей Порту как преемницу восточных империй прошлого и властительницу региона в настоящем и будущем. Такая позиция привела к тому, что подданные султана считали себя народом с древней историей, к которой в действительности не имели отношения. Западные археологи вывозили найденные при раскопках предметы в Европу – и, по мнению османов, незаконно присваивали себе их великое наследие.

Американский историк ливанского происхождения Усама Макдиси рассказывает об одном эпизоде «археологической войны» между европейскими державами и султаном Абдул-Меджидом I. В 1860 году османские чиновники нанесли на карты Горный Ливан (хотя он официально находился в составе Порты с 1516 года). После этого знаменитые руины Баальбека были «открыты» заново – теперь уже «цивилизированными» османами. Баальбек считался обязательным для посещения западными путешественниками – чтобы попасть туда, они ехали из Бейрута по дороге, ведущей в Дамаск. Это была тяжелая поездка – но в 1860 году османы наладили каретное сообщение и взимали за посещение руин плату в 1 серебряный меджидие^[88]. Таким образом, они приписали себе достижения финикийской, греческой и римской цивилизаций.

Османский интерес к доисламскому прошлому Востока представлял собой шаг по инкорпорации Порты в европейскую современность. Большую роль в этом сыграло основание стамбульского Археологического музея (1869) и назначение его директором Османа

Хамди-бея (1881). Сын великого визиря Ибрагима Эдхема-паши, Хамди-бей был талантливым живописцем. Он организовал десятки выставок, упорядочил коллекцию Топкапы и учредил стамбульскую Академию искусств^[89].

Его полотна до сих пор вызывают в Турции ажиотаж: турки скупают их на международных аукционах и везут на родину, ибо Хамди-бей – это крупный национальный художник.

Новоиспеченный директор музея с энтузиазмом взялся за дело: под его руководством начались раскопки финикийских и эллинистических памятников на территории Османской империи. В 1884 году Хамди-бей обратился к Абдул-Хамиду II с просьбой запретить вывоз древностей из Порты. Соответствующий закон, изданный в том же году, породил османскую монополию на древности. Находки, обнаруженные во время экспедиций Хамди-бея, пополнили экспозицию Археологического музея.

Подобно Арабскому халифату, Порта на несколько веков объединила Ближний Восток – однако, несмотря на поздние попытки реформирования, султанская власть была абсолютной, а экономические институты – экстрактивными (ориентированными на изъятие ресурсов в пользу правящей элиты). Торговля в Стамбуле находилась в руках привилегированных лиц. Частной собственности не было – все принадлежало падишаху. Налоги и военные трофеи представляли собой главный источник доходов. Султан назначал на места чиновников, которые нередко злоупотребляли своими полномочиями. В итоге Порта упустила момент для промышленной революции.

На османах лежит ответственность за частичное исчезновение культурного наследия завоеванных территорий. Например, среди дамасских оружейников

существовала традиция дарить султанам стальные заготовки для мечей, которые именовались «яйцами», ибо из них «вылуплялись» хищные и кровожадные «птицы». В XV веке при Мех-меде II лучших оружейников привезли из Дамаска в Стамбул и заставили работать в кузнице рядом с дворцом Топкапы. Османы надеялись завладеть секретом изготовления легендарной дамаскской стали, но сирийские мастера умели хранить свои тайны. Кузница действовала до 1640-х годов, а затем пришла в упадок – при Ибрагиме I ее разрушил начальник стамбульской таможни. Древняя технология исчезла.

В то же время османы не боялись открывать мир. Могущество Порты во многом базировалось на силе торгового и военного флота. История сохранила имена выдающихся османских капудан-пашей: Пири-реиса, Кылыча Али-паши, Джезаирли Гази Хасана-паши – и, конечно, Хызыра Хайреддина-паши.

Подобно главе Священной Римской империи Фридриху I, Хайреддин-паша получил прозвище «Барбаросса» («Рыжебородый»). В 1518 году после гибели старшего брата, правителя Алжира, Хайреддин-паша провозгласил себя алжирским султаном и признал верховную власть Порты. Он боролся с испанцами – когда 17 августа 1518 года испанский флот подошел к городским стенам Алжира и потребовал капитуляции, Барбаросса отказался. Паше повезло: внезапно начался шторм, который уничтожил 26 вражеских кораблей – расправиться с остальными для османов не составило особого труда. Таким образом, за 70 лет до гибели Непобедимой Армады испанцы потерпели поражение при схожих погодных условиях. Если учесть, что Барбаросса, как и Фрэнсис Дрейк, промышлял пиратством, то аналогия становится окончательной.

Заметив успех Хайреддина-паши, Сулейман I назначил его капудан-пашой и бейлербеем Африки.

Хайреддин-паша превратился в важного вельможу и поселился в Бешикташе – в великолепном дворце на берегу Босфора. Старый адмирал любил прогуливаться по городу со львом на поводке (в XVIII веке этой привычкой отличался еще один флотоводец и морской разбойник, Джезаирли Гази Хасан-паша – памятник у пристани Касымпаша изображает его, выгуливающего льва). Сегодня о Хайреддине-паше в Стамбуле напоминают бульвар Барбароссы, проходящий через Бешикташ и Шишли; памятник на площади Бешикташ; хаммам Чинили в Ускюдаре, построенный в 1540-х годах по заказу корсара самим Мимаром Синаном, – и, конечно, мавзолей в Бешикташе. Долгое время корабли, выходя из бухты Золотой Рог, отдавали салют перед тюрбе Хайреддина-паши, а команды возносили молитвы в честь величайшего оттоманского мореплавателя и флотоводца.

Достижения османских моряков были невозможны без хороших географических карт – в Средние века они представляли собой редкость, поэтому мореплаватели ориентировались по звездам. Впрочем, османы имели точные карты – большим подспорьем в их составлении стали работы астрономов Самарканда и европейских исследователей.

Первую после арабов карту мира составил адмирал Пири-реис в 1513 году. Он свел воедино 20 различных источников – в том числе древнегреческие планисферы, а также португальские карты Индии и Китая. В 1521 году флотоводец опубликовал знаменитую «Книгу морей» – атлас, содержащий 130 описаний и навигационных схем побережий и портов Средиземноморья. Другим специалистом в области картографии был историк, математик и художник Матракчи Насух – он воспитывался в пажеской школе Топкапы и специализировался на составлении планов городов. Самыми известными работами Насуха стали

карта Стамбула 1540 года и план Тулона, где османский флот зимовал в 1543 году.

Эвлия Челеби сообщает, что в XVII веке Стамбуле проживало 15 мастеров картографии, работавших в 8 мастерских. Они знали несколько иностранных языков, включая латынь, а составленные ими карты содержали полезные сведения из разнообразных зарубежных источников.

В первой половине XVIII века картография в Порте вышла на новый уровень – это связано с открытием в Стамбуле мусульманской типографии. Османский первопечатник Ибрагим Мутеферрика сначала занимался производством карт, но затем перешел на издание научных и религиозных работ – в 1732 году он выпустил «Подарок великим о походах на море»^[90].

Османе пользовались результатами европейских исследований, а их собственные разработки представляли собой синтез интеллектуальных достижений западной и восточной научной мысли. Развитие картографии способствовало завоеваниям и коммерческой деятельности. Активная же коммерческая деятельность приносила экономическую выгоду и помогала информационному обмену между народами Ближнего Востока и Средней Азии – поэтому после упадка торговли люди в данных регионах оказались отрезанными от остального мира. Без притока новых знаний и технологий ближневосточные и среднеазиатские страны остановились в социально-экономическом и культурном развитии.

Однако, пока этого не случилось, Порта вносила свой вклад в мировую культуру. Техника вакцинации от оспы пришла в Европу в 1718 году из Стамбула. «Оспа, столь губительная и распространенная в наших краях, здесь совершенно безопасна благодаря изобретению прививки», – сообщает Мэри Монтегю в «Турецких

письмах». Супруга британского посла не припоминала ни единого случая смерти от этой болезни.

Однако, вопреки словам Монтегю, в Стамбуле наблюдалась высокая смертность от эпидемий оспы. Этот разрыв между мемуарами британской аристократки и реальностью вполне объясним. Примитивная османская технология не могла предотвратить городские эпидемии – но леди Мэри вращалась в высших кругах общества, члены которого заботились о своем здоровье и не контактировали с простыми людьми. Эдвард – сын четы Монтегю – был успешно привит от оспы, и воодушевленная мать убедила королевскую семью Великобритании последовать ее примеру.

Османский Стамбул был одним из центров мировой культуры. Порта использовала идеи и технологии Арабского халифата, Рима и Византии, а также современных ей европейских стран. В первую очередь это проявлялось в косметологии – большую роль в формировании данной отрасли медицинского знания сыграл султанский гарем. Так, наложницы регулярно посещали хаммам – что, в свою очередь, подразумевало косметологические процедуры, включая пилинг и пенный массаж. В Топкапы поставляли особые сорта мыла, изготовленные из оливкового масла с добавлением пряных трав и розового масла. Одалиски изводили тонны цветочных лепестков – из них делали настойки и вытяжки для духов, добавляли в целебные напитки, употребляемые при бессоннице, мигрени и расстройствах пищеварения.

Популярность медицины обуславливалась не только нуждами гарема, но и милитаристским характером Порты. Османская армия вела постоянные войны и нуждалась в квалифицированных врачах. Падишахи приглашали в Стамбул зарубежных докторов. Так, в 1473 году Мехмед II привез в Стамбул Кутбеддина

Ахмеда (врача тимуридского правителя Абу Сеида) и назначил ему огромное содержание – 500 акче в день плюс 2 тыс. акче ежемесячно. На берегах Босфора вообще высоко ценились лейб-медики вражеских правителей – падишахи щедро удовлетворяли все их профессиональные и личные нужды.

Иногда новые теории вступали в противоборство с традиционными методиками. На рубеже XVII–XVIII веков большинство стамбульских докторов называло себя последователями Парацельса – великого врача эпохи Ренессанса. В отличие от традиционной школы Ибн Сины (Авиценны), приверженцы Парацельса рассматривали жизнь как единый органо-химический процесс. Эти материалистические идеи оказались новыми для Порты: в XVII веке Мустафа II издал фирман, запрещающий практиковать сторонникам Парацельса. Указ действовал до 1704 года, пока Нух бен Абдельменнан (хаким-эфенди^[91] Ахмеда III) не добился от султана его отмены. В 1729 году по инициативе другого лейб-медика Ахмеда III, Мустафы Фейзи, был издан новый указ, в котором говорилось о запрете практиковать врачам, не сдавшим экзамены по специальности.

Конец традиционной и начало современной турецкой медицины наступили при Махмуде II. В рамках реформирования армии падишах решил открыть столичную школу по подготовке военных врачей – в то время как гражданских по-прежнему обучали на базе религиозных учреждений (например, в медресе при мечети Сулеймание) по программам, составленным на основе трудов древних греков, Галена^[92] и Ибн Сины.

Учрежденное Махмудом II медучилище стало первым в Турции светским учебным заведением. В 1838 году его перевели в Галатасарай. На церемонии открытия падишах заявил, что арабский как язык

медицины безнадежно устарел. «Вы будете изучать медицину на французском, – сказал Махмуд студентам. – Моя цель не в том, чтобы обучить вас французскому, а в том, чтобы вы овладели медициной и постепенно изложили ее на нашем языке». Галатасарайское медучилище даже бросило вызов исламской традиции, введя в курс занятия по вскрытию человеческих трупов. Улемы разрешали изучать анатомию только на восковых муляжах, но студенты анатомировали тела чернокожих рабов, которые приобретались за небольшую плату.

Стамбульские врачи преуспели в терапии, фармакологии, диетологии, урологии и ортопедии. В библиотеке Мурада Моллы (район Чаршамба) хранится занимательная книга «Возвращение султана к молодости» – лучшие медики столицы написали ее для Абдул-Хамида I.

У 49-летнего падишаха не было детей, что тревожило правящую семью, – и на помощь пришли специалисты. Первая часть книги представляет собой календарь с ежедневным меню султана в течение года. Во второй части говорится о способах усиления потенции, в третьей – о необходимых врачебных средствах. Абдул-Хамид добросовестно выполнял назначения врачей – и спустя год на свет появился шехзаде Абдулла. Всего падишах становился отцом 27 раз – в возрасте от 50 до 64 лет у него родилось 12 сыновей и 15 дочерей.

Наложницам в этом плане везло гораздо меньше. В гарем попадали исключительно девственницы. Предполагалось, что у них будет один партнер – султан; поэтому одалиски, как правило, не страдали венерическими заболеваниями. Впрочем, известны случаи кандидоза (молочницы) – если болезнь обнаруживали у жены или фаворитки падишаха, то ее лечили; рядовую наложницу назначали служанкой или

вовсе убирали из дворца. Бесплодные девушки также изгонялись прочь, но бесплодного монарха пользовали лучшие врачи империи.

Худшее, что могло произойти с одалиской, – заражение крови при родах. Это случалось нередко, ибо качественных антисептиков не существовало. Многие девушки рожали в юном возрасте, часто – до достижения ими 16-летия, что приводило к кровотечениям и переломам костей таза. Супруги и фаворитки султана проходили гинекологический осмотр ежегодно или перед родами; прочие наложницы посещали гинеколога, когда падишах отправлялся в военный поход, – и посещали минимум раз в неделю (это зависело от количества девушек в гареме). Данная мера была направлена на выявление интимных контактов одалисок друг с другом или с мужчинами из дворца (пажами, поварами и др.).

Наряду с медициной в Стамбуле развивалась юриспруденция. Только во второй половине XX века. Турция пережила три военных переворота – и всякий раз прежние законы изменялись либо отменялись. Политико-юридические традиции республиканской Турции берут начало в жестокой византийской «борьбе бульдогов под ковром» и коварных хитросплетениях султанского правотворчества. Турецкое право носит интегративный характер – по мнению Стоуна, каждый турок должен задаться вопросом, чему он обязан тюркским традициям, персидским обычаям, Византии, исламу и вестернизации.

В 395 году римский император Феодосий I разделит государство между своими сыновьями. Старшему, Флавию Аркадию, досталась восточная часть со

столицей в Константинополе; младший, Флавий Гонорий Август, получил западную часть и проживал то в Медиолане (Милане), то в Равенне и лишь изредка - в Риме. После раздела крупнейшей державы античности характер европейской юриспруденции изменился. Римский юрист Ювенций Цельс во II веке определил право как искусство добра и справедливости - эта идея красной нитью пронизывала римское право. Римская юриспруденция регулировала социальные отношения как в небольшом полисе, так и в гигантской империи.

Византия охотно пользовалась достижениями прошлого. Юристы Константинополя перерабатывали и толковали римское право применительно к новым условиям жизни и в соответствии с волей очередного василевса. Столь обширный правовой массив требовалось привести в порядок - и в 529-534 годах при Юстиниане I был составлен Свод гражданского права (*Corpus iuris civilis*), известный как Свод Юстиниана.

Французский историк Поль Лемерль поясняет, что, став василевсом, Юстиниан преследовал две цели: как римский император он хотел восстановить империю, как христианский император - желал самостоятельно определять учение и организацию Церкви. Реализация планов василевса была невозможна без соответствующего законодательства, что и обусловило создание Свода. Законодательство Римской империи пережило ее саму, подобно бессмертной душе, пережившей тело, - и будущее западного мира во многом определялось юридическими нормами и принципами, зафиксированными в Своде.

Последующие василевсы исправляли, сокращали и комментировали Свод, а также издавали сборники церковных канонов. Со второй половины IX века византийские юристы выполняли эту работу в Пандидактерионе - высшем учебном заведении

Константинополя, расположенном на территории Большого дворца, к востоку от площади Августеон.

Византийское право выполнило ту же функцию, что и византийское государство – оно уберегло античное наследие от варваров и воинов Арабского халифата – и сохранило его для европейцев. По словам шведского историка Эрика Аннерса, «греческая интеллектуальная база явилась той плавильной печью, в которой воедино слились иудейская религия, греческая философия и римская государственно-правовая система» – и случилось это в Константинополе. Благодаря константинопольским юристам произошла рецепция римского права – т. е. усвоение его институтов, норм и положений – странами Западной Европы; в результате сложилась современная романо-германская правовая семья.

В 1453 году Византия умерла. В Османской империи античное и византийское право переплелось с шариатом. Султаны взяли юриспруденцию в свои руки, и появились канун-наме – сборники султанского права. Начиная с Мехмеда II каждый падишах выпускал собственный сборник, ибо считалось, что он действует только при жизни принявшего его правителя.

Систематическая вестернизация началась с модернизационных изменений Танзимата, которые инициировал Абдул-Меджид I. В рамках Танзимата был разработан план реформ, призванных укрепить султанскую власть и приспособить Порту к нормам европейской жизни. В этих целях за 8 лет (1869–1877) стамбульские юристы создали Маджаллу – крупнейший в истории кодекс мусульманского права. В 1876 году при Абдул-Хамиде II была принята первая османская конституция. Падишах ни за что не решился бы на такой прогрессивный шаг, но взрывоопасная обстановка в Стамбуле вынудила его сделать это.

Танзимат породил движение «новых османов» (1865). Оно объединяло представителей интеллигенции и буржуазии, которые находились под влиянием идей Просвещения и Великой французской революции. «Новые османы» выступали за либерализацию, парламентарную монархию и османизм – единство и равенство всех подданных, независимо от национального, религиозного и иных факторов. Один из «новых османов», столичный журналист Намык Кемаль, ввел в турецкий язык слова «Родина» (Vatan) и «свобода» (hürriyet).

В мае 1876 года «новые османы» опубликовали воззвание, в котором возлагали на султана Абдул-Азиза ответственность за восстания на Балканах, внешнеполитические неудачи и финансовое банкротство Порты. 22 мая в Стамбуле состоялась демонстрация – 40 тыс. человек собрались возле дворца Долмабахче. Падишах согласился на смену правительства – и в состав нового Дивана вошел Ахмед Шефик Мидхатпаша, член новоосманской организации.

Несмотря на уступки со стороны Абдул-Азиза, волнения не прекращались. Стремясь предотвратить революцию, великий визирь Мехмед Рюшди-паша предложил осуществить дворцовый переворот – в этом он обрел поддержку Мидхата-паши. В ночь на 30 мая Абдул-Азиза свергли, и трон занял слабоумный Мурад V. Вскоре падишах начал открыто проявлять признаки душевной болезни – и спустя три месяца визири низложили Мурада. Назревал политический кризис: «новым османам» требовался падишах, с которым можно было сотрудничать. Таким человеком Мидхату показался Абдул-Хамид II. Еще никогда паша так не ошибался.

Вступая на престол, Абдул-Хамид дал письменное обязательство принять конституцию. В декабре 1876 года пришло время выполнить обещание. За основу был

взял проект, разработанный Мидхатом-пашой (на тот момент уже великим визирем). Изучив конституции европейских государств, паша адаптировал их положения к османским реалиям. 23 декабря Абдул-Хамид утвердил основной закон государства, и его текст был торжественно зачитан стамбульцам. Так называемая «конституция Мидхата» предусматривала создание двухпалатного парламента (меджлиса). Все подданные империи официально провозглашались османами и считались равными перед законом. Государственным языком признавался турецкий, государственной религией – ислам.

Впрочем, ограничить власть султана не удалось – даже заседания меджлиса проходили в Долмабахче. Тем не менее, оппозиция использовала парламентскую трибуну для открытой и легальной критики падишаха – в контексте восточной деспотии это был гигантский шаг вперед. Оценивая перспективы меджлиса, Фридрих Энгельс писал в 1877 году: «Если бы только у нас в Германии был такой парламент, как в Константинополе!»

«Новые османы» сделали всё, что смогли, – но смогли они немного. Абдул-Хамид II не собирался мириться с навязанным ему статусом – зимой 1877 года он выслал Мидхата-пашу за границу. Через год падишах распустил парламент и разрешил опальному визирю вернуться в Стамбул. В мае 1881 года Мидхата арестовали, и спустя три года паша в погиб в тюрьме от рук охранников. Конституция фактически перестала действовать еще в феврале 1878 года. Период самодержавного правления Абдул-Хамида II (1876–1909) вошел в турецкую историю под названием «зулюм» (тур. zulüm – насилие, гнет, тирания).

Однако султан не мог предотвратить появление новых оппозиционных сил, и на закате XIX века на арену вышли младотурки, жаждавшие либеральных реформ.

Младотурецкая организация возникла в 1889 году как тайное общество курсантов стамбульской военно-медицинской школы Кулели и была ориентирована на военных. Младотурки сформировали партию «Единение и прогресс» (тур. «İttihat ve Terakki»), отсюда еще одно их название – иттихадисты.

Оппозиционеры распространяли в столице листовки, утверждавшие, что Абдул-Хамид II является «узурпатором халифата». В июне 1908 года вспыхнула Македония: офицеры и солдаты, симпатизировавшие иттихадистам, подняли мятеж. Младотурки организовали в Стамбуле революционный комитет. Поняв, что армия – его единственная опора – взбунтовалась, Абдул-Хамид II принял публично клятву в том, что будет соблюдать законы. 10 июля 1908 года правительство обнародовало следующее сообщение: «Его Величество султан припомнил, что Конституция 1876 года представляет собою одно из славнейших его творений, и приказал вновь ввести ее в действие».

Абдул-Хамиду никто не поверил – и в апреле 1909 года падишаха низложили. Его братья, Мехмед V и Мехмед VI, два последних султана, уже не обладали реальной властью – она окончательно перешла к младотуркам. Некогда прогрессивная политическая организация мутировала: либерализм сменился пантюркизмом и панисламизмом.

23 января 1913 года в Стамбуле произошел государственный переворот, известный как Рейд на Блистательную Порту. Иттихадисты напали на здание правительства – оно располагалось напротив дворца Топкапы, на пересечении улиц Алемдар и Алайкешкю. Там сохранились парадные ворота Баб-и-Али, которые дали название оттоманскому государству. Еще в XVI веке иностранные послы, впечатленные красотой Баб-и-Али, окрестили их Высокой Портой (от фр. porte и итал.

porta – дверь, ворота). Позже наименование «Порта» стало синонимом султанского правительства, а затем и самой страны. Баб-и-Али символизировали османскую государственность – на нее и покусились младотурки.

В результате переворота Османскую империю фактически возглавил триумвират, состоявший из Исмаила Энвера-паши, Ахмеда Джемал-паши и Мехмеда Талаата-паши. Из-за этих людей «Единение и прогресс» сегодня вспоминают с ужасом и презрением. Триумвират втянул Блистательную Порту в ее последнюю войну – Первую мировую, и кровавые деяния пашей приблизили гибель как их самих, так и османского государства.

5 июля 1919 года – после поражения Порты и отставки кабинета Талаата-паши – трибунал в Стамбуле заочно приговорил иттихадистов к повешению – но для исполнения приговора осужденных надо было найти. В октябре 1919 года стартовала операция «Немезис»: армянские националисты выслеживали по всему миру младотурок, ответственных за геноцид, и убивали их. Имя Талаата-паши стояло в списке на ликвидацию под номером 1 – и 15 марта 1921 года, среди бела дня, в центре Берлина юный Согомон Тейлерян, единственный выживший из своей семьи в 1915 года, разрядил обойму в бывшего великого визиря. Громкий судебный процесс завершился оправданием армянского мстителя. Впоследствии этот процесс окажет большое влияние на польского юриста Рафаэля Лемкина. В 1944 году Лемкин предложит термин «геноцид», в 1945-1946 годах – примет участие в работе Нюрнбергского трибунала, к 1948 году – разработает проект Конвенции ООН о предупреждении и наказании преступления геноцида.

Мустафа Кемаль, возглавивший Турцию в 1923 году, столкнулся с колоссальными трудностями. Перед ним лежала страна, измученная войной и потерявшая

большую часть территорий. Устаревшее законодательство не подлежало применению. Для возврата к нормальной жизни катастрофически не хватало ресурсов, международных связей и квалифицированных работников.

Турецкий историк Шукри Ханьюглу обращает внимание на то, что в мусульманском мире не только Ататюрк пытался вестернизировать свое государство – но только он обладал преимуществом, которого не было у шаха Резы Пехлеви и короля Амануллы-хана, желавших преобразовать Иран и Афганистан соответственно. В отличие от них, Гази мог возводить здание новой Турции на фундаменте, заложенном реформаторами поздней Османской империи.

Зулум, борьба с деспотизмом Абдул-Хамида II, «новые османы», младотурки – ничто не прошло напрасно. На рубеже XIX – XX веков османские реформаторы сформировали бюрократический аппарат по европейскому образцу, способствовали появлению профсоюзов, кинотеатров, независимых книжных издательств и газет, рекламировавших женские корсеты. Стамбульская суффражистка Халиде Эдип Адывар критиковала низкий социальный статус турчанок. Художник Халиль Паша обучался в Париже – и его картина «Лежащая женщина» не шокировала публику, но заняла достойное место в Музее живописи и скульптуры в Бешикташе. Последний халиф – религиозный глава мусульман – Абдул-Меджид II сочинял музыку и рисовал обнаженных девушек. Изменения, затронувшие османское общество, были налицо – но они коснулись лишь малочисленной столичной элиты, которая все же могла влиять на социум.

Ататюрк продвигал концепцию светского государства, в котором будут жить исключительно турки. Корни немецкого национал-социализма надо

искать не только в итальянском фашизме – Адольфа Гитлера невероятно вдохновлял Гази. В 1929 году кемалисты принимали в Стамбуле фашистских скаутов, но Ататюрк избегал близких отношений с Муссолини и Гитлером. Фюрер же называл Мустафу Кемалю «сияющей звездой во тьме послевоенных десятилетий» – тем самым продолжая традицию германо-турецких отношений.

Униженная послевоенная Германия переживала «турецкую лихорадку» (нем. *Türkenfieber*) – например, в 1935 году в Штутгарте вышло 7-е издание книги немецкого историка Ганса Фрёмбгена «Кемаль Ататюрк: солдат и вождь» («*Kamal Atatürk: Soldat und Führer*»). На обложку был помещен бюст Гази работы Йозефа Торака – официального скульптора Третьего рейха. Немцам казалось, что в Турции сбылась мечта националистов – ведь к 1930 году там почти не осталось «чужеродных элементов» в виде армян, ассирийцев и понтийских греков. Истребление христиан Малой Азии практиковалось кемалистами до 1923 года. Впоследствии турецкое гражданство законодательно отождествлялось с этничностью, и все граждане республики были объявлены турками.

В целях тюркизации уцелевших греков Гази в 1922 году учредил Турецкую православную церковь с богослужениями на турецком языке. Ее возглавил Павел Карахисаридис, сменивший греческие имя и фамилию на турецкие – Эфтим Эренерол (патриарх Эфтим I). В целом этот проект провалился, но титул предстоятеля до сих пор наследуется членами семьи Эренеролов. Главный храм располагается в Бейоглу – в прямоугольнике, образованном пересечением улиц Акче, Мумхане, Караали Каптан и Ходжа Тахсин.

Пережитки византийского и османского прошлого требовалось уничтожить и предать забвению. Порта провозглашалась «отсталым и закономерно погибшим

государством». Масштабная вестернизация охватила абсолютно все сферы общественной и частной жизни: запрет многоженства, развитие промышленности, национализация железных дорог, земельная реформа...

Нововведения сыпались одно за другим. Ататюрк отказывался от исламских традиций и османского наследия. Туркам следовало обзавестись фамилиями, надеть европейский костюм, жить по григорианскому календарю и европейской системе летоисчисления^[93], прекратить называть друг друга пашами, беями и эфенди. Новое право создавалось на основе европейского. Студенты юридического факультета Стамбульского университета шутили: «Турецкий гражданин – это человек, который женится по швейцарскому гражданскому праву, осуждается по итальянскому уголовному кодексу, судится по германскому процессуальному кодексу, этим человеком управляют на основе французского административного права, а хоронят его по канонам ислама». В стране появился первый публичный банк – «Türkiye İş Bankası»; его центральный офис открылся в Стамбуле – но 13 октября 1923 года столица переместилась в Анкару.

Лишение Стамбула статуса главного города Турции обидело стамбульцев – тем более что Анкара была захолустьем. В декабре 1923 года The Times с издевкой писала, что в новой турецкой столице жить неудобно – министерство иностранных дел, например, работает в маленьком домике, к забору которого привязан осел, а развлечения и изящные искусства сводятся к распитию анисовой водки и игре духового оркестра. Но Гитлер одобрял решение Ататюрка – что нацисты, что кемалисты воспринимали Стамбул как средоточие всего самого дурного и порочного. Фюрер сравнивал город на берегах Босфора с Веной эпохи Габсбургов, где прошла его безрадостная молодость.

Перенос столицы в Анкару был необходим, дабы избавиться от султанских чиновников, погрязших в коррупции, порвать с османскими традициями и положить конец мусульманской ортодоксии. Многие мечети Стамбула переоборудовали в концертные залы, Айя-Софию превратили в музей. В парке Гюльхане (дворцовом парке Топкапы) установили первый в Турции памятник Ататюрку – его изваял в 1926 году австрийский скульптор Генрих Криппель.

«Он [Гази] самый бесстрашный в новейшей истории борец с предрассудками», – с восхищением писал Генри Мортон. Однако в самой Турции вестернизация нередко порождала агрессию. В 1926 году за неисполнение закона об одежде был казнен первый человек – стамбульский улем Искилипли Мехмед Атиф Ходжа, не пожелавший облачиться в европейское платье. Вообще модернизационные преобразования Ататюрка достойны отдельной книги, но одна реформа – реформа турецкого языка – является ключевой и самой сложной.

Не секрет, что язык одновременно определяет и отражает сознание – как отдельного человека, так и народа. В османском Стамбуле владение несколькими языками никого не удивляло – так, знание французского давало преимущества на рынке труда. В городе издавались романы на армяно-турецком языке. Приезжие караманлы (православные турки из Анатолии) писали по-турецки греческими буквами. В одной и той же газете статьи печатались на разных языках. Стамбульский лингвист Хаджибей Заде Ахмед Мухтар выпустил самоучитель «Как научиться читать по-армянски за 4 дня для османоговорящих» (1892). Все это являло собой примеры гибридизации языков.

Такая богатая лингвистическая палитра не вписывалась в концепцию национального государства. Ататюрк решил изменить османский (арабский) алфавит на латиницу – вплоть до того, что в 1932 году были

запрещены азаны на арабском. Вместо них появились азаны на турецком. (Запрет снял в 1950 году премьер-министр Аднан Мендерес. Стамбульцы пришли в такой восторг, что в первый день после отмены запрета муэдзин Голубой мечети повторил вечерний призыв к молитве семь раз.) Коран также был переведен с арабского языка на турецкий. По просьбе Ататюрка это сделал Эльмалы Мухаммед Хамди Языр – стамбульский богослов, каллиграф и преподаватель медресе при мечети Баязид.

По утверждениям кемалистов, Порта была безграмотной – но империя славилась своей бюрократией. Количество чиновников исчислялось сотнями тысяч, и все они были грамотными. В 1908–1914 годах в османской столице ежедневно продавалось более 100 тыс. экземпляров газет, хотя в 1928 году в Стамбуле и Анкаре эта цифра составила лишь 19 700 – причем вместо нескольких сотен османских изданий выпускались всего три правительственные газеты. Таким образом, реформа языка была продиктована политическими причинами.

Мустафа Кемаль привлек к созданию нового алфавита лучших турецких лингвистов – их возглавил армянин Акоп Мартаян. Выпускник престижного стамбульского Роберт-колледжа, Мартаян владел 15 языками (помимо турецкого и армянского). В 1923 году он по поручению Гази взялся перевести османский язык (османлыджа) с арабицы на латиницу.

В 1934 году после принятия закона о фамилиях (в Порте их не было) Мустафа Кемаль распорядился дать фамилии государственным деятелям, и Мартаян придумал фамилию для президента: «Atatürk» («Отец турок»). Меджлис законодательно запретил брать ее кому-либо еще – запрет действует поныне и не подлежит отмене. Гази в знак особого расположения нарек Мартаяна Дилачаром (тур. dilaçar – открыватель

языка). У лингвиста уже была армянская фамилия, и после получения второй он подписывался как Мартаян-Дилачар. В почетном прозвище, данном ему лично «отцом турок», кроется печальная ирония: турецкий алфавит создал армянин.

Османская цивилизация исчезала. По замечанию Памука, вместе с империей ушли в былое суфийский мистицизм, дервишские обители и умение читать книги, написанные арабскими буквами, – ибо после реформы алфавита старая утонченная культура должна была отмереть. Целые ее пласты отслаивались от повседневности – подобно тому, как с днища и боков лодки соскребают водоросли и ракушки, дабы она могла продолжить плавание.

Вместе с тем, искореняя османское наследие, Ататюрк сам превратился в султана. Обладая непререкаемым авторитетом, он сконцентрировал в своих руках абсолютную власть, а культ его личности не идет ни в какое сравнение с культом личности самых выдающихся падишахов. Сегодня в Турции официально три национальных героя: Мехмед II Фатих, Сулейман I Великолепный и Мустафа Кемаль Ататюрк.

Османская империя продолжает жить: в слове «эфенди» – обращении к мужчинам старшего возраста, в султанских мечетях, традиционных блюдах и старых песнях. Достаточно взглянуть на карту Стамбула – мосты Мехмеда Фатиха и Селима Явуза, улицы, названные в честь пашей и дервишей, и прочие топографические особенности мегаполиса не позволяют забыть его прошлое. Вы прилетаете в Стамбул, покупаете лиры с изображением Ататюрка, въезжаете на бульвар Ататюрка с моста Ататюрка, а на площади Таксим видите памятник Ататюрку. Но куда вы направляетесь потом? Правильно – в Айя-Софию и Султанахмет, в Румелихисари и Топкапы. Проплывая по Босфору, вы любуетесь примерно теми же пейзажами,

что и Абдул-Азиз, Абдул-Хамид II и Мехмед VI. Высокая Порта оказалась живучее тех, кто хотел стереть всякую память о ней, – и в этом она похожа на погибшую, но бессмертную Византию. Ничто не исчезает бесследно – и, быть может, поэтому Мустафа Кемаль Ататюрк покоится в величественном мавзолее, напоминающем султанское тюрбе.

Глава 17

Город женщин

Стамбульская ханум может всё, даже быть счастливой.

Курбан Саид

Вестернизация не смогла окончательно уничтожить османскую культуру, но Турция преобразилась до неузнаваемости. Одной из наиболее дискуссионных реформ Мустафы Кемалю стало провозглашение равноправия полов – для современников Гази оно обернулось настоящим шоком.

В предыдущих главах речь шла преимущественно о мужчинах. Они управляли государством и принимали законы, воевали и торговали, разрушали и строили. О женщинах говорилось мало. Обычно галерея константинопольских и стамбульских дам ограничивается портретами Феодоры (жены Юстиниана I), Хюррем (супруги Сулеймана I) и пары-тройки других султанских жен и наложниц (например, Кёсем). Европейцы и американцы считали восточных женщин либо роскошными одалисками, либо бесправными существами, вынужденными тоскливо взирать на окружающий мир из-под чадры.

Константинополь унаследовал отношение к женщинам, характерное для античности. Их выдавали замуж в 12-13 лет – причем особая одаренность девочки могла привести к более раннему браку: так, святая IX века Феодора Фессалоникийская была обручена уже в 7 лет. В византийском обществе царил патриархат – женщинам предписывалось мало есть и тихо говорить, им не следовало громко смеяться, пить

вино и сидеть за столом с мужчинами. Порицание вызывала любая часть женского тела, случайно показавшаяся из-под длинных одежд, – например, локоть или лодыжка. На заре XV века константинопольский монах Иосиф Вриенний в трактате «О причинах наших несчастий» относил к этим причинам новомодную привычку горожанок спать обнаженными.

В Восточной Римской империи сформировался идеал византийской женщины – скромной и благочестивой хранительницы семейного очага, которая воспитывает детей в страхе Божьем, читает душеспасительную литературу, а также безоговорочно подчиняется сперва отцу, а потом – супругу. Византийцы отделили мир мужчин от мира женщин, ибо полагали, что их смешение ведет к блуду, – даже императриц, в отличие от василевсов, короновали не в соборе Святой Софии, а во дворце.^[94] Дома византийцев, подобно домам древних греков и римлян, состояли из двух частей – андрона (мужской) и гинекея (женской); позже мусульмане переняли этот опыт и разделили свои жилища на селямлик и гарем. В гинекеях женщины встречались с подругами, сплетничали и занимались рукоделием. Умение шить и ткать считалось необходимым для всех жительниц византийской столицы, включая знатных матрон. Гинекеи Константинополя славились шелком и парчой вплоть до X века.

Согласно городским хроникам, византийки проводили в гинекеях почти всю жизнь. Выход из покоев воспринимался как экстраординарный и предосудительный поступок. Описывая константинопольское землетрясение 1064 года, историк Михаил Атталиат упоминает женщин, забывших стыд и выбежавших на открытое место.

Отношение византийцев к интимной сфере отличалось религиозностью и лицемерием. Женщина считалась ответственной за греховное желание, которое возбуждала в мужчине. Монахиням надлежало носить бесформенную одежду, дабы лишней раз не привлекать внимание к порочному и потому отвергаемому телу. До XII века на берегах Босфора не существовало эротического искусства. Предметом выражения чувств являлось исключительно отношение аскета к Богу – что предполагало полный отказ от сексуальности.

На протяжении столетий константинопольцы рассказывали реальные и выдуманные истории о супругах, добровольно отказавшихся от любовных утех и умерщвлявших плоть. В их числе была Мелания Младшая (Римская) – христианская святая III–IV веков, олицетворявшая аскетический идеал византийской женщины. Внучка святой Мелании Старшей, она была подругой выдающихся богословов, Отцов Церкви – Аврелия Августина и Иеронима Стридонского. Пресвитер^[95] Геронтий – ученик Мелании – восхваляет «решительное ее отречение от всего житейского, и жаркое, как пламя, о православной вере ревнование, и благотворение ее непревзойденное» – а также кротость, благоразумие и смиренномудрие своей наставницы. Мелания все время постилась, молилась и никогда не мылась. Она носила простую одежду и спала на земле на тонкой подстилке, которая кишела огромными червями.

Другой знаменитой подвижницей была диаконисса Олимпиада (368–408). Дочь сенатора и известная столичная красавица, она воспротивилась желанию василевса Феодосия I выдать ее замуж за императорского родственника. Олимпиада хранила невинность и дружила с двумя архиепископами

Константинопольскими – Иоанном Златоустом и Григорием Богословом (последний адресовал девушке «Советы», исполненные отеческой заботы). «Не золото, перемешанное с драгоценными камнями, служит украшением женщинам, Олимпиада, – писал Григорий. – Добрые нравы – лучший цвет в женщине, которая имеет прочную, неизменяемую и достойную прославления красоту».

Отношения Олимпиады с Иоанном Златоустом вызывают споры теологов. По мнению некоторых, дружба архиепископа и диаконессы постепенно переросла в нечто большее – так, однажды во время службы в Святой Софии Иоанн внезапно воскликнул: «Погибаю, схожу с ума от любви!» Впрочем, средневековые авторы всеми силами старались убедить читателей, что между святыми не существовало ни платонической привязанности, ни тем более физической страсти. По свидетельствам современников, добродетельная Олимпиада даже не ходила в баню, ибо «сама себя стыдилась, не хотела зреть наготы своего тела, а когда нужно было вымыться, то она входила в одной рубашке в сосуд, наполненный теплой водой, и мылась в том сосуде, не снимая ее».

Подчиненное положение византичек не мешало им вести активную общественную жизнь – в частности, муж имел право развестись с женой, если она часто посещала театры. Представительницы прекрасного пола торговали на базарах Константинополя, работали в ткацких мастерских и выступали в цирке. Они прелюбодействовали и строили козни, подавали в суд на расточительных супругов, самостоятельно распоряжались приданым, занимались коммерцией и политикой, покровительствовали наукам и искусствам – а нередко и вершили судьбы государства. Константинополь не испытывал недостатка в образованных и предприимчивых женщинах –

философах, писательницах, ростовщицах, меценатках. Изолированность женщин в исторических источниках отражает не истинную ситуацию, но идеальное представление о ней мужчин.

Особое внимание следует уделить статусу византийских императриц. Законодательство не содержало указаний относительно их происхождения, поэтому василевсы могли заключать браки даже с женщинами из низших сословий. Хрестоматийный пример – Феодора, супруга Юстиниана, бывшая актриса и блудница. Владелец культового стамбульского ресторана «Taşhan Arkat» на улице Фетхи-бея (ильче Фатих) утверждает, что в здании, где находится его заведение, в византийскую эпоху был бордель, в котором работала Феодора.

Несмотря на темное прошлое, жена Юстиниана стала одной из наиболее известных и выдающихся правительниц Восточной Римской империи: чего стоит хотя бы инспирированное ею подавление восстания «Ника» – крупнейшего в истории Константинополя. Анна Комнина сообщает, что Алексей I Комнин ничего не предпринимал без совета своей матери Анны Далассины – василевс посвящал ее в свои замыслы и привлекал к управлению государством.

По утверждению французского византиниста Альфреда Рамбо, царственные женщины Византии играли уникальную политическую роль – особенно по сравнению с другими государствами Средневековья. Их влияние не ограничивалось служанками и евнухами – и простиралось далеко за пределы дворцовых покоев. Истории императриц вобрали в себя все краски и оттенки бурной столичной жизни. В этом отношении примечательна судьба Зои Порфирородной – по словам Шарля Диля, она, несомненно, является одной из самых пикантных, какие только сохранились в византийских летописях.

Зоя была дочерью Константина VIII и племянницей Василия II Болгаробойцы. Она увлекалась изготовлением косметики, тщательно ухаживала за собой – и, по свидетельству Михаила Пселла, даже в преклонном возрасте «цвела юной красотой». Несмотря на богатое приданое и привлекательную внешность, личная жизнь принцессы не складывалась. Император Священной Римской империи Оттон III, с которым она была обручена, умер в 1002 году. Зоя, выехавшая в Италию для бракосочетания, вернулась в Константинополь. Константин VIII не спешил устраивать семейное счастье дочери, и новое предложение последовало лишь спустя четверть века. В 1027 году руки Зои попросил правитель Священной Римской империи Конрад II для своего 10-летнего сына Генриха (будущего императора Генриха III Черного), но василевс ему отказал.

Константин VIII не заботился о престоле. Он так и не обзавелся сыном, а его незамужние дочери не имели детей. Старшая сестра Зои, Евдокия, стала монахиней; младшая, Феодора, не желала вступать в политически обусловленный брак. Македонская династия угасала, и последние надежды на ее сохранение были связаны с Зоей, которой на тот момент исполнилось 50 лет. В ноябре 1028 года, будучи при смерти, Константин VIII наконец-то решил найти мужа для средней дочери. Выбор пал на Романа Агрира – 60-летнего столичного префекта. Его супруга Елена под угрозой ослепления постриглась в монахини, что позволило Роману заключить брак с Зоей. Свадьба состоялась 12 ноября 1028 года – и уже 15 ноября Константин VIII скончался. Бывший префект Константинополя взошел на византийский престол как Роман III Агир.

Несмотря на возраст, Роман загорелся идеей основать собственную династию и обратился к врачам.

Следуя их советам, император принимал различные снадобья, а императрица, по словам Пселла, «старалась и того больше»: она совершала магические обряды, обвешивалась амулетами и вообще «носила всякую чепуху на теле». Впрочем, целебные средства не принесли результата – Роману и Зое так и не удалось стать родителями. Разочарованный Агрир всецело отдался государственным делам. Английский историк Линда Гарланд отмечает, что он хотел показать себя одновременно великим администратором, полководцем и строителем, но ни в чем не добился успехов. Зоя же опустошала казну, считая это занятие «неотъемлемым правом багрянородной принцессы».

Отсутствие детей испортило отношения между супругами: Роман охладел к жене и ограничил расходы на ее содержание. Оскорбленная Зоя выместила гнев на младшей сестре: Феодору заточили в Петрийский монастырь Константинополя. После этого императрица решила провести остаток жизни в любовных утехах, за что враги прозвали ее «безумной нимфоманкой». Фавориты не задерживались в царственных покоях: распорядителя придворных церемоний Константина Артоклина сменил Константин из аристократического рода Мономахов, а Константин – юный красавец Михаил, брат императорского евнуха Иоанна Орфанотрофа.

Михаил стал первым серьезным увлечением императрицы, и Зоя не скрывала связи с ним. Слуги нередко заставляли влюбленных в постели. Молодой человек смущался, но Зоя не считала нужным сдерживаться: она целовала юношу и хвасталась, что уже не раз вкушала наслаждение с ним. Порфирородная сажала Михаила на трон, вручала ему скипетр и надевала на голову корону – т. е. при живом мужевасилевсе передавала любовнику символы государственной власти. Однажды эту сцену увидел

старый евнух – и Зоя приказала ему служить Михаилу как императору, заявив, что он и есть будущий правитель.

О романе императрицы шептался весь Большой дворец, но Роман ничего не предпринимал. Его равнодушие объяснялось болезнью – в «Хронографии» описывается ужасный внешний вид монарха, который «мало чем отличался от мертвого». По Константинополю ходили слухи, что василевса отравили: Зоя и Михаил якобы подсыпали ему яд в блюда и напитки. 11 апреля 1034 года Роман III утонул в бане – и народная молва возложила вину за смерть василевса на императрицу и ее любовника.

После того, как Роман отошел в мир иной, его вдова действовала молниеносно. Она облачила Михаила в монаршие одежды, усадила на престол рядом с собой и собственноручно возложила ему на голову корону – нарушив вековую традицию, по которой василевс коронует супругу. В Большой дворец прибыл патриарх Константинопольский Алексей Студит, который получил щедрое вознаграждение и благословил брак 56-летней императрицы и ее 24-летнего избранника. Спустя несколько часов сенат признал юношу новым василевсом – Михаилом IV Пафлагоном.

Зоя чувствовала себя на вершине блаженства: ее первый муж Роман III Агрив дорого заплатил за проявленное к ней неуважение, а второй, обожаемый Михаил, исполнял все желания императрицы. Но счастье длилось недолго: Пафлагон запретил стареющей супруге покидать гинекей и отправил в ссылку ее прежних фаворитов, включая Константина Мономаха. Императрица оказалась отрезана от мира. Вместо евнухов и придворных дам ее окружали многочисленные родственники Михаила, который явно избегал собственную жену.

Впрочем, у василевса было оправдание: он страдал от эпилепсии и водянки. Священники рекомендовали Пафлагону беречь силы и воздерживаться от «законных сношений с супругой». В Византии опять назревал династический кризис. Иоанн Орфанотроф убедил Зою усыновить молодого племянника своего мужа, которого тоже звали Михаил. Самочувствие василевса ухудшалось: в декабре 1041 года он уже не мог ходить и приказал перенести его в Космидион (монастырь Святых Космы и Дамиана), известный чудесами исцеления.

Братья-врачи Косма и Дамиан в III веке приняли мученическую смерть в Риме. По легенде, они спасли Юстиниана I – Прокопий Кесарийский пишет, что святые явились к смертельно больному василевсу в видении и, вопреки медицинским прогнозам, «поставили его на ноги». В знак благодарности Юстиниан перестроил старый храм, посвященный Косме и Дамиану (судя по всему, он располагался на территории нынешнего Эйюпа). С тех пор византийцы, страдавшие от тяжелых недугов, стремились в Космидион, надеясь вылечиться.

Прибыв в Космидион, Михаил решился на крайние меры и принял монашеский постриг. Пселл сообщает, что Порфирородная, узнав об этом, пешком отправилась к мужу – однако он, «то ли стыдясь всего доставленного ей зла, то ли памятуя о Боге, а о жене забыв», – не пустил ее к себе.

Святые не помогли василевсу: 10 декабря 1041 года Михаил IV Пафлагон умер. Братья покойного – Иоанн Орфанотроф и Константин – уговорили императрицу возвести на престол усыновленного ею Михаила – они обещали, что юноша будет марионеткой и никогда не посягнет на самодержавную власть Порфирородной. Зоя нашла их доводы убедительными и «убаюкала увещеваниями» взволнованных константинопольцев.

Племянник Палфагона венчался на царство как Михаил V Калафат.

Слово «калафат» в переводе с греческого означает «конопатчик». Отец Михаила смолил корабли, дабы те плавали как можно дольше и не гнили от морской воды и соли. Плавание же Михаила в волнах большой политики оказалось очень коротким – за четыре месяца он умудрился настроить против себя весь Константинополь, начиная с приемной матери. Племянник напоминал своего почившего в бозе дядю: сперва он выказывал Зое почтение, но вскоре запер императрицу в гинекее и урезал денежные средства на ее содержание.

Василевс жаждал преобразований, но ему противостояли придворные, для которых Зоя – даже запертая в гинекее – все равно была символом незыблемости режима. Тогда Михаил понял, что императрицу необходимо удалить из Константинополя. По приказу Калафата в ночь с 18 на 19 апреля 1042 года Зою обвинили в заговоре и выслали на остров Бюйюкада (тогда он назывался Принкипо), где насильно постригли в монахини. Как только слухи об этом поползли по Константинополю, в городе вспыхнул мятеж.

К разгневанной толпе присоединились даже женщины, покинувшие свои гинекеи. В «Хронографии» говорится, что народ, собрав «изрядное войско», двинулся к Большому дворцу, – и василевс испугался. Он велел доставить Зою в Константинополь – но горожане, увидев свою владычицу в монашеском одеянии, расшвыряли ее еще больше. Тем временем придворные вспомнили о Феодоре, сосланной в Петрийский монастырь: они опасались, что Зоя простит Михаила. Феодору привезли в Святую Софию, где патриарх Алексей Студит провозгласил ее императрицей.

Бунт близился к завершению. Толпа штурмом взяла дворец. Калафата ослепили и изгнали из Константинополя. Сенат, собравшийся на экстренное заседание, не мог решить, какую из сестер оставить на троне. После долгих уговоров Зоя согласилась разделить власть с Феодорой.

Совместное правление сестер оказалось неэффективным. Они раздали своим сторонникам богатые подарки, провели ряд реформ и сместили чиновников, назначенных Михаилом V Калафатом – но Зоя продолжала тратить деньги из казны на удовлетворение собственных прихотей. По замечанию Шарля Дилля, сестры своей безумной щедростью, пустым тщеславием, нелепыми капризами и посредственностью ума уготовили гибель огромной державе.

Византийская армия слабела, финансовые дела запутывались – и тогда императрица решила в третий раз выйти замуж, дабы ее супруг, взойдя на престол, занялся государственными проблемами. Зоя очутилась на распутье: она боялась новых людей, а ее бывшие любовники умерли или находились далеко от Константинополя. Наконец, Порфирородная вспомнила о своем давнишнем фаворите Константине Мономахе, который томился в ссылке на острове Лесбос с тех пор, как был отправлен туда Михаилом IV Пафлагоном.

11 июня 1042 года Константин торжественно въехал в столицу и женился на Зое – той уже исполнилось 64 года. Церковь не одобряла этот брак – третий по счету для обоих супругов – поэтому вместо патриарха венчание провел пресвитер Святой Софии. Церемония прошла в церкви Неа Экклесиа, которую в IX веке возвел предок Зои, основатель Македонской династии Василий I Македонянин.

Храм стоял перед Ипподромом, и в X–XI веках в его стенах разворачивались события, определившие судьбу потомков Василия I. Так, в 907 году патриарх Николай

Мистик не позволил Льву VI, вступившему в четвертый брак, войти в Неа Экклесиа – современники восприняли это как отлучение василевса от церкви. В 963 году в соборе состоялось венчание Никифора II Фоки и вдовствующей императрицы Феофано, которая своим низким происхождением и скандальной известностью немногим уступала Феодоре (супруге Юстиниана I). Менее чем через век в Неа Экклесиа Стип благословил союз Константина и Зои. По окончании церемонии Зоя заявила, что данный брак претит ей и заключен сугубо в интересах государства. На следующий день избранник Порфирородной был коронован и наречен Константином IX Мономахом.

Будущий василевс приехал в Константинополь не один – его сопровождала некая Мария Склирена. Она любила Мономаха, последовала за ним на Лесбос и надеялась, что когда-нибудь Константин женится на ней. Новоиспеченный монарх уговорил свою пожилую супругу разрешить Марии поселиться во дворце. Вскоре Зоя по просьбе Константина даровала любовнице мужа титул севасты^[96] – с тех пор придворные именовали Склирену госпожой и царицей. Зоя спокойно реагировала на измены супруга – ибо, по словам Пселла, «не осталось ревности в женщине, измученной многими бедами». У Константина и Марии родилась дочь Мономахиня – будущая мать князя Владимира Мономаха.

Для знати Зоя, Феодора и Мария представлялись единым целым, но народ не упускал случая выразить недовольство севастой. Самый яркий эпизод имел место 9 марта 1043 года, когда константинопольцы высыпали на улицы с криками: «Не хотим Склирену царицей, да не примут из-за нее смерть матушки наши Зоя и Феодора!» Горожане успокоились лишь после того, как обе императрицы показались на балконе Большого

дворца. Вероятно, в тот день сестры спасли Константина от расправы. Государь не осознавал нависшей над ним угрозы: в 1045 году Мария умерла, и он завел новую любовницу.

Зоя отошла в мир иной спустя пять лет после смерти Марии. По свидетельству Пселла, она сделалась нетверда рассудком и потеряла всякое представление о делах. В последние годы Порфирородная была крайне вспыльчива и за малейший проступок приказывала ослепить виновного. Власть ускользала из старческих рук Зои, но она не замечала этого или не желала замечать – благо, Константин Мономах потворствовал любым ее увлечениям. Василевс понимал, что императрица может в любой момент прогневаться на него, и потому старался всячески ей угодить – он даже распорядился поместить эмалевое изображение Зои на своей золотой короне.

Константинополь переживал последнюю агонию императрицы – но незадолго до смерти она изменилась. Теперь Зоя проявляла крайнюю набожность, беспрестанно молилась и щедро раздавала милостыню. В июне 1050 года Порфирородная скончалась в возрасте 72 лет. Константин устроил супруге пышные похороны и вознамерился причислить ее к лику святых – однако любовные похождения жены не позволили ему осуществить канонизацию. Могилу Зои в церкви Христа Антифонита разграбили при Алексее I Комнине – василевс приказал изъять оттуда драгоценности для пополнения казны. Даже после смерти Зои мужчины продолжали пользоваться ее несметными богатствами.

Историки оценивают правление Зои по-разному, но сходятся в одном: она была гораздо сильнее мужчин, которые ее окружали. Для константинопольцев Порфирородная была самодержавной госпожой, имевшей высшее право на любые причуды. Память об этой властной, сумасбродной и любвеобильной

женщине сохранилась благодаря придворному летописцу Михаилу Пселлу и его преемникам – Иоанну Скилице и Константину Манассии, творившим уже в эпоху Комнинов.

Рукописи, как известно, не горят, но свидетельства о Зое присутствуют не только на бумаге. В Айя-Софии есть мозаика, на которой царица и ее последний супруг стоят возле Иисуса. Первоначально на мозаике Порфирородная изображалась вместе с Михаилом IV Пафлагоном, но после изгнания Зои из Константинополя в 1042 году Михаил V Калафат велел уничтожить ее изображение. Вернувшись в столицу и обвенчавшись с Константином IX, императрица приказала восстановить мозаику и заменить образ Пафлагона образом Мономаха. Мастера переделали голову василевса, оставив на изображении прежнее тело. Лик Христа также был восстановлен – по слухам, Зоя потребовала от мозаичиста, чтобы Спаситель взирал на нее, а не на императора.

История Зои Порфирородной, полная романтических приключений, представлялась фантастической большинству константинопольских (а затем и стамбульских) женщин. Ислам разрешает мужчине иметь четырех жен и неограниченное число наложниц – этим объясняется наличие гаремов у султанов и вельмож Порты.

Османы тщательно оберегали своих женщин. «Европейцы совсем не умеют себя вести, – возмущается турчанка в романе Курбана Саида “Девушка из Золотого Рога”. – С незнакомой женщиной не подобает вести разговоров о любви и рассматривать ее такими жадными глазами». Во многих турецких семьях сохранились машрабии – изящные деревянные ширмы. Они отделяли мужскую половину дома от женской, а также устанавливались на окна и балконы. Платки и длинные одежды, скрывавшие лицо и тело, отдельный

вход в мечеть и прочие способы дифференциации мужского и женского мира имели целью защитить женщин от посягательств чужих мужчин. С этой задачей, наряду с замками и оконными решетками, хорошо справлялись евнухи.

Западные путешественники любили рассказывать о женщинах Стамбула. Европейцы отмечали их таинственность и недоступность, окутывали их романтическим ореолом, словно ревнивые мужья – паранджой, и видели колдовское очарование в каждом их жесте и взгляде. Нерваль вспоминает ехидную реплику Карагёза о том, что стамбульские женщины все равно посягают на целомудрие порядочных мужчин – с помощью нежного голоса и пламенных взоров в прорезях кисейной маски. Пьер Лоти в романах «Азиаде» и «Расставание» поведал читателям о своей любви к черкешенке Азиаде – одалиске из гарема стамбульского бея, которая сразила писателя, лишь взглянув на него, – и ее большие глаза были зелеными, «как зеленое море, воспетое поэтами Востока».

Впрочем, не все иностранцы были столь впечатлительными, как Пьер Лоти. Теофиль Готье задается вопросом: как влюбиться в красавицу, увиденную мельком, если между вами стоит непреодолимой стеной сам уклад жизни? Глава книги Готье «Путешествие на Восток», посвященная женщинам, открывается историей, которая вдребезги разбивает надежды европейцев на любовные приключения в Стамбуле. Путешественник встречает на улице старуху – и та проводит его в роскошные покои, где на атласных подушках возлежит прекрасная султанша. В самый пикантный момент возвращается муж. Гость едва успевает выскользнуть через потайную дверцу – если, конечно, дело не обернется для него вооруженной схваткой или утоплением в Босфоре.

Готье описывает едва ли не старейший способ обмана туристов в Стамбуле. Перед наивным путешественником разыгрывался спектакль, для которого требовались старая сводня, местная красotka и уединенный дом. Мужское тщеславие дорисовывало все остальное. Легковерный иностранец видел в продажной женщине наложницу паши, а то и одалиску самого падишаха. Спектакль обычно заканчивался изъятием у одураченного европейца некоторой суммы денег, о чем жертва аферы впоследствии предпочитала умалчивать.

Подобные сомнительные «романы» едва ли можно считать настоящим знакомством со стамбульскими женщинами. Готье рисует картину, типичную для османской столицы: горожанки катаются в экипажах по полю Хайдарпаши и площади Баязид, отдыхают на кладбищах Перы и Скутари, ходят на комедии в Кадыкёй и на представления жонглеров в Саматью, болтают под аркадами мечетей, останавливаются у лавок Бедестана – но всюду их сопровождают подруги, чернокожая служанка, старуха-дуэнья либо евнух. В качестве стражи может выступать и ребенок; когда его нет, женщин оберегает общественная мораль.

Стамбульский журналист Ахмед Расим, живший на рубеже XIX–XX веков, сообщает, что столичная мораль с годами не стала мягче и снисходительнее к человеческим слабостям. Однажды друг Расима на улице говорил с негритяжкой, и его задержал полицейский. В комиссариате юноша несколько часов доказывал, что женщина была его кормилицей.

Несмотря на препятствия, жительницы Стамбула при желании могли обманывать своих родителей и мужей. История города знает немало случаев, когда добропорядочная ханум предавалась запретным удовольствиям за спиной у ничего не подозревающего супруга. Восток – родина разного рода хитростей и

недомолвок, родина селама (языка цветов), с помощью которого женщины общались с возлюбленными и назначали им свидания.

Эвлия Челеби, изучавший родной Стамбул, пишет, что даже обычный носовой платок играл важную роль в сердечных делах. В платки заворачивали сладости и подарки - например, в качестве приглашения на свидание любовнику тайно передавали платок с рахат-лукумом. Красный цвет платка символизировал пылкую страсть, зеленый - намерение нарушить святость супружеских уз, пурпурный - страдание, голубой - обещание встречи и т. д. Если платок рвался и сжигался, это означало: «Я умираю от тоски - гасну и увядаю».

Каждый стамбулец с возрастом постигал изысканный язык любви. Ахмед Расим называет его уникальным культурным достижением исчезнувшей османской цивилизации. Бумаги Расима хранятся в архиве Музея прессы на улице Диван Йолу, недалеко от площади Чемберлиташ; среди них есть дневник журналиста, содержащий немало любопытной информации.

По словам Расима, обучение секретному языку любви занимало не один год. Этот язык, никогда и нигде не описанный, состоял из условных знаков и мимики. Благодаря ему женщина могла вести долгий разговор с помощью определенной символики, выражая свои эмоции. Язык знаков использовался во время прогулок и катания на лодках по Босфору. Манера подбирать складки платья, поворачивать голову, стоять у окна, зажигать спичку или покачивать зонтиком - все эти и другие жесты имели свое истолкование.

Беглые сообщения между влюбленными усиливали страсть и возбуждали воображение. Если волосы ханум под покрывалом были собраны в пучок, это означало, что муж уезжает, если распущены - он скоро вернется.

Подмигивание левым глазом один раз обещало свидание через час, два раза – через два часа, обоими глазами – через полчаса. Если женщина дотрагивалась до щеки закрытым веером – у нее были неприятности; если искоса посматривала на свою сопровождающую – значит, той нельзя доверять. Десятки ужимок указывали на женские мысли и желания. Прибегнув к столь своеобразному языку, стамбульцы высказывали упрек, демонстрировали ревность и даже ссорились. «Сколько поэм, писем и посланий написано этим языком! – восторгается Расим. – В наши дни уже не существует такой изящной литературы».

Стамбулу были свойственны все пороки большого города – неудивительно, что его периодически сотрясали скандалы. От позора не были застрахованы ни чиновники, ни полководцы, ни купцы. Так, в XVI веке в неверности уличили супругу военачальника Малкочоглу Бали-бея. Представ перед кади, ее любовник заявил: «Она дает мне деньги, кормит и покупает красивую одежду» – т. е. впервые в истории Османской империи официально признался, что находится на содержании у женщины.

Другая неприятная история разыгралась в 1577 году: некий Мустафа искал в кварталах Золотого Рога симпатичных юношей и устраивал их в богатые дома под видом женской прислуги. Идея имела успех: ханум охотно принимали на работу мужчин, чья внешность позволяла избегать сплетен. Все закончилось, когда один обманутый супруг застал «служанку» на месте преступления. В итоге молодых людей выслали из Стамбула, а Мустафу казнили.

Измены были очень опасны – по шариату отношения мусульманки с немусульманином караются смертью для них обоих. В Стамбуле самый известный приговор подобного рода датируется 1680 годом. Вдова янычара из Аксарая вступила в связь с торговцем-евреем, соседи

донесли кади – и тот признал обоих виновными. Еврей клялся принять ислам и жениться на любовнице, но поплатился за греховную страсть головой. Вдову забили камнями возле Змеиной колонны на площади Султанахмет. На экзекуции присутствовал султан Мехмед IV, проявивший большой интерес к этому делу.

Жительницы Стамбула распутничали не больше, чем женщины любого другого мегаполиса той эпохи. Статус представительниц прекрасного пола был двойственным: формально они не допускались к общественным делам, но фактически – активно участвовали в социальных, политических, экономических и культурных процессах. «Умная женщина и служит, и повелевает – кто рожден властвовать, тот будет властвовать и под чадрой», – утверждает классик азербайджанской литературы Курбан Саид. Эпоха Женского султаната (1550–1656) являет собой всю полноту власти стамбульских ханум. Они командовали армией, распределяли финансы, ведали кадровыми вопросами и меняли облик османской столицы.

Женщины всегда влияли на своих венценосных мужей и сыновей – но в период Женского султаната это влияние достигло исторического максимума. Венецианец Джованни Моро в 1590 году писал о Сафие: «Его высочество к ней прислушивается и считает ее рассудительной и мудрой». По свидетельству французского дипломата Кристофора Вальера, Кёсем могла делать с Ахмедом I что угодно – она полностью владела сердцем падишаха. Турхан достроила монументальную Новую мечеть в Стамбуле и поставила две крепости у входа в Дарданеллы – причем второй проект принес ей большúю славу.

Гарантией статуса османских женщин являлась собственность. Многие ханум по своему усмотрению приобретали, продавали и сдавали в аренду

недвижимость. Израильский историк Хаим Гербер, исследовавший судебные реестры османов XVII-XVIII веков, утверждает, что женщины выигрывали 77 % судебных разбирательств, в которых принимали участие, - таким образом, они были хорошо осведомлены о своих правах.

Обеспеченные жительницы Стамбула занимались благотворительностью. Более 36 % вакфов Порты возникли в XVI-XVII веках по воле султанских жен и наложниц, супруг шехзаде и пашей, принцесс и богатых вдов. Город на берегах Босфора разросся и приобрел свой нынешний вид благодаря мечетям, больницам, школам и целым районам (например, Аксараю), воздвигнутым при финансовой поддержке женщин. Чиновники и коммерсанты давали своим дочерям хорошее образование. Ахмед-паша - герой романа «Девушка из Золотого Рога» - гордится тем, что его дочь владеет тремя языками: турецким - языком своих предков, арабским - языком Аллаха и персидским - языком любви.

Впрочем, османские женщины априори не могли добиться полного включения в общественную жизнь - и на закате XIX века это привело к зарождению феминизма. На рубеже XIX-XX веков Стамбул, всегда популярный у путешественников, наводнили европейские и американские суфражистки. Одна из них, ирландка Миллс Патрик, принялась протестовать против головных платков, носимых мусульманками. В свободное от протестов время мисс Патрик разъезжала по городу на велосипеде, шокируя местных жителей. Она притягивала к себе образованных девушек из богатых семей, которые стали первыми османскими феминистками.

Подруги Миллс Патрик обсуждали перспективы «женской революции» в Порте и планировали основать собственную партию. Общась между собой в

непринужденной обстановке, они копировали своих отцов и мужей: курили, спорили о политике – и уже само по себе это было революционно. Новые идеи требовали осмысления – и вот уже Халиде Эдип Адывар публикует рассказы и статьи, в которых восхваляет силу и индивидуализм женщин. Фатма Алие Топуз приобретает славу первой женщины-романистки в исламском мире. Муж Топуз – адъютант Абдул-Хамида II – был менее образован, чем она, и запрещал супруге читать книги на иностранных языках.

Стамбул продолжал меняться. Эксцентричная британская феминистка мисс Дженкинс обрезала длинную юбку и, надев под нее шаровары, отправилась на прогулку. В то время шаровары носили крестьянки в глухих деревнях Анатолии, но яркие широкие штаны понравились стамбульским модницам. Они создали «Общество любительниц шароваров» и устраивали демонстрации в защиту этой старинной одежды. Городская пресса развернула масштабную кампанию против женщин в шароварах. Дамы, рискнувшие выйти в свет в таком виде, подвергались насмешкам. После образования республики в 1923 году турчанки стали носить брюки – но журналисты по-прежнему твердили, что это мужская одежда. Во многих турецких фирмах женские брюки до сих пор запрещены – считается, что они отвлекают от работы сотрудников-мужчин.

Внешнеполитическая обстановка также наложила отпечаток на статус османских женщин. Развитию феминизма в Порте способствовали Балканские войны (1912–1913) и Первая мировая война (1914–1918) – однако уже с XIX века жительницы османских городов трудились на заводах, работали учительницами, медсестрами и сиделками. Нехватка рабочей силы требовала вовлечения женщин в экономику, пока мужчины сражались на фронте. Жительницы Стамбула заняли места банковских кассиров, почтовых клерков и

даже дворников; они ухаживали за больными и ранеными, собирали деньги для османской армии и Красного Полумесяца. Именно тогда стамбульские женщины начали отказываться от чадры – тем более что указ 1915 года разрешил им снимать вуаль в рабочие часы. К концу войны многие горожанки перестали закрывать лицо, хотя ношение чадры было обязательным для мусульманок.

Одной из первых турчанок, возненавидевших вуаль и надевших брюки, стала Латифе Ушаклыгиль – супруга Ататюрка. Церемония их бракосочетания была очень современной: новобрачная, вопреки нормам шариата, сама подписала все документы. Первая леди новой Турции отличалась раскованным и независимым поведением – она считала себя равной мужу, коротко стригла волосы, носила наряды с глубоким декольте и являлась олицетворением эмансипации, которую затеял Гази. Кемалисты шутили, что их лидер «женился на идеале» – но тот относился к имиджу супруги крайне серьезно. Латифе должна была стать эталоном прогрессивной турчанки, способной развеять западное представление о Турции как об отсталой «стране гаремов и муэдзинов».

Несмотря на вестернизацию, турки еще не умели развлекаться по-европейски. В октябре 1924 года Ататюрк устроил во дворце Долма-бахче бал, посвященный первой годовщине республики. Большинство собравшихся мужчин были офицерами, и они не решались приглашать женщин на танец. Дамы же смущались и отказывали тем, кто все-таки осмеливался к ним подойти. Президент остановил оркестр и воскликнул: «Друзья, не могу себе представить, что в целом мире найдется хоть одна женщина, способная отказаться от танца с турецким офицером! А теперь – вперед, приглашайте дам!» И сам подал пример.

Впрочем, не все жительницы Стамбула были скромными и апатичными. В 1923 году Незихе Мухиддин попыталась основать Народную женскую партию, которая имела все шансы стать первой партией Турецкой Республики. Ее созданию помешал закон 1909 года, запрещавший женщинам заниматься политикой (кемалисты не успели его отменить).

В 1925 году феминистское движение в Стамбуле пошло на спад. Латифе, казавшаяся идеальной женой для турецкого президента, раздражала мужа все больше. В городе о ней ходили немыслимые сплетни: Латифе якобы постоянно закатывала скандалы, била посуду, была истерична и капризна, а еще – страшна, как темная ночь над Босфором. Восточная ментальность давала о себе знать: невзирая на реформы, Гази не был готов к совместной жизни с эмансипированной женщиной. Спустя два с половиной года брак рухнул: Мустафа Кемаль развелся с Латифе и закрыл феминистские клубы, которые считал ненужными и бесполезными.

После развода экс-супруга президента хранила гробовое молчание об их отношениях и больше не вышла замуж. Она пережила Ататюрка на 37 лет. В 1975 году Латифе тихо умерла в своем доме недалеко от площади Таксим и была похоронена в Шишли. Похороны состоялись без государственных почестей, но гроб накрыли флагом Турецкой Республики. Именно Латифе уговорила Ататюрка предоставить турчанкам избирательное право – прогрессивный президент долго сомневался, стоит ли это делать.

В наши дни среди стамбульских женщин есть высокообразованные и малограмотные, карьеристки и домохозяйки, консервативные мусульманки и атеистки. Есть те, кто олицетворяет извечную женскую силу и мудрость: такие авторитетные ханум, не выпуская

сигареты из рук, управляют махалле – и соседи идут к ним за советом.

Турция дуалистична. Подобно дереву, она тянется к будущему, держась за свои корни, – и в Стамбуле, на границе миров и континентов, эта двойственность ощущается особенно остро. Даже Эмине Эрдоган – супруга Реджепа Тайипа Эрдогана – поддерживающая образ настоящей мусульманской жены, в молодости училась в стамбульской школе искусств и работала в «Ассоциации женщин-идеалисток». Мегаполис на берегах Босфора, словно гигантская губка, жадно впитывает азиатские и европейские веяния. Его женщины с легкостью воспринимают все новое и интересное. Вероятно, благодаря им Стамбул и остается самим собой – шумным, красивым и космополитичным городом.

Глава 18

Сердце Стамбула

Хороший человек познается в торговле.

Османская пословица

Стамбул – это живой организм. Душа города – мечети, его коронарная артерия – Босфор, а сердце – базары. В прошлом Стамбул был одним из конечных пунктов грандиозных торговых маршрутов – пути «из варяг в греки» и Великого шелкового пути. В 2013 году китайский лидер Си Цзиньпин предложил проект по созданию Нового шелкового пути – гигантской транспортной сети в Европе, Азии и Африке. Стамбул станет одной из его главных арен.

История стамбульских базаров неотделима от истории и культуры торговли. Марко Поло начинает «Книгу о разнообразии мира» с рассказа о том, как в 1250 году его отец и дядя привезли в Константинополь товары из Венеции. Склады семьи Поло в Галате были заполнены шелками и пряностями – возможно, без этого капитала, который Марко потратил на путешествия, европейцы позже открыли бы путь в Восточную Азию.

Города Ближнего Востока жили за счет торговли. Слава о местных рынках доходила до самых отдаленных уголков Старого Света. На стамбульских картинах Фаусто Зонаро и Альберто Пасини изображены одни и те же пейзажи: кофейни, мечети и хаммамы – ориентиры для продавцов и покупателей; улицы, по обе стороны которых находятся лавки; и площади, запруженные пестрой толпой. Чем больше было базаров, тем богаче считался город. В Каире в эпоху его расцвета насчитывалось 150 рынков, в Алеппо – 77, в Багдаде и Дамаске – около 50. Крупнейший городской базар именовался «касария», простой рынок – «сук». Слово «базар» образовано от персидского «бозор» (перс. بازار – место для торговли). Славяне заимствовали его через тюркские языки.

Перенос столицы из Рима на Босфор был обусловлен заинтересованностью Константина I в деньгах. Византия была перекрестком торговых путей и караванных дорог. Удачное географическое положение сыграло решающую роль в судьбе города: тут издавна можно было купить товары из любой точки ойкумены: зерно и ткани из Египта, серебро из Испании, бирюзу из Персии, шелк из Китая, парфюмерию и финики из Аравии, специи из Индии – а также слоновую кость, павлиньи перья, меха, ковры, благовония, пурпур, ювелирные изделия, оружие и рабов. Ассортимент экзотических товаров, продававшихся в Стамбуле, был столь широк, что итальянский художник-ориенталист Джулио Розати (1858–1917) создавал жанровые полотна, не посещая Восток. Живописцу привозили сувениры из османской столицы – и он использовал их в своих картинах. Красочные и достоверные работы Розати приобретали дипломаты, коммерсанты и военные, знакомые с Востоком не понаслышке.

Альберто Пасини, соотечественник Розати, живший в Стамбуле с октября 1867 по июнь 1868 года, почти на каждой из 50 картин изображал торговцев рыбой, щербетом и арбузами. Они стали для живописца такой же неотъемлемой частью пейзажа, как деревья и мечети. В 1876 году Абдул-Азиз пригласил Пасини для выполнения нескольких заказов, но поездка была отменена из-за внезапной смерти султана. Больше Пасини не бывал на Востоке. Старому художнику до конца жизни не хватало дыма и запахов Галаты, прогулок по берегам Босфора и мусульманских женщин в ярких костюмах, которых он называл «говорящими цветами».

Живя в османской столице, Пасини не раз видел, как туда приходили караваны и приплывали корабли с товарами. Падишахи активно развивали коммерческую инфраструктуру города: например, Ахмед III закладывал новые верфи, а Абдул-Хамид II строил железные дороги. Стамбул менялся в соответствии с экономическими запросами его жителей и зарубежных купцов. На побережье появились фенеры (маяки). Самый известный – маяк Ахыркапы на мысе Сарайбурну. Прямая, соединяющая его с маяком Кадыкёй Инчибурну в азиатской части города, обозначает южную границу стамбульского порта.

Другим обязательным элементом рыночной инфраструктуры Стамбула были ханы (караван-сараи). Сегодня к старым ханам можно выйти, поднявшись по мощенной булыжником улице Чакмакчилар и пробившись сквозь сутолоку Египетского рынка. У каждого из них есть свое название: Сюмбюллю Хан, Сагыр Хан и др. Расположенные рядом с крупнейшим городским рынком – Гранд-базаром, – ханы редко удостоиваются внимания туристов. Торговля в них велась еще задолго до завоевания Константинополя османами – тогда на месте караван-сараев находились

византийские постоянные дворы. Сегодня стамбульские ханы выполняют те же функции, что и несколько веков назад – здесь продают, покупают, хранят и производят товары. Иногда османы использовали помещения караван-сарая для других нужд: так, в 1567 году в Сагыр Хане была открыта первая в городе типография. Ее основатель, армянин Абгар Дпир, привез шрифты из Венеции, где ранее обучался печатному делу.

В османскую эпоху мастерские при ханах изготавливали оружие и армейское снаряжение. Ремесленники объединялись в цехи – никто не имел права работать вне цеха и производить изделия, не предусмотренные цеховым уставом. Цехи строго контролировали своих членов – вплоть до того, что ткачам предписывалось использовать определенные виды ниток.

Наряду с ремеслами, государство регламентировало торговлю – законы устанавливали количество лавок на каждом рынке, ассортимент и стоимость товаров. Стамбульские купцы и ремесленники с гордостью участвовали в торжественных мероприятиях. Во дворце Топкапы есть павильон парадов – его видит каждый, кто проходит мимо парка Гюльхане по улице Алемдар. Из этого павильона султан наблюдал за праздничными шествиями мастеров и торговцев.

Караван-сарай и прилегающие к ним лавки – это настоящие недра города. Спуститесь от Сулеймание к Эминёню, побродите по средневековым улицам вроде Исметие и Чакмакчилар – и вы услышите постоянный шум, ощутите тесноту и давку. Жители данной части города еще с византийских времен страдают от нехватки свободного места – поэтому старые дома в районе Сулеймание по высоте превосходят любые аналогичные постройки в Турции.

Все ханы Стамбула похожи друг на друга. В караван-сараях обязательно есть внутренний двор с

галереями по периметру и несколькими воротами. При необходимости хан превращался в крепость – ибо даже в городских условиях имущество надо охранять. Готье описывает посещение Йылдыз Хана на улице Бостан – он располагался возле площади Чемберлиташ и напоминал казарму. Каждый жилец имел право держать в конюшне лошадь или верблюда.

Интересно, что сериал «Великолепный век» снимался в караван-сараяе Ташхан на улице Фетхи-бея, недалеко от мечети Лалели. Его построили в XVIII веке над подземной византийской цистерной, напоминающей Еребатан Сарничи. Изначально Ташхан облюбовали кавалеристы (сипахи) – это произошло после того, как им было дозволено заниматься ремеслами и торговлей; тогда караван-сарай назывался Сипахи Хан. Другие названия – Катырджилар Хан и Куручешме Хан – указывают на протекавший тут ручей. Горожане брали из него воду, пока не случилось землетрясение, известное как Малый конец света (1509). С тех пор цистерна и хан пребывали в полуразрушенном состоянии, но в 1986 году стамбулец Кемаль Оджак вложил деньги в их ремонт. Спустя 5 лет в цистерне открылся ресторан «Taşhan Arkat». Под ее древними сводами снимали сцены «Великолепного века», которые по сценарию имели место во дворце Топкапы.

Ханы, маяки и прочие элементы торговой инфраструктуры были призваны обслуживать ее ключевое звено – базары. В Стамбуле они повсюду – и рядом с великолепными мечетями, и в беднейших кварталах. Рынки сообщаются между собой переулками, пассажами и прочими коммерческими артериями. Весь Стамбул – один гигантский базар, где продается абсолютно все – от бублика до антиквариата. Помимо купли-продажи, на суках происходили зрелищные события: например, в 1876 году султан Абдул-Азиз

опроверг слухи о пустой государственной казне, выставив на Рынке специй мешки с золотом.

Одни стамбульские базары работают на месте рыночных площадей Константинополя, другие – безвозвратно исчезли. Так, возле мечети Нуруосмание действовал главный невольничий рынок Порты – Авретбазар (Женский базар), где покупали наложниц для султанского гарема (среди них была и Роксолана – будущая супруга Сулеймана I).

Аврет-базар действовал до середины XVIII века – потом работорговля приобрела скрытный характер, но не угасла. Джейн Эйр – героиня романа Шарлотты Бронте – возмущается: «Сделайте милость – отправляйтесь немедленно на базары Стамбула и употребите деньги, которые вам не удалось здесь истратить, на приобретение рабынь оптом и в розницу» (действие романа происходит в XIX веке). Марк Твен, посетивший османскую столицу в 1867 году, отмечает, что черкесы и грузины по-прежнему продавали своих дочерей – но невольничьи рынки, где девушек осматривали, будто лошадей на ярмарке, прекратили свое существование. Теперь сделки совершались тайно, и цены на «живой товар» были высоки.

Марк Твен в книге «Простаки за границей» передает атмосферу, рыночных улиц и площадей Стамбула, сохранившуюся до наших дней. Здешние лавки – обычные закутки, чуланчики и полуподвальные каморки. Продавцы сидят, скрестив ноги, курят трубки, что-то мастерят и чем-то торгуют. Оборванцы погоняют ослов; носильщики тащат на спине ящики с товаром; разносчики вопят как одержимые, расхваливая свои яства – виноград, горячую кукурузу, тыквенные семечки. Под ногами у снующей толпы безмятежно спят собаки – а в самой толпе бесшумно проплывают стайки турчанок, закутанных с головы до пят в ниспадающие мягкими складками покрывала.

Самые большие стамбульские базары – крытые; они представляют собой настоящие городские кварталы с домами, улицами и магазинами (дукканами). Передняя часть дуккана, соединенная с проходами рынка, испокон веков играет роль торгового павильона – она относится к инфраструктуре сука, и в османскую эпоху с нее не взималась арендная плата. Купец платил только за вторую часть дуккана – небольшой склад, где хранились товары на пару дней. Пространство над всеми магазинами, складами и улицами объединено сводчатым потолком, который защищает от непогоды и обеспечивает безопасность.

Такие торговые кварталы возникали в результате запланированного строительства. Места для них выбирали очень тщательно, проектированием занимались лучшие архитекторы. Прародителями огромных крытых рынков считаются бедестаны – массивные каменные сооружения с железными решетками. На ночь их тяжелые ворота закрывали, а торговцы платили многочисленным сторожам – отсюда возникла пословица: «На бедестане товар не пропадет».

Главным суком Стамбула является Большой базар, Гранд-базар или Капалычарши (тур. karalıçarşı – крытый рынок). Его строительство началось на месте центрального рынка Константинополя в 1453 году при Мехмеде II – поэтому герои романа Павло Загребельного «Роксолана» подъезжают к Гранд-базару – такому же старому, как и сам город, «неистребимому, вечному, бессмертному». Фатих, однако, руководствовался не лирическими мотивами, но практическими соображениями – он хотел упорядочить коммерческую деятельность в столице. Султан приказал воздвигнуть бедестан, возле которого моментально возник базар – он раскинулся от мечети Баязид до Нуруосмание. В центре сука до сих пор стоит Старый бедестан – вокруг

него и разрастался знаменитый стамбульский рынок. Бедестан был закончен к 1460 году – и к тому времени торговля на Капалычарши уже кипела.

В 1545 году Сулейман I распорядился построить второй бедестан, получивший название Сандалового (он также известен как Новый или Малый). На Сандаловый бедестан переместилась торговля тканями и одеждой, а на Старом отныне продавали предметы роскоши и рабов. Оба здания были изолированы друг от друга, но между ними быстро появились своеобразные «улицы» из лавок – они и создали дорогу от одного крытого рынка к другому.

Капалычарши принял свой нынешний облик в начале XVII века – тогда на его территории насчитывалось 67 улиц и общественные места, включая площади, мечети, фонтаны и даже кладбище. Здесь же открылись старейший в Стамбуле ресторан – «Navuzlu» – и первая городская кофейня – «Şark Kahvesi». Оба заведения работают более 500 лет и считаются ровесниками Гранд-базара.

Изначально великий стамбульский рынок представлял собой длинные и широкие коридоры под высокими арками, расписанными цветами и фруктами. Свет проникал в полутемное помещение сквозь отверстия в крыше. По свидетельству французского путешественника XVI века Себастьяна Мориса, Капалычарши напоминает подземный город, «кипящий хлопотливым населением многих тысяч людей, которые шумят, покупают и продают в холодном полусвете сумерек». Зимой стамбульцы заходили на рынок, чтобы спрятаться от ветра, летом – чтобы насладиться прохладой. Именно об этом пишет выдающийся турецкий поэт Орхан Вели (1914–1950):

Закрыв глаза, я слушаю Стамбул —
Прохладу Капалычарши вдыхаю...

У европейцев Капалычарши ассоциировался в первую очередь с беде-станами. В книге Загребельного великий визирь Ибрагим-паша подъезжает к Гранд-базару – и это место представляется читателям в высшей степени загадочным. За узкими улочками, кучами мусора и потоками нечистот прячется целый город. Загребельный изображает рынок как отдельный мир, живущий по своим таинственным законам. Он гудит, словно исполинская морская раковина, ибо звукам некуда вырваться. Для Бедестана нет ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны, ни росы, ни зноя, ни зимы, ни лета – есть только полумрак, блеск, чары, грезы, запахи мускуса от кож, сладковатый дух ковров, пьянящие ароматы ладана, перца, гвоздики, имбиря, смолы, амбры...

Морис рассказывает, что на Бедестане торговали «решительно всем»: благовониями и драгоценностями, тканями и обувью, булатными клинками и старинными рукописями. По свидетельству леди Монтегю, Старый бедестан – это «квартал ювелиров», где от обилия бриллиантов слепило глаза. Британский историк Чарльз Фицрой называет Гранд-базар «городом в миниатюре» и «пещерой Аладдина», полной сокровищ. Парчу и бархат привозили из Бурсы, ковры – из Анатолии и Персии, шелк – из Китая, шали и кашемир – из Индии, кованные изделия – из Боснии и Мосула, меха и янтарь – из северных стран, ловчих птиц – из Московского государства. Из Западной Европы поставляли зеркала, часы, элегантные дамские шляпки и французские духи. Великолепие Гранд-базара увековечено в стамбульской пословице: «Если вы не найдете на Капалычарши нужной вам вещи, значит, в мире ее вообще не существует».

В 1704 году при Ахмеди III на территории Старого бедестана был устроен Базар оружейников, предназначенный для торговли дорогими вещами и антиквариатом – поэтому его прозвали Базаром редкостей. Предание гласит, что в конце XV века Баязид II, озабоченный судьбой городских бедняков, разрешил им продавать на Капалычарши всякий хлам. Вскоре бедняки разбогатели – по слухам, сама Хюррем покупала у них кости гиен, из которых варила любовное зелье, чтобы приворожить Сулеймана I. С тех пор антиквары и старьевщики Гранд-базара каждое утро собирались на общий намаз и добрым словом поминали своего благодетеля Баязида. Эта традиция отчасти сохранилась до наших дней, в османскую эпоху торговцы относились к ней очень трепетно: того, кто уклонялся от молитвы, исключали из гильдии.

На Базаре редкостей запрещалось курить, ибо эта часть бедестана составляла гордость османов. Золото из Египта, алмазы из Голконды, бирюза из Персии и Сингапура, рубины, жемчуг, кораллы, изделия из слоновой кости, изысканные ювелирные украшения вспыхивали в скупых лучах солнца, мерцали и переливались, поражая западных путешественников. «Неисчислимы сокровища, заключенные в Базаре оружейников», – пишет очарованный Готье. Продавцы уверяли, что их дамасские сабли из числа тех, которыми султан Салах ад-Дин на лету разрубал пуховые подушки. На клинках заколдованных мечей были начертаны слова молитвы, на их тупой стороне имелись зарубки – по числу убитых врагов. На стенах висели ятаганы, способные проколоть толстый панцирь, словно лист бумаги. Старинные бердыши, возможно, некогда принадлежали Тамерлану или Чингисхану – и одним махом разбивали шлем и череп противника. Этот «живописно-свирепый арсенал» раскидывался перед взором изумленных покупателей – и весь базар сверкал,

когда луч солнца падал на горы золота, серебра, стали, сапфировых звезд и бриллиантовых лун.

Пожалуй, единственным иностранцем, не поддавшимся очарованию Капалычарши, стал Марк Твен – но даже в его саркастичном описании Гранд-базара можно заметить тщательно скрываемое удивление. Твен называет стамбульский рынок «гигантским ульем», полным жизни, движения, кипучей деятельности, грязи, нищих, ослов, вопящих торговцев и дервишей, где нет лишь одного – «вещи, которая не издавала бы зловония».

Главный сук османского Стамбула был настоящим бизнес-центром, где проходили финансовые операции и аукционы. Инфраструктура Капалычарши включала в себя банки, конторы менял и ростовщиков, а также биржу. Кроме того, до XIX века здесь находилась основная площадка евразийской работорговли – эта часть рынка называлась Ясыр-базар. Армянский путешественник Симеон Лехаци (1584–1639) рассказывает об увиденном им «живом товаре» – мужчинах, женщинах, детях, стариках. Покупатели ощупывали девушек с головы до головы, пытаясь найти язвы, раны и следы болезней. Понравившихся рабынь увозили, навсегда разлучая их с родителями, братьями и сестрами.

Гранд-базар видел многое. Он не раз страдал от пожаров и землетрясений, но неизменно достраивался и расширялся. В 1890 году на его территории размером более 30 га насчитывалось 2 бедестана, 4,5 тыс. лавок, 2 тыс. гостевых комнат для купцов, 19 фонтанов, 13 ханов, 10 медресе и несколько хаммаммов. В 1927 году исторические названия некоторых улиц Капалычарши получили официальное закрепление – так на городской карте появились улица Колпачников (Kalpakçılar Caddesi), улица Кальянщиков (Nargileci Caddesi) и др.

Постепенно Капалычарши превратился в архитектурный комплекс площадью 31 тыс. м², расположенный между двумя имперскими мечетями – Баязид и Нуруосмание, которые дали имена двум главным воротам рынка (всего их 18). Центральные ворота Нуруосмание находятся слева от одноименной мечети и украшены надписью: «Бог милует того, кто посвящает себя торговле».

Подобно бурной реке, Гранд-базар давно выплеснулся за пределы бедестанов и затопил окрестности. В наши дни торговые ряды работают также за исторической территорией рынка. На Капалычарши – в отличие от многих небольших городов – 61 улица. Ежедневно на рынок приходит до полумиллиона человек. В 2014 году Гранд-базар занял первое место в мировом рейтинге самых посещаемых туристических мест (за год его посетили более 91 млн иностранцев – и это не считая турок).

Сегодня Капалычарши является одним из самых интересных публичных объектов в мире – где, к тому же, можно заблудиться. Для удобства продавцов и покупателей он условно разделен на шесть основных частей. Ювелирными украшениями торгуют вдоль улицы Колпачников (Kalpakçılar Caddesi), золотом – на Ювелирном рынке (Kuyumcular Çarşısı), кожаными аксессуарами – на улице Полировщиков (Perdahçılar Caddesi), и т. д. Кроме того, на Гранд-базаре много посуды, текстиля, сувениров – ассортимент товаров поистине огромный, и при желании здесь можно найти практически любую вещь.

Недалеко от ворот Баязид – второго главного входа Капалычарши – находится старейшее учебное заведение Стамбула и Турции – Стамбульский университет, учрежденный Мехмедом II. С университетом связано возникновение рынка Сахафлар

- единственного книжного базара Стамбула. Его история начинается в XV веке, когда возле площади Баязид продавали учебники для студентов. Бумагу доставляли французские купцы; продав ее, они увозили в Европу козью пряжу, из которой делали парики для европейской аристократии. Стамбульские книготорговцы были известны своей скарденностью, поэтому о жадном человеке до сих пор говорят: «Он хуже продавца подержанных книг».

Постепенно Сахафлар приобрел популярность среди столичной интеллигенции. В XIX веке рынок перенесли на нынешнее место - в переулок Сахафлар Бедестени между мечетью Баязид и стенами Гранд-базара. Многие стамбульцы не подозревают о существовании Сахафлара - поэтому он является одним из «секретных» мест города, которое известно ограниченному числу людей. Памук причисляет Сахафлар к достопримечательностям площади Баязид - и с грустью вспоминает, как показывал своей возлюбленной этот старинный рынок, где пожилые продавцы грелись у газовых и электрических печек.

С тех пор многое изменилось - но атмосфера базара остается прежней. Как и несколько веков назад, здесь покупают, продают и обменивают книги, разглядывают географические карты и копии османских миниатюр, перебирают пожелтевшие открытки с видами Стамбула и Босфора. Посещение Сахафлара - еще один шанс убедиться в реальности давно минувших событий, прикоснуться к истории и дотронуться до ее материальных свидетельств.

Вторым по размерам стамбульским базаром после Капалычарши является Мысыр Чаршисы (Misir Çarşısı) - Египетский рынок, или Рынок специй в Эминёню. По легенде, в XVII веке Турхан Хатидже-султан - мать Мехмеда IV - возвела около Новой мечети медресе. Решив проверить, как идут занятия, она прибыла в

медресе и услышала, что ученики сетуют по поводу отсутствия развлечений в Эминёню. Разгневанная Турхан велела разрушить медресе и построить на его месте базар. Строительство велось на пошлины, уплачиваемые каирскими купцами, – они торговали пряностями, и рынок получил название Египетского. По другой версии, на Мысыр Чаршисы продавали индийские специи, которые привозили в Стамбул через Египет: ежегодно в город приходили корабли из Александрии, груженные пряностями.

В отличие от Гранд-базара, на Египетском рынке сложно потеряться – он по форме напоминает букву «L». Здесь лучший в Стамбуле выбор специй, кофе, чая, меда, варенья, масел, благовоний и сыров. Фицрой рассказывает, как местные лавочники рекламировали свой товар: по их словам, хна преображала ногти, мыло творило чудеса с кожей, алоэ наполняло благоуханием кофейные чашки, а пастилки делали поцелуи ароматными.

Египетский базар также включает в себя цветочный и птичий рынки. На берегах Босфора любят певчих птиц – их держат в кофейнях, парикмахерских и прочих заведениях. Оба базара работают не одно столетие и интегрированы в систему городских традиций. В османскую эпоху стамбульцы покупали, например, канарейку и выпускали ее на свободу, дабы облегчить душу или частично искупить грехи. Сегодня на птичьем рынке продают или отдают в добрые руки самую разную живность – от щенков и кроликов до пауков и пиявок.

Мысыр Чаршисы не имеет границы, отделяющей его от Капалычарши: оба базара соединяет рынок Сурури – подобно тому, как Босфор соединяет Мраморное море с Черным. Созданный в 1664 году, Сурури знаменит оливками, сухофруктами, орехами и лукумом – аналогичные лакомства имеются на Рынке специй,

поэтому трудно понять, где заканчивается он и начинается Сурури.

Невозможно рассказать обо всех базарах Стамбула. У этого многоликого города есть всё – на любой вкус и кошелек. Многие товары традиционны для турок – ведь они ежедневно пользуются джезвами, резными шкатулками и прочими аутентичными вещами. Если европеец, американец или азиат курит кальян, сидя на оттоманке и попивая чай из стаканчика-бардака, то он отдыхает в восточном ресторане. Турки же – наряду с другими жителями Ближнего Востока – расслабляются так у себя дома, подобно своим далеким предкам.

Иностранцы охотно увозят с берегов Босфора сувениры, ибо хотят запомнить поездку и сделать подарки друзьям. Базары – это сердце Стамбула – проталкивают товары, будто кровь, в дальние страны. Список оригинальных и полезных предметов отнюдь не ограничивается коврами. Изящные латунные и медные изделия (вазы, рюмки, кофейные сервизы и пр.) надо выбирать на рынке Бапырджилар в районе Баязид. Они продаются на любом городском суке – но теряются среди тканей и сладостей, в то время как на Бапырджиларе лучше всего видна холодная красота металла и его завораживающая османская сила.

За декоративными предметами отправляйтесь на базар мусульманских сувениров у мечети Эйюп Султан, где продается множество симпатичных мелочей – от резных деревянных тростей до игрушек с гербом Османской династии. Оттоманский и левантский антиквариат, православные иконы и русское серебро, привезенные в Стамбул белоэмигрантами, есть в Атласном пассаже на улице Истикляль и на блошиных рынках (Долапдере и Чукурджума в Бейоглу, Ферикей в Шишли и Хорхор в Аксарае). На базаре в Малтепе деньги и вовсе не нужны – посетители обмениваются товарами.

Каждый ориентальный предмет, продающийся на стамбульских базарах, имеет свою историю. Так, туфли с загнутыми носами символизировали высокий статус их обладателя – в них следовало шагать степенно и величаво, дабы не споткнуться. Вельможи «несли себя», вызывая страх и уважение подданных; суета признавалась уделом простолюдинов. Кроме того, обувь имела мягкую подошву и позволяла ступать неслышно – это нравилось придворным интриганам, подслушивающим чужие разговоры. Османы заимствовали туфли у арабов, арабы – у индийских буддистов. По канонам буддизма, нельзя причинять вред живым существам. Загнутые носы раздвигали траву, благодаря чему насекомые успевали скрыться и не быть раздавленными человеком.

Не менее примечателен и другой сувенир – феска, казалось бы, исконно турецкая шапочка. Слово «феска» образовано от названия города Фес. Марокканцы единственные в Северной Африке не покорились Османской империи. На первый взгляд, подчинить Марокко было нетрудно: в отличие от Порты, оно не имело сильной армии – однако магрибинский орех оказался не по зубам даже победоносному Сулейману I. В 1553 году султан вторгся в Марокко, но потерпел досадное поражение. Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением берберов и сефардов, османы отступили – и более не пытались завоевать эти труднодоступные и отдаленные от Стамбула земли. Сегодня марокканцы говорят, что феска – единственное, что удалось взять у них туркам.

Феска – универсальный символ Ближнего Востока, содержащий отсылку к его османскому и византийскому наследию. Этот головной убор, именуемый «римской шапкой», был популярен в Византии еще в период Раннего Средневековья, и мода на него сохранялась в Средиземноморье на протяжении веков. На эту моду не

влияло ни возникновение и исчезновение государственных образований на осколках Рима, ни расцвет и угасание локальных культур.

В Италии эпохи Ренессанса – когда все греческое и римское стало модным, – широкое распространение получил красный фетровый колпак конической формы. В XVIII–XX веках фескообразные головные уборы носили интеллектуалы – в том числе немецкий математик Карл Гаусс и русский философ Алексей Лосев. Шапочку Мастера с буквой «М» Булгаков «срисовал» именно у Лосева.

Итак, главный стереотип, который преследует феску, – ее мнимая «турецкость». Феска стала общеосманским головным убором благодаря Махмуду II. В 1829 году султан издал указ, регламентировавший форму чиновников. Наряду с фесками (вместо тюрбанов) вводились мундиры, брюки и сапоги европейского образца – взамен халатов, шаровар и туфель с загнутыми носами. Сперва Махмуд хотел утвердить в качестве головного убора треуголку, но визири отговорили его, связав треуголку с символикой христианской Троицы. Затем, по легенде, падишаху понравились яркие фески на головах у греков – и он сделал эту шапочку обязательной для госслужащих и офицеров. Так в массовом сознании феска из греческого предмета одежды превратилась в турецкий.

На Востоке головной убор указывал на вероисповедание и статус хозяина. В 1453 году Мехмед II установил правила, по которым османские чиновники должны были выделять своими облачениями, и с тех пор их одеяния не менялись. Вплоть до 1826 года важные сановники носили разноцветные чалмы, а улемы – белоснежные тюрбаны. Каждому придворному полагался тюрбан определенного типа – поэтому, когда тюрбаны запретили и национальным головным убором

объявили феску, старые турки решили, что наступил конец света.

Реакция подданных нисколько не смутила султана. Махмуд II понимал, что между его империей и европейскими державами лежит пропасть. Менталитет и поведение османов настолько отличались от западных аналогов, что Бенджамин Франклин – один из отцов-основателей США – рассуждая о терпимости американцев, писал: «Даже если бы муфтий Константинополя послал к нам миссионера проповедовать магометанство, то у нас он нашел бы кафедру к своим услугам». Планируя реформу одежды, Махмуд стремился ликвидировать хотя бы визуальное различие между просвещенным Западом и «варварским» Востоком, которое в XIX веке мешало европейцам всерьез воспринимать Османскую империю. Феска превратилась в главный символ обновленной Порты.

В 1925 году грянула «шляпная революция», и Ататюрк запретил фески. Реформа Гази подрывала фундамент прежней жизни – ведь головной убор обязателен для мусульман, но не должен иметь полей; иначе мусульманину не удастся коснуться лбом земли во время намаза.

Отсылка к этим событиям содержится в сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Планету маленького принца разглядел в телескоп турецкий астроном. Он объявил о своем открытии на международном конгрессе – но ученый был одет на турецкий лад, и ему никто не поверил. К счастью, турецкий диктатор под страхом смерти обязал подданных облачиться в европейские одежды. Астроном повторил свое сообщение, уже в новом костюме

- и на сей раз его доклад получил всеобщее признание.

В Первую мировую войну Германия снабжала Порту амуницией, и в Стамбул привозили особые штальхельмы (каска) - без загнутых краев, характерных для классической модели. Османы приняли феску лишь потому, что что она не мешала молиться - в Стамбуле даже родилось поверье, будто Аллах может взяться за кисточку фески и поднять правоверного на небо. Шляпа же фактически сводила намаз на нет.

Придя к власти, Ататюрк столкнулся с той же проблемой, что и Махмуд II. Европейские державы не собирались считаться с ослабевшим турецким государством, которому поражение в Первой мировой войне едва не стоило жизни. Османская империя уже не была для европейцев загадочной и экзотичной - она раздражала их самим фактом своего существования.

Иными словами, за феской - популярным турецким сувениром - кроется увлекательная история, изобилующая преданиями и реальными событиями. Аналогичным образом дело обстоит с иными предметами, которые можно привезти из Стамбула, - будь то дорогой ковер или банка маслин.

Благодаря постоянному товарообороту Стамбул интересен как с культурно-исторической, так и с гастрономической точки зрения. На берегах Босфора издавна сочетаются блюда различных национальных кухонь. Кулинария - ничуть не менее волнующая тема, чем тонкости византийской дипломатии, взятие османами Константинополя или гаремные интриги Топкапы.

Глава 19

Гастрономическая карта города

Бойся того, кто говорит: «Не хочу есть!»

Османская пословица

Стамбул сохранил для мира не только античное право, но и гастрономическое мастерство. Мортон предполагает, что изучение древней кулинарии позволило бы отследить происхождение турецкой кухни от византийской. Турецкие кочевники не изобрели ни долму, завернутую в виноградные листья, ни пловы, ни рыбные блюда, ни сладости в меду. Готовить все это турки научились в Константинополе, когда захватили город. На берегах Босфора смешались рецепты, технологии и продукты питания из разных регионов земного шара. Постоянные войны и оживленная торговля обусловили поразительное гастрономическое изобилие, царившее в османской столице. Стамбул впитал кулинарные традиции от Гибралтара до Персии.

Благодаря географическому положению, город редко страдал от плохого снабжения – а если это и случалось, то нехватка продовольствия не превращалась в голод. Мясо в Стамбул привозили из Анатолии и с Балкан, сыр – из Пьяченцы и Ломбардии, печенье и миндаль – из Венеции, апельсины и лимоны – с Хиоса, персики и абрикосы – из Синопа. Вассалы султана выплачивали часть дани натурой: Валахия, Молдавия и Трансильвания присылали мед, компоты и

щербеты, Крым – соль, Египет – овощи, специи, сахар и рис.

Кулинарная история Блистательной Порты и ее столицы – это история обоюдных заимствований и гастрономических обменов с другими странами. В Европу из Османской империи попали кофе и вишня.^[97] Йогурт, издавна популярный в Турции, имеет болгарское происхождение. С оливковым маслом стамбульцы познакомились в 1645 году во время осады Крита, начатой Ибрагимом I. Сало превратилось в символ украинской кухни из-за османских набегов, участившихся в XVI веке. Турки грабили славянские земли, и тогда жители Западной Украины придумали, как уберечь скот – вместо коров и овец они стали разводить свиней, которых мусульмане не употребляли в пищу. Свиное мясо и жир прекрасно хранились, и украинцы заготавливали их в больших количествах. Впоследствии у украинцев осталась любовь к салу.

Круассан обязан своим появлением османской осаде Вены. Войско Мехмеда IV во главе с великим визирем Мерзифонлу Кара Мустафой-пашой прибыла к столице Священной Римской империи 14 июля 1683 года – но город не собирался сдаваться. Кара-Мустафа решил взять Вену измором. Османы приготовились к долгой осаде – они перекрыли венцам пути снабжения и устроили под городскими стенами грандиозный палаточный лагерь. Шатер визиря был самым роскошным – сделанный из шелка и драгоценных ковров, он ничем не уступал правительственной резиденции.

Пока османы разбивали сад перед шатром Кара-Мустафы (!) и лениво обстреливали Вену из легких пушек, горожане валялись с ног от усталости. Запасы продовольствия: осажденные ели ослов, затем – кошек,

собак и крыс. Как всегда, голоду сопутствовали болезни.

Кара-Мустафа не торопился с атакой Вены: по шариату город, взятый штурмом, подлежал трехдневному разграблению, и султану доставались руины. Город же, который сдался, переходил в собственность падишаха нетронутым. Визирь хотел преподнести Мехмеду IV великолепную столицу Габсбургов со всеми ее богатствами. Золотое яблоко Вены лежало совсем близко. Оно дразнило османов – и, казалось, надо лишь протянуть руку и взять заветный плод. Однако на помощь австрийскому императору Леопольду I уже спешили поляки и немцы. Ими командовал Ян III Собеский – один из самых выдающихся полководцев Нового времени.

К осени 1683 года война переместилась под землю. Османы рыли подкопы и закладывали в них бомбы, чтобы взорвать крепостные стены. Австрийцы ожесточенно сопротивлялись.

История имеет обыкновение повторяться. Османы превосходили числом своих врагов, как и в 1453 году, – но под Веной разыгралась драма 390 года. Подобно тому, как гуси, учуяв галлов, разбудили защитников города и спасли Рим, венские пекари ранним утром, стоя у печей, услышали, что турки роют тоннель, – и предупредили солдат. Австрийский гарнизон ворвался в подземелье и перебил саперов. В память о победе над мусульманами венский пекарь Петер Вендлер придумал круассан – булочку в форме полумесяца. Французское слово «croissant» означает «полумесяц».

12 сентября 1683 года армия Яна Собеского ударила по османскому лагерю, и турки бежали до самого Белграда. Они бросили на поле битвы оружие и припасы, включая мешки с кофейными зёрнами, – отсюда и берут начало знаменитые венские кофейни. Из Австрии кофе распространился по всей Европе.

Кофе на Востоке пьют без сахара, но с местными десертами. Их приторность обусловлена тем, что блюда, насыщенные медом или сахарным сиропом, долго не портятся в жарком климате. Десерты традиционно готовили врачи и аптекари – сладостью они маскировали горечь лекарственных средств.

Однако десерты были в первую очередь лакомством и только потом – лекарством. В Стамбуле готовят леденцы акиде шекери (тур. akide şekerî) – одно из старейших блюд османской кухни. Исламский термин «акида» (араб. عقيدة – убеждение) обозначает мусульманское мировоззрение. В османскую эпоху он применялся как синоним веры, преданности и обычая.

Акиде шекери представляли собой элемент торжественной церемонии, во время которой янычарам выдавалось жалованье. «Новые воины» получали его во дворце Топкапы. Султан присовокуплял к деньгам угощение – рис и леденцы. Если «львы ислама» принимали конфеты благосклонно, это значило, что они удовлетворены жалованьем и в ближайшее время не станут бунтовать. Сегодня вкус «янычарских» конфет знаком каждому турку.

Падишахи имели прямое отношение к производству восточных сладостей. Так было и с пахлавой (баклавой) – знаменитым кондитерским изделием из слоеного теста с орехами в сиропе. По словам турецкого историка Нури Джанлы, первые сведения о баклаве датируются XV веком. Делать тонкое тесто для этого блюда османы научились у ассирийцев. В поваренной книге Топкапы сохранилась запись времен Мехмеда II, согласно которой баклаву впервые приготовили для султана в августе 1453 года. Фатиху настолько понравилось изобретение повара, что он велел подавать сладость на каждом празднике.

В Турции баклава считается национальным достоянием. Существует около 100 видов этого деликатеса – их наименования звучат дивной восточной музыкой: «завернутая чалма», «дамский животик», «гнездо соловья». В Стамбуле есть лавки, которые торгуют пахлавой более двух веков. Футболисты «Фенербахче» едят ее перед важными матчами. Лучшая баклава продается в Каракёе, в магазине «Karaköy Güllüoğlu» – его хозяин Надир Гюллюоглу известен как «король пахлавы». По легенде, предки Надира обучались кулинарному искусству у старых мастеров из Дамаска.

В наши дни турки и греки-киприоты борются за право называть баклаву своим национальным десертом. В 2006 году на Кипре раздавали брошюры, в которых утверждалось, что пахлава является греческим блюдом, – и между двумя странами разразился «кондитерский скандал». Турецкий министр юстиции Джемиль Чичек обвинил греков в присвоении авторских прав на пахлаву (!), а глава МИД Абдулла Гюль обещал инициировать обсуждение проблемы баклавы на уровне Евросоюза.

Еще одним исторически значимым десертом является лукум – деликатес из сахара (шакер-лукум) или муки (рахат-лукум) с добавлением крахмала и орехов. Арабское словосочетание «рахат аль-хулкум» (*راحة الحلقوم*) переводится как «удовольствие для неба», более позднее турецкое «рахат-локум» (rahat-lokum) – как «удобный кусочек». Лакомство придумали арабы, но именно османы в конце XVIII века возвели его приготовление в ранг искусства.

Происхождение лукума окутано стамбульскими легендами. Согласно первой, лучшие кулинары Порты соперничали, пытаясь удивить султана необычным блюдом и занять господствующее положение на кухне

Топкапы – так, среди ссор, интриг и поисков идеального рецепта, появился рахат-лукум.

Вторая легенда рассказывает о похотливом султানে, который добивался благосклонности любовниц, присылая им изысканные десерты. Однажды падишах захотел удивить женщин и велел придворному повару приготовить нечто совершенно новое. Изобретательный повар создал рахат-лукум.

Герой третьей легенды – талантливый кулинар Али Мухиддин Хаджи Бекир. В 1777 году он открыл в районе Бахчекапы первый в Турции магазин авторских кондитерских изделий. Ежедневно перед лавкой толпились люди, желавшие попробовать уникальные сладости, – в том числе неведомый доселе лукум. Султан Абдул-Хамид I, попробовав десерты, назначил Хаджи Бекира шекембаши (главным кондитером на дворцовой кухне). Сегодня дело Бекира-эфенди продолжают его потомки. В Стамбуле работают 4 фирменных магазина «Ali Muhiddin Hacı Bekir»: в Бақыркөе, Бейоглу, Фатихе и Кадыкөе.

Четвертая легенда переплетается с третьей – она гласит, что как-то раз Абдул-Хамид I сломал зуб о твердый леденец. Разгневанный падишах вызвал Бекира-эфенди и потребовал сделать мягкие леденцы. Кондитер смешал розовую воду, сахар, крахмал и патоку; потом разрезал застывшую смесь на кусочки, обсыпал их сахарной пудрой – и подал султану. Абдул-Хамид I пришел в восторг – и с тех пор султанский двор постоянно наслаждался оригинальным лакомством. В 1897 году внук шекембаши представил «удовольствие для неба» западной публике на Всемирной выставке в Брюсселе. Европейцы по достоинству оценили восточную сладость – портрет Хаджи Бекира висит в Лувре.

Рассказывая о стамбульских сладостях, нельзя забывать о мороженом – дондурме (тур. dondurma).

Среди десятков видов дондурмы выделяется мараш (тур. maraş) – мороженое, родиной которого в XVIII веке стал одноименный город на юго-востоке Турции (с 1973 года он называется Кахраманмараш). Этот десерт готовится из козьего молока, сахара, мастики и салепа – порошка из корней диких орхидей; по структуре он тягучий и тает гораздо медленнее обычного мороженого. Манмараш очень эластичный, пока не замерзнет, – поэтому дондурму охлаждают, но не замораживают.

В Стамбуле мараш продают с уличных телег со встроенными открытыми емкостями, где мороженое постоянно перемешивают – это тяжелая физическая работа, на которую берут только мужчин. Мороженое на берегах Босфора – это символ лета, ему впору петь оды и слагать о нем стихи. Популярность мараша поставила дикие орхидеи в Турции на грань исчезновения – что в 2003 году привело к законодательному запрету экспорта салепа. Самую известную в Стамбуле дондурму делают в кондитерской «Ali Usta» в Моде (Кадыкёй).

Али-бей перебрался в Стамбул из Кахранмараша в 1987 году. Чтобы обеспечить шестерых детей, он с женой Фатьмой торговали ичли кефте (тур. içli köfte) – котлетками из мясного фарша и грецких орехов в хрустящей корочке из булгура. Ичли кефте всегда хорошо продавались в Стамбуле – вскоре Али-бей получил почетное прозвище «уста» (тур. usta – знаток своего дела) и открыл ресторан «Sabırtası». Это культовое заведение находится на улице Истикляль, напротив культурного центра банка «Yapı Kredi».

Прекрасный кулинар, Али Уста превратился в легенду Бейоглу. Доходы от ресторана позволили Али-бею открыть в Кадыкее кафе «Ali Usta». Его дондурма настолько знаменита, что поесть ее приезжают из

других городов. В настоящее время повар отошел от дел и передал дело старшему сыну.

На берегах Босфора кулинария всегда позволяла заработать деньги. Так, в середине XX века некий Вахеддин Каргылы торговал в Кадыкее дондурмой – и уже в 1961 году он вместе с братьями приобрел локанту^[98] «Kanaat» (она располагается в Ускюдаре, на улице Селмани Пак). Локанта имела достойную репутацию, но братья занялись развитием бизнеса. Они добавили блюда домашней кухни и молочные десерты, увеличив количество позиций в меню до сотни. Сегодня «Kanaat» – наряду с сетевыми кафе «Mado» и кондитерской «Ali Usta» – входит в пятерку мест, где продается лучшая в городе дондурма; еще два пункта рейтинга занимают кондитерские «Mini Dondurma» и «Güneş Dondurma & Waffle» в Бебеке.

Вообще азиатская часть Стамбула – рай для сладкоежек. Большинство заведений работает с конца XIX века или хотя бы с середины XX века – их передают из поколения в поколение. Особенно примечателен Кадыкёй – так, в семте Мода есть улица с поэтичным названием Гюнешлибахче (от тур. güneşli bahçe – солнечный сад), которая славится татлыджи (кондитерскими). В каждом заведении подается нечто уникальное: в «Baylan» это куп гри (десерт из мороженого, карамели и ликера); в «Altinoluk Zeytinyağları» – сырная халва; в «Gözde Şarküteri» – деликатесы из тыквы и айвы; в «Beyaz Firin» – ароматные куличи.

История «Beyaz Firin» начинается с болгарского эмигранта Георгия Стоянова, который в XIX веке торговал симитами (бубликами) в Балате. Сыновья Георгия продавали в Каракее и Сарыере пирожки. В 1927 году внуки Георгия открыли на улице Гюнешлибахче кондитерскую «Beyaz Firin» – местные

жители долго называли ее «болгарской булочной». В 1993 году фирму возглавила Натали Стоянова – выпускница парижской школы гостиничного сервиса «Le Cordon Bleu». При ней сеть «Beyaz Firin» охватила весь Стамбул, включая престижные районы Арнавуткёй, Эренкёй и Суадие.

Система городского общепита не ограничивается локантами, татлыджи и мейхане (питейными заведениями). Помимо них, есть балык локантасы (рыбные рестораны). Раньше вдоль береговой линии Стамбула располагались рыбные рынки – самые крупные сохранились в Каракёе, Кумкапы и Кадыкёе. Разнообразие рыбы и морепродуктов привело к появлению двух важных блюд. Первое – мидье долмасы (тур. midye dolması), мидии, фаршированные рисом. Второе – балык экмек (тур. balık ekmeği), бутерброд с рыбой. Памук пишет, что в старые времена, когда море было чистым, уличные прилавки ломились от пелаמידы из Босфора, – и бутербродами торговали повсеместно.

Сейчас лучший балык экмек готовят на причале Эминёню. Хамса, макрель или скумбрия коптится на огне, потом ее бросают на разрезанную булку, добавляют овощи, посыпают солью и поливают лимонным соком. Через несколько минут у вас в руках свежая, дешевая и подлинно народная еда; настоящая еда, которая пахнет дымом. Балык экмек надо съесть тут же – сидя на каменных ступенях, вдыхая босфорский ветер, любуясь Галатской башней и минаретами семи имперских мечетей. Это не просто бутерброд, это – жизнь огромного бессмертного города, его неповторимая красота и поэзия.

Балык локантасы разбросаны по всему городу, особенно вдоль Босфора. Хорошие заведения расположены в Сарыере, Арнавуткёе, Бей-оглу, Бейкозе, Кумкапы (особенно в переулке Ордекли-Баккал) и Анадолу Кавагы – возле крепости Йорос. Впрочем, в

ресторанах лучше заказывать не балык экмек, а что-то более изысканное – кальмаров, креветок, устриц, осьминогов, лобстеров.

Очень популярна ресторанная сеть «Balıkçı Kenan» («Рыбак Кенан»). Ее основатель по имени Кенан в детстве переехал в Стамбул из Анатолии – его семья обосновалась в Кадыкёе. Повзрослев, Кенан открыл там свой первый балык локантасы. Бизнес разрастался, и «Balıkçı Kenan» превратился в бренд. Особенно знаменит ресторан в Бейликдюзю, совмещенный с бесплатным музеем. Кенан собирал экспонаты на протяжении 30 лет. Узнав, что рыбаки поймали представителя редкого вида или крупный экземпляр, ресторатор выкупал интересный улов и мумифицировал его. Сегодня в коллекции более 15 тыс. экспонатов из всех четырех морей, омывающих Турцию.

Стамбул славится не только рыбными, но и мясными блюдами. Котлетки кефте подают в кефтеджи, кебабы и шаурму – в кебапчи. Замечательные кебабы делают в Кадыкёе, но первенство в их приготовлении принадлежит заведениям на улице Хорхор в Аксарае, недалеко от акведука Валента. По мнению турок, лучшую в стране шаурму можно попробовать в городах Газиантеп и Шанлыурфа. Их уроженцы, переехав на берега Босфора, традиционно селятся в Аксарае и открывают кафе на улице Хорхор.

Еще одно легендарное мясное блюдо – султанские котлеты. Их готовили для падишахов из смеси говяжьего и бараньего фарша, а затем обжаривали на мангале. За Голубой мечетью, на улице Кючюк Айясофия, находится старинный ресторан «Sultan Kosesi» («Султанские котлеты»), основанный в XV веке и считающийся ровесником Топкапы. «Sultan Kosesi» веками управляют члены одной семьи – нынешний владелец рассказывал мне, что его предки отправляли готовые котлеты прямиком на дворцовую кухню. Оттуда

их приносили валиде-султан - она снимала пробу. По легенде, блюдо подавалось на зеленых тарелках, которые меняли цвет, если еда была отравлена.

На берегах Босфора действуют закусовые, где не встретить туристов, - это пачаджи и ишкембеджи (ишкембе салону). В них подают особенные супы - келле папа чорбасы и ишкембе чорбасы соответственно (от тур. çorbasi - суп). Первый готовится из рубца, второй - из бараньей головы и ножек. Оба блюда известны в Турции как отличное средство от похмелья (на Кавказе для этого готовят хаш). Иностранцы не жалуют пачаджи и ишкембеджи, но турки охотно их посещают - тем более что суповые салоны работают круглосуточно.

В османском Стамбуле пачаджи и ишкембеджи держали греки и армяне. Эта традиция сохраняется до сих пор - так, «Apik İşkembe Salonu» в Шишли принадлежит армянской семье. Их ученик, турок Махмуд Ташан, открыл свое дело в Фенере - «Tarihî Haliç İşkembecisi». Есть и сетевые заведения: например, «Sarıhan İşkembe», принадлежащие клану Сарыхан, функционируют в Шишли, Кягытхане, Умрание и т. д. В Фатихе на улице Кизанлык находится знаменитая «Paçası Mahmut Usta» - Махмуд Уста умер в 2002 году, но его сын Ахмед поддерживает репутацию семейного бренда. На соседней улице Сарыгюзель работает «Paçası Necip Usta», открытый братом Махмуда.

Гастрономическая карта позволяет заглянуть в самые укромные уголки мегаполиса и попробовать Стамбул на вкус. Некоторые городские топонимы обусловлены кулинарной деятельностью местных жителей - так, название квартала Пантаглы в Шишли образовано от итальянского слова «pane» (хлеб): в османскую эпоху здесь выпекали хлеб для всей Перы. Вкусные открытия поджидают вас на каждом шагу - чего стоят хотя бы кварталы возле Гранд-базара и

Египетского рынка. Они славятся аутентичной едой: кокоречем^[99] («Kokoreççi Erdinç Usta» на ул. Кылыджчилар); кебабами («Dürümcü Raif Usta» возле мечети Махмуда-паши); долмой («Gazientep Burç Osakbaşı» на ул. Ялыкчилар); шаурмой («Aynen Dürüm» на ул. Мухафазаджилар); лукумом («Altan Şekerleme» на ул. Кибле Чешме перед Сулеймание); мухаллеби и дондурмой («Vena Dondurmaları» во дворе мечети Атик Али-паши в Чемберлиташе).

Каждый район знаменит неким продуктом: Канлыджа – сливочным йогуртом, Сарьер – медом, Ортакёй – вафлями и кумпиром (печеным фаршированным картофелем) и т. д. Лучший кумпир продают в Ортакёе – на пешеходной улице, ведущей к мечети Бюйюк Меджидие; ее называют улицей Кумпир (Kumpir Sokak). Вообще фастфуд – ключевой сегмент стамбульской кухни, он стал таким же символом города, как Айя-София. С блюдами связаны легенды и суеверия – например, считается, что симиты того же цвета, что и султани (первая османская монета) – и тот, кто купит бублик, обретет богатство.

Особое место в гастрономическом калейдоскопе Стамбула занимают напитки. Долгое время главным напитком была вода – она поступала в город по старому акведуку Валента и скапливалась в резервуарах, построенных еще византийцами, отчего приобретала неприятный привкус. Некоторые лавочники продавали воду из разных стран и разной давности. Больше всего ценилась нильская, поскольку ее пил султан. Зеленая терпкая вода из Евфрата рекомендовалась людям со слабым здоровьем. Дунайская вода была богата солями.

Со временем ассортимент напитков расширился – в частности, появился шалгам. По вкусу он напоминает рассол и подается холодным, с солеными огурцами и лимоном. Шалгамом обычно запивают балык экмек.

Очень популярен айран – в Турции он даже входит в меню «Макдоналдса». Фирменный айран из молока буйволицы стоит попробовать в одном из лучших и старейших кафе Стамбула – «Saray Muhallebicisi» на улице Истикляль.

Следует подробнее рассказать и о бозе. Слово «бузить» образовано от тюркского «boza» – рецепт этого зернового напитка принесли на Русь татаро-монголы. В современном Стамбуле боза не так распространена, как айран или шалгам, поскольку для производства нужна лицензия, – но в османскую эпоху ее можно было купить повсеместно. Эвлия Челеби отмечает, что в XVII веке в столице насчитывалось около трехсот лавок по продаже бозы. Торговцы стояли перед Айя-Софией, на площади Атмейдан, в Галатской гавани и Аксарае. Выпивая бозу, человек получал глоток энергии, но не пьянел. В напиток добавляли черную патоку из Кушадас, а кремовую шапку посыпали корицей, имбирем, гвоздикой и мускатным орехом.

Рецепт, описанный Челеби, отличается от нынешнего, придуманного в XIX веке. Этот век стал для Блистательной Порты эпохой катастроф – империя теряла свои владения. Многие жители Балкан эмигрировали в османскую столицу. Среди из них оказался албанец Хаджи Садик-бей. На тот момент большинство продавцов бозы в Стамбуле были албанцами, и в 1870 году Садик-бей пополнил их ряды. Он готовил напиток самостоятельно и добился того, что кислая боза стала более сладкой. Формируя бренд, Садик шесть лет обходил Стамбул с медным кувшином – как Мевлют Караташ, герой романа Памука «Мои странные мысли», – и продавал бозу, сделанную по собственному рецепту.

В 1876 году Садик-бей открыл в районе Вефа магазин «Vefa Vozacisi». Его боза получила известность и понравилась самому Ататюрку – тот продегустировал

напиток в 1937 году. Памук рассказывает, как привел подругу по имени Черная Роза в «знаменитое заведение “Вефа”», где в рамке под стеклом висел стакан, из которого пил Ататюрк. Реакцию возлюбленной Памук не забыл даже спустя десятилетия. Из всего, что он показал Черной Розе «по ту сторону Золотого Рога», ее – европеизированную девушку из богатой семьи, обительницу Нишанташи, клиентку модных заведений Бебека и Таксима, – больше всего заинтересовал этот стакан (главным образом потому, что его не мыли 35 лет).

Нельзя забывать и о салепе – напитке из молока, корицы, ванили, сахара и порошка из клубней диких орхидей (того же, что и в мороженом мараш). Салеп продают в Стамбуле осенью и зимой. Торговцы развозят его на тележках, увенчанных латунными самоварами, или разливают из термосов. Наслаждаться салепом лучше всего в кафе с видом на Босфор или Золотой Рог, когда за окном льет дождь. Плохая погода усиливает ощущение уюта, и Стамбул откроется вам с новой стороны – например, как город, где для вас всегда найдется чашечка чего-нибудь вкусного, горячего и ароматного.

Глава 20

Последние штрихи

Если сердце не любит Стамбул, то что оно знает о любви?

Турецкая пословица

Миллионы иностранцев запоминают Стамбул ярким, парадным, открыточным – однако в погоне за древностями они словно попадают в декорации к «Великолепному веку»: экзотические, но не настоящие. Многие туристы оказываются между старым Стамбулом, которого уже не существует, и современным – который не замечают или не желают замечать. Приезжая в столицу Блистательной Порты, люди хотят видеть узнаваемые образы: Айя-Софию и Топкапы, Девичью башню и пестрые ряды Гранд-базара, минареты на фоне закатного неба и чаек над Босфором. Тем не менее, Стамбул не ограничивается «Макдоналдсом» на улице Истикляль и легендами о султанском гареме.

Мой Стамбул проявлялся подобно старой фотографии; он медленно выступал из темноты, неспешно выкристаллизовывался из ежедневной суматохи, постепенно запечатлевался в моей памяти. Я слышала город и шла на его зов – ибо чувствовала, что Стамбул говорит со мной: гудками паромов, рекламными вывесками, шумом волн и гулом ветра.

Миф о городе не должен быть важнее самого города. Пока в историческом центре бушует туристическая лихорадка, миллионы стамбульцев живут в тихих районах на берегах Босфора и Золотого Рога – и подлинную жизнь города можно увидеть только там.

Как передать очарование Кузгунджука, Фенербахче, Бейкоза, Эйюпа, Ускюдара, Каракёя, Касымпаши и иных старинных ильче, семтов, махалле? По утверждению Амичиса, наш язык не смог бы дать представление об этом чудесном смешении жилых кварталов и природы, легкомысленности и строгости, шарма и величия. Журналист описывает большой город, который «накрошили в огромный сад над берегом» – и все эти красоты отражает лазурное зеркало Босфора.

Сегодня в Канлыдже, Курултуше, Ферикёе, Айвансарае, Саматье, Топхане, Сулукуле, Кадырге, Чаршамбе старые дома османской эпохи жмутся друг к другу, чтобы не сползти в пролив. Их облупившиеся фасады увиты плющом и виноградом. Резные балконы потемнели от зимних дождей и холодных ветров. На веревках хлопает белье. Узкие, вымощенные брусчаткой улочки сбегают к Халичу или Босфору.

Красота этих мест – красота разрушения. Она везде: в узловатых ветвях чинар и обшарпанных стенах мечетей, в разбитых фонтанах и ржавых водопроводных колонках. В Тарлабаши, Вефе, Балате, Фенере остались опустевшие церкви, кладбища с покосившимися надгробиями и немыслимо прекрасная греческая школа из французского кирпича, при виде которой покрываешься мурашками от восторга. Остались живописные прибрежные пейзажи; замершая, застывшая в камне история – и незыблемый уклад старого Стамбула.

Здесь по-прежнему все знают друг друга, целым кварталом покупают хлеб у одного булочника и мясо – у одного мясника, читают по утрам свежие газеты, заваривают ароматный чай и лакомятся османским йогуртом с сахарной пудрой, который вот уже 300 лет готовится по неизменному рецепту. Девушки хороши тонкой и пугливой восточной красотой. Женщины курят на балконах и лениво переругиваются. По вечерам

мужчины ходят в местную кофейню, чтобы поиграть в нарды и обсудить последние новости, а морщинистые старики в вязаных шапках и жилетах отправляются на очередное религиозное собрание.

Это – тоже Стамбул. Настоящий, повседневный, непарадный. Родной для миллионов его жителей и запечатленный на снимках знаменитого фотографа Ары Гюлера.

Нам никогда не увидеть Стамбул таким, каким его запомнили молодые Орхан Памук и Ара Гюлер; не почувствовать атмосферу 1950-х – 1960-х годов, когда город остро переживал нищету и горечь утраты, а в каждом звуке – будь то порыв ветра, шорох вчерашних газет или скрип деревьев – звучала пронзительная, надрывная музыка отрешенности и умирания. Ночь и туман опустились на Стамбул, и зимняя тьма, подобно густым чернилам, залила кварталы. Снег запорошил крыши, завалил дороги, налип на проводах и ветвях платанов, укрыл берега Босфора толстой пуховой периной, обесцветил яркие краски и заглушил громкие звуки бывшей столицы Османской империи. Нам не узреть этого непроглядного мрака истории, не ощутить хюзюн – неизбежную стамбульскую тоску по утраченному счастью и великолепию, которая так странно похожа на армянский карот – печаль по утерянной родине.

Поэтому я очень люблю рассматривать работы Ары Гюлера, на которых Стамбул – прекрасный город с удивительной историей – показан с неожиданных ракурсов. Гюлер, прозванный «оком Стамбула», неспроста делал преимущественно черно-белые снимки родного города. На его фотографиях – разрушенные дома и лавки, зияющие глазницы полусгнивших деревянных особняков османской знати, стены древних крепостей, грозно темнеющие на фоне пепельно-серого неба, мутные фонари, едва освещающие грязные

улицы, обросшие водорослями рыбацкие лодки на Босфоре, печальные бедняки с тяжелыми тюками, похожие на усталых лошадей, – словом, одиночество и запустение. Самые скорбные и красивые снимки – те, где люди, будто превращаясь в призраков, отбрасывают длинные тени на мокрую брусчатку разбитых мостовых.

Памук с ностальгией пишет о «черно-белой атмосфере» Стамбула, которая еще живет на улочках Тепебаши, Джихангира, Галаты, Фатиха, Зейрека и Ускюдара. Его город – это стаи чаек, маленькие кофейни, кладбища на склонах холмов, тусклые фонари, пароходы на Босфоре – и снег.

Турецкий художник и поэт Эмин Джошкун, подобно Памуку, с грустью, любовью и нежностью вспоминает бедный, заснеженный Стамбул времен своей юности – но в стихах Джошкуна неизменно живет светлое начало:

Какое удивительное чувство
В душе моей горит, не угасая —

Мне самому, пожалуй, не понять.
На плечи мне ложится мягкий снег,
Совсем как там, в моем далеком детстве...
И не согреться!.. Я навек отмечен
Твоей печалью снежной, мой Стамбул.

...

Но я в тебя влюбляюсь вновь и вновь —
Я в этот мир пришел – в твои объятия,
И в мир иной твой свет возьму, Стамбул!..

Джошкун, конечно, прав, говоря, что Стамбул – это самый красивый, самый исторический, самый экзотический город – и миллионов фотографий будет

мало, чтобы его показать. Несмотря на царящие в старых районах упадок и опустошение, Стамбул, как и в годы османского господства, остается контрастным, печальным, лукавым и гипнотически красивым.

Стили, эпохи, традиции и судьбы, прошлое, настоящее и будущее затейливо и непредсказуемо переплетаются в этом городе, подобно узору на коврах его мечетей. Как и несколько веков назад, здесь пьют чай из стеклянных бардаков и жарят скумбрию на пристанях. В автомобильном потоке маневрируют торговцы, несущие на головах деревянные подносы с товаром. Чистильщики обуви полируют туфли офисных клерков. Бакалейные лавки соседствуют с супермаркетами. Люди смешиваются в пестрый, многоликий и деловой поток, растекающийся по улицам, как кровь по венам. Это – шумное дыхание Стамбула, его неровно бьющийся пульс, его рваный ритм и негасимый внутренний огонь – живой и жаркий, который светит, греет и всё искупает.

Путешественники веками поддаются магическому очарованию Стамбула. Конечно, самый запоминающийся и географически правильный способ оказаться здесь – приплыть по воде. Панорамы османской столицы почти не меняются, – поэтому, стоя на палубе, вы увидите тот же пейзаж, который видели Джордж Байрон, Теофиль Готье, Жерар де Нерваль, Гюстав Флобер, Эдмондо де Амичис, Марк Твен и Альфонс де Ламартин.

Сколько бы я ни говорила о Стамбуле, все равно не успею рассказать о многом: о благоговейной тишине архивов и библиотек; о христианских катакомбах, где до сих пор находят чудом сохранившиеся византийские фрески; о парке Миниатюрк^[100] и стамбульском океанариуме – самом большом в Европе; об уличных музыкантах, исполняющих османские мелодии;

о фуникулере Кабаташ - Таксим - первой в мире подземной рельсовой дороге; о Египетском обелиске и Змеиной колонне на площади Султанахмет; о корабле «Savaron», на борту которого Ататюрк провел последние 58 дней жизни (он покинул судно, чтобы умереть в Долмабахче); о загадочной мечети Бурмалы с сельджукским витым минаретом; о сумасшедших и самоубийцах, бросавшихся в Босфор с мостов; о пляжах Сарыера и Шиле; о мужественном акробате, который в XVIII веке перешел Золотой Рог по канату, натянутому между корабельными мачтами; о питейных заведениях Бейоглу, кофейнях Бебека и борделях Каракёя; о затонувших автомобилях, лежащих на дне Босфора; и, наконец, о том, каково это - просыпаться под крики чаек и ощущать безграничную любовь, переполняющую тебя и готовую выплеснуться наружу, подобно волнам, перехлестывающим через каменные блоки причалов.

История города неразрывно связана с историей страны. Первая мировая окончилась для Османской империи 30 октября 1918 года, когда она заключила с Великобританией перемирие - это случилось на борту английского крейсера в греческом порту Мудрос. «Больной человек Европы» умер - и британский адмирал Сомерсет Гоф-Калторп продиктовал Порте условия договора.

Англия хотела отстранить союзников от контроля над поверженной Османской империей. Французы жаловались, что Гоф-Калторп даже не пустил их на борт корабля. Порте от этого было ничуть не легче - потерпев разгром, она приняла тяжелейшие условия англичан: открытие Босфора и Дарданелл для Антанты, демобилизацию турецкой армии и др. Османы удивили всех, продержавшись до последних дней Первой мировой, - но все равно ничего не выиграли. Длительное кровопролитие истощило империю и

сделало поражение еще более горьким. Мудросское перемирие означало конец Блистательной Порты.

12 ноября 1918 года в Стамбул вошли французы, 13 ноября – британцы. 7 февраля 1919 года в Галате высадились итальянцы. 8 февраля в город въехал французский генерал Луи-Феликс-Мари-Франсуа Франше д'Эспере – он гордо восседал на белом коне и явно пытался подражать Мехмеду II. Но жеребец оказался чересчур строптивым, и полководцу пришлось его заменить – на фотографии, сделанной в тот день, видно, что д'Эспере едет по Гран-Рю-де-Пера уже на другой, темной лошади.

10 февраля 1919 года Стамбул был разделен на три оккупационные зоны: Сарайбурну контролировали французы, Перу – британцы, Ускюдар и Кадыкёй – итальянцы. Старые фото запечатлели шотландские части, выстроившиеся в Каракёе; англичан в Галате, ожидающих приезда фельдмаршала Эдмунда Алленби; и сенегальцев из французской армии, отрабатывающих ружейные приемы на площади Султанахмет, прямо перед Айя-Софией.

За всю свою историю Стамбул во второй раз покорился европейским завоевателям. Еще в марте 1915 года министр иностранных дел Сергей Сазонов говорил британскому послу Джорджу Бьюкенену и французскому дипломату Морису Палеологу, что Россия должна получить Стамбул, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл. Сейчас трудно сказать, насколько этот замысел был бы осуществим: война спутала все планы, и оба непримиримых врага, обе империи – Российская и Османская – погибли. За ними в небытие последовали союзники Порты – Германия и Австро-Венгрия.

Оккупация Стамбула войсками Антанты продолжалась 5 лет – с 13 ноября 1918 по 23 сентября 1923 года – и вызвала невиданный подъем турецкого

национализма. Иностранные интервенты разделили не только столицу, но и вообще всю территорию Порты, оформив это в виде Севрского мирного договора (1920), по которому турки теряли большую часть земель, захваченных их предками с XIII века. Слабовольный султан не мог защитить собственное государство. Позже Ататюрк охарактеризует Мехмеда VI настолько негативно, что толпа будет кричать: «Да проклянет его Аллах!»

Страну надо было спасать, и генерал Мустафа Кемаль-паша начал формирование освободительной армии. 19 мая 1919 года грянула Война за независимость Турции – и случилось чудо: турецкие солдаты, бежавшие с полей Первой мировой, примкнули к Ататюрку. Дезертирство более полумиллиона боеспособных мужчин определило победу Гази. Вместо того, чтобы напрасно жертвовать собой в 1914–1918 годах, вчерашние дезертиры спаслись и сражались в другой войне – за выживание суверенного турецкого государства. По словам нидерландского тюрколога Эрика-Яна Цюрхера, турок «восстал из мертвых» – ибо теперь люди были полны решимости противостоять Антанте и не дать ей расчленить страну.

В декабре 1922 года газета The New York Times опубликовала статью «Кемаль в представлении мусульманского мира», которая подтвердила важность успеха турок в Войне за независимость. На Ближнем Востоке бушевал политический кризис. Дамаск – гордую столицу Омейядов – контролировали французы. По Багдаду, воспетому в сказках «Тысячи и одной ночи», разгуливали британцы. Герои арабской независимости «ушли в тень перед сияющим ликом Гази из Анкары».

Упорство Ататюрка было вознаграждено. 24 июля 1923 года состоялось заключение Лозаннского договора – он заменил позорный Севрский мир и закрепил территорию Турции в ее нынешних границах.

Одновременно сложилась новая политическая карта Ближнего Востока, на которой возникли арабские государства. 23 августа 1923 года начался вывод иностранных войск из Стамбула – и 6 октября в город вошла измученная, но не сломленная турецкая армия.

29 октября 1923 года из развалин истерзанной и обескровленной Османской империи, словно феникс из пепла, родилась Турецкая Республика. Мир стремительно менялся, и Стамбул – одна из его вечных столиц – не мог оставаться прежним.

Город на берегах Босфора оказался бессмертным. Несмотря на катаклизмы первой половины XX века, на его улицах ни на минуту не замирала жизнь. Солано описывает традиционное для Стамбула вавилонское столпотворение – по Галатскому мосту стремился «нескончаемый поток разноязычных народов»: русские белоэмигранты; армянские и греческие священники; албанские крестьяне; арабские паломники; китайские, японские и персидские купцы; американцы-сотрудники гуманитарных миссий, изувеченные ветераны всех минувших войн; последние евнухи и дервиши...

Обломки Блистательной Порты, разноцветные осколки великолепного османского мира и обрывки прежней жизни, полной счастья и благоденствия, складывались на берегах Босфора в причудливые мозаики – и вмиг смывались бурным водоворотом истории. Их призрачное отражение еще дрожало в темных водах пролива – но сквозь прах прошлого уже прорастал новый мир. Он рождался в давке и сутолоке – под предсмертные хрипы солдат и вопли базарных торговцев, под грохот канонады и протяжные крики муэдзинов – и, подобно кровавой ране, расцветал в груди каждого, кто очутился тогда в Стамбуле – на пересечении эпох и континентов.

Бывшая османская столица преобразалась. Американский импресарио основал в Бейоглу джаз-клуб

«Nardis» – сегодня это старейшая джазовая площадка Стамбула. Там же, в Бейоглу, в церкви Святого Антония Падуанского 10 лет проповедовал Анджело Ронкалли – будущий папа римский Иоанн XXIII. Евреи из оккупированной Европы бежали через Стамбул от нацистов. В 1960-х – 1970-х годах город облюбовали хиппи – он был для них перевалочным пунктом на пути к «местам просветления» в Индии и Юго-Восточной Азии; с этого момента в Турции начинается современный туризм. Древний город на берегах Босфора снова стал глобальным перекрестком цивилизаций и человеческих судеб.

Если бы камни Стамбула могли говорить, они поведали бы сотни легенд о любви и ненависти, дружбе и предательстве, славе и позоре. В этом могучем суматошном городе, бурлящем, будто котел с чорбой – турецким супом – совсем не страшно умирать. Здесь хочется наслаждаться каждой минутой, щуриться от босфорского ветра – и верить, что не существует ничего, что нельзя исправить. Ибо жизнь всегда побеждает смерть – и все дороги ведут в Стамбул. И ныне, и присно, и во веки веков.

12 июля 2020 года, Дубай

Библиография

Источники

- Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
Георгий Акрополит. История. СПб., 2013.
Григорий Турский. История франков. М., 1987.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
Лев Диакон. История. М., 1988.
Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998.
Феофан Исповедник. Хронография. М., 1980.

Научная и научно-популярная литература

- Азимов А. Константинополь. От легендарного Виза до династии Палеологов. М., 2007.
Браунворт Л. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012.
Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
Гудвин Дж. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М., 2012.
Диль Ш.М. Византийские портреты. М., 1994.
Кича М. Мекка. Биография загадочного города. М., 2019.
Кроули Р. Константинополь: Последняя осада.1453. М., 2008.
Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.

Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М., 2006.

Норвич Дж. Дж. История Византии. М., 2010.

Стоун Н. Краткая история Турции. М., 2014.

Финкель К. История Османской империи. Видение Османа. М., 2010.

Фицрой Ч. Стамбул времен султана за пять курушей в день. М., 2017.

Хитцель Ф. Османская империя. М., 2006.

Мемуары и путевые заметки

Виллардуэн Ж. История завоевания Константинополя. М., 2013.

Готье Т. Путешествие на Восток. М., 2000.

Клари Р. Завоевание Константинополя. М., 1986.

Мортон Г.В. От Каира до Стамбула. Путешествие по Ближнему Востоку. М., 2011.

Нерваль Ж. Путешествие на Восток. М., 1986.

Памук О. Стамбул. Город воспоминаний. М., 2015.

Твен М. Простак за границей. М., 1984.

Публикации на иностранных языках

Agoston, G. Guns for the Sultan: Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire. New York, 2008.

Ahmed, R. Narratives of Islamic Legal Theory. Oxford, 2012.

Aksakal, M. The Ottoman Road to War in 1914: The Ottoman Empire and the First World War. Cambridge, 2010.

Aksan, V.H. Ottoman Wars. An Empire Besieged. London, 2007.

Allen, R. Spies, Scandals and Sultans: Istanbul in the Twilight of the Ottoman Empire. London, 2007.

- Amicis, E. de. Constantinople. London, 2005.
- Babinger, F. Mehmed the Conqueror and His Time. Princeton, 1978.
- Bat Ye'or. The Dhimmi: Jews and Christians Under Islam. New York, 1985.
- Boyar, E., Fleet, K. A Social History of Ottoman Istanbul. Cambridge, 2010.
- Busbecq, O.G. Turkish Letters of Ogier Ghiselin de Busbecq, Imperial Ambassador at Constantinople, 1554-1562. Baton Rouge, 2005.
- Clark, P. Istanbul: A Cultural and Literary History. Oxford, 2010.
- Clerget, M. La Turquie: Passé et Présent. Paris, 1938.
- Clot, A. Suleiman the Magnificent. London, 2012.
- Crowley, R. 1453: The Holy War for Constantinople and the Clash of Islam and the West. New York, 2006.
- Ducae. Historia Byzantina. London, 1834.
- Duruy, J.V. History of Modern Times: From the Fall of Constantinople to the French Revolution. New York, 1894.
- Erdem, H. Slavery in the Ottoman Empire and Its Demise. London, 1997.
- Fidler, R. Ghost Empire: A Journey to the Legendary Constantinople. San Jose, 2017.
- Freely, J. Inside the Seraglio: Private Lives of the Sultans in Istanbul. London, 2000.
- Freely, J. Istanbul: The Imperial City. London, 1998.
- Gilles, P. The Antiquities of Constantinople. New York, 1988.
- Gül, M. The Emergence of Modern Istanbul: Transformation and Modernization of a City. London, 2001.
- Hanioğlu, M.Ş. Atatürk: An Intellectual Biography. Princeton, 2013.
- Hanioğlu, M.Ş. The Young Turks in Opposition. Oxford, 1995.
- Hellier, C. Splendours of the Bosphorus: Houses and Palaces of Istanbul. London, 1993.

Howard, D.A. A History of the Ottoman Empire. Cambridge, 2017.

Hughes, B.A Tale of Three Cities. Boston, 2017.

Ihrig, S. Atatürk in the Nazi Imagination. Harvard, 2014.

Imber, C. The Ottoman Empire: The Structure of Power. London, 2009.

Junne, G.H. The Black Eunuchs of the Ottoman Empire: Networks of Power in the Court of the Sultan. New York, 2015.

Kılınçoğlu, D.T.Economics and Capitalism in the Ottoman Empire. London,2015.

King, C. Midnight at the Pera Palace: The Birth of Modern Istanbul. London,2014.

Kuban, D. Istanbul: An Urban History: Byzantion, Constantinopolis, Istanbul.Istanbul, 2010.

Lehrman, J.B. Earthly Paradise: Garden and Courtyard in Islam. Los Angeles,1980.

Madden, T.F. Istanbul: City of Majesty at the Crossroads of the World. London,2017.

Lewis, B. The Muslim Discovery of Europe. New York, 2001.

Lewis, R. Rethinking Orientalism. Women, Travel and the Ottoman Harem.New York, 2004.

Mango, C. The Oxford History of Byzantium. Oxford, 2002.

Mansel, P. Constantinople: City of the World's Desire. London, 2006.

Mansfield, P. A History of the Middle East. London, 2013.

Millingen, A. van. Byzantine Constantinople. The Walls of the City and Adjoining Historical Sites. Cambridge, 2010.

Montagu, M.W. Turkish Embassy Letters. London, 1994.

Nicol, D.M. The Last Centuries of Byzantium. Cambridge, 2004.

Niyazioglu, A. Dreams and Lives in Ottoman Istanbul. London, 2016.

Palmer, J.A.B. *The Origin of the Janissaries*. Manchester, 1953.

Pardoe, J. *The Beauties of the Bosphorus*. London, 1838.

Peirce, L.P. *The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire*. Oxford, 1993.

Provence, M. *The Last Ottoman Generation and the Making of the Modern Middle East*. Cambridge, 2017.

Rogan, E. *The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920*. London, 2016.

Sumner-Boyd, H. *Strolling Through Istanbul*. New York, 2010.

Wells, C. *Sailing from Byzantium: How a Lost Empire Shaped the World*. New York, 2006.

Wheatcroft, A. *The Enemy at the Gate: Habsburgs, Ottomans, and the Battle for Europe*. New York, 2010.

Wheatcroft, A. *The Ottomans*. London, 1993.

Yaycioglu, A. *Partners of the Empire: The Crisis of the Ottoman Order in the Age of Revolutions*. Stanford, 2016.

Yilmaz, H. *Becoming Turkish: Nationalist Reforms and Cultural Negotiations in Early Republican Turkey, 1923–1945*. Syracuse, 2016.

Zilfi, M.C. *Women and Slavery in the Late Ottoman Empire: The Design of Difference*. Cambridge, 2010.

Zürcher, E.J. *The Young Turk Legacy and Nation Building. From the Ottoman Empire to Atatürk's Turkey*. London, 2010.

Императоры Константин Великий (слева) и Юстиниан Великий (справа) преподносят в дар Богородице, держащей на руках младенца Иисуса, город Константинополь и храм Святой Софии соответственно. Мозаика над юго-западным входом в Айя-Софию. Середина X века

«Византий, сейчас Константинополь» (гравюра).

Георг Браун и Франц Хогенберг, 1572 год. На гравюре изображен Мехмед II, стоявший весной 1453 года перед византийской столицей (на территории современного Ускюдара). Хорошо видны размеры тогдашнего Константинополя, ограниченного городскими стенами

Карта Стамбула. Матракчи Насух, 1540 год

Шарль Гравье, граф де Верженн (1719-1787) – французский государственный деятель; в 1755-1771 годах был послом Франции в Стамбуле. Портрет кисти французского художника Антуана де Фавре (1706-1791). Верженн изображен в одежде стиля «тюркери»

(Turquerie). Эта была ориенталистская мода, популярная среди западных аристократов и деятелей искусства в XVI-XVIII веках. Европейцы познакомились с ней в результате военных, торговых и дипломатических отношений с Османской империей

Суд Селима III во дворе Топкапы. Османская миниатюра. Конец XVIII века

Турецкая открытка, посвящённая принятию первой конституции Османской империи 23 декабря 1876 года. В центре (слева направо): султан Абдул-Хамид II, принц Мехмед Сабахаддин, великий визирь Ахмед Шефик Мидхат-паша, а также один из организаторов и лидеров движения «Новые османы» Намык Кемаль. Женщина символизирует Турцию, которая встает с колен и сбрасывает оковы рабства. Ангел является намеком на Французскую революцию и ее девиз «Свобода, равенство, братство» («Hürriyet, müsavat, uhuvvet»)

Османский паша с гаремом. Фото, 1880 год

Немецкий турист до посещения Стамбула и после.
Открытка, 1908 год

Жительница Стамбула. Фотоателье «Братья Абдулла», 1870-е годы

Босфорские ялы в районе Еникёй. Гравюра. Томас Аллом, 1839 год

Дервиши в обители Галата Мевлевиханеси.
Фотостудия «Братья Гюльмез», 1870-е годы

Mosque de Mehmet

Вид с Галатской башни на Галатский мост и бухту Золотой Рог

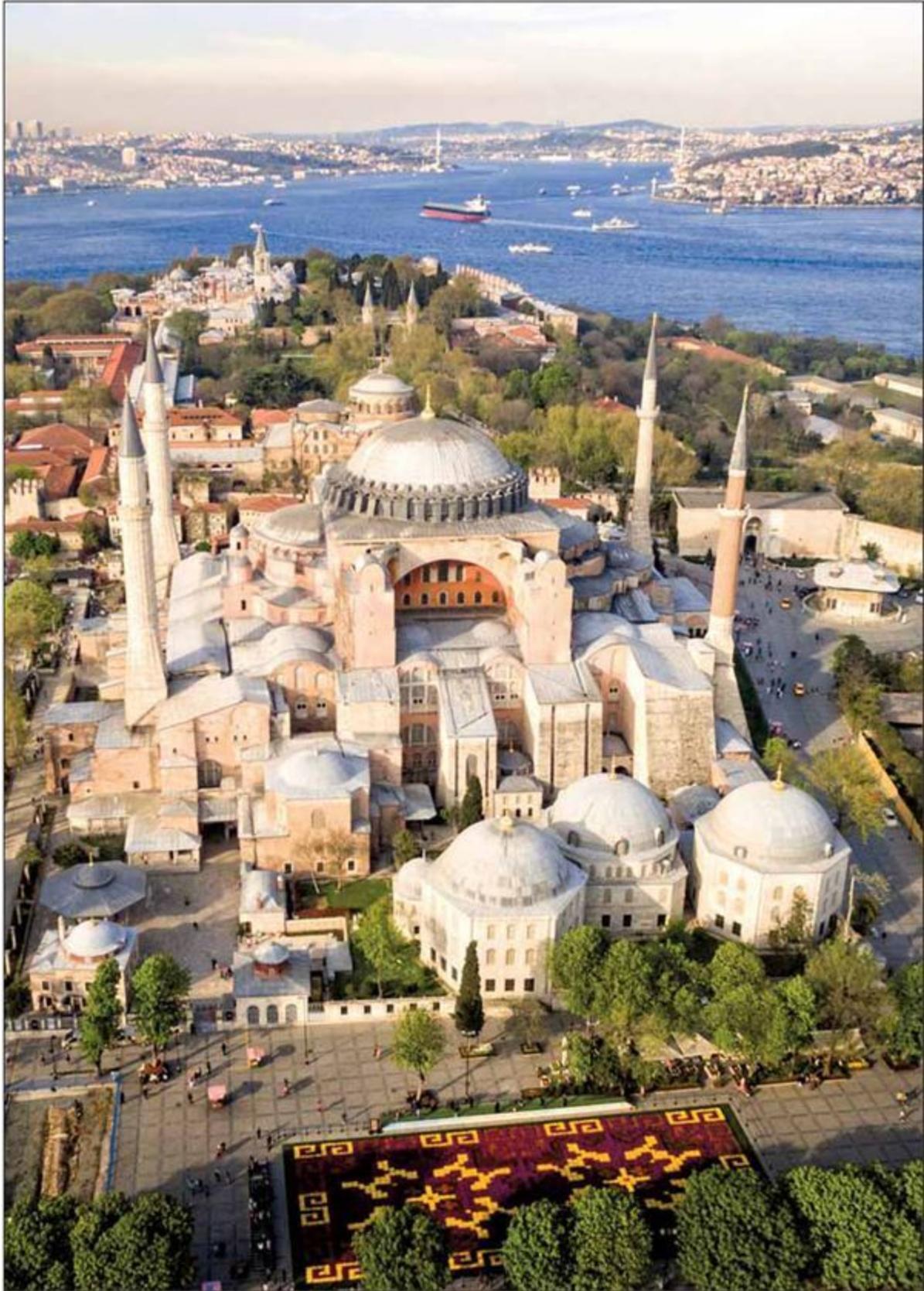
Мечеть Сулеймание

Вид с причала Эминёню на район Бейоглу и Галатскую башню

Разноцветные дома в районе Балат на улице Мердивенли Йокушу

Айя-София

---

notes

Примечания

1

Арабский халифат - собирательное название исламских государств, возникших в результате арабских завоеваний VII-IX веков и возглавлявшихся халифами. Включает в себя Праведный халифат (632-661), Омейядский халифат (661-750) и Аббасидский халифат (750-945, 1124-1258).

2

Паша – высокий политический титул в Османской империи.

3

Буква «ё» в этом слове не является ударной: в турецком языке она нередко бывает и безударной. Как правило, ударение в турецких словах приходится на последний слог.

4

Золотой Рог (Халич) – залив, впадающий в Босфор. Разделяет европейскую часть Стамбула на северную и южную половины.

5

Никейское царство – государство, образовавшееся в Анатолии после взятия Константинополя крестоносцами (1204) и существовавшее до 1261 года.

6

Почетный титул, принадлежавший Ататюрку.

7

Левантийцы (левантинцы, латиняне, латины, франки) – римско-католическое население государств Ближнего Востока.

Жители холмистого Бейоглу трепетно относятся к уличным лестницам. Во второй половине XX века пенсионер Хюзйин Сетинель раскрасил в 7 цветов радуги одну из самых длинных лестниц района (она ведет с улицы Джихангир Йокушу к улице Меджлис-и Мебусан). Муниципалитет решил вернуть лестнице первоначальный серый цвет, но горожане возмутились и принялись раскрашивать лестницы по всему Стамбулу. Так у города появился еще один символ – радужные лестницы.

9

Намаз – мусульманская молитва.

10

Топоним «Чукурджума» (тур. Çukurcuma) образован от турецких слов «çukur» (низина) и «сума» (пятница).

11

Сарайбурну - мыс в Стамбуле, разделяющий Золотой Рог и Мраморное море.

Фактически Суричи – это так называемый «старый город», находившийся внутри крепостных стен Константинополя на мысе Сарайбурну; соответствует ильче Фатих.

Датой основания Стамбула является 667 год до н. э., когда полуполегендарный грек Визант заложил на берегах Босфора город Византий. Турецкие историки утверждают, что Стамбулу около 8500 лет, ибо первые поселения появились здесь еще в эпоху неолита.

14

Сипахи – тяжелая кавалерия в Османской империи.

Шейх-уль-ислам – высшее должностное лицо по вопросам ислама.

16

Хакан – царский титул у тюркских племен.

17

Священная Римская империя – союз ряда европейских государств с центром в Германии, существовавший в 962–1806 годах.

18

Султани – золотая османская монета в 1454-1520 годах.

Кafir – «неверный», немусульманин.

Хан - тюрко-монгольский титул; в Османской империи - титул султана.

21

Рум – арабское название Римской империи.

Впрочем, историчность фигуры Милоша Обилича в современной науке остается под вопросом.

Дильсиз – палач с вырванным языком либо немой стражник из личной охраны султана.

24

Акче – османская серебряная монета.

Минбар – кафедра или трибуна в мечети, с которой имам читает проповедь.

Куруш – монета, впервые отчеканенная в 1687 году для замены европейских монет, находившихся в обращении.

Сераскир – командующий турецкими войсками.

Антанта - военно-политический союз России, Великобритании и Франции, противостоявший Центральным державам в Первой мировой войне.

29

Прозвище Ататюрка.

Санджак - административно-территориальная единица Османской империи, вторая по величине после вилайета (провинции). Санджак-бей - губернатор.

Картер Стент описал увиденную им операцию по кастрации в Китае конца XIX века, но будущих османских евнухов оперировали аналогичным образом.

Вакф (вакуф) - в исламском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

Бунчук - древко с привязанным к нему конским хвостом; в XV-XVIII веках служило знаком власти.

По другой версии, мечеть построена по приказу самой Михримах после смерти ее супруга Рустема-паши. Единственный минарет мечети символизирует одиночество овдовевшей принцессы.

Ходжа - почетный мусульманский титул; давался придворным сановникам, высшему духовенству и купцам.

Ага - форма обращения к старшему по рангу, обозначение племенной знати и титул; в Османской империи - титул полководцев и начальников придворных слуг.

Левантийская компания - английская торговая компания, основанная в 1581 году и получившая привилегии для проведения коммерческих операций в Османской империи.

Песня «Стамбул, а не Константинополь» («Istanbul not Constantinople») написана в 1953 году – ровно через 500 лет после завоевания Константинополя османами.

Турецкое слово «самі» означает «мечеть».

Азан – мусульманский призыв к молитве.

41

То есть немусульман.

Священная Лига - коалиция католических государств, существовавшая в 1571-1573 годах и созданная для борьбы с Османской империей.

43

Турецкое слово «bog ˘ azi» имеет 2 значения: «пролив» и «горло». Кроме того, Босфор тоже называют «Bog ˘ azi».

Ялы - старинные босфорские особняки османской знати. Слово «ялы» (тур. yalı) не склоняется (как, например, «такси» или «кафе»).

Младотурки (иттихадисты) - члены политической партии «Единение и прогресс» («ittihat ve Terakki»).

Османоглу - турецкая фамилия, дававшаяся исключительно членам Османской династии после упразднения султаната.

Подробнее о Хиджазской железной дороге см.: Кича М. *Мекка. Биография загадочного города*. – М.: Бомбора, 2019.

Османы взяли Белград еще в 1521 году.

Ханум - уважительное обращение к женщине в Турции.

Слово «башибузук» в переводе с турецкого означает «с неисправной головой» («baş» – «голова», «bozuk» – «испорченный»); сопоставимо со словом «сорвиголова».

Тимариоты - кавалерийское ополчение, формируемое военными властями Османской империи из держателей земельных наделов - тимаров.

Междоветие «апан!» переводится с турецкого как «ох!».

Мехмед – тюркская версия имени Мухаммед.

Мартин Лютер (1483–1546) – немецкий священник, инициатор Реформации (движения за реформирование католической церкви).

По другой версии, слово «turquoise» имеет турецкое происхождение и связано с цветом Средиземного моря, которое тогда практически полностью контролировали османы.

Центральные державы – государства, противостоящие Антанте в Первой мировой войне, в т. ч. Германская и Австро-Венгерская империи.

Юнион Джек (Union Jack) – флаг Великобритании.

«Канарейки», «желто-синие» – прозвища футболистов «Фенербахче».

Карагёз - персонаж турецкого театра, схожий с Петрушкой и Полишинелем.

Новое название не приживалось, и тогда первый одесский градоначальник Осип Михайлович Дерибас (урожденный испанец Хосе де Рибас) велел казакам на городских заставах спрашивать крестьян, куда они направляются. Если крестьянин говорил, что в Хаджибей, его пороли. Вскоре все называли город Одессой.

В настоящее время в Стамбуле проживает около 4 тыс. греков, от 60 тыс. до 80 тыс. армян и примерно 20 тыс. евреев. Все цифры являются приблизительными.

Великий дука (мегадука) – командующий флотом Византийской империи.

Единомышленники василевса ссылались на Ветхий Завет: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху... не поклоняйся им и не служи им» (Исх 20:4-5).

Католикос – высшее духовное лицо в Армянской апостольской церкви.

Миллет – религиозная конфессия, которая имеет автономные административные учреждения (школы, больницы, суды и др.), расположенные в отдельном квартале города.

Караимы - крымские тюрки, исповедующие караимизм (религию, родственную иудаизму) и пользовавшиеся древнееврейской письменностью. В Византии и Османской империи считались евреями и иудеями.

Восстание Бар-Кохбы - антиримское восстание в Иудее в 132-135 годах; также известно как Третья Иудейская война.

Сионизм – политическое движение, целью которого является объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине – в Израиле (Эрец-Исраэль).

Малоазийская катастрофа – изгнание христианского греческого населения из Малой Азии. Заключительным этапом Малоазийской катастрофы стал греко-турецкий обмен населением (1923).

АСАЛА - от *англ.* ASALA (аббревиатуры «Armenian Secret Army for the Liberation of Armenia»).

Вселенские Соборы - собрания епископата христианской Церкви, на которых обсуждались вопросы догматического, церковно-политического и дисциплинарного характера.

Омофор – длинное женское покрывало.

Тагма - основная единица деления византийского войска. Нередко состояла из воинов, объединенных по признаку единой территории и народности.

Клод Фаррер (настоящее имя Фредерик Шарль Эдуар Баргон, 1876-1957) - французский писатель. После Первой мировой войны поддерживал турецкое национально-освободительное движение; в его честь названа улица неподалеку от мечети Сулеймание.

К 1927 году Фредерик Брюс увяз в долгах. Он долго выяснял отношения с обманувшими его бизнес-партнерами и в итоге поехал за правдой в Анкару, куда в 1923 году из Стамбула была перенесена турецкая столица. В Анкаре Томас оказался в долговой тюрьме. Позже ресторатора перевели в стамбульскую тюрьму, где он скончался в 1928 году.

Оджак – янычарский корпус.

Шераф – меняла.

Узун Хасан (1425–1478) – глава туркоманской племенной конфедерации Ак-Коюнлу и правитель одноименного государства в 1453–1478 годах.

Аян – авторитетный мусульманин-земледелец.

Фетва - правовая позиция по некоему важному общественному, политическому или юридическому вопросу, выносимая авторитетным мусульманским богословом.

81

Миср – арабское название Египта.

В 1771 году мечеть Фатих была возведена заново, и ее внешний вид изменился. О том, как здание выглядело изначально, позволяет судить мечеть Атик Али-паши в Чемберлиташе: она построена во второй половине XV в. на средства Атика Али-паши (великого визиря Баязида II) и является уменьшенной копией первой мечети Фатих.

Мечеть Аязма построена в Ускюдаре на месте священного источника.

Руман – арабское название Византии.

По другой версии, кофе был открыт в XIII веке в христианской Эфиопии.

Международная опиумная конвенция (Гаагская конвенция) была подписана в Гааге 23 января 1912 года. Она стала первым международным соглашением о контроле за оборотом наркотических средств.

Лига Наций - международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы в 1919-1920 годах по итогам Первой мировой войны; предшественница ООН.

Серебряный меджидие – османская монета, равная 20 курушам.

Сегодня это Университет изящных искусств имени Мимара Синана.

«Подарок великим о походах на море» (1645) – первая в мусульманском мире энциклопедия, снабженная картами и разнообразной информацией о Старом и Новом Свете. Составитель – османский ученый Катиб Челеби (1609–1657).

Хахим-эфенди – личный врач султана.

Гален (129–216) – древнеримский медик и философ греческого происхождения.

В мусульманском мире применяются лунный календарь и система летоисчисления от хиджры – переселения пророка Мухаммеда и его сподвижников из Мекки в Медину в 622 году. Согласно данной системе, 2020 год – это 1441-1442 годы по Хиджре, т. е. XV век.

Бракосочетанию предшествовала коронация – т. е. императрица получала власть не от царственного супруга, а непосредственно от Бога.

Пресвитер – каноническое название второй степени священства в христианстве.

Севаст - греческий термин для обозначения латинского титула «август» («император»). По отношению к женщинам применялся титул «севаста» («императрица»).

Слово «вишня» образовано от турецкого «vişne», обозначающего эту ягоду.

Локанта – столовая, предлагающая традиционные блюда турецкой кухни.

99

Кокореч – жареные бараньи внутренности.

100

Миниатюрк - парк в районе Сютлюдже, где выставлены модели главных достопримечательностей Турции.